

ВЛАДИМИР СНАТЕНКОВ

ПОХОДЫ СО ШКОЛЬНИКАМИ

(ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

Походы со школьниками

(педагогические очерки)

Санкт-Петербург
2025

Предисловие

Эта книга состоит из отдельных рассказов и статей, написанных в разные годы. Мне не нужно было придумывать сюжеты. Каждый поход со школьниками целым классом или большой группой будет похож событиями на Одиссею. Особенно если поход длится две недели и в горах, где нет поселений. В походах ярче раскрываются характеры людей, и я постарался рассказать об этом и поделиться размышлениями. Также мне пришлось достаточно долго работать в школе, а значит, была возможность немного рассказать о своих коллегах. Предисловие к книге я начинаю с детства.

Если человек знает, куда пойти после школы — он счастливчик. Мне повезло: в конце 7-го класса я втайне уже мечтал быть учителем. Почему втайне? Учитель должен получить образование. По меркам нашей деревни поступить учиться в техникум или в институт, значит выйти в люди. Одолеть этот барьер было тяжело больше психологически; сельские школьники обычно имеют меньшие претензии. А здесь институт!

В маленьком поселке у нас была начальная школа, но потом открыли восьмилетку в новом здании как раз, когда мне нужно было идти в пятый класс. Приехали новые учителя, все молодые, которые отличались и молодым задором в работе. Их мир представлений был пошире обычного нашего, некоторые из них закончили даже педагогический техникум. Они несли с собой какой-то бодрый оптимизм. И вот эта симпатия к учителям, у которых не было и высшего образования, но был интерес к нам, школьникам, заставила меня полюбить учительскую профессию.

После окончания восьми классов я не смог поступить в педучилище на физкультурное отделение, был слабоват в лег-

кой атлетике — королеве спорта. Не поступил через два года и в пединститут после десятилетки. Сдал на отлично легкую атлетику, но оказался несилен в гимнастике, а именно на брусьях, которых у нас в деревне не было. Неудача после нескольких лет самостоятельных тренировок показалась такой отчаянной, что я горько расплакался после экзамена. Но все же вскоре из-за нехватки учителей меня пригласили поработать год в маленьком поселке в восьмилетней школе учителем физкультуры. Разумеется, я ничего не знал и ничего не умел как учитель, но изо всех сил в свои 17 лет старался. Директор школы Сатвалд Мурзагулович — солидный и интеллигентный казах по-отечески помогал мне. После службы в армии (обязательный призыв на 2 года), легко поступив в желаемый институт на заочное обучение, я сразу устроился на работу в поселковой школе, где был большой спортивный зал. Впоследствии закончил еще и исторический факультет в том же институте в Оренбурге и преподавал в основном историю в 5–11-х классах. Учиться очно и быть школяром в 20 лет казалось несерьезно, а заочно можно учиться и работать.

Учителем я проработал 16 лет. Сначала работал в двух сельских школах, а затем в Оренбурге и Ленинграде. Кроме преподавания, у учителя есть еще стезя воспитания — классное руководство. Иногда на уроке я глядел на слушающую и не слушающую меня аудиторию и, остановившись взглядом на нагленькой физиономии подростка, думал: «Кому, ему добро-совестно преподавать? Перед ним распинаться? Да его сначала надо очеловечить». В советское время многие учителя-энтузиасты воспитанию придавали большее значение, чем преподаванию. За учебный год, как классный руководитель, я бывал у каждого ученика дома 3 или 4 раза, а у «трудных» и того больше. Как иначе узнать, почему ученик не хочет учиться или откуда у него такой характер? Не все учителя могут преподавать, пусть даже хорошо, не замечая самого школьника.

Почему я говорю об энтузиастах? Учителя часто добровольно выполняли работу, за которую им не платили: они это делали по убеждению. Зарплата была в стране у всех более-менее усредненная, на жизнь не потребительскую почти хватало. Не будем идеализировать советскую школу из-за того, что сегодняшняя школа — полный крах, но при отсутствии безработицы было большее пространство для творчества, ответственно, и больше являлось учителей-энтузиастов.

Мужчине в любой школе обычно предлагался нелегкий, подростковый класс. Походы с таким классом казались мне спасительным средством. Для души я увлекался альпинизмом и свое увлечение переносил на школу: водил учеников в походы, а также набирал группы почти в каждые каникулы из других классов. Страна большая, и есть куда податься. Из Оренбурга однажды мы отправились на Западный Тянь-Шань с тем, чтобы убить сразу двух зайцев: сходить в горный поход и попасть на замечательный Чимганский фестиваль бардовской песни. Надрывая животы от смеха «На Чайхане», мы там же уточняли маршрут. На фестивале, где день и ночь звучала гитара, можно было встретить альпинистов и туристов, хорошо знавших нужный нам район. Можно было и послушать песни, и окунуться в атмосферу братства, и подобрать подходящие маршрутные карты. Поход наш прошел успешно, и к нему я рискнул прибавить еще большое путешествие в ущерб учебному времени. Мы поехали дальше по Узбекистану в Бухару, Самарканд (это ведь тоже уроки истории), а оттуда в невероятную глухомань — Каракалпакию через Нукус к устью Амударьи, впадающей в пересыхающий Арал. Нашу школьную группу на окраинах Кызылкумов местные пастухи коз и верблюдов приняли сначала за экспедицию: так редко кто-либо посещал эти края с рюкзаками... После всего увиденного в пути школьники мои скептически отнеслись «к каким-то там пропущенным урокам», да и родители встретили их как героев. Я по прибытию схлопотал строгий выговор от директора школы и утешил себя мыслью, что такие путешествия значат для учеников больше, чем две недели школярства. С меня удержали зарплату за прогулы уроков, но разве ж это наказание. Стенная газета с фотографиями увековечивала наш подвиг в коридоре школы.

Несколько лет позже, переехав в Ленинград, я мог продолжать путешествия со школьниками благодаря тому, что и директор школы, куда я устроился на работу, была инструктором туризма. В октябрьские каникулы мы ехали из Ленинграда в Крым на скалолазание; новогодние праздники проводили на экскурсиях по «Золотому кольцу» России; весной был «Заполярный март» на широких лыжах в Хибинах, а летом обязательно отправлялись в горы: на Алтай, Кавказ, Тянь-Шань или Памир. Работа так счастливо переплеталась с поездками, что про меня на одном из школьных «капустников» ученики

сочинили анекдот: «в свободное от походов время работает учителем истории». Этим можно было гордиться и одновременно стыдиться за не совсем исправное преподавание...

Настоящий поход — это максимальная концентрация жизни. Все отношения в группе выходят наизнанку. Красивейшие ландшафты! Но они же требуют максимального напряжения, чтобы их преодолеть; нужны взаимопомощь и понимание друг друга с полуслова. Сущность каждого человека здесь открывается полностью, и никому не удержаться в маске, которую мы часто напяливаем на себя, маскируясь в фальшивых отношениях общества. Маршрут при полном самообслуживании в оторванной дали от городов, в уединенной группе, где все зависят друг от друга, открывает участникам: кто есть кто. Эти открытия не нравятся лишь эгоистам и об этом отчасти книга. Но для большинства красоты природы, найденные настоящие друзья, победы над собой оставляют впечатление наиболее ярких дней жизни.

Походов было много. Это отвечало и буйности моей натуры, и соответствовало увлечению, и позволяло сквозь повседневную школьную рутину находить более-менее творческую дорожку в работе. Походы особенно сильно открывают глаза на человеческий характер. Сегодня создан культ психолога, якобы специалиста по характерам, но социальная грязь общества больше достается учителям. Учитель вместе с каждым своим учеником глубже окунается в жизнь и ему явнее открывается завеса характеров, чем всем прочим знатокам душ.

Учитель, отправившийся в двухнедельный поход с классом, разом увидит всю людскую драму человечества...

Глава I. В Оренбурге

Трудный класс (повесть классного руководителя)

Трудоустройство

Годам к 28, имея немалый стаж учительства, я пришел в РОНО (районный отдел народного образования) с целью устроиться на работу в другую школу. Заведующая РОНО, пышная, цветущая женщина, окинув меня взглядом весело объявила:

— А для Вас, молодой человек, у меня есть трудный класс. Говорят, с ним никто не справляется. Вы мужчина: вон какие усы отрастили. Возьмете?

— А чем он трудный, если о нем даже в РОНО знают?

— Новый микрорайон города. Заселялся он рабочими Газзавода. Квартыры получали и такие, которые сидели «на химии» (условно освобожденные из тюрьмы). В Вашем 7 «Б» классе, пожалуй, и родители трудные, многие пьянствуют.

— Вы говорите «в Вашем», как будто я его уже взял.

— Ну, а кому его отдать, молоденькой учительнице литературы, которая будет бегать к директору со слезами?

Руководство в трудном классе я выторговал у заведующей на необыкновенных условиях: через неделю после начала учебного года мы могли отправиться всем классом в горный поход на Кавказ (!).

...Сейчас даже трудно припомнить знакомство с классом. Совсем не помню, о чем мы говорили, но несколько ярких характеров выделялись сразу по глазам; выделялась также грубость, характерная шпане. Объявление о походе, да еще в горы многих озадачило. Что это за оригинал явился: дей-

ствительно поход состоится, или ждет, когда мы откажемся? Многие не верили в поход, но вызов приняли все. Подросток, особенно «трудный», весь состоит из вызовов. Несколько человек, считающихся отъявленными хулиганами, демонстрировали мне враждебность.

В школе среди параллельных классов сразу ажиотаж образовался: «хорошо быть трудными, их в поход с учебы забирают». Педколлектив, в который я влился, тоже неоднозначно реагировал. Кто-то из блаженных преподавателей сожалел, что мои полкласса двоечников упустят за две недели что-то важное в программе; другие представляли, как я намучаюсь с такой ордой в далекой поездке, и выражали наперед соболезнования. Учитель французского языка (впоследствии мы подружился, как коллеги), один из немногих мужчин школы формулировал не без ехидства, что класс достоин классного руководителя: «Номера любят выкидывать не только дети».

Как бы то ни было, мы подготовились к походу. Но за пару дней до выезда директор школы вызвав меня к себе объявила, что приказ о походе не подпишет и уже поговорила об этом в РОНО.

Я помчался в РОНО очевидно с неприготовленным выражением лица.

— Вы же обещали!? — ворвался я в кабинет.

Зав РОНО не сразу поняла в чем дело и постаралась отгородиться от меня за большим столом. Напомнив «трудный» класс, я ей что-то пламенно говорил, вернее сказать, кричал... и вынудил все-таки подписать нам приказ.

Впоследствии, год спустя на учительской конференции, когда заведующая говорила о должном энтузиазме учителей, она ставила меня примером:

— Он сотрясал стены в моем кабинете! Он хватал меня за грудки, но своего добился!

Конференция, живо воображая сцену рассказа, давилась от смеха. Ухватиться действительно было за что. Это было то золотое время, когда учителю во имя правого дела прощались и такие выходки. Сегодня бы меня в лучшем случае уволили с работы, а то бы и в полицию сдали.

Билеты на поезд для путешествия были у нас куплены только в одну сторону: из Оренбурга в Минводы. Мало ли как получится с маршрутом. «Француз» с физруками в учительской хохмили, что везти класс обратно может быть и не захочет-

ся. Молоденькой учительнице биологии нравился мой порыв в работе, но она все же приглядывалась — в здравии ли я.

Поход на Кавказ

В поезде ехать двое суток. Моя молодежь хулиганит, но не очень сильно. Несколько человек курят не демонстративно, но и не особенно прячась. Порядок больше наводит Владимир Петрович, а я жду реванша в горах.

Петровича я попросил помочь с походом. Образ у него колоритный, как раз что нужно шпане: в глазах часто вспыхивает озорная улыбка, но настроение может меняться до свирепости. Ростом он пониже меня почти на голову, но пошире раза в полтора. Мастер спорта по гимнастике и альпинист. У него на физиономии написано: ниже, чем в «пятерки» не ходит (пятая — высшая категория сложности походов и восхождений). И еще он боролся очень сильно. Учась на физкультурном факультете, бодался иногда с мастерами спорта по вольной борьбе. Мы с Володией дружим с 10 класса. Вместе занимались спортом в школе, правда, он борол меня тогда «одной левой». Володя еще — мастер эффектов. Он мог пристально поглядеть в глаза и ничего не сказать, также прыгнуть с высоченной скалы в воду, не зная брода. Или подойти к семикласснице и невзначай заметить: «У тебя улыбка, как у Сенчиной...», — имелась в виду актриса, красавица нашей эпохи. И семиклассница верила Владимиру Петровичу.

Город Минводы встречает туристов отовсюду. Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск, Лермонтов — курортные места для людей степенного возраста нас могли только расслаблять. Остановка на одну ночь в палатках была сделана около склонов горы Змейка. Среди ровных степей Ставрополья выступают вдруг давно потухшие конусовидные вулканы: Машук, Бык, Змейка, Железная. Наиболее высокий из них — Бештау поднимается на 1400 метров. Уже с этих окрестностей в густой дымке виден главный Кавказский хребет и особенно выступающий двуглавый Эльбрус. Нам добираться дальше как раз в сторону великого вулкана по Баксанскому ущелью в Терскол.

Мы поужинали борщом, сваренным на костре, и поставили палатки. Около костра в романтическом настроении пребывали в основном девочки, а мальчики буйствовали на природе:

сражались палками, издавали вопли, боролись на траве. Все радовались свободе. Когда надоело беситься, на ночь глядя, ко мне подошли три богатыря: Данилов Дима, Корунчиков Андрей и Буровин Антон.

— Можно мы погуляем?

— Можно, но прийти не позже 11 ночи.

Склоны холма и отсутствие луны создавали абсолютную тень. Я попросил молодцев не лезть в гору. О безопасности в горах говорилось прежде. Можно было бы не разрешать прогулки, но не разрешать еще много чего придется, очевидно, в более сложных обстоятельствах — впереди горный поход. Это была ошибка не инструкторская, а педагогическая. Класс надо было утомить, выйдя из поезда: ужин разумнее пропустить, палатки поставить в ночи, а до захода солнца сходить радиально на любой из соседних куполов. Желание срочно совершать подвиг тогда бы у всех пропало.

Отпросившиеся вовремя не пришли. Я пошел поискать их, но куда там. Кругом лес, расщелины, уходящие по куполу неровные долины. Гора к тому же имеет крутые уступы. На мой крик отвечало только эхо. В ночи рельеф горы рисовал лермонтовские картины из «Мцыри». Через час я вернулся к костру. Ребята тоже переживали за отсутствующих.

К двум часам ночи появились пропавшие. К костру они подошли с поникшими головами. Петрович зыркнул на меня с ухмылкой; ему интересно, как будет педагогически размазана ситуация.

— Почему к назначенному времени не пришли? — спросил я, стараясь выглядеть спокойнее.

— Мы чуть со скалы не сорвались... Заблудились и ушли...

— Теперь все поняли?

— Да-да, конечно...

— Давайте ложиться спать.

Длинно морализовать было неуместно: безобидная гора и без того поучила самонадеянных подростков. Подростки рвутся на подвиги, а хулиганье — особенно: куда еще себя девать от избытка сил...

Из оренбургских степей мы сразу оказались в снегах Главного Кавказского хребта. Никто ранее из школьников гор не видел. Из лета мир преобразился в зиму. Мы топали с рюкзаками еще не по снегу, но над нами сияли седые вершины. Сзади вздымался Эльбрус, а впереди взгляд упирался в стену

Донгуз-Орун, на которой почти вертикально висят ледники. Где-то по долине прячется от нас одноименный перевал. Его высота около 3200 метров, он категорийный, трудностью 1А и может быть очень суров в непогоду. Лучшее пожелание в горах, это пожелание хорошей погоды. Погода вроде еще держалась, но были все признаки, что она может закапризничать.

До перевала четыре часа хода и с него довольно крутой спуск — это задача завтрашнего дня. Сегодня нужно надежно устроить лагерь. Вполне возможно ночью станет холодно и пойдет дождь со снегом. Палатки-памирки укрепляем не только колышками, но и растягиваем стропами за принесенные большие камни. До ужина все идет хорошо, но насытившись, самых буйных начинает надирать: вульгарно выражаются, кривляются друг перед другом, девочки визжат. Собственно, трудный класс этим и отличается, что проводить время без дури не умеет... Я поскандалил с Корунчиковым. Осаждать постоянно эту дурь, да еще перед перевалом, кажется мне оскорбительным. Предлагаю Петровичу бросить всех и уйти из лагеря; пусть дети сами намаются от себя. Петрович ухмыльнулся довольно и прибавил:

— Да уж, этих лучше поучить.

Мы тут же взяли свои рюкзаки и ушли искать ночевку в тиши.

Понятно, что педагоги и родители такую меру не одобряют и завопят об ответственности. Но, слава богу, рядом взрослых не было. Хотя будь они с нами, то, пожалуй, удивлялись бы: до какой степени могут ошалеть их дети. Нам же с Петровичем надо было помочь распоясавшимся школьникам понять, что мы все в горах нужны друг другу, что впереди маршрут и необходимо привычные припадочки дури притормозить.

Рано утром несколько девочек встретили нас умоляюще:

— Пожалуйста, вы больше от нас не уходите!

— Мы в горах тишину любим, — философски заметил Петрович.

Утром еду не варили, завтракали всухомятку. Вид у многих помятый и не выспавшийся. Долго собираем раскиданное барахло.

— Мам здесь нет, чтоб прибрать деткам вещи, — покрикиваю я повелительно и тороплюсь со сборами.

Барахло на поляне — есть полная характеристика его владельцев. Эта истина известна многим альпинистам и любому

инструктору. Я не могу как Шерлок Холмс по следам и прочим признакам угадывать свойства и качества людей, но потому, как собирает рюкзаки с утра школьная группа, могу увидеть каждого ученика до седьмого колена: у кого дома аккуратно и дети участвуют в наведении порядка, у тех и с рюкзаками получается все ловко. Неловких в каждой группе бывает не так уж много и на их лицах обычно надувается недовольство. Недовольные наводят тоску на всю походную группу. Но все же остальной народ лучше настроен на маршрут. Приходится помогать всем неряхам и злиться на них: поджимает время, и выйти на перевал с большим опозданием нельзя. Только с утра рано выходят на перевалы и вершины горовосходители — таков закон гор. Часов с 11 каждодневно солнце растапливает массы снега и увеличивается опасность лавин, камнепадов, непогоды.

Вышли мы несколько с опозданием. Чтобы от избытка ультрафиолета не пооблезали носы, переносицу все перевязали заготовленными марлевыми повязками, которые тут же кто-то назвал намордниками. По морене, а затем по снегу топаем не в очень подходящей обуви. Рюкзаки, в которых утрамбованы палатки, продукты на несколько дней, одежда и прочие личные вещи, давят на плечи и наш строй быстро умолкает. Тропа ведет все время в гору. Длинная колонна в 40 человек движется в тишине. Я люблю такую поступь. Это та нагрузка, которая умиротворяет подростковую разбегающуюся во все стороны натуру, и которая нужна растущему организму не только в походе, но и в повседневной жизни. Наша группа почти организованная. Туман, временами сгущающийся, собирает всех плотнее в строй. Привалы наверху делаем короткие из-за того, что ветрено и холодно. Подходим к перевалу, но на нем, как в трубу сифонит ветер; все мерзнут, и не удастся спрятаться даже за скалой. Едим положенную «перевальную» шоколадку и осторожно начинаем крутой спуск.

Сначала спуск не только резкий, но и скользкий. Кто-то из девочек стонет от страха, Петрович им помогает. Помогают также мальчики, которые посильнее и расставлены в колонне, как более надежные. Вниз идти легче и проявляются пару болтунов, у которых развязываются языки. На них нужно рыкнуть, чтоб все молчали. Спуск чреват большими опасностями, чем подъем: можно подвернуть ногу или сбросить на нижеидущих камни. На сложной тропе требуется железная

дисциплина и почти все это поняли. Впереди направляющего и сзади замыкающего никто не должен выходить; в колонне все обязаны быть внимательными и соображать, куда ступать, — таковы первые правила маршрута. Антон Буровин уклоняется в сторону от всех; я кричу на него, но поздно. Он ползет вместе с камнями, начинает катиться и набирать скорость. Прыжками догоняю его, хватаю за рюкзак и не совсем вежливо осаждаю героя. Спуск с перевала еще долго требует осторожности. Тропа постепенно выполаживается, и вдруг совершенно неожиданно отступают облака и открывается небо... Нам улыбается солнце! Это очень кстати, обувь у всех вымокла на тающем снегу...

Победа: перевал пройден! Внизу видны первые, спускающиеся террасами домики сванов — здешних горных жителей.

Автобус из деревушки Накра ушел вниз, и сегодня уже не уехать ближе к морю. Это, пожалуй, к лучшему: у Гали Фирсовой День рождения. Значит, кроме прохождения перевала у нас еще один повод к празднику.

Лагерь около села поставили образцово, приготовили торжественный ужин, а имениннице преподнесли трехлитровую банку парного молока. Вечером жгли костер и учили песни под гитару. В деревушке не мычат уже коровы и не блеют козы. Надвигается прохлада и устанавливается тишина, какая бывает только в горах. Далекий ручей поет свою усыпляющую песню. Все наслаждаются природным покоем. Небосклон среди контуров вершин рассыпается звездами, каких никогда еще не видели мои семиклассники. Наверно, они сейчас только поняли, что мы на Кавказе!

Утром знакомимся с местными жителями. Автобус в поселок поднимется после обеда, но на узкой улочке стоит грузовик ЗИЛ-130 с широкой платформой, только совсем без бортов. Нам добираться аж до Сухуми. Шофер-сван, оглядев всю компанию, согласился везти нас до ближайшего селения. От денег он напрочь отказался и обещал ехать не быстро.

— Конечно, школьники же!

Но что значит не быстро по представлениям горца... Вниз под гору грузовик помчался так, что мы сразу вместе сцепились руками. На поворотах наша куча сползает то на один край, то на другой: мы боимся потерять на ходу не только рюкзаки, но и друг друга. Страх даже в глазах Петровича. Где уж тут больше риска на крутом перевале или на дороге из

сплошных поворотов. Пропасти одна глубже другой разворачиваются на каждом серпантине. Но народ у нас озорной: на физиономиях и ужас, и радость. Ужас, если смотреть вниз, а радость от того, что мчимся.

Вдали открывается чаша среди хребтов: это все Сванетия — красивейшая часть Грузии! Страх отпускает душу лишь при подъезде к новому поселку. А дальше дорога легче.

Во время спуска в грузовике у двух подростков, как бы нечаянно, вырвался мат. Позже, когда мат повторился без особой надобности, я уязвил их самолюбие:

— Домой приедете, сядьте около родителей и кройте их по-матерному. Они этого заслужили, потому что плохо вас воспитали, а при мне — заткнитесь.

К этому возрасту у меня была уже некоторая матерость в работе с трудными и способность без мата осадить матерщинников. Не считая еще одной-двух выходок, после перевала мне больше не демонстрировали враждебность даже самые развязанные юноши: нас уже связывал поход. Мы больше понимали и воспринимали друг друга, притом не только в направлении: учитель — класс, но и школьники между собой.

Из Сухуми путешествие продолжалось по берегу Черного моря. Какие названия для нас оренбуржцев: Сухуми, Гагры, Сочи, Туапсе! Эти курорты связаны автодорогами и морскими маршрутами, по воде курсируют между городками «Кометы» — чудо-транспорт на подводных крыльях. Мы плывем по морю, останавливаясь на причалах. По трапу выходят пассажиры и заходят новые. На очередном причале высыпает к нам на палубу цыгане. Их человек пятнадцать, занимаются они привычным ремеслом — гадают. Почему-то они дружно окружают меня. Внешне я не сильно отличаюсь от них, тем более что, достаточно порос уже бородой в путешествии. Оказывается, ко мне их подослал Петрович, чтобы они к школьникам не приставали:

— Вон наш Будулай, все деньги у него...

Походные деньги действительно были у меня, но хорошо припрятаны. Погадать на судьбу особенно настаивала черноокая красавица. Я знал свою судьбу: рожден работать с непутевыми подростками. А подростки вместе с Петровичем тихо хихикали и изображали, что ничего не замечают.

— А давайте мы вам споем, — отступал я под натиском. — Ира, спой! Ты же хорошо поешь!

Без гитары, сильным голосом Ира Степченко запела по-цыгански. Не зря у нее такая фамилия и такой голос. Класс зовет ее «Степь», и нрав у нее будто выросла в вольной степи.

Наши слушатели застыли. Лица их открылись. Они забыли, что пришли гадать.

— Вы кто? — Спросил кто-то из них простодушно.

— Мы тоже цыгане и давно уже в пути, — шутит блондин Петрович.

Вскоре цыгане вышли. У городков, расположенных на море, мы почувствовали себя курортниками: волны, солнце, полетнему тепло! На ночь нашли ровное место для палаток и устроили бивак недалеко от берега. У костра я спросил Ирину, откуда она знает цыганские песни.

— А я жила у цыган, когда сбегала из дома. Они стояли табором на краю города, и это было недалеко от наших домов. Вечером они жгли костры и пели.

— Тебе бы после школы с таким голосиной надо учиться в консерватории! Правда, манеры у тебя не подходящие.

У Иры сильный не только голос, но и характер. Настолько сильный, что ее побаивалась шпана в округе, где она жила, а порой она у них и верховодила. На педсовете школы даже разбирался случай, когда Ирина отлупила юношу из параллельного класса, который навязывался с ухаживаниями к ее подружке.

Еще в характере у нее сквозило обостренное чувство справедливости, перемешанное с грубостью блатнячки. В классе она чувствовала себя абсолютным лидером. Последнее слово всегда было за ней, потому что оно было справедливым и смачно сказанным.

У костра за спокойным разговором совсем с другой стороны раскрывались многие характеры. За все время похода вдруг заговорила Наташа Ильинская. У нее тихий нрав и какая-то постоянная неуверенность, ее не видно и не слышно. Если ее что-нибудь спросить, она покраснеет и отвечает еле слышно. А это повод мальчишкам надсмехаться. И вдруг она что-то радостно рассказывает. Олег Свиридов, совсем не богатырь и не лидер в классе тоже травит байки и его все внимательно слушают. Галя Василина задумчиво молчит и смотрит на огонь. На ее красивом лице играют переливы костра. Ей жаль, что поход заканчивается. Она грустит, но ее грусть с оттенком озарения. Такое состояние не только у нее. Это уже подступает после-

походное настроение: ощущение полноты жизни и ожидание скорого перерыва в счастье после яркого путешествия...

Обратно домой я купил билеты на самолет из Симферополя. Последнюю ночь мы ночевали в палатках около огороженной дамбы. Там, к нашему сожалению, запрещено было купаться. Вода в плотине использовалась как питьевая для города. У костра мы спели на прощание все выученные за поход песни, а возле аэропорта оборвали черешню, которая произрастала здесь в изобилии. Домой прилетели немного с опозданием, под видом того, что трудно было купить билеты на нужную дату.

Учебные будни: класс и родители

По правде сказать, не все учителя жалели, что мы отсутствовали. После путешествия начались учебные будни. В классе было лишь несколько человек, учившихся неплохо, но большинство совсем не тяготело к знаниям. Скучать это большинство не умело и часто срывало уроки. В учительской ко мне подходит завуч и с ней заплаканная математичка. Завуч возмущается:

— 7 «Б» сорвал урок математики! Пойдите, разберитесь.

В коридоре вижу Сашу Шатунова, которого выгнали из класса еще до срыва урока. Шатунов не организатор, а второстепенный участник любых дурных затей. Спрашиваю у него:

— Что там опять случилось?

— А весь класс... «ништяк сделал», — хихикает он.

Ништяк — это когда все дружно, не открывая рта, гудят в нос и трудно определить, кто хулиганит.

Вхожу в класс, спрашиваю:

— Кто организовал «ништяк»?

Встают из-за парт все.

— Нет, садьте. Встаньте, кто организовал глупость, а не кто участвовал в ней. Класс сидит и тянется молчание. — Что, кишка тонка, встать и сознаться?

Первая поднимается Степченко, за ней Корунчиков и Буровин. Буровин поднимается развязано, демонстративно. Его я невзлюбил сразу: нахален, хитрит, и хуже всего, любит тихо поиздеваться над теми, кто послабее.

— Вы втроем идите по домам и вечером ждите меня в гости, — распоряжаюсь я.

Остальных начинаю пилить моралью:

— Нашли над кем поиздеваться, выбрали самую безобидную учительницу...

— А у нее на уроках не интересно! - паясничает Гриша Игнатов.

— А у тебя большой интерес к математике?

У Гриши двойки по всем основным предметом, и класс гогочет над его репликой. Следующие уроки проходят тише.

Первое воскресенье октября — День учителя! В субботу у всех праздничное настроение, толком никто не учится, хотя уроки идут по расписанию. Я забыл про свой праздник и меня пожилая коллега журит за то, что я не в торжественном костюме.

В учительскую вбегает с горящими глазами и огромным букетом цветов Ира Степченко и с порога кричит:

— Это Вам... Владимир Александрович... от класса!

Ира тут же убежала. Учителя мне аплодируют. Цветы от класса — трогательно даже для мужчины, можно представить, как млеют на празднике учителя-женщины.

Но труд учителя в основном неблагоприятное дело и уже через два дня я снова разорвался в классе от очередной выходки питомцев.

...На родительском собрании я уверял взрослых, что их дети маются от безделья, что необходимо побуждать недорослей и к учебе и обязательно к домашнему труду. Три раза на день поесть семье — это уже уйма работы: нужно еду сварить, трижды посуду помыть и все убрать на кухне. Кроме того, есть еще уборка, стирка и прочие бытовые заботы. Это домашнее рабство несут на себе матери, а дети, предполагается — должны трудиться в учебе. Но это только предполагается. Где их учебные плоды? И даже, если они есть у отдельных школьников, почему только родители обременены бытом? Ведь они работают не меньше, чем дети учатся. Кроме того, заворачивал я дальше, почему бы школьникам самим не заработать деньги на следующий поход?

Найти подработку в послеурочное время трудно. Общество создает видимость защиты детей, а в действительности культивирует инфантильность ежедневным шестичасовым безрезультатным просиживанием на уроках. Безрезультатность в учебе в большинстве случаев очевидна, как и запоздалое взросление вне полезной деятельности. Если взять, например,

Географию — интересный и легкий для школьников предмет и проверить познания на взрослых, то выяснится печальный факт: все учились по 11 лет в школе и почти никто не может назвать на континентах хотя бы 20 основных географических ландшафтов. Для чего тогда учились? Демагоги, конечно, будут утверждать, что за партой развивалось у детей мышление... Или еще что-нибудь развивалось. Но школа, между тем, устроена так же глупо, как и все общественное здание. Иначе откуда берутся трудные классы и неучи, просиживающие в классах целые годы.

Я пробовал решить сверхзадачу: найти для класса хорошую подработку, чтобы заработать на поход. Родители к этому были уже подготовлены, и работа неожиданно нашлась. После долгих расспросов через знакомых и их знакомых, нам выписали официальный наряд в Зелентресте Оренбурга на вырезку сухостоя и окультуривания лесопосадки в районе монумента Гагарина. Этот документ у меня сохранился вместе с тетрадью классного руководителя. Не без изумления спустя почти три десятилетия я вновь прочитал в нем, что половине денег нам приплатили дополнительно за несовершеннолетие — таковы были преимущества для детей при социализме. Но, в общем, детей берегли от влияния жизни, как в СССР, так и сегодня берегут при волчьей конкуренции капитализма, изображая видимость гуманности, но не подготавливая их к действительной жизни. Из этого противоречия уже в советское время выступала некоторая инфантильность в молодежи. Сегодня это явление массовое.

...Работали мы после уроков. Зимой, по колено в снегу пилили сухие сучья, валили большие деревья и сносили в кучи сухостой. Прораб Зелентреста определял нам объем работ. За месяц, работая ежедневно по 4 часа, мы заработали нужную нам сумму, чтобы отправиться в следующие каникулы снова в поход. Дело, безусловно, двигалось не всегда гладко. Кто-то находил причину увильнуть от тяжелого труда на холоде. Мы вместе учитывали, как работает каждый, и возникали конфликты с ленивыми. Привычки к настойчивым усилиям у многих не было, но лентяям не всегда вежливо намекал коллектив, что трудодни считаются поровну. Заработать самим на поход считалось всеми взрослым делом, а привычка к безделью нередко подводила. Это привычка и в школе, и на работе уводила в дурь. Дурь вылезала и на морозе во время работы.

Однажды я на кого-то психанул и покинул класс в лесопосадке, но дети сделали и мне снисхождение, и свою вину загладили: доработали до конца дня сами и выработали в этот день больше обычного.

На классном часе похожем больше на рабочую планерку мы смеялись и ругались. И у меня снова возник конфликт. Но не любимый мной Буровин без всякой иронии вдруг заявил:

— Таких честных учителей в школе больше нет.

Все рассмеялись, и обстановка разрядилась. Антон, конечно, подразумевал не честность других учителей, а мою пристрастность в роли классного руководителя. Несколько человек пробовали было сослаться на невыученные уроки из-за работы в лесопосадке, но против этого возмутились даже двоечники. Я диктовал к тому же условие, давящее на самолюбие: успеваемость должна остаться не ниже прошлой, кто скатится — тот маленький, ему мешает работа. Жалоб на уроки из-за работы больше не возникало. Когда все втягивались в работу, мы даже пели вместе. Запевала, как всегда, Ира Степченко.

Мы заработали на поход! А еще большим итогом нашего трудового месяца нужно считать чувство гордости за взрослое дело. Про это чувство никто не говорил, но оно было даже у тех, кто немало похалтурил.

Проблема подростков — курение. Тут, кто как понимает взросление, но вне сомнения: чем слабее характер и незрелее юноша, тем больше его захватывает табачная напасть. Рисуясь с сигаретой во рту или бравирюя запахом алкоголя, подросток мнит себя взрослым и всем крикливо это доказывает. В классе покуривали эпизодически человек семь мальчишек, ну и «косили под своих» некоторые девочки. Так, по крайней мере, они иногда выражались. «По фени» порой и я подхватывал разговор. Мне даже хотелось дать урок истории в таком тоне; уж слишком задавались наши лидеры своей приблатненностью. Учителю, пожалуй, подхохмить иногда полезней, чем бороться с вызовами подростков напрямую.

У меня два диплома: учителя истории и учителя физкультуры. И с начала учебного года, сразу после кавказского путешествия я организовал с классом тренировки в виде спортивного кружка. Спорт не мог не убеждать хотя бы некоторых из ребят во вредности курения. Тренировки проходили по-разному. Среди юношей была проведена при определенных

правилах борьба по круговой системе, т. е. каждый поборолся с каждым и выявлены последовательно все победители. Этот график и все результаты до сих пор сохранились в моей тетради. Записаны были еще легкоатлетические и другие показатели, например бег на 100 метров, прыжок в длину с места, подтягивание на перекладине, приседание на одной ноге «пистолетиком» и т. д. Но больше тренировки проходили, как волейбольные. Также завуч школы оставила мне в классе физкультуру — два часа в неделю несмотря на то, что все остальные уроки я преподавал историю. Физкультура шла по стандартной программе, где была гимнастика, легкая атлетика, спортивные и подвижные игры и даже лыжи зимой.

Спустя много лет трудно заявлять, что наши спортивные тренировки принципиально повлияли на количество курящих в классе. Главное влияние оказывает общее течение жизни, социальное устройство общества, его привычки и устои. Но для многих учеников нужна была поддержка против куряк. Класс — это сорок влияний, а мой класс был не из лучших. Мораль, навязываемая куряками, часто недооценивается, а общество кормится глупыми предрассудками: не хочешь, мол — не кури. Но подростку трудно противостоять общественному мнению своей среды. И куряки легко втягивают в свои круги совсем не склонных к курению. Так происходит не только с курением.

Курение — полная глупость в человеческом существовании. Оно не приносит удовольствия, разрушает здоровье, травит окружающих и несет вонь. Все знают о вреде табака и массово впадают в зависимость. Трудно встретить курящего взрослого, который бы про себя не мечтал покончить с сигаретами. Любой курящий папаша станет гордиться своим некурящим выросшим сыном. Но, слаб человек... Ведь даже среди великих людей кто-нибудь да курил. Правда, они не только курили, но и совершали великое. А уж художники, писатели, артисты... Или журналисты — те все, как один чадят сигарами и непременно видят в этом признак интеллигентности. Что уж взять с подростка? Ему ведь хочется самоутвердиться, выглядеть взрослым, найти признание у тех, кто старше, а все его кумиры курят. Да, что там его кумиры... Кумиры и взрослых с сигарами: каков вон портрет Хемингуэя! Я не боюсь показаться здесь моралистом. Куряки всегда обкуривают некурящих, даже если они изображают воспитанность, и близкие люди

всегда страдают от куряк. Явление это имеет социальные корни, но это уже другая тема. Добавлю лишь, что гораздо позже мне посчастливилось побывать во многих странах и в них заметна разная степень поражения народов табаком. Например, в Европе, США, России, Китае курят повально, а, скажем, в Индии, во многих странах Африки или Латинской Америки реакция на дурман у людей здоровее, и люди там статнее формами.

Кроме спортзала были еще занятия по туризму. Наш туркружок располагался при детском клубе, находящемся в выделенном помещении ЖКХ. Такие детские клубы были при многих промышленных предприятиях или в Жилкомхозах. После перестройки недвижимость вздорожала и все помещения «прихватизировались», да и промышленные предприятия разворовались: туризм, в том числе и детский, вывели на улицу. Но мы его еще застали массовым, хорошо организованным, с коллективными устремлениями, а не в виде индивидуалистской успешности. И успели поучаствовать в турслетах и походах. В кружке учились главным навыкам быта (установка палатки, укладка рюкзака, раскладка продуктов для походной группы), наводили веревками навесную переправу, учили узлы и даже были проведены пару раз занятия по скалолазанию.

Главное все-таки занятие класса — учеба, которая улучшилась, но совсем не принципиально. После полугодия я выписал результаты двух четвертей и сразу про них забыл. Хотя, конечно, на классном часе объявил, кто мог бы при чуть больших усилиях стать хорошистом. А Оля Минина — даже отличницей. Месяца через два после кавказского похода один из журналистов газеты «Южный Урал» взял у меня интервью, в котором был вопрос: помог ли поход учебе? Я честно ответил, что учебе не помог, но помог ребятам лучше подружиться.

Если бы даже весь класс стал хорошистами, меня больше интересовало: какие они люди? А люди продолжали беспечно жить.

Гришу Игнатову вызывают отвечать на уроке химии. Мелом на доске под какой-то формулой учительница написала «КОН». Пока она отвернулась, чтобы добиться тишины класса, Гриша без всяких формул вывел «КОНЬЯК» и дорисовал пять звезд. Тишины добиться было уже невозможно. Послали за мной. Я тоже вел свой урок, но пришлось срочно прерваться.

— Вы полюбуйтесь на него, — возмущается коллега.

А смех и меня разбирает. Я махнул рукой и поспешил удалиться, не опасаясь за последствия. Молодую учительницу химии класс все-таки по-своему уважал.

Через пару дней идет в школу Володя Степанченко — высокий, худой и портфель у него такой же худой. Он забыл положить в него учебники. Что уж там говорить про выученные уроки. «Француз» — учитель иностранного языка, с которым мы стоим на пороге школы, флегматично жалуется:

— Твои студенты прохладной жизни ходят ведь на уроки без учебников. Вот, например, Степанченко, Степченко, Стоюнин, Скороходов — это только те, у кого фамилии на «С», других называть?

— Ну, спасибо, Анатольевич, хоть ты не нудный: сдохмишь и на душе веселей.

Володя проходит мимо нас, замечает мое внимание к портфелю и галантно здоровается. Я за ним следом и прошу всех в классе приготовить учебники иностранного языка. Добрая половина книги «забыла дома».

А вечером на кружке мы уже поем «Бричмулу». На кружок приходят не все, больше те, кто поживей. Признаться, гитара у нас звучала не всегда складно, но песни были неплохие. Пели Никитина, Визбора, Окуджаву... В ходу были и шуточные вещи. Особенно всем нравилась «Курочка». В песне было много повторений на разных животных, которые изображались пантомимой, но курочка, которая «по зернышку кудахда-дах-дах» оставалась в каждом куплете. Иногда здесь же или у кого-нибудь дома мы отмечали коллективные Дни рождения.

Нередко приходилось безотложно идти домой к школьнику. Чаще всего учителя обращают внимание на конфликтных детей. Это вряд ли справедливо, нужно ведь уделить внимание и другим в классе. Но трудные больше о себе заявляют, они заметнее своими выходками, кривляньями, сосредоточенностью на себе, и учитель кружится больше вокруг них. А как быть с остальными? Понятно, у классного руководителя должно быть меньше часов для преподавания и больше для класса. Но на такую роскошь школа не шла даже в советское время. Сегодня учителю официально уготована другая роль: «школа — это услуга», а учитель, соответственно, слуга. Он слуга для чиновников, для родителей и для школьников, у которых ненароком могут быть богатые папы и мамы. А все

ли господа с тактом к учителю? Придется ли к месту бедный учитель, посетивший всеу богато обставленную квартиру? Но трудные дети могут быть и у богатых, и у бедных. Родители нетрудных детей тоже ожидают увидеть в школе не казенного учителя или не уморенного учебной нагрузкой. И удивительно, что в учительстве все-таки находятся еще чудаки, которые ищут творчества в своей неблагодарной профессии. Разве не их мы чаще всего вспоминаем уже после школы; не к ним ли хотим привести своих детей.

Зимой темнеет рано, и я иду между пятиэтажками повидать «трудного» папашу. Отец — грубиян, смотрит на мое появление недовольно, а мать, забитая деспотом, стесняется меня в своем доме. Глаза у родителя навывкат, широко расставленные и наглые, губы толстые — «пахан в натуре». Сын притих и ему стыдно за отца, который во хмели.

— Учитель что ли..., жаловаться пришел... Мой плохо учится? — ворочает пьяными губами и смотрит тяжелым взглядом глава семейства, прошедший зековскую школу.

— Нет, не жаловаться пришел, и сын учится не так уж плохо. Пришел познакомиться с семьей, как классный руководитель.

— Познакомиться... говорят ты не пьешь... А то можно было б за знакомство.

— Не пью. Отец мой был пьяница, а нас в семье родилось пятеро. Жили тяжело, мать было жалко. Пьяные сцены навсегда отбили охоту от водки.

Папаша удивился моей откровенности. Он увидел упрек для себя и уперся в меня осоловелым взглядом. Затянулось молчание... С мороза мой нос остро чувствовал вкусные запахи борща, благоухающие из кухни.

— Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь поесть, я сегодня еще даже не обедал, — попросил я у побледневшей хозяйки.

Просьба смягчила напряжение. Папаша даже обрадовался, что я согласился, если не пить, то хотя бы поесть. «Из простых... свой в доску...», — умозаключал он, но уже разговаривал со мной на «Вы». Мать почти не участвовала в разговоре и вместе с сыном испытывала неловкость за мужа. Попрощались все-таки мы почти дружелюбно.

Идя домой по хрустящему снегу, я застревал на одной и той же мысли: вот они осязаемые условия воспитания для моего ученика. Или ему поможет школа?

Но таких экстремальных встреч было немного. Учителю чаще приходится общаться с мамами, которые берут на себя дома, кроме прочего и ответственность за воспитание. Мамы моего класса почти все работали полный рабочий день. Нельзя сказать, что свободное время некоторых неработающих мам или бабушек влияло на детей лучше. Отцы тоже работали, но многие из них вредили семье водкой. Несколько семей было неполных, т. е. без отца, хотя вряд ли можно утверждать, что дети их были сложнее, чем в полных. Материально жили не все одинаково, но, разумеется, между семьями не было сегодняшнего дикого социального расслоения. Подавляющая часть семей жила в квартирах новостроящегося района. Тесно жили единицы, если не подразумевать роскошь. Родители моего класса были отчасти трудными, как и их дети. У одних — жаргонный «блатняк» и близкие к нему замашки, у других — водка, третьи — не умеют отдыхать и вся их жизнь без книг. Но большинство — особенно матери, — были вполне человеческими, открытыми и добродушными людьми. Все же трудные и дома и в школе явнее делали погоду.

Условия воспитания и официальная идеология

На воспитание влияет все, но больше всего семья и школа. Это с обыденной точки зрения. В действительности семья и школа — продукты общества. И социальное устройство больше всего определяет результаты воспитания подавляющего большинства. В глубине души учитель обязательно задает себе вопрос: можно ли учительским влиянием изменить класс в лучшую сторону? Или нельзя? Насколько можно? Мне казалось, что можно. Вернее, я не знал возможные результаты, но не впадал в скептицизм и днями напролет работал. Оптимизм — великая сила и часто выручает человека. Противоречия советской школы, как и общества, были очевидными, но не выпирали до сегодняшнего абсурда. В противоречиях своего времени мечется и учительство. Оставаться умным скептиком учителю трудно: он каждый день видит глаза своих школьников. Его положение теснее стороннего интеллигентного созерцателя, будь то художника, писателя или артиста. Ему приходится чаще касаться авгиевых конюшен общества и в упор видеть, что не всегда виноват школьник или даже се-

мья в том, что ученик плохо учится или что у него уродуется характер. Учителя — самые первые работники по очеловечиванию общества: по мне, именно они, интеллигенция, не оторванная от народа и несущая ему культуру. Принято считать, что творчески работают артисты, блистающие на сцене, а удел учителя — преподавательская рутина. Учитель действительно не претендует пожинать лавры на работе уже потому, что он повсеместно принижён своим социальным положением. Ничтожное положение педагогов, как и предубеждения о них только характеризуют общество, показывают его больной диагноз. Я был убежден: кто, как не учитель, может помочь семье в воспитании? Сказать точнее, мне думалось: или школа что-то может сделать, или общество заходит все дальше в тупик. А общество, как известно теперь, шло к перестройке и, затем в «беспредел» — народное название последующих нравов.

Что может школа или могут учителя? По телевидению чаще спрашивают пространней: какой должна быть школа? Эти вопросы задавались и в советское время, и обсуждаются сегодня. Любители ностальгии живут в прошлом и вздыхают о прошлом. Я постараюсь не увлечься этим, и о проблемах школы говорить в связи с сегодняшним днем. Нельзя сравнивать сегодняшнюю школу с советской вне устройства общества. Но и сравнивать лучше не для того, чтобы плакать, а чтобы смотреть вперед. Поскольку большая страна в «500 дней» перепрыгнула из социализма в капитализм, постольку и школа принципиально преобразилась.

В советское время идеологию задавали комсомол и пионерия. Они представляли несколько окаменевшие формы работы, и учителя (далеко не все окостеневшие) брали из них не только проформы и идеологию, но и некоторое рациональное зерно: багаж советской школы складывался все-таки на идеях коллективизма. Значение образования тех лет признают теперь все либеральные господа, да и мы помним, что выпускники прощались со школой с теплым чувством, если не со слезами. Многие преподаватели были, конечно, сероватыми, если не идеализировать прошлого, но сегодняшний учитель поставлен в намного худшее положение, и учительский состав, в связи с этим еще больше обезличен. Суть советской идеологии пытались сверху уместить в лозунг: народ и партия — едины. Официальные лозунги, как правило, маскируют

противоречия жизни. Советская жизнь несла все противоречия социализма, искореженного партийной бюрократией.

В капитализме идеология имеет еще большее значение, чем при социализме, в силу большей пропасти между богатыми и бедными, и ее изо всех сил утончают, маскируют, изощряют. На пропаганду тратятся огромные средства. И, конечно, в западных школах и университетах, особенно в тех странах, где контрасты помягче, чем в остальном, им подчиненном третьем мире, старшекласникам и студентам рассказывают, что этот строй вообще без идеологии. Если отбросить всю риторическую шелуху, идеологией капитализма во всех странах всегда является оправдание наживы одних за счет других, а в отношениях между людьми — оправдание индивидуализма. Идеология капитализма освещает жизнь паразитирующих слоев и классов, оправдывает не эквивалентные труду доходы. В зависимости от официальной идеологии господствующего строя выстраиваются и задачи школы. И учителя в школе строго подчинены официозу государства.

Мы видим сегодня на каком фоне СМИ обсуждают проблемы школы. Учителя с недоумением глядят на придуряющегося знатока проблем, который думает об одном, а говорит другое. «Знатоки» чаще подобраны из себе на уме профессоров, титулованных чиновников или нахрапистых блогеров. 300 каналов TV вещают либо полную ерунду, либо пошлости, и нет ни одного канала, где говорили бы сами учителя, школьники и их родители, которые представляют все население.

Почему нет почти ничего здорового для школы? А это также, как существует, например, канал «Шансон», просвещающий всю страну зековской песней и заодно воровской моралью, и нет отдельного учрежденного государством канала, скажем, песен Высоцкого, Визбора, Окуджавы... Да что Окуджавы, разве кругом слышна музыка лучших оркестров?

И если даже такую передачу о школе создадут — она обязательно будет конъюнктурной, потому что все каналы зарабатывают деньги, кроме того, что они еще первые проводники идеологии. Миром правят деньги и пружина всему — нажива. Как говорится: какая жизнь — такие и песни. Один мой знакомый учитель как-то в сердцах сказал, что больше всех матерятся сейчас дети в школе. Мешает ли это обстоятельство витиеватым разглагольствованиям об образовании разноокрашенным идеологам?

Есть еще одна немаловажная деталь. Образование и воспитание — это два самостоятельных процесса, пусть даже взаимосвязанных. А школа только образовывает. Когда чиновники говорят про школу, то касаются только образования, а о воспитании даже не смеют заикаться. Воспитывают всех, очевидно, боевики с мордобоями в голливудском стиле... или попса с шансоном. Французское слово «шансон», должно быть облагораживает русский жанр, вырвавшийся из тюрьмы на волю.

*«Попса дробит шрапнелью наши души,
Ее за это не привлечь к суду.
Часть поколенья выросла на чуши,
И новое рождается в бреду...»*

Валентин Гафт

Стих: не в бровь, а в глаз. Но что значит крик души известного актера, состоявшегося, кстати сказать, как яркая личность в советскую эпоху?

... Какая бы ни была школа, учитель идет давать уроки. Если заглянуть хоть в однотипную советскую школу, хоть на все лады «креативную» сегодняшнюю, но еще более подчиненную чиновничеству, то мы увидим общую беду для ученика. Нам не мешает для этого лишний раз вспомнить и себя в прошлом, и посмотреть на своих детей сегодня. Школьники, а особенно подростки на уроках, больше изображают деятельность ради оценок, чем черпают знания. На свой класс я глядел не теоретически, глядел и на другие «не трудные» классы. И видел, что учебный процесс состоит в основном не из действительного труда, а из просиживания.

Верно говорят, что дети перегружены школой. Но и то верно, что большинство учащихся убивают там годы и не насыщают знаний. Школьники перегружены просиживанием, которое убивает еще и здоровье. Утомляет не избыток необходимых знаний, а знания, никак не привязанные к жизни, которые еще обязательно с примесью идеологической мишуры. Знания, которые в большей части не имеют смысла для ученика. Кто-нибудь да скажет: ну какая идеология на уроках математики? А вот такая: программа, количество часов в неделю на каждый предмет, соотношение с объемом к другим дисциплинам, для каких социальных слоев назначено, что и как преподавать — все определяет господствующая идеология.

Прежде всего утомляет безрезультатность учебы, убивание времени день изо дня. Присутствовать 5–7 часов на уроках

при рутинном, мало связанном процессе обучения с жизнью не только утомительно, но и отупляюще. Может быть, поэтому среди отличников больше тупиц, чем среди троечников, а среди всех вместе — больше посредственностей. Школа без результатов — сизифов труд для учеников: нельзя сказать, что дети не трудятся, но и не видно фактически, что труд их плодотворный. Советская школа пробуксовывала в своих противоречиях; сегодняшняя школа в полном тупике. Тогда мне казалось, что еще в силах классного руководителя добавить к школярству подростков какого-то живого движения. Спорт, путешествия, полезный взрослый труд могут привести их к лучшим книгам, к пониманию необходимости осознанной учебы, к осмыслению себя в жизни... и к целям в жизни.

С того времени по настоящее сменилась целая эпоха лихорадочных преобразований (реформ), всех, как одной неудачных. Впрочем, может и удачных, с точки зрения государства и его потребности одурачивать народ, чтобы легче управлять им. Сосуществование миллиардеров и нищих масс в одном обществе как-то надо умиротворять в головах населения. Сегодняшнюю школу сами школьники кругом в интернете называют «отстоем» — такова там общая атмосфера. Нынешняя схоластика, хоть и компьютеризированная вместе с идиотизирующим ЕГЭ, мало отличается от средневековой бессмысленной зубрежки. Население еще не до конца поняло, что с введением ЕГЭ сверху советское образование кастрировали полностью. Сегодняшнее образование России — это копия западного, капиталистического, а в чем-то худших его штампов. Почему худших? Потому что периферийный капитализм всегда пресмыкается перед центральным и спешит обогнать его в реакционности. Смотреть на школу вне господствующей идеологии, по меньшей мере, наивно.

Условия воспитания в семье и школе всегда связаны с общественным строем и его идеологией — и это большая, серьезная тема, о которой нужно говорить отдельно. Но учителя, даже перегруженные работой, не могут не размышлять об этом, если они не случайные пришельцы в эту профессию.

Походы по Оренбуржью

Вернусь к классу. Наибольший накал жизни нам давали походы. У себя по Оренбургской области мы однажды ходи-

ли неделю в районе Черноречье-Татищево «по пугачевским местам», а затем под Кувандык, куда доходят отроги Южного Урала. Здесь совсем другие ландшафты, чем на далеком и полюбившемся нам Кавказе. Здесь сплошные холмистые степи, пойма реки Урал и леса на границе с Башкирией. Все эти поездки запоминались ощущением простора, радостью новизны жизни, разнообразием представлений о природе и были некоторым удачным выходом из повседневности. Да и в этом смысл странствий: «А еще жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать», — так утверждал Н. М. Пржевальский.

На одном из утесов у реки нам удалось провести занятия по скалолазанию. Перед выездом класс смотрел фильм «Вертикаль». Фильм по сюжету незамысловатый, но в нем много горных красот, техники скалолазания, драматизма отношений при экстремальных условиях и песен Высоцкого. Еще одна существенная вещь: в седьмом классе школьники начинают тайно влюбляться и походов хотят почти все подростки. Думаю, что в походах им влюбляться лучше, чем в подворотнях. Это, во всяком случае, романтичнее. Но любовь и воспитание всегда взаимоисключающие вещи в головах всех педагогических ханжей: чиновничья нравственность всегда инквизиторская.

С 1 по 9 мая вместе с выходными днями идут сплошные праздники, и мы едем в самое весеннее цветение «по родному краю» — так тогда обосновывали под краеведение походы. Здорово ехать в поезде и видеть, как проплывают навстречу полустанки, холмы с оврагами, пролески в долинах, всходит полями пшеница, и тянутся характерные Оренбуржью лесопосадки. Вот оно настоящее краеведение, а не книжное! Мои некоторые «краеведы», между тем, сидят и втихаря режут-ся в карты в одном из отсеков вагона. Карты запрещены, я их изымаю и выбрасываю колоду в приоткрытое окно по ветру. Игроков человек шесть, и они возмущаются не на меня, а на себя: «Нарвались, не выставили шухер». В хулиганистом классе не обойтись без радикальных мер, но в нем и меньше обижаются на учителя за срывы или не вежливую требовательность.

Кажется, ну что особенного в картах: играют себе «в дурака» и пусть играют. В чем, собственно, дело? А в том, что к ним тяготеют все, кто мается пустотой. За картами последует настолько же содержательная деятельность, которая потянет

самых активных на подвиги: вечером от кого-нибудь повеет запахом водки. Да, разве пустотой страдают только школьники? Не меньшая пустота у взрослых, пялящихся каждый день в телевизор на футбол вместо того, чтобы поиграть в мяч во дворе со своими детьми. Глупые книги — тоже пустота. Много пустого придумали пустые люди. Но карты еще некий атрибут в развлечениях шпаны. Мне иногда даже приходилось дебатировать с родителями, имеющими высшее образование, о вреде азартных игр. Умных людей не переспорить. И я не сразу научился отсылать их к умным книгам: у Достоевского, например, есть роман «Игрок».

Как приучить детей не пусто жить? Легко сказать... На деле — это значит достичь всего! Пусто проводимое подростками время всегда ведет к подгниванию отношений в любом их сборище. И потенциально можно вскоре ожидать дурных событий. Воспитание в определенном смысле — это занятые дети, притом не лишь бы чем, а полезным делом. У учителя, даже на уроках есть возможность убедиться в этом тысячу раз. По наитию к этому приходят все родители, не поверхностно смотрящие на своих детей. Школьник, мающийся пустотой — внешне безобидное явление. В действительности же тешить себя ерундой, значит незаметно терять себя, погружаться в пусто прожитую жизнь, притом не без вреда для окружающих.

В этот выезд мне еще запомнился футбольный матч, в котором мы сыграли после скалолазания с орскими «ништяками» из профтехучилища. Именно «ништяки» из города Орска были почему-то известны среди шпаны во многих городах России. Сейчас бы их назвали неформалами. Не помню, как мы сыграли в футбол, но запомнилось, что мой класс был все же культурнее «путяжного». «Гопники» не понравились нашим «трудным», что было само по себе неплохо. Иногда, достаточно одного впечатления, чтобы через него и в себе захотеть поменять что-то. Такие влияния на психику человека почти неуловимы.

Школа и чиновники

На лето (июль, август) я уехал в горы на Тянь-Шань, а с сентября по возвращению снова окупнулся в привычные школьные будни. Классом за два учебных года мы немало съездили и сходили в серьезные походы и путешествия. Оп-

лачивали поездки, за исключением рассказанного случая, родители; иногда некоторые расходы брали на себя Дом Пионеров или профсоюзы. Походный туризм был непритязательным в быту и автономным на природе: все в рюкзаке. Поэтому он был недорогим и доступным. Но не всегда приветствовались походы администрацией школы. В многодневном путешествии вероятность чему-нибудь случиться большая, чем в здании школы. И если директор труслив, т. е. не любит брать ответственность, выходящую за учебные рамки, то классному руководителю требовалась настойчивость и изворотливость, убеждать директора и завучей в подписании приказа, то есть убеждать свое начальство в пользе туризма для детей. Казус советской школы (сегодняшней тем более) состоял в том, что директор редко был одним из лучших педагогов и преподавателей в коллективе. Он не выбирался педколлективом, а являлся назначенцем и поэтому находился ближе к бюрократии РОНО и партийному управлению. По этой же причине он стремился быть «перестраховщиком», ограничивающим учительскую и ученическую инициативу: пусть что угодно случится, но не в школе.

У школы есть регламент работы с расписанными обязанностями для каждого учителя, и этот регламент может выглядеть вполне разумным. Но если исходить из результата, кем и какими должны выходить выпускники, то одним регламентом ни одна школа ограничиваться не может. И учитель не может работать с классом только по заданному шаблону. Безусловно, есть директора, поддерживающие своих учителей в инициативах, но дальше них стоит свора чиновников из районных, городских, министерских ведомств, накидывающих ошейники и на директоров, и на учителей, и на учеников через образовательный процесс. Эта казенная армия руководствуется параграфами, предписаниями, инструкциями и заваливает школы отчетностью. Учитель преподает, работает с классом, как воспитатель, но больше всего и прежде всего, отчитывается. Этой отчетностью чиновник, не взглянув ни разу на мой класс, навязывает свои формы работы. За что надо отчитаться, то приходится и делать. Я делал одно, а отчитывался в другом. Это удваивало объем работы. Да, собственно, школа вообще таким способом лавирует между пинками ведомства и родительским стремлением дать детям хотя бы некоторые знания. А каждому учителю приходится еще разрешать дву-

смысленность своего положения: нужно или оставаться собой и работать на здоровый результат, или превращаться в робота, в пешку, исполняющую инструкции. Даже если учитель успешно преподает предмет без обратной связи с учеником, он потеряет себя, если не заглядывает дальше того, как оседают знания у каждого школьника в душе: в виде вороха мусора или в виде очеловечивания.

Показуха школы и, якобы успешная учеба детей, держится на слепых исполнителях; исполнительность учителей сегодня доведена до роботизации. Бюрократией страдала советская школа, а современная даже ностальгирует и сильно завидует предшественнице — настолько она сегодня всеудушная. Мне многое удавалось прошибать напором и добиваться разрешений на нестандартные мероприятия, но рамки есть рамки. Перегрузка часами преподавания, рутина, среди которой было немало отчетности, препятствия бюрократии проглатывали уйму времени и мешали нормальными глазами смотреть на каждого ученика в классе. Другое дело в поездках: там мы все вместе. Я не говорю здесь, что образование нужно заменить туризмом. И из туризма сейчас делают тоже, что из всего образования. Весь вопрос в целях школы. И какую петлю на школу и учительство накидывает государство. Цели школы зачастую формулируются завуалировано: для всех они должны звучать благостно, но служить при этом корыстной правящей верхушке. В советское время школа была нацелена на то, чтобы выпускать специалистов для промышленного производства. В отсутствии промышленности сегодня школа готовит еще более узких и роботоподобных слуг.

Поездка на Валдай

В Оренбурге был большой клуб туристов. В нем собирались пешеходники, водники, горники, спелеологи, велотуристы. Собирались туристы раз в неделю, каждая секция в свой день. Клуб располагал помещением при областном Профкоме, а у спелеологов, смешно сказать, была их силами прорыта «своя пещера» под трехэтажным зданием. На общественных началах работали маршрутная комиссия, судейские коллегии для слетов и организовывались категорийные походы, иногда даже «четверки» и «пятерки». Такой туризм называли самодеятельным, а истинными туристами считались отдыхаю-

щие по путевкам в пансионатах и на пляжах. В этом большом кругу «самодельных» отшельников почти все знали друг друга, собирались с гитарой или показывали слайды после походов. Здесь всегда было живо и оптимистично, предлагались дерзкие маршруты, открывающие новые географические горизонты необъятной страны. Не посещать это братство было нельзя. Да и я принимал в городском туризме активное участие. Однажды в клубе мне сказали, что пропадают профсоюзные путевки на группу в 40 человек. Это же как раз на целый класс! Нужно, стало быть, выручить Облпрофком. Сейчас трудно поверить, что такие чудеса бывали (при всех противоречиях у СССР были огромные преимущества для людей, если иметь в виду наибольшую часть населения). На новогодние каникулы мы отправились плановыми туристами на Валдай, доплатив за путевки копейки, почему-то 10% от общей стоимости.

Класс поехал не в полном составе, но свободные места в этот раз заполнились другими желающими из школы, в основном старшеклассниками. Ехать на поезде с пересадкой в Москве. У нас целый день ожидания, но разве скучно провинциалам в столице! Посетив вместе Красную площадь и Исторический музей вблизи Кремля, молодежь разбежалась на весь день группами. За час до следующего нашего поезда мы условились встретиться на Ленинградском вокзале. Нельзя представить, чтобы сейчас можно было отпустить старшеклассников с такой легкостью на весь день в большом городе. Полиция бдит на каждом углу, кругом ведь опасности: террористы, бандиты, маньяки. Задержат великовозрастных детей, а учителя уволят с работы... Мои школьники были тогда уже в 8 классе, а примкнувшие еще старше: они с удовольствием остались провести время самостоятельно. Я уехал на большую часть дня встретиться со знакомыми, с которыми давно не виделся.

После встречи, поздно вечером мы собрались на вокзале... и около нас разыгралась драма. Было время каникул, ехали и другие группы школьников в поездах, и три учительницы не досчитались у себя двух воспитанников. Как же это случилось? Учителя-клуши в течение дня пасли своих воспитанников и ни на шаг от них не отходили. Но все-равно кто-то потерялся. Пришлось одной учительнице остаться после отправления состава, и она с выпученными от страха глазами

побежала к вокзальному милиционеру искать пропавших. Пропавшие были десятиклассниками.

На встречу я тоже опоздал. Меня воспитывали:

— Владимир Александрович, все в сборе, один Вы опаздываете! Мы думали, что Вы тоже потерялись, а билеты все у Вас. Будете наказаны!

Вину нельзя было не признать. Наш поезд уже подали, нужно было соглашаться на любое наказание и спешить в свой вагон.

Ученики часто испытывают своих учителей. Уже в поезде с некоторым озорством Наташа Гурина спросила меня:

— А что бы Вы делали, если бы кто-то из нас потерялся?

— А то вы меня не знаете: я бы не остался на поиски беспечных деток. Пусть бегают, мечутся без денег по вокзалу и добираются домой или в свою группу сами. Пусть соображать поучатся.

— А Вы бы переживали? — еще кто-то спросил.

— Я бы злился. Или нельзя на остолопов злиться?

— Значит мы не остолопы, раз не потерялись... А Вы вообще-то тоже чуть не опоздали на поезд.

— Да, да... намек понял: я действительно остолоп сегодня. Извините!

Мои школьники как-то хорошо чувствовали, что не ходить за ними по пятам труднее, чем опекать их, и были мне за доверие благодарны. И тогда, и потом, больше 30 лет, я водил и возил школьников повсюду, и они не терялись. А если терялись (редкие случаи), то быстро находились и переживали за промашку больше меня. Мне же оставалось сохранять выдержку и изображать олимпийское спокойствие. И это настоящая ответственность, в сто раз большая, чем сторожить на каждом шагу великовозрастных деток. Но такие признания учителя покажутся радикальными не только чиновникам или крайне сердобольным мамашкам, но и, пожалуй, большинству граждан, благополучно утопающих в общераспространенных педагогических предрассудках.

Учитель школе нужен с убеждениями, — и все согласится с этой книжной истиной. Да только много ли вообще людей с убеждениями? Действительные убеждения не приходят к трусливым. К тому же вся официальная машина поддерживает законопослушную трусость, и эта трусость последовательно культивируется и выдается за добросовестность. Попро-

буйте набраться смелости и отпускать школьников на доверии (разумеется, не на наивном), чтобы они сами себя контролировали. Чтобы у них являлось чувство ответственности перед всеми в классе, и перед классным руководителем тоже. Или ответственность в людях рождается путем морализования о ней? В так называемой образованной среде существует поклонение талантам. Но может быть смелость важнее в человеке? Владимир Высоцкий остался бы средним актером в сильной советской актерской школе, не будь в нем, прежде всего, смелости. Все его стихи и песни — отметание трусости. Конечно, в них еще проникновенна и глубокая народность, а не светскость или элитарность, как и многое другое. Но вся мощь его личности — в смелости. Школьники лучше взрослых замечают, берет ли учитель на себя действительную ответственность или только формальную.

Поезд привез нашу большую компанию на Валдай. Валдай — живописный холмистый край лесов и озер. Но как-то мы не вкусили сполна его красот. Жили в гостинице, кормились в ресторане «Дар Валдая», посетили несколько экскурсий, например «Тропинками зимнего леса», и все это меньше впечатляло, чем палаточный поход на природе. Можно сказать, мы были не на природе, а около нее. Лесной Валдай, конечно, тоже запомнился нам — жителям степей Оренбуржья, но эта поездка получилась беднее событиями. В походе одолевается маршрут, и в нем проявляются характеры. Постоянно что-то происходит, преодолеваются километры и необычные ландшафты, глаз радуют панорамы, слышатся остроты по существу, в словах звенят и добрый смех, и сарказмы. Поход — это большая жизнь! А что экскурсии? У школьника каждый учебный день словесные экскурсии, его постоянно фаршируют знаниями, от которых набиваются оскотины. Слова, даже самые хорошие, лишь тогда ложатся на душу, когда есть пережитый опыт, а на школьника только и сыпятся слова, слова, слова...

Какие «Тропинки зимнего леса»? Буйному подростку ломиться надо по колено в снегу! Вечерами, смотришь, дурь и вопли одолевают молодежь по комнатам, кто-то, прячась, покурил; пошлятина срывается с уст от недостаточной нагрузженности. Надо ли было тащиться на Валдай ради этого? Поездка, не сказать, чтоб оказалась бесполезной, но походы школьникам нужней. Курортный комфорт будет полезен раз-

ве что пенсионерам... Ближе к концу пребывания «на курорте» с таким выводом соглашалась вся группа.

Кризис

К концу второго года меня подъедало чувство неудовлетворения. Я кипел в работе, а у моих школьников оставалось много пустого времени. Несколько активных учеников увлекало чаще хулиганство. Большая часть класса имела какую-то инертную безынициативность и шла на поводу активности первых или замыкалась в себе. Походы оживляли класс, рождали интерес к здоровым порывам, а будни снова уводили в пустопорожнее. Жизнь в обычных условиях и в походе — это две разные жизни. Одна в социуме, а другая — изолировавшись от него, как на необитаемом острове. Изолированность походной группы требует полного самообслуживания, не бестолковой активности и умения считаться друг с другом. Мгновенно в новых условиях начинают выстраиваться и новые отношения. Рождается своего рода мини-государство. Строить эти отношения по-новому вдаль от гниловатого социума значительно легче. Разумеется, они не построятся в лучшую сторону автоматически: многое зависит от состава группы, ее актива и организатора. В походах происходил некоторый разрыв с привычками, укоренившимися дома, на улице, от скуки в школе. Настоящий маршрут, как любое большое дело, стряхивал не только физическую лень, но и душевную. Но жизнь не состоит только из праздников, песен и путешествий. Учебный процесс в 8-м классе тянулся примерно также, как и в 7-м. Учебная повинность съедала основное время и не прибавляла особенно ни знаний, ни стремлений. Дома мои школяры тем более не учили домашних заданий и норовили после уроков ускользнуть от родителей на улицу.

Просиживание большей части дня на уроках, кружок по интересам на два часа в неделю, полчаса на день бытовых работ для самоуспокоения родителей, телевизор (сегодня интернет) в качестве пассивной забавы и улица, которую боятся родители — вот все содержание жизни подростка. Не всех, но большинства. Все это большинство прозябает без внятных для себя целей, а родители наивно надеются, что школа наполняет детей знаниями. В рамках школы учитель на учеников может влиять ограниченно, притом в зависимости от уже сформиро-

вавшихся интересов и привычек. Как умел, я предлагал всем и каждому в классе различные кружки, походы, подходящие хобби. Наверное, под влиянием моды на психологические тесты, даже провел несколько письменных опросов. Например, на классном часе каждый написал, с кем бы он пошел в поход, поскольку мы походники. Ответы всем не оглашались, но было подсчитано для каждого ученика, сколько желающих хотели его с собой видеть. Тест, надо сказать, воспринялся волнительно. Для многих это был взгляд на себя со стороны и на отношение к себе сверстников. Был также опрос о том, кто как любит проводить время. Картина оказалась не интересной: процентов 80 «любили гулять», т. е. без дела вечерами шататься и что-нибудь натворить, лучше сказать, навредить. Типичное времяпровождение бездельников и, в особенности, шпаны. Мне было известно, как маются некоторые из моих богатырей. Дурная инициатива в их кругу пользуется спросом и от делать нечего кто-нибудь обязательно напакостит: разобьет плафон на спортплощадке, заорет во всю глотку ночью в подъезде, начнет задирается ко всем прохожим под прикрытием толпы. Драки или тихое издевательское угнетение в среде подростков, скрытые от взрослых глаз — это постоянные явления школы и улицы.

Однажды на собрании одна из мам назвала свою дочь непутевой и добавила: «Мы ведь все равно их любим». Я тоже уважал все, что можно было уважать в своих учениках, но напирал на них. «Максимум уважения и максимум требований», — формула Макаренко, которого забыли сегодня несмотря на то, что за весь XX век ЮНЕСКО назвала только четыре педагога, как самых выдающихся в мире, в числе которых и Антон Семенович. Эта формула как раз противоположна всем сегодняшним сладким постулатам, суть которых: лелеять эгоиста, «принимать каждого человека таким, каков он есть» (например, лодыря, за которым замужем). Класс, всех вместе и каждого по отдельности трудно было сдвинуть с нажитых привычек. Привычки подростка — это не привычки трехлетки или семилетки. Удручали больше не хулиганские выходки. От них в перспективе можно избавиться. Мало было стремления жить не обывательски: хоть бы несколько человек зачитывались книгами или сами рвались к каким-то не ерундовым увлечениям. Присутствовала какая-то не сдвигаемая пассивность. То, что предлагалось мной, многим нравилось,

но собственная инициатива совсем мало активизировалась. Некоторая часть класса совершенно ничем живым не интересовалась. Пассивность большинства — это одна сторона; другой — было отрицание всей взрослой жизни. И даже это отрицание выражалось в пассивной форме. Дурная инициатива, конечно, иногда проявлялась, на то и трудный класс. Но в принципе, мало было серьезных целеустремлений.

При всем старании работы с классом я видел слабый результат. Мои ученики двигались в основном туда, куда тянуло общее течение жизни.

Куда же уносило всех течение? Состояние общества этого времени хорошо показано в фильме «Курьер». Фильм нельзя назвать особенно талантливым, но в нем верная концовка: и старшее поколение, живущее своей инерцией, и молодежь, их дети находятся в тупике. Не только отцы и дети не понимают друг друга; никто вообще не понимает, куда заворачивает жизнь. Фильм не отвечает на вопрос: куда движется общество. Чем он заканчивается? Главный герой должен после школы призваться в армию, он смотрит в глаза демобилизованному воину, возвращающемуся домой. Глаза воина очень серьезные, а на лице — шрамы, полученные на войне в мирное для страны время. Вся остальная молодежь танцует модный тогда «брейк»; она также тяготеет к сборищам в кабаках, а уже выделившаяся омещанившаяся часть — к нарядам из парижских журналов. Много молодых людей мельком охвачено сценарием. Уход от действительности посредством суррогатов и мещанство — вот суть надвигающегося времени. Брейкующие все в каком-то забытье, как в опьянении. У молодежи внутренняя вялость и поклонение Западу. Старшему поколению претит жизнь своих детей, но они тоже уже без прежних идей и обросли определенными предрассудками. Фильм замирает на неизвестном будущем.

А в настоящем у всех пассивность и растерянность. В последствии этой вареной пассивностью населения воспользуются «предприимчивые» люди, и жизнь всех обретет смысл: бедные, становясь еще беднее, начнут бороться за существование, а богатые — на том обогащаться до одурения. Но это будет потом. В год выхода фильма, который показывает тупик общества, я требовал от класса стремиться к другой жизни — противостоять обывательщине.

Конфликт

Скажу сразу, я не принимал мещанства и обывательщины и воинственно шел против течения. Всему классу иногда выдавал тираду возмущения, сваливая все подряд в кучу: «Мелко плаваете... чем вы интересуетесь... никаких целей... дешевая романтика...».

Нажимал я, может быть больше, чем надо: закипал, горячился, возмущался, иногда срывался. Иру Степченко за очередную выходку обозвал в порыве «дурой». Конечно, потом я извинился, класс мне это простил, а Ирина — тем более; в классе не было злопамятных. Но это было уже противостояние: учитель — класс. Пожалуй, я излишне цеплялся за внешние выходки, дело было не в них. Не столько внешнее поведение возмущало, сколько приводило в отчаяние неспособность сопротивляться общему обывательскому течению. Это сейчас спустя многие годы нам находятся многие объяснения прошлому. Тогда же было больше непонятного, и в порывах я делал больше ошибок.

Часть учеников, конечно, чувствовала правоту моих упреков, но от понимания своих слабостей до того, чтобы поменять что-то в себе — большое расстояние. К тому же упреки не помогают сближению. На компромиссы по большому счету идти я не мог, и трещина отношений с классом увеличивалась. Дело было не в моем умении или неумении искать компромиссы. Компромиссы в чем? Надо было забыть Чехова и Щедрина, язвящих мещанство? Я не мог уступить обывательщине, а мои ученики не могли быть мудрее своих родителей, школы, всего общества. Сейчас легче многое бесстрастно формулировать, а тогда все шло на эмоциях.

Я напирал на своих школьников. Не вспомню детально, но к какому-то моему поручению одна из девочек в классе сказала:

— Мы сделаем, потому что Вы требуете: у нас нет выбора. Вы сильный человек и давите...

— Так, если нет инициативы... Впрочем, если вам тяжелы мои требования, можете от меня отказаться, как от классного руководителя.

Кто-то усмехнулся, подразумевая, что со школьниками в таких вопросах не особенно считаются. Но я заявил, что улажу все с администрацией сам, ничего не сваливая на класс: навязчивым классным папой быть не хочу.

Будни школы продолжились. Месяц спустя наступила развязка. Когда я пришел на очередной урок, Ира Степченко встала и класс напряженно замолчал.

— Мы хотим... отказаться... — сказала она, глядя в окно.

У меня только и мелькнула мысль: «Степченко и здесь взяла на себя труд сказать от имени всего класса».

Такой разрыв был, по крайней мере, честным. На захлестнувшую меня обиду я накинул узду. Учительская работа — это частые крутые виражи. На самых крутых поворотах у меня воспиталась выдержка.

В это время в школе сменился директор. Он был вспыльчивым человеком, но искренним и умным. Он понял драму и мою упертость не возвращаться, и не пошел выяснять с классом случившееся. Побегал, побегал нервно по своему кабинету и развел руками...

Разрыв я пережил как ранение. Многие в классе тоже испытывали неловкость или стыдились меня, особенно девочки: женская натура все-таки потоньше. Всем было понятно, что я работал с отдачей и бескорыстно. Я много привнес в класс и в то же время, во многом его ограничивал. Ограничивал, прежде всего, в привычках. Ограничивал в одном и требовал инициативы в другом. Так мне по крайней мере казалось. Оставаясь в школе до конца учебного года, мы с трудом и даже с излишней вежливостью контактировали, когда случалось пересекаться. Ни один из учеников при встрече даже намеком не показал мне неуважения. После окончания учебного года я уволился с работы и уехал с рюкзаком жить в другой город.

Молодость не оглядывается назад: свое фиаско я не обратил в обиду и в разочарование. Но уже тогда отчасти было понятно, что трагедия: учитель-класс — не только наша частная трагедия. Разворачивалась трагедия всей школы, переходящей из советской жизни в сегодняшнюю.

Может быть, я торопился с результатами? А может быть жизнь уносила всех по течению, и заплыв учителя против течения ничего не значит? Эти вопросы я задавал себе позже... А сначала переживал трагедию.

Фильмы о школе

Если смотреть на искусство, как на отражение жизни, то доходчивее всего показали школу советские художественные

фильмы. Чего только стоят «Республика Шкид», «Доживем до понедельника»! Можно ли найти нечто подобное в мировом кинематографе, в том числе и в довлеющем монополистском Голливуде? В эпоху кризиса советской школы, как и всего общества, лучшими, наиболее правдивыми, можно назвать три ленты: «Чучело» (1983), «Пацаны» (1983), «Дорогая Елена Сергеевна» (1988). Если к кино не относится только, как к забавам и времяубиванию, в этих фильмах — обнажающая правда всей жизни: ведь и учителя-то не плохие, а цинизм школьников нарастает. Каждый фильм — жестокие конфликты из-за малодушия или даже подлости подростков. Куда уносится общество вместе со школой? — главный вопрос этих фильмов. Общество подгнивает, и это выпирает в нравах школьников. Куда всех поворачивает: к очеловечиванию или оскотиниванию? — ставится вопрос со всей эмоциональной силой талантливыми сценаристами, режиссерами, актерами. Ролан Быков особенно остро сюжетно хватается за тему школы. Подгнивание больше видно на молодом поколении и в первую очередь ощутимо в школе — подсказывает всем кино. Сползание в сумасшествие — общая трагедия большой страны. Эта трагедия не могла не коснуться нашего класса, она была жестокой закономерностью для большинства школ. Трагедия нашего класса оказалась даже мягче, чем в фильмах.

Новой не советской жизни соответствуют и новые фильмы. Один из таких низкопробных и потому раскрученных — «Географ глобус пропил». В чем третьесортность «Географа»? В нем не показан типичный учитель (или даже не типичный) из нормальных. Главный герой фильма ничего не умеющий, никчемный прозябатель, алкаш-авантюрист, чуть не топит школьников на речном сплаве в походе. Разве сегодня нет в школе настоящих учителей, которые могли бы быть героями нашего времени? Или героями должна быть только криминальная братва? Ау-у-у-у, писатели, художники, сценаристы! Где вы? Напишите, как есть про будничную жизнь на работе и дома учителя, врача, а еще лучше простого работяги, и появится новый шедевр в искусстве. Отмороженные Рембо и Шварценеггеры на русский манер — это заказ верхушки большого общества, а где фильмы для очеловечивания людей? Душевно больные и с вывихами герои штампуются для одурачивания населения огромными тиражами. Напишите правду про честного человека, человека с совестью, как он мыкается и

сопротивляется обывательщине, косности и социальному злу. Первые три фильма околоперестроечных времен («Чучело», «Пацаны», «Елена Сергеевна») ставят вопрос: куда плывет общество? «Географ...» не ставит никаких вопросов, он констатирует факт: уже приплыли... И что самое главное, смиряет обывателя с уродливой действительностью. Это вторая функция искусства: смирать или не смирать людей с ненормальностью в жизни. Первая функция искусства, как известно из учебников эстетики: отражать жизнь. Искусство, смиряющее человека с уродливостью всей социальной жизни — самое реакционное и развращающее. Это искусство проплачивается и жирными порциями преподносится телевидением, интернетом, рекламой. И также в театрах.

Еще про искусство... Многие экзальтированные эстеты часто пишут банальности в интернете, вроде той, что красота спасет мир. Мир спасет борьба за красоту, а не красота сама по себе. Красота существует с незапамятных времен и торжествует лишь тогда, когда ее отстаивают: инквизиция прятала красоту, сжигала на кострах молодых женщин и понадобилась большая историческая полоса борьбы, чтобы дойти до эпохи Возрождения.

Много лет спустя

Прошло много лет. Жизнь послеперестроечная поменялась для всех; поменялась целая эпоха. Я много ездил, водил по-другому в походы школьников... и вспоминал «трудный» класс. За суетой в Оренбурге почти не бывал. И вот однажды мы договорились встретиться классом...

Меня, как мальчишку, охватывает волнение. Я поднимаюсь на пятый этаж. Сбор всех у Гали Фирсовой все в той же квартире. Человек пятнадцать солидных мужчин и женщин (больше, конечно, женщин) стоят построенные в шеренгу. Их атаманша, положив два пальца в рот, издает пронзительный хулиганский свист и обращается ко мне:

— А теперь, Владимир Александрович, угадывайте нас!

— Степченко! Ну что тебя угадывать...

Поднялся хохот. Строй нарушился. Объятыя, реплики, комплименты. Мне кажется, мы никогда не смотрели друг другу в глаза так пристально.

И все-таки двоих я не узнал... Сидя за столом мы, конечно, вспоминали походы и тех, кто не смог прийти на сбор. В

альбоме у хозяйки квартиры оказалась сохранившаяся статья из газеты про нашу кавказскую Одиссею. В воспоминаниях открывались эпизоды, которые я никак не мог знать. Да и не надо учителю знать про все проделки учеников. Эти проделки, выходки, теперь всем казались смешными. Мы хохотали и перебивали в рассказах друг друга. Была и грусть, о которой не сказать с ясностью: в этой грусти какой-то налет прожитой многолетней тяжести. На прощание Лена Вишенкова благодарит хозяйку квартиры:

— Спасибо, Галка, что собрала всех у себя. А я побоялась к себе пригласить. Мы же сейчас живем все по-разному.

Социальное расслоение давит и одноклассников: уже по этой причине трудно собраться всему классу вместе. Расходились очень поздно и договорились снова встретиться у Ирины Чуриковой.

Ира живет в своем доме. Дом частный, из старых сохранившихся в Оренбурге, пожалуй, скромный, но в нем много картин на стенах. Ирина — художница. Не подумайте, что я начну сейчас перечислять, кто стал летчиком, врачом, художником. Статусы и должности не определяют суть человека. У Ирины мы сидим также за обильным столом. Последним приходит Антон Буровин. Я встаю из-за стола здороваться.

— Картина маслом: Владимир Александрович обнимается с Буровиным, — язвит Степченко. И все хохочут от восторга встречи класса.

Антон жизнь переломила в лучшую сторону, я сразу это почувствовал. Мы потом говорили с ним наедине о его перевоплощении. Антон стал рассказывать:

— У меня мама болела, да Вы же знаете об этом, пришлось мне помогать выживать всей семье. Особенно в 90-е было трудно... А Вы, конечно, необычно с нами работали, об этом я вспоминал.

— Я тебя в классе гнобил, Антон. Обижаешься?

— Ну, как можно, Вы думаете, что я мелочный?

Мы пожали друг другу руки.

Здесь уместен вопрос: повлиял ли я на Антона как учитель? Думаю, вряд ли. На него повлияла ответственность за мать, за семью и родственников... А я, может быть, в какой-то мере что-то не разглядел в нем раньше. Вернее, не так. Я на всех повлиял, но больше влияло общее течение жизни: эпоха и ее нравы.

Тему трудного класса я не считаю особенной, хотя с «трудными» мне пришлось пройти несколько кругов. Расскажу совсем коротко еще об одном классе — не трудном. Ведь школа представляет в большинстве не трудных учеников. За три года до работы с восьмиклассниками я был классным руководителем в 5А классе в другой школе того же района Оренбурга. Класс «А» являлся, как правило, благополучным, но это не делалось специально: он составлялся первым, а значит более организованными родителями. Вообще «трудные» классы вырисовывались уже после начальной школы. Пятиклассников я тоже водил в походы. С ними я работал только год, и мы также сходили два больших и несколько двух- или трехдневных походов с ночевками в палатках. Один из них проходил в сердце Южного Урала в сплошных лесах и с восхождением на каменистую вершину Большой Иремель. Маршрут был очень трудным. Там мы даже не на шутку заблудились. Несмотря на испытания, походы ребятам сразу понравились. Дети, вообще, чем младше, тем живее, и тем легче их увлечь живым делом.

Были и другие у нас общие мероприятия. На 23 февраля — в день рождения Красной Армии мы затеяли штурм крепости на окраине города. Штурм не совсем выдерживал идею праздника и был построен по сценарию того, что преподавалось по истории. В классе четыре звена: три из них персы, а одно — храбрые спартанцы во главе с Леонидом. Я, разумеется, был царь Ксеркс и у меня три звена.

— Войны! — восклицаю я в духе типичного деспота, — весь мир принадлежит мне и лишь одно пятно омрачает мою жизнь: непокоренная Греция. Сметем непокорных!

И начинается штурм. Я сижу на троне и мерзну, а рядовым воинам жарко в битве. Да, забыл сказать, что битву мы специально наметили ночью, «чтобы интересней было». С вечера воздвигли крепость из снега на краю оврага, а на ночь приготовили шомполы, которые полили солярой из бутылки. Огонь на шомполах, дым с сажей, истошные вопли, горящие глаза — все по-настоящему! Часа за полтора мы перепахали овраг, а еще два часа искали обувь двух воинов. Снег глубокий, да еще в овраге, и в азарте двое ребят потеряли по ботинку. Обувь искали уже всем классом и не нашли. Пришлось порвать мою «богатую персидскую чалму» на два куска и обмотать воинам «раны». В город мы возвращались в час

ночи. Строй наш с огнями на шомполах с измазанными сажей физиономиями немало удивлял мирное население, выглядывающее из окон девятиэтажных домов. Тем, что мы учудили на весь микрорайон, я снискал себе славу и «ненормального» учителя, и энтузиаста, что примерно одно и тоже по смыслу. В глазах же своего класса я не проигрывал: у нас было полное взаимопонимание.

В жизни любого коллектива выступают иногда противоречия, борьба некоторых эгоизмов. Несогласия часто бывают и легко разрешимыми. В классе каждый мог высказать свое мнение, была в принципе открытость и любое противоречие достаточно легко решалось. Много ребят было ярких. От ребят я нисколько не дистанцировался (ну и не запанибрата). Многие из них даже иногда бегали со мной кроссы по утрам. Дети жили в компактных дворах и недалеко от школы. Я — семьей там же. В общем, работалось как-то, боюсь пафосного слова, одухотворенно.

Обстоятельства мои позже сложились так, что по окончании учебного года я уехал на год в другой город. А когда вернулся в Оренбург, меня в эту школу не взяли, да и у класса был классный руководитель. Хотя ребята меня, конечно, ждали. В последующие годы классные руководители у них часто менялись. По отзывам, которые я слышал, класс не сложился в особенно дружный. О себе я оставил восторженное воспоминание и думаю, одновременно — некоторую обиду тем, что исчез после года работы. Много лет спустя с частью класса мы дважды встречались. Если предположить, что я проработал бы в этом классе до выпуска их из школы, то думаю, много могло бы быть хорошего, но идиллии по мере взросления учеников оставалось бы меньше и меньше. Пятиклассники еще принадлежат родителям, они верят им и живут их заповедями; они также пока послушны учителям. Вырастая и переходя в подростковый возраст, семиклассники уже пробуют сомневаться или даже отвергать родительские намерения. Они уже сами дотягиваются ростом до родителей и по законам возрастной психологии претендуют на самостоятельность. В этой самостоятельности кого куда завернет: на подростков уже больше влияют не родители и педагоги, а общество. Завернет каждого, безусловно, на базе того, что заложено всем детством. Но все-таки с восьмиклассниками было бы уже намного противоречивей, чем с ними же в возрасте пятиклашек.

Роль учителя велика! Но общее течение жизни более цепко держит школу и души школьников. Мне встречались одаренные и самоотверженные учителя; их усилия приносили большие плоды, они повлияли особенно сильно на отдельных учеников, но принципиальнее сказывалась на всех власть общества. Не трудные классы тоже уплывали по общему течению жизни. И в них не обходилось без жестких конфликтов. Надо сказать, официальная власть в этих конфликтах всегда пытается сделать козлами отпущения учителей, а не гнилое общественное устройство. А все добропорядочные мещане поддакивают порядку в беспорядке или «политикой не интересуются».

Судьбы учеников после школы — самое интересное в работе учителя. И семиклассники, и пятиклассники, о которых я рассказываю, — ровесники: им уже по 45 лет. Их судьбы давно определившиеся. Кем стали сейчас мои школьники? Какие они, как люди? Разве это не самый интересный вопрос? Я не берусь отвечать на этот вопрос за каждого, потому что многого не знаю. Не люблю субъективность. И о чем знаю, не всегда могу рассказывать, потому что не все может быть корректным, даже при хороших итогах. Сказать про всех: мои «трудные» не оказались в жизни труднее тех, кто вышел из благополучных классов. В этом я удостоверился точно. Мне удастся встречаться со многими из бывших школьников в силу разъездного образа жизни и интереса к искреннему общению. Разница, конечно, между трудными и не трудными классами есть. Работать легче, безусловно, с нетрудными. Из класса «А» половина учеников получили высшее образование, а вторая половина выучилась в техникумах и ПТУ. Из класса «Б» — большинство окончили ПТУ и техникумы. В соответствии с притязаниями многие подобрали и работу. Социальное расслоение между уже взрослыми людьми больше в классе «А». Класс «Б» за исключением единиц представляет среднего россиянина, то есть не попадает по обеспеченности в так называемый средний слой. Большинство выросших учеников из обоих классов остались жить в Оренбурге. А несколько человек уехали в Москву и Петербург. Есть такие, кого судьба никак не пощадила — такой век. И таких больше из класса «Б». По человечности люди провинции проще, добрее, искреннее, и я не знаю таких из моих трудных оренбургских учеников, кто бы выродился в негодяя. По-настоящему

трудные, с черствой сущностью эгоисты встречались мне в основном в столичных городах и, как правило, не в трудных классах. Чаще они имели даже благовоспитанные манеры.

Возьму две судьбы. Ирина Степченко — поскольку я о ней больше рассказывал — работает, чтобы зарабатывать на жизнь, у нее хорошая семья и поет она раздольные песни в большом хоре. Характер тот же — яркий, но появилась материнская мягкость. Мне особенно импонирует то, что она поет, что живет не только заботой о хлебе насущном. Пробовала она еще петь и в известном ансамбле, но из-за плохой атмосферы ушла оттуда — тоже добрый знак. Еще одна судьба: Сергей Тазетдинов из другого класса. В самом первом походе мы шли по жаре, и Сергей упал в обморок. Все перепугались, мы положили пострадавшего на рюкзак, приложили ко лбу мокрый платок, и когда он пришел в себя, дали ему попить. Сергей встал, как будто бы проснулся, и этим рассмешил всех. Он слишком много нагрузил себя общественными продуктами. Это я понял, когда стал разгружать его рюкзак. Не рассчитал турист свои силы. Так может не рассчитать свои силы только хороший мальчишка. После девятилетки Сергей поступил в педагогическое училище, а по окончании его, уехал работать по распределению из города в деревню. Там он работает, живет семьей и сейчас. Не многие посчитают судьбу сельского учителя завидной, а я знаю, что Сергей — хороший учитель. Успешность, которой кичатся многие в соцсетях вряд ли вяжется с учительской профессией. Успешным может быть изворотливый бизнесмен, процветающий для самого себя. А учитель, вошедший в класс — тут же окружен школьниками. Учительская работа — это жизнь вместе с людьми, а не только для себя.

Судьба бывших учеников всегда интересна учителю. И выросшие ученики обязательно вспоминают своих учителей. Школа — часть жизни каждого человека. Со школьниками я работал многие годы. Мы вместе ходили и ходим в походы, что делает нашу жизнь ярче и гуще. Учительская работа, как и все мои походы со школьниками позже — самая творческая часть моей жизни. Со многими бывшими учениками, нередко почтенного возраста, я дружу до сих пор. Разве не повезло мне в жизни с профессией!

2018 г.

Глава II.

В Ленинграде

Учителя и школа

Переезд

Москва и Ленинград по кипению жизни — столицы. Мне хотелось переехать в большой город. Проехав четыре крупных города: Москву, Киев, Минск, Ленинград, я решил, что останусь жить в последнем. Здесь я впервые услышал о «понаехавших» и «коренных» и заодно про лимитную прописку. С лимитной пропиской на педагогическую работу в Москве и Ленинграде можно было устроиться только воспитателем в профессионально-техническом училище (ПТУ). На работу меня взяли с удовольствием, чтобы воспитывать, т. е. утихомиривать ночами верзил кораблестроительного училища. Воспитателю в училище предоставлялась бесплатно комната в общежитии. Параллельно на полставки нашлась работа в школе.

Туркружок в школе

Основное мое повествование все же будет о школе, хотя мне пришлось работать в Ленинграде в трех учреждениях: воспитателем в ПТУ, учителем в школе и руководителем туркружка на Станции детского туризма.

С директором школы сначала не повезло, может, потому, что мужчин трусливых больше, чем женщин. Мужчина, степенного возраста, с аккуратно остриженной бородкой слушался своих напористых теток-завучей и сторонился вместе с ними не только походов, а всего живого и нестандартного. По меркам РОНО школа считалась благополучной, а значит, с консервативной администрацией. К немногим часам истории в пятых классах мне разрешили вести еще туристский кружок.

Но завучи сразу уперлись с разрешениями на далекие выезды со школьниками.

Школьные кружки, как и вся школа, тоже могут быть придавлены тисками бюрократии, а туристический, связанный с разъездами, особенно. Туризмом заниматься можно, но в походы — не больше, чем на день. И ездить далеко и надолго незачем: вдруг что случится(!). Можно вязать узлы на занятиях в кабинете, можно «костер с одной спички» разжечь не во время дождя и не в лесу, и в поход достаточно сходить до ближайшей рощи. То есть формально туристы в школе будут, но в лесу, а тем более в горах, они ничего не смогут. Такие туристы могут даже съездить на районный слет и получить грамоту. И честь будет школе, и чиновникам хорошо при такой показухе.

За что школьники любят многодневные походы? Там настоящая жизнь! Пусть даже неведомая, пусть чем-то трудная, но настоящая... В походе вылезет весь результат школярства: полная практическая неприиспособленность во всем и прежде всего, бытовая. В лесу надо устроить лагерь, кому-то сварить котел еды на всех. Если учитель, даже из лучших побуждений, сам все сделает, то ему предстоит всю ночь удивляться, как неблагодарны дети, и как их не утихомирить до утра. Ну а если никто не сварит, не поставит толком палатки, не устроит быт, то дело для всех может обернуться еще хуже... Достаточно выйти на три дня с любым классом, чтобы увидеть всю неприиспособленность большинства подростков к любому делу, даже в походе, в который они с удовольствием вырвались. Кроме всего, не только классного руководителя, но и самих детей ужаснет беспорядок в лагере и то, как они бесятся, вырвавшись на волю.

Но беситься и порадоваться только этой отвязанной романтике не получится: вскоре захочется кушать и заснуть в тепле. Эта та первая реальность, которая заставит всех подростков более-менее рационально действовать. Этим хорош будет первый поход. А еще тем, что он заставит всех думать. Он покажет школьникам, какие они на самом деле, и что они могут или не могут. Уже за эти открытия в себе, за целесообразный опыт они порадуются походу как большому и настоящему событию в их жизни.

Почему я цеплялся в школе за походы? Считал туризм лучшим из всех средств в работе со школьниками? Нет, конечно.

Лучшее средство нашел и обосновал педагог Макаренко. Его собрание сочинений в печатном издании составляет восемь томов. Все, что им написано, это не теоретические выдумки, а обоснование своего опыта, выдающегося результата в работе с беспризорниками.

Антон Семенович организовал с детьми рентабельное производство, сначала сельскохозяйственное, а затем промышленное — крупный завод. Притом этот завод был передовым и давал большую прибыль государству. Кроме того, дети организованной им колонии, а затем коммуны, учились в школе и играли, как все их ровесники. Также они ходили в далекие многодневные походы. Театр в колонии был тоже захватывающий. Но главное дело — участие детей в настоящем производстве. Производственный труд — основа существования взрослого человека, а полного сил подростка школа наполняет платоническими знаниями. Без практики эти знания оторваны от жизни. Труд не сам по себе рабский, а полезный людям еще и поднимает достоинство человека в своих и чужих глазах. Работать на настоящем производстве не 8 часов в день, а 2, 3, 4 часа, в зависимости от возраста, в сочетании с учебой и активным здоровым отдыхом — лучшее средство воспитания по Макаренко. Это не игрушечки, которыми часто называют трудовое воспитание. Такой необходимый и полезный труд лучше покажет подростку, для чего нужно учиться, чем все словесные назидания взрослых. Антон Семенович доказал это практикой, а когда его стали заедать чиновники образования, он нашел такое же обоснование у Карла Маркса.

Вторая основа макаренковской педагогики — воспитание в коллективе и через коллектив. Умение человека считаться с окружающими людьми, быть коллективистом — самое первое качество, необходимое каждому, живущему среди людей. Сегодняшняя школа в духе времени культивирует индивидуализм, и уже поэтому учение выдающегося педагога не пропагандируется. Но Макаренко — навсегда классик в педагогике, он дал стопроцентный результат: из двух колоний правонарушителей вышло более трех тысяч незаурядных людей. И что курьезно, некоторые профессора, умно писавшие педагогические трактаты, упрашивали Антона Семеновича взять своих собственных испорченных детей в колонию.

Даже в советское время не могло быть широкого участия школьников в настоящем производстве, несмотря на кано-

низацию Макаренко после его смерти и выпуска 7-томного издания в конце 50-х годов. Тем более ни о каком участии детей в производстве со здоровыми целями не может быть речи в сегодняшних условиях при откровенной эксплуатации капиталом наемной рабочей силы. Вообще, широкое внедрение достижений выдающегося педагога сегодня невозможно представить ни в России, ни за рубежом, хотя Макаренко и стоит иконой в ЮНЕСКО как один из четырех самых великих педагогов 20-го столетия.

Поскольку система не допускает внедрения лучших достижений новаторов, постольку многие учителя довольствуются хоть какими-то средствами, приносящими неформальный результат. Туризмом как средством, не самым лучшим, но одним из лучших, я, может быть, слишком увлекался, потому что школа, даже советская, была чрезмерно оторвана от жизни. Сегодня и это средство отобрано у учителей: детский туризм задушен в угоду коммерческому, он буквально преследуется чиновниками сразу нескольких министерств.

В новой школе я, конечно, бодался с директором, а с завучами больше отшучивался: их надутую важность невозможно было воспринимать серьезно. Но за учебный год наш туркружок все равно успел немало. Кроме занятий по навыкам туризма мы сделали несколько выходов с ночевками по Ленобласти, на осенних каникулах сходили в большой поход по Карпатам в районе горы Говерлы, а в мае поехали в Крым — довольно необычное путешествие.

Походы с оренбургскими и ленинградскими школьниками

Необычным Крым получался потому, что в путешествие собрались и мои бывшие школьники из Оренбурга, и ленинградские. Надо немного рассказать о том, что почти все участники Крыма были уже не новичками в туризме. В Оренбурге я ходил в походы не только с классом, в котором имел классное руководство, но и с теми, кому преподавал историю.

— А сходите с нами в поход! — скажет кто-нибудь из семиклассников. Этот вопрос будет задан тогда, когда учитель собирается спрашивать домашнее задание. В каждом классе

есть мастер увести разговор не по теме, психолог своего рода, знающий слабые струны своих преподавателей.

— Что ж, можно и в поход сходить, — не устоит перед ожиданием целого класса учитель.

Поход разбавляет школьные будни и связывает многих дружкой. После него больше взаимопонимания между классом и учителем. Уже с восьмиклассниками сборной группой мы прошли спортивный маршрут по Западному Тянь-Шаню. Вообразите: из Оренбурга — и на Тянь-Шань! Разве не обогатится горизонт школьника за одну такую поездку? Мы едем на поездах и автобусах по необъятной стране. Степи Казахстана с двугорбыми верблюдами открывают необычные просторы, и вдруг Аральское море, тогда еще не высохшее! Бухара, Самарканд с мечетями, минаретами и Регистаном из далеких веков — сколько здесь истории! Тянь-Шань с бесчисленными хребтами, долинами и сияющими вершинами — какое величие природы! И еще недельный маршрут с рюкзаками через красивейшие снежные перевалы: в жарком поясе и столько снега. После такого путешествия возвращается другим человек. Он путешественник, испытавший долгий путь; он повзрослевший не меньше, чем на год. Разве можно сравнить просиживание в классе с настоящим путешествием, открывающим огромный мир Средней Азии? Или школярство самоцель? А какими счастливыми мы вернулись с Тянь-Шаня!

Ленинградцы тоже ходили в поход по Карпатам на осенних каникулах в октябре. Наша группа через Мукачево выехала на Рахов и пошла тропой по реке Тисе в сторону горы Говерлы. Осень в Карпатах в тот год капризничала, она неожиданно перешла в раннюю зиму, которой удивлялись не только мы, но и местные жители. Внезапно навалило снега по колено, и на второй день нам пришлось с утра до вечера тропить свое продвижение в не соответствующей сезону обуви. Все в группе были еще новичками, набранными из двух девятых классов. В этом моем первом питерском походе, как на подбор, собрались симпатичные барышни и мало было парней. Старт сразу оказался трудным. К вечеру все серьезно устали: кто мог, злился на сложившиеся обстоятельства, многие жалели, что впряглись в рюкзаки. Складывался не лучший вариант первого похода, чтобы привить интерес к последующим. Ночевать в палатках с промокшей от снега обувью и одеждой новичкам не по силам. Вернее, трудно с ними, не знающими

своих сил, расчистить места под палатки, организовать костер на снегу и приготовить горячий ужин. А до предполагаемого домика лесника тоже далеко. Неточные карты и ожидаемое наступление темноты усугубляли дело.

Я решил бежать к домику, чтоб не заблудиться в ночи, а школьники дружно повалились на рюкзаки, готовые замерзнуть в лесу. Состояние апатии от усталости и вообще уныние — худшее состояние в трудную минуту. Во всю мощь я мчался на поиски предполагаемой хижины, чтоб затащить туда уставшую группу. Среди деревьев с опавшей листвой наконец показался домик, а из оконца его чуть брезжил свет. Это было больше, чем надежда! В помещении располагалась небольшая группа туристов из Минского университета. Огонь в печи высвечивал их лица, а огромный бородач разливал по кружкам горячий чай.

— Мужики, у меня школьники сидят в снегу. Помогите! — выдавил я, задыхаясь.

— Где они, сколько до них ходу?

— Я бежал к вам минут сорок.

Студенты мигом выбежали за мной. В группе моей уже было упадничество, при сгущающихся сумерках. Две девочки плакали, остальные боролись с холодом, как могли. Закинув на плечи по два рюкзака и взяв под руку особенно опечаленных девушек, минчане завели нас в натопленный домик. Горячий чай быстро всех приободрил. Промокшую обувь можно было подсушить и переодеть сухие носки. Под гитару мы даже запели от радости.

Весь день не ели, все были голодные и дежурные старались спешить с ужином. Я помог натопить из снега воду в котлах, проговорил с дежурными, что и как надо варить и посчитал свою роль исполненной. Дежурили не очень ловкие юноши и довольно скоро запахло подгоревшей едой. Также юноши умудрились в одном и том же котле густо заварить чай, и в него же бухнули макароны, вместо рядом стоящего ведра на печи. Макароны вовремя не размешали, они слиплись, и парни катали по дну мучной ком, облепленный хлопьями заварки. Отогнав безруких молодцев от кухни, я порубил массу длинным ножом и кинул в содержимое тушенки. Посолил, еще все покипятит, и с большой голодухи подгорелые макароны были съедены полностью. В темноте кто-то заподозрил нестерильность ужина, но его успокоили: мол,

тушенки много положили. Усталость и тепло быстро повалили всех в сон.

На другой день была победа: в буран мы поднялись на Говерлу и спустились по другой стороне в новый домик лесника. В последующие дни установилась хорошая погода, но снег не таял. Карпаты явились нам во всей своей красе, присыпанные свежим снегом.

В домике лесника было принято всеми останавливающимися оставлять немного продуктов для тех, кого застанет непогода или бедствие. Мы тоже оставили пару килограммов гречи, хлеб и тушенку в обмен на найденный добрый шматок сала. Пока варился ужин, мои красавицы пробовали сало с хлебом. И пары килограммов, как не бывало! Запомнилась фраза милой девушки:

— Видела б моя мама, что я ем сало!

День спустя мы ходили еще радиальным маршрутом, а вечером за чаем всем вспомнился первый домик лесника, который мы искали, выбиваясь из сил. Наперебой все стали рассказывать, кто как себя повел, когда прижали холод и усталость. Подведение итогов обычно проводится в последний день перед отправлением домой, а мы только заканчивали пешеходную часть: видимо, навалившиеся впечатления требовали выхода. Слабостей своих никто не стеснялся, и мы о них говорили и над ними вместе смеялись. Этот разговор был вызван еще и удивлением, как каждый из нас мало знает себя, когда дают трудности. Критику в основном все воспринимали хорошо.

Мне сказали спасибо за настоящий поход, в котором проверяются люди. Отзыв для меня был неожиданным. Поход с неподготовленной группой начался жестко, и впоследствии я много думал, насколько именно в этом походе мной была превышена мера риска. Да, в эти годы я был уже опытным инструктором и сильным по молодости. С теми, кто не пал духом, мы все равно организовали бы спуск и за ночь сошли вниз к какому-нибудь жилью. Но не все бывает предсказуемо, где только одна стихия природы. Трудно также сказать о новичках, сколько человек не пало бы духом. Риск неоправданный все же был. Нередко мне приходилось водить школьников в походы более технически сложные и в более суровых условиях, но Карпатами впоследствии я измерял, насколько риск оправдан. Одно дело — риск опытных альпинистов, отвечаю-

щих за себя, другое — группа школьников. Школьники мои, кажется, большой опасности и не заметили: они надеялись на меня. Но можно ли всегда обойти риск, если вся жизнь — риск? Учитель, выехавший с классом в любую поездку, даже в комфортных условиях тоже рискует. Я специально касаюсь острой темы потому, что во всех случаях риска не избежать ни родителям, ни учителю. И в то же время он имеет жесткие границы. Вне сомнения, представления о риске у чиновников и юридических святош могут отличаться от учительских, которые работают на результат, а не на показуху.

...Ребята из всех сил старались дежурить, у нас наладился походный быт и больше не было уныния. Маршрут завершился хорошо, мы выучили немало песен под гитару и гнет первого дня забылся. Во Львове к нам отнеслись с большим уважением как к восходителям, и предоставили бесплатно ночлег во Дворце пионеров. Львов — уютный и необычный город даже для ленинградцев: он не мог нам не запомниться. Из него мы уезжали на поезде домой.

В Ленинграде на вокзале нас встречали родители. Из долгих поездок родители всегда встречают детей как героев: с распростертыми объятиями, с прощением всех прошлых грехов и готовые их бесконечно баловать. Они удивлялись тому, что мы пели и пели в кругу. Старшеклассникам не хотелось расставаться после путешествия. Барышни плакали. Мамы и папы умилялись, не подозревая, что их дети претерпели. Дней через несколько родители догадаются, что их питомцы повзрослели.

...Со своими учениками из Оренбурга я переписывался. Они тоже закончили девятый класс и тоже захотели в Крым в мае. Им не нужен был взрослый сопровождающий; они уже знали серьезные походы, а их родители были воспитаны нашими авантюрами. Я написал школьникам письмо в духе, что если они чего-то значат, то смогут убедить родителей в своей самостоятельности. В письме тут же назначил организатором оренбургских школьников девятиклассника Влада — одного из надежнейших походников. Питерская и оренбургская группы встретились в Симферополе.

В окрестностях Симферополя нельзя не посмотреть Бахчисарайский дворец и пещерный монастырь поселенцев византийской эпохи. Стихи Пушкина в Бахчисарае замечательно читала нам экскурсовод, а в пещерах мы остановились на

ночлег. В этом таинственном месте ханом Гиреем, т. е. мной, а также всеми уже «испытанными», было проведено в сумерках «Посвящение в туристы» нескольких новичков, с клятвой ходить в походы. Обряд освящался поеданием ложки сгущенки, в которую были подсыпаны традиционная заварка чая и молотый перец. Перец — для лучшего постижения смысла походов! В том что мы ночевали почти в храме не было никакого святотатства: живя в социалистической стране, мы смотрели на религию как на безвозвратное историческое прошлое... И сейчас удивительно само по себе, как большая атеистическая страна со сменой общественного строя тут же стала набожной. Религия претендует теперь на монопольное право «духовности» народов, а школе как будто незачем заниматься воспитанием. Образование в ней тоже на манер сменившегося строя.

После ночлега в монастыре мы сели в троллейбус — на самую длинную в мире троллейбусную линию, и хор в сорок человек затянул песню Визбора «Не верь разлукам, старина». Пели и другие песни, пока не приехали в Ялту. Линия: Симферополь — Ялта тянется больше 80 км. Водитель, молодой парень, так проникся нашими песнями, что категорически отказался брать с нас плату за проезд.

В Ялте в те времена не было еще туристской давки, несмотря на то, что город был курортным. Курорты, санатории, турбазы, пляжи более-менее размеренно тянулись по всему морскому побережью. Мы, разумеется, были «дикими» туристами и не привязывались к пансионатам. Искушавшись на городском пляже, все сразу стали рваться в горы. Отдыхающие в Крыму поднимаются на подъемнике на лысую яйлу к Ай-Петри, но это не для нас, а для разморенных курортников. Пешеходная тропа с набором высоты больше километра — как раз маршрут на целый день. На тропу из Алупки мы попали не сразу, потому что ошиблись с автобусом. Пришлось сначала напролом идти по крутым травяным склонам, осыпям и морене. После обеда все же маршрут налачился. Крым выше Алупки и Ялты — это заповедные хвойные леса и выступающие громадные скалы, а оглянуться назад, с высоты птичьего полета можно видеть череду городов, вдаль убегающие берега и бирюзовое море до горизонта. Обзорная панорама с Ай-Петри великолепна, но с тропы таких видов открываются сотни, под разным углом показывающих огромную часть Черноморского побережья.

В Крыму легко путешествовать и можно не рассказывать о походе в деталях. Маршрут наш складывался гладко. Да и как ему еще складываться в майское цветение, в хорошую погоду и с достаточно опытной группой. К тому же среди оренбуржцев было больше юношей достаточно спортивных; они были также более ловкими в быту. От Ай-Петри с подъездами по серпантинам мы вышли к Чатыр-Дагу, а затем к скалам Демерджи и спустились на побережье вблизи Алушты.

Походный маршрут всегда хорошо перемешать с экскурсионной программой. Мы ездили в Артек, на Поляну сказок, в Ботанический сад, в Дом-музей Чехова, смотрели Ласточкино гнездо и крымские дворцы с ливанскими кедрами.

У костра вдруг кто-то вспомнил о традиционном «капустнике» и до всех дошло, что путешествие заканчивается. Предпоследний день прошел в творческих муках. Несмотря на жару, народ сосредоточенно готовился к вечерней программе, периодически забегая в море. Вечером состоялось настоящее театральное представление: весь поход и его участники были представлены в лицах миниатюрами, стихами и песнями. Спать пошли под утро, но тоже не все. Молодые люди попереволюблились. В Симферополь мы также вернулись на троллейбусе с песнями. Первыми уезжали домой оренбуржцы. Прощание было эмоциональным и не поддающимся описанию.

Послепоходная дружба имела многолетнее продолжение. Оренбуржцы год спустя приезжали в Ленинград, а для ленинградцев уже в их студенческую пору устраивался байдарочный сплав по Уралу. Я в этом сплаве не участвовал, потому что отправлялся в поход с новыми школьниками.

К крымскому путешествию можно упомянуть еще про два явления. На подведении итогов в последний день старшекласники упрекнули меня в том, что пешеходная часть маршрута была слабовата. Упрек верный, хотя и редкий. Во всех проводимых мной походах чаще говорили обратное. На будущее это надо было учесть. Впоследствии у меня были еще походы в Крыму с другими группами, и все они начинались с Большого Крымского каньона. Каньон одолевался частично по воде, а когда воды оказывалось много, еще и по скальным стенам. Привалы делались около «Ванн молодости» или на полянах после одоления водопадов и скал. Тропа в ущелье оставалась чуть притоптанной, туристы на удаленных маршрутах не оставляли после себя мусор, а за прохождение каньона никому

не приходило в голову брать деньги, как сегодня. По трудности одоления маршрут по каньону был достойным и красивым.

И второе: случился конфликт, который за день и разрешился. Сначала наметилась какая-то раздражительность между двумя лидерами, в которую втягивалось еще несколько человек. Неявное или явное недовольство друг другом сопутников и маленькие интриги почувствовались многими. К этому не ладится с дежурством, и мне нельзя уже не возмущаться. Тут же много пустой говорильни и выпирает бравада отдельных персон в виде самоутверждения. Причины такой атмосферы размыты и не сразу понятны даже тем, кто попроницательней. Ситуация как с родней: все одной крови и все втянуты в пересуды, потому что отдельные персоны тянут на себя внимание. Трудно даже сформулировать суть конфликта. Иногда такой прихоти нужно дать развиваться, а иногда следует ее пресечь. В группе с новичками лучше не церемониться: вывести всех на тропу с рюкзаками, топнуть побольше и блажь чаще всего сбрасывается. А как быть не с новичками? Все долго ждали путешествия, собрались вместе и вдруг капризы и тщеславия. По плану у нас дневка, мы отдыхаем на поляне. Почему нужно давить всех ходьбой без надобности, если неймайся двоим-троим? Почему мы не можем попеть, помолчать, поговорить, слыша друг друга? Можно и погулять не кучей, если устали от общения. Все эти старшеклассники, уже взрослые люди, были мне дороги — я боролся с обидой. Ушел от всех очень расстроенный. Стал готовить какие-то аргументы, но они негодились. Вечером конфликт исчерпался без слов и дальше путешествие продолжилось без заноз. Как скоро группа избавится от таких прихотей, сильно зависит от ее состава. Наш состав был неплохой. Почему мне помнится такая, вроде, второстепенная деталь? Потому что нередко так начинается оздоровление группы: с людей стряхиваются наносные привычки, налет ржавчины общества. И это некоторая закономерность развития отношений, притирка разных характеров.

Новые планы на путешествие обычно рождаются во время заканчивающегося старого похода. Но замысел на летний поход с ленинградскими школьниками нам категорически запретили. Я решил уволиться из школы. Написал заявление об увольнении «в связи с трусливым отношением директора к походам» и уехал в горы: сначала на Памир, а затем на Кав-

каз. Отпуск воспитателя общежития на второй работе был не короче, чем учительский.

Воспитатель в общежитии ПТУ

На Кавказ меня позвал коллега по ПТУ Кораблев «Михал Михалыч». У Миши золотые руки, он сильно увлекался горным туризмом и был уважаемым преподавателем. Здесь, пожалуй, уместно сказать немного о преподавателях и учащихся ПТУ. Педколлектив училища имел немало толковых преподавателей, а некоторые из них были абсолютными оригиналами. В послешкольном образовании основанием служили три ступени: ПТУ, техникум, ВУЗ — так последовательно готовились квалифицированные рабочие, технологи разных уровней и инженеры. В ПТУ в основном шли все, кто слабо учился в школе. «Путьга» не считалась престижным заведением, и «путяжники», как они сами себя называли, были нелегкой воспитательной средой. Про этих учащихся можно сказать, что они не любили и даже презирали теоретическую учебу, но выглядели лучше на учебных станках и вообще в практической работе. В ПТУ, как и в школе, сказывалась оторванность надуманных программ от жизни работяги, на специальность которого молодежь уже определилась. Теория тоже может быть приближенной к жизни, но академический подход не брал в расчет «путяжника».

Воспитатель в общежитии среди великовозрастных? — К этому трудно относиться не скептически. Взрослым юноша становится к 17 годам, если около него не культивируется инфантильность. И в 30 лет можно не повзрослеть около нянек. То, что из ПТУ бежали «коренные» воспитатели, а вместо них привлекались провинциалы-лимитчики, показывало, насколько советская школа не справлялась с воспитанием в нужном возрасте. Преподаватели ПТУ, а это целая система подготовки всех специалистов не высшего образования, меньше всего идеализировали общество, глядя на поступающую молодежь. Сегодня в отношении к СССР можно наблюдать либо официальную ненависть и ложь жиреющих, либо слезную ностальгию раздавленного капитализмом стареющего поколения. Советское образование было менее одурачивающим и более многосторонним, чем в капиталистических странах, и ровно настолько лучше, насколько социализм СССР, даже искоре-

женный партийной бюрократией, был лучше наемного рабства капитализма с фальшивой претензией на демократию. Социализм и капитализм — это тоже школьная тема. И ее не обойти, если касаться работы учителя или воспитателя. Общественное устройство радикально влияет на всех и на все, и уже поэтому нельзя не сравнивать советское образование с сегодняшним вне социального строя. Жить при социализме и капитализме моему поколению выпало примерно двумя равными половинками, и эти половинки — две абсолютно разные жизни.

Слабонервные преподаватели, попробовав себя на благородном поприще сеять разумное, доброе, вечное, быстро убегали из училищ. Оставались работать люди с характером... Когда в общежитие приходил Юрий Вениаминович Сирота (ударение на второй слог), его питомцы, втянув голову в туловище, бежали в свои комнаты изобразить порядок в них и даже разложить учебники открытыми, которые никогда не читали. Предупреждающий возглас: «Сирота!» — звучал для всех как сигнал бедствия. Но предупреждать и не нужно было особенно. Железный голос преподавателя слышен был сразу на четыре этажа, и я не мог не радоваться его приходу: он выполнял мою работу. В училище на своих уроках он двумя-тремя словами приковывал к классной доске самую распущенную шпану. Бедой для нее была его способность видеть каждого своего воспитанника насквозь. На его лекциях была образцовая тишина; лекции он не читал, а «забивал гвозди каждым словом». Этот человек при всей внешней строгости был добрым, а коллеги отмечали даже некоторую сентиментальность в нем. В трудную минуту некоторые «отпетые путяжники» ходили исповедоваться к нему. Двое учащихся, которых я встретил десятилетием позже, признавались мне, что, если бы не Сирота, они бы сидели в тюрьме... Или Бутов Аркадий Федорович — капитан первого ранга в отставке, невысокого роста, лысоватый и очень эмоциональный человек. Его речь, чаще с подвохом, учащиеся и коллеги слушали всегда с напряжением: сейчас моряк что-нибудь выдаст. Слова поражали искренностью и образностью, от которой все валились со смеху. Редко, но в самый нужный момент, речь пересыпалась матерком, и капитана никто не считал матерщинником. Ученики моряка любили и побаивались; капитан тоже мог обнять ученика по-товарищески или наоборот — дать понять разницу между салагой и морским волком. Бутов тоже немало кому по-

мог в жизни из училищного хулиганья. Наверное, сама среда трудновоспитуемой шпаны просеивала и создавала такой тип преподавателей. Хотя в училище работали и несколько женщин, довольно красивых и мягких характером.

На фоне строгих преподавателей я считался добрым. Добреньким быть легко, и это не хорошо, но на большую требовательность меня здесь не хватало. Я старался выполнять обязанности воспитателя и не более того. Невозможно гореть на двух-трех работах. Школа была основным делом, там я работал пристрастно; в этом пристрастии, может быть, и ломал дров больше, чем надо. И добреньким в школе не считался. Так я и ушел впоследствии из ПТУ, оставшись во мнениях многих учащихся и преподавателей интеллигентным воспитателем. Сюда же в зачет мне пошло еще одно мероприятие: наше училище заняло первое место в художественной самостоятельности среди ПТУ Ленинграда. Участников конкурса в основном представляли дамские училища, а мы — мужики большой команды (я был на сцене вместе со своими воспитанниками) в три гитары пели переделку Окуджавы: «Ваше благородие», и остроумно шутили в зале среди девушек про изъязыны профтехобразования. После этого вечера уже в общежитии учащиеся спросили меня:

— Почему Вы не перейдете к нам работать полностью?

— Нравится школа. Воспитанием нужно заниматься как можно раньше, — оправдывался я.

— А мы пропащие, — иронизировали про самих себя «путьяники».

Отпуск в горах

Я уже упоминал про «Михал Михалыча», с которым мы вместе ходили в горы. Миша был не просто Кораблев, он еще закончил «Корабелку» — престижный ленинградский институт и преподавал в кораблестроительном училище. По всему ему бы надо ходить в море, но он любил горы. На Кавказе, кажется, нас было 8 человек возраста от 25 до 40 лет. Мы ходили в горную «пятерку» — поход высшей категории сложности. Такие маршруты обычно тянутся через вершины, ледопады, перевалы и поднебесные плато, не выходя три недели из снегов. Центральный Кавказ между Эльбрусом и Казбеком может соперничать по красоте с Гималаями, Каракорумом, Па-

миром, Кунь-Лунем, несмотря на то, что он хребтами ниже гигантов на 2–3 километра. Величие Кавказа открывается на высоте 4–5 тысяч метров, и никто этого величия не видел, кроме горовосходителей высокого класса. Дыхтау, Стена Безенги, Гестола, Тетнульд, Чатын, Ушба, пик Щуровского — все эти пики, башни, ледовые плато наверху открывают шокирующие панорамы, о которых не подозревают простые смертные. В этих словах не пафос. Есть неизвестная планета на больших высотах: в непогоду она смертельно опасна, в погоду — концентрированная красота Земли. Всех этих потрясающих картин невозможно увидеть снизу даже из Сванетии или Кабардино-Балкарии — красивейших областей Центрального Кавказа. А наверху там — немногие из альпинистов дерзают на трудных маршрутах! Руководителем «пятерки» у нас был Саша Крупенчук — врач по профессии, лучший врач, каких мне пришлось увидеть в экстремальных условиях. Его жена тоже в команде. Она тоже врач-логопед, впоследствии написавшая немало книг по своей профессии... В общем, в команде интеллигентных людей мы долго обитали в снегах: проклинали все, когда было очень сурово, и восхищались мирозданием в погоду. Потом спустились в Баксанское ущелье.

После всего этого маршрута все, кому позволял отпуск, остались еще, чтобы для души сделать восхождение на Эльбрус. Акклиматизация у нас есть, в погоду гора не трудная, всего 2А (вторая категория трудности, не пятая сверхтрудная). Восхождение по классическому маршруту предельно удобное. Нужно подняться на подъемнике до 3800 метров и пройти немного до «Приюта Одиннадцати» на 4200 метров. Можно спать в палатках на снегу, а если есть места, то в самом приюте. Места были, и мы млели от комфорта. Я глядел на красивую девушку и думал:

— Ей-то зачем сюда забираться?

Девушка обратилась ко мне:

— Вы, наверное, играете на гитаре? У нашего руководителя сегодня день рождения, надо его поздравить. Давайте, Вы сыграете, и мы вместе ему споем.

На нашу репетицию вышли из комнат еще несколько красавиц. Я лабал на гитаре, как мог. Миша подтрунивал там, где я не попадал в лады. Кто-то остроумно привел изречение Окуджавы: «Научившись брать три аккорда, я стал композитором». В компании уже много смеялись, и на шум вышел

именинник. Экспромтом знакомые и незнакомые все, кто жил в приюте, начали справлять именины.

Именинником был Эдуард Ефимович Циперсон — легендарный человек в детском туризме Ленинграда. На Эльбрус он вел учителей (преимущественно учительниц), приобретавших опыт инструкторского руководства категорийными походами со школьниками. Какая еще страна в мире имела таких учителей! Эдуард Ефимович попросил нашу команду подстраховать его группу на случай непогоды. Небритые мужики преисполнились миссией около женщин. Но праздновать нельзя было долго. Отбой в приюте всегда не поздний, потому что для восхождения все просыпаются в 2 или 3 часа ночи, чтобы выйти в ночи и спуститься с вершины раньше обеда, пока не очень сильно плавится снег на солнце.

Восхождение прошло удачно. Было холодно, до минус 25 и ветрено, но без облаков. Я не фотографировал раньше, наверно, из-за учительской занятости и потом, когда ездил во многие страны жалел, что упустил возможность поснимать красоты Кавказа с альпинистских высот. Эльбрус как специально расположен под углом лучшего осмотра Главного Кавказского хребта: косая линия снежного панциря вулкана пересекает снизу и в космос линию главных вершин. Накра, Донгузорун, двуглавая красавица Ушба, Шхельда... сверкали на морозном прозрачном воздухе! Мало в мире более величественных картин, чем в высоких горах.

После восхождения Эдуард Ефимович предложил мне работать в СЮТУР (на Станции Юных Туристов). Но хотелось найти школу, несмотря на лимитную прописку. Ему я посоветовал на школу, из которой уволился.

— Володя, есть директор, где ты сгодишься!

...Про этот разговор в горах я забыл, да и приехал в Ленинград уже в середине сентября. После любого путешествия человек становится философом: он вдруг заметит, что все бегут по кругу. А уж после восхождения... Всеобщую суету альпинист воспринимает снисходительно; он смотрит на все с высоты. И не разоряется на эмоции... Памир и Кавказ длились у меня два месяца, а по впечатлениям — какой сгусток жизни! В таком блаженном состоянии я вернулся «в суету городов», то есть в общежитие ПТУ. Искать школу решил не спеша.

На другой день в общежитии меня позвали с утра «на вахту» к телефону.

— Владимир Александрович? Срочно придите в школу 495. Метро «Парк Победы»,
спросите... Мне о Вас говорил Эдуард Ефимович, я Вас уже приняла на работу.
Возразить я не успел. Побрился и поехал.

Новая школа

Кабинет у директора нараспашку, забегают учителя, завучи, старшекласники. В толчее и меня подтолкнули. Разговор сразу начался по существу:

— Начало года, нет времени на подробности: у Вас урок в 5 «Е» классе... Не удивляйтесь, пятых набралось шесть классов, других по четыре-пять параллельных. Идите, кабинет этажом ниже. Вас нагрузка 20 часов устроит? У нас в школе будет три учителя истории и все мужчины.

Кучу информации директор высыпала на меня спокойным тоном.

— А документы мои посмотреть не хотите? 20 часов — это полная ставка, у меня лимитная прописка, — спешил я предупредить.

— Что-нибудь придумаем. Идите в класс, урок уже начался; там веселятся, отсюда слышно.

— Попал в лавину! — Мыслил я еще альпинистскими категориями.

В опешившем состоянии зашел на урок. Но удивляться некогда. Даже очень спокойный класс не даст преподавателю особо сосредотачиваться на своих чувствах, он требует присутствия всего учителя на уроке, иначе освистают, тем более новоявленного. Я провел подряд четыре урока в разных классах, экспромтом развивая тему: для чего надо изучать историю? День показался длинным, и было ощущение, что давно уже работаю в этой школе. После уроков снова зашел к директору.

— Да, забыла сразу сказать, что у Вас классное руководство в 7 «Г». Ребята ждут, я их предупредила: идите знакомьтесь. Класс у Вас трудный: не столько детьми, сколько родителями...

В классе было девять Ань. Когда они называли имена, я естественно думал, что меня разыгрывают. Все смеялись, когда из-за стола поднималась очередная Аня... Позже я узнал, что Людмила Николаевна обстоятельно беседовала с каждым

учителем, которого принимала на работу. Мне, видимо, было сделано исключение по рекомендации Эдуарда Ефимовича. Она предполагала, что преподавать предмет хорошо при желании всегда можно научиться, но надо, чтобы учитель умел еще что-то особенное, чем мог бы увлечь школьников.

Начинать работать с классом мне хотелось в своем амплуа, т. е. походом. Директор разрешила нам поход по Ленобласти в учебное время. И сразу же была оговорена большая поездка на Кавказ в осенние каникулы. Походы разрешили, как само собой, и это не удивило никого в школе; директор сама — инструктор туризма. Первый поход прошел неплохо, но и не без инцидентов. К Кавказу нужно было подготовиться обстоятельней и заранее. Родительское собрание тоже проводилось заранее. Дети поделились новостью с родителями, а родители всегда рады угодить хорошим порывам детей. К необычному собранию пришли даже некоторые папы. Я уже зачитывал список необходимого снаряжения и одежды, как вдруг одна мама сказала, что наш маршрут с названным мной перевалом опасен и непосилен классу. И так считает присутствующий среди нас опытный альпинист. Альпинист поднялся из-за стола и с некоторой неловкостью подтвердил версию мамы. Собрание, где присутствовали и ученики, притихло. Наступило неловкое молчание. Школьники глядели на меня и молча спрашивали: «Неужели похода не будет?»

У меня не хватило самообладания, я растерялся и стал что-то мямлить, как неподготовленный школьник у доски. Энтузиазм мой явно кому-то не нравился. В этот поздний час вошла директор, чтобы передать мне какие-то бумаги, относящиеся к классу, которые нужно было заполнить и утром отправить в РОНО... Она уловила общую заминку собрания и поинтересовалась проблемой. Уяснив суть, она спросила у альпиниста:

— Вы чей папа?

— Меня вот... пригласили...

— Покиньте класс и на собрания приходите только к своим детям, — распорядилась директор.

Дверь закрылась. Людмила Николаевна сделала паузу, оглядела аудиторию и тихо спросила:

— Вы скольких уже классных руководителей съели?

Все застыли от вопроса. Но вскоре публика зашевелилась: одни родители стали возмущаться другими. Директор повелительным жестом без слов прервала возмущения и прибавила:

— У меня пятый «А» класс до сих пор без классного руководства, я могу его предложить Владимиру Александровичу. А вы можете подождать, когда придет в школу другой учитель. Решите это сейчас. Базарность не разводите.

И вышла. Родительское собрание продолжилось примирительно. Нужно было дочитать список необходимых вещей для похода и еще что-то говорить про грядущий учебный год.

После собрания я думал про себя: «Провинциал... это тебе не в Оренбурге, хотя уже второй год в Ленинграде. Хорошо, что еще не поехал жить в Москву... А директор-то как мастерски отчитала мамашек за козни! Родители некоторые будут с камнем за пазухой; сколько таких? И как с их детьми учитель должен жить душа в душу?»

Как раз перед этим я читал «Мартина Идена» — о судьбе провинциала в столице.

Книги, которые мы выбираем

Хорошие книги — это везучая часть моей жизни! Нужная книга иногда Нужная книга иногда подворачивается нам по наитию. Я рано начал работать в школе и, находясь перед школьной аудиторией, рано понял, что ничего не знаю. В 21 год составил себе обстоятельную систему образования из классической литературы и старался держаться ее, избегая моды. В советское время задавался хороший вектор в сторону классики, и это было немалым ориентиром для людей. Учительская работа тоже не склоняла к второсортным книгам. К своей системе я относился как к изобретению, но впоследствии, конечно, понял, что изобрел велосипед. Хорошая программа — это великая удача! Сколько людей из читающих и даже всезнающих не нашли своих книг и читают, что подвернулось. «Универсальность» (я долго пользовался этим словом) системы была все же проверена: учась заочно на историческом факультете, можно было в конце концов догадаться пролистать 10-томную Всемирную историю и выписать оттуда имена великих людей и их лучшие книги. Книги, которые я читал, беспощадно подчеркивал. Меня стыдили. А сейчас их выкидывают в мусорки. Много бы я дал сегодня, чтобы собрать эти почерканные книги все вместе. И хвастался бы ими, потому что повезло с их выбором! Сейчас я проповедую, что нужно в первую очередь прочесть 50 лучших книг, или хотя

бы 20. Кто знает какие 100, 50 или 20 книг — самые лучшие? В одной из школ, где мне пришлось работать, в кабинете литературы висел портрет Льва Толстого и под ним изречение о том, что нужно стремиться прочесть самые лучшие книги всех времен и народов. Уверен, что это простенькое изображение великого писателя с его цитатой хорошо повлияло на судьбу хотя бы нескольких учеников. Ведь можно прочесть и тысячу книг, уводящих в поверхностность или бредни.

Есть критерии, которые можно предложить для выбора лучших книг. В советское время была издана Библиотека Всемирной литературы в 200 томах. Над ее подборкой и изданием работали лучшие писатели не худшей эпохи. Индивидуально и коллективно они обосновывали значение каждого классика, и надо быть очень самонадеянным, чтобы не посчитаться с таким интеллектуальным коллективом в выборе мировой художественной литературы. К каждому тому «Всемирки» написана не поверхностная критика. Читать, например, «Божественную комедию» Данте трудно из-за языка, характерного для средневековья, хотя эта книга и гениальна, и переведена, по отзывам, замечательно. Но уже «Фауст» Гете читается легко всеми, разумеется, привыкшими читать не ерунду. Из 200 томов выбрать 20 тоже непросто: но это уже не в мусоре «читать» копать. Лев Толстой, например, написал 90 томов, но в 200-томник вошло наиболее значимое у него — всего 3 книги.

Многим любителям поспорить я советую прочесть «Былое и думы» А. И. Герцена хотя бы для того, чтобы увидеть сегодняшнюю завраность всей российской истории. А каков язык Герцена! А его ум! Герцен велик и в частном сюжете, и в общем обозрении эпохи, и российской оценкой, и всемирной. Он знал с невероятным числом великих умов Европы, которые к нему относились с благоговением. Людям образованным, с кем приходится общаться, почитать «Былое и думы» я предлагаю с подвохом как тест. Если прочтет эту книгу с интересом, значит поглубже человек; не прочтет — тогда просто образованный.

Классики — это не только умнейшие люди своей эпохи, хотя и этого уже достаточно, чтобы их читать в первую очередь. Хорошие книги помогают не утонуть в мелочах. Они главный базис, который проблемы современности освещает умом наиболее выдающихся художников и мыслителей человечества. Можно любить и шумную компанию, и уединение с кни-

гой: разве стоящая книга не мощнейшее общение? Классика еще — это спасение от безудержной каждодневной лжи, конъюнктурной идеологии, лезущей из всех щелей; она защита человека от одурачивания. Нас зомбируют, а мы посредством книг, проверенных веками, возвращаем мозги в здоровое состояние: дух, как и тело, лучше питать здоровой пищей. Разумеется, гуманитарное образование не может ограничиваться только художественной литературой. Нужны еще ясно изложенные книги по истории и по социологии. Н. Г. Чернышевский, пожалуй, емче всех сказал, какие лучше читать книги: «Каждая прочтенная мной книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг».

Когда учителю читать? Когда читать всем людям вообще, если жизнь повсюду похожа на забег сумасшедших: кто кого обгонит в конкуренции? Учитель, читающий только по своему предмету — не учитель. Мне удавалось много читать и в городском транспорте. А уж как хорошо читать в поезде в долгой поездке! Если едем в поход, можно посадить около себя пару буйных воспитанников, тоже с книжкой — и воспитательный процесс идет, и свое читаешь. Разъездной образ жизни имеет свои удобства: самолет летит два часа, а пока приедешь в аэропорт, да потом из другого порта уедешь — уходит весь день за перелетом. Дома всегда найдется суета, а в дороге — только книжка. Дома, конечно, приходилось читать и по ночам. Читающих людей немного, несмотря на самообольстительное мнение, что мы самая читающая страна. А если иногда приглядеться, что люди читают, то лучше б они не читали вообще. В метро большая часть пассажиров тупо смотрит в одну точку, а некоторые читают... Донцову, например. В советское время читающих было много, разве что в сравнении с сегодняшним днем. А в принципе — мало, даже в «культурной» столице.

Учителя нашей школы

Вернусь к школе. В первой главе я рассказывал подробно о работе с классом в Оренбурге. Теперь хочется рассказать побольше об учителях моей новой школы в Ленинграде. Школа была обыкновенной преподаванием, с обычными буднями, но довольно оригинальной учительским составом и стилем работы. В этом заслуга директора. Людмила Николаевна Грачева

умела подбирать учителей. Половина педагогического коллектива были мужчины, многие из них видные собой бородачи. Заместитель по внеклассной работе — высок, молод, энергичен: на все у него своеобразная шутка. Впоследствии он работал директором в соседней школе. Заместители по учебной части — женщины более серьезные; они качают головами в адрес директора, которая отпускает учителей и школьников в учебное время на различные соревнования. Английский язык ведет участник известной команды КВН из Политеха. Он пишет эпиграммы на коллег и читает их школьникам на совместных вечерах старшеклассников и педколлектива. Среди учительниц немало красавиц. В каждые каникулы несколько групп отправляются в походы: иногда даже на Тянь-Шань или Памиро-Алай! Восемь учителей школы — инструкторы туризма, включая директора. У инструкторов конкуренция за надежных походников. В спортзале — скалодром; два бывших ученика Людмилы Николаевны ведут скалолазание. Володя Кауров впоследствии станет председателем Федерации скалолазания России, а сын его — чемпионом мира. С Володей Букшпун — тоже неслабым тренером, мы ездили на Кавказ в поход и на чемпионат РСФСР школьников. В школе всегда готовились команды к различным соревнованиям. Представьте картину: проходят мимо школы люди и видят, как из окна четырехэтажного здания на веревках спускаются «дюльфером» скалолазы. Прохожие удивляются, а кто-то даже подозревает: не вору ли такие ловкие.

Математику в школе преподавали две женщины солидного возраста. Они подружки на всю жизнь со студенческой поры и люди необыкновенно ярких характеров: «с того века», как говорила про себя Ирина Абрамовна. Преподавание предмета они вели пристрастно. В кабинете висит портрет Ломоносова и под ним изречение: «Математику уже затем учить надо, что она ум в порядок приводит». На уроке абсолютная тишина. Присутствуют все, записывают все, листают учебники, слушают.

— Объясняю еще раз всем, кто дремал! — Класс вздрагивает. Те, кто не напряженно слушали, чувствуют, что их сейчас обязательно спросят. Из всех сил они изображают внимание к учителю. Тот, кто получал «тройку», был счастлив и знал предмет минимум на «четверку». Это у Ирины Абрамовны. У Нины Петровны было тесно всем, кто не знал предмет на

твердую четверку, т. е. почти всем. Она отпускала увесистые комплименты, которые не всегда были педагогическими, но исключительно меткими. И класс валился на столы от смеха. Перед Ниной Петровной трепетали и родители, многие из которых у нее учились прежде. Имена этих учительниц были рекомендацией для поступления в математические ВУЗы Ленинграда. Абитуриент от них, если даже оплошал на экзаменах, получал оценку на балл выше. Ирину Абрамовну в моем классе любили больше, чем всех других учителей. И даже после окончания школы на встречу выпускников многие приходили только из-за нее.

А какой замечательный театр в школе! Он до сих пор здравствует! Мне кажется, далеко не все профессиональные театры Петербурга могут сравниться мастерством с кружком нашей учительницы литературы. Наталья Григорьевна находит актеров на уроках. Это большое дело, когда класс обнаруживает среди своих сверстников таланты. В школе, в маленькой квартирке у учительницы, в музее Ахматовой или Достоевского, на всевозможных подмостках Петербурга идут репетиции и выступления. Это своего рода театральная школа, состоящая из актеров нескольких поколений, в которую добавляются всегда новые школьники. Театралы — странные люди: все у них как-то варится тихо, тайно. И тайно кружок вдруг уезжает в Старую Руссу к каким-то другим театрам. А потом дается спектакль для школы! Спектакль, разумеется, идет классический, допустим, по Чехову, все точно по сценарию, но вдруг зрители узнают кого-нибудь из учителей или старшеклассников, находящихся в зале. Публика хохочет на серьезном спектакле. Из кружка вышли и профессиональные актеры, которые после школы учились в театральных ВУЗах. С некоторыми из учеников театрального кружка я дружу и общаюсь десятилетиями, потому что они были еще и походниками. В конце похода обязательно проходит творческий капустник: и вот там театралы в ударе!

Историк Михаил Юрьевич вел рассказ на уроке — заслушаешься! К нему за опытом преподавания приходили учителя из других школ, он нередко делал доклады на учительских конференциях. Однажды я набрал из пяти «седьмых» классов сборную группу в поход на Красную Поляну Западного Кавказа. Школьники и Юрьевича уговорили пойти с нами. Группа, собранная полностью из новичков, да еще из подростков —

всегда дикое сборище. Никто никого не слышит, все орут в лесу: вырвались на свободу. Притом ученики эти вовсе не были трудными в школе. Михаил Юрьевич удивляется: какими разными бывают дети на уроках и в лесу. Я тоже очередной раз удивляюсь. Преподаешь: перед тобой почти примерная девочка, и учится хорошо, а в походе прорвалось наружу все, что есть. Перед Юрьевичем мне стыдно за орду, а он — интеллигентнейший человек, готов кого-нибудь уже за воротник схватить. Отзываю его в лес. Договариваемся собрать нашу палатку, рюкзаки и уйти из лагеря. Разумеется, Миша думает, чтобы попугать школьников, а у меня — это уже прием, когда подростки нарываются. Уходим километра на три от всех, и в низине, в тишине укладываемся спать. После школьной заморенности мне спится сладко в лесу, а Миша глаз до утра не сомкнул... Утром, вернувшись к лагерю, мы спрашиваем народ, как долго еще все веселились? Оказалось, недолго, не больше часа.

— Исай наорал на всех и сказал, чтоб ложились спать.

Исай — это Гриша Исаев, один из тех, кто тоже немало бесился в начале. Состав этих школьников был неплохой и не имел той выносливости в дури, к которой привыкает трудно-воспитуемое хулиганье. Дурь лучше было прихлопнуть разом, я это вывел из многолетнего опыта. Поход дальше выровнялся, и его до сих пор вспоминают уже солидные родители как свое светлое школьное детство.

Михаил Юрьевич после похода выдал на педсовете резкое суждение:

— В школе только два педагога Грачева и Снатенков, остальные — преподаватели.

Это было сказано, конечно, сгоряча после новых впечатлений от учеников, которые по-разному ведут себя в школе и вне ее. Действительно, есть учителя, которые воспитанию придают большее значение, чем преподаванию. На деле многие наши учителя водили детей в походы, да и театр Натальи Григорьевны еще как воспитывал! А мастера-преподаватели и на уроках добивались определенного воспитательного эффекта. Фраза, кинутая наспех Юрьевичем, выражала удивление: насколько дети преображались в лесу. На маршруте мы с Мишей немало философствовали об этом.

Еще два учителя нашей школы ушли в администрацию города на немаленькие должности, достаточно долго там рабо-

тали, но не удержались навсегда. И слава Богу! Очевидно, они не смогли мимикрировать вместе с другими чиновниками в сторону общей политики, которая изменялась во все более ублюдочную. Это тоже их хорошо характеризует.

С Людмилой Николаевной однажды мы водили старшеклас-
сников в лыжный поход по Хибинам на Кольском полуострове. Вторая категория сложности! Кто разбирается в категориях, тот хорошо оценит поход для школьников. Походный быт зимой особенно непростой. Хибины в марте к тому же лавиноо-
пасны на склонах, и снег там до трех метров глубиной. На ночь уходим с перевала в низину, где лес. Утаптываем снег сначала на лыжах, затем ногами. Ставим шатер, а внутри ус-
танавливается раскладная печь; труба выходит в дырку из шатра, обшитую несгораемым материалом. Костер вдали от шатра полыхает тоже на специальной сетке, чтобы горящие дрова не утопали в снегу. Дрова пилятся из ствола сушины и рубятся. В туалет — только на лыжах. Ночью в шатре по оче-
реди кто-то подкидывает дрова в печь, остальные спят креп-
ко, потому что весь день провели на ходу и на морозе. Народ подбирается на такие маршруты испытанный; неиспытанные дрогнут, да и проспят дежурство. Не все поймут такой отдых и спросят: зачем же так мучиться на морозе в 30 градусов? Всех, кто этого не понимает, мы ничем утешить не можем, или ответим словами Высоцкого: «Так лучше, чем от водки иль от простуд»... Закончили маршрут мы в Кировске и договорились с Домом пионеров переночевать в помещении.

В большом зале на полу все расстелили коврики и спальни-
ки, еду сварили на кухне, а после ужина пошли песни, байки, итоговый разговор о маршруте. Непривычное тепло помеще-
ния вскоре всех клонит ко сну. Выключаем свет и засыпаем богатырским сном... Среди глубокой ночи вдруг включается свет, затем крик, кто-то заметался по помещению, и несколь-
ко человек сломя голову побежали к выходу... Местная шпана как раз в ту ночь собралась пограбить Дом пионеров. Можно, например, унести музыкальную аппаратуру. Воришки выста-
вили стекло, залезли, а тут — мы! Не то чтобы погнаться, а мы даже не проснулись толком, как воров всех сдуло. Когда проснулись, начали все хохотать... Людмилу Николаевну ди-
ректор Дома пионеров затем очень благодарил за то, что мы в нужную ночь любезно согласились в тепле переночевать. Если сказать серьезней: начиналась пора «перестройки».

Чуть больше, чем через год я уволился из школы, потому что об учителей стали вытирать ноги. После меня уволилось большинство мужчин-учителей; им нужно было кормить семьи. Людмила Николаевна осталась и работала до пенсии и после пенсии. В 1996 году я уже жил в Германии, кем только там не работал, и, приехав в Петербург, пришел в школу повидаться с оставшимися коллегами. Невзирая на полный раздрай в стране, у школы были свои успехи. С Людмилой Николаевной мы разговорились в ее кабинете, и за рассказами о школе она вдруг расплакалась.

— Володя, ты не представляешь, каждая последняя сволочь с улицы может прийти в школу и унизить тебя. Я боюсь за своих учителей, — проговорила она с отчаянием.

Эта сильная женщина плакала. Последняя сволочь становилась первыми людьми: шел всюю процесс первоначально-го накопления капитала. Дорогу бандитам наверху расчищала шпана и уголовщина снизу.

Учителя в школе, с кем пришлось общаться, выглядели еще потерянной. Им всем в награду впоследствии добавят пенсионную реформу. Учитель труда нашей школы был мудрец, как Сократ. И высказывался, как Сократ.

— Каждому поколению свое испытание: нашим родителям пришла война, а нам — перестройка.

Задним числом мы можем теперь заключить, что на этих учителях еще долго держалось образование советского образца, лучшее образование в мире, пока не ввели вероломно ЕГЭ сверху.

В 80-летнем возрасте Людмила Николаевна еще работала в школе, руководя кружками дополнительного образования. Ее 80-летний юбилей организовали ей бывшие ученики. В зале кафе присутствовало человек 150. Среди них мастера спорта и многие уже весьма поседевшие ветераны туризма. В этот день всей семьей мы прилетели в Питер и впятером ввалились на торжество с гитарой. Дети мои — гитаристы: не то что я тренькаю. Они спели Высоцкого, Визбора, Якушеву — любимые песни именинницы. Именинница, почти не видав моих детей, знала их по именам, кто в каком классе учится и чем они увлекаются. Она помнила тысячу школьников, вела все дела без записей в календаре и без суетливости. И подтрунивала над забывчивостью молодых коллег. В этот же год, в свои 80 лет она ходила в марте с группой приятелей в поход на лыжах по Кольскому полуострову!

К тому времени я проехал уже много стран, и у меня брали интервью журналисты. Однажды одна импозантная дама из них задала такой вопрос:

— Какой возраст самый творческий?

— В любой возраст можно жить творчески! — И я стал рассказывать про нашего директора и предложил даме взять интервью у Людмилы Николаевны. Дама пообещала, но не сподобилась: учителей телевидение не любит — обычные люди. Другое дело, путешественник: расскажет о крокодилах, людоедах... Кстати, крокодилов видел, а про людоедов — вранье журналистов. Путешественник — это образ необычный, героический, сильная личность, как Шварценеггер в кино. Для СМИ он нужен как образ, протаскивающий определенную идеологию. А что учитель...

Теперь, когда меня приглашают на интервью как путешественника, я предлагаю рассказать о своей работе в школе. И ко мне пропадает всякий интерес у журналистов.

У учителя обязательно сохраняется долгое общение с некоторыми из школьников. У нас тоже есть компания, сложившаяся «в школе Грачевой», и мы собираемся петь под гитару. Приходят бывшие школьники, их дети, сегодняшние школьники, которых я вожу в походы. Вечеринка, способная затянуться до утра, собирается на квартире в семье, где родители вместе с детьми поют лучше, чем многие солисты в больших концертных залах! Народу набирается до 40 человек — это те, что подпевают. На этих собраниях я злоупотребляю положением бывшего учителя и приглашаю в чужую квартиру кого угодно. Но спевки наши всегда проходят здорово! Там же кто-нибудь вдруг вспомнит курьезное минувшее событие, над которым все посмеются. После одной такой вечеринки Александр Костенко, у которого я был классным руководителем, вызвался нас, несколько человек, развезти по домам. В машине едет старшеклассник Сергей, сын тоже моей бывшей школьницы, и рассказывает про какую-то недавнюю нашу походную авантюру.

— Это что! — возражает Александр и начинает рассказывать «настоящую авантюру, за которую Владимира Александровича сейчас бы судили.» Историю эту, разумеется, я забыл. Но Саша так живо ее воспроизвел, что вспомнились все подробности. Эта история характерна сравнением: что допустимо было тогда в школе и что сейчас. Сейчас бы меня судили. А тогда мы путешествовали с размахом! Ехали летом

из Петербурга на известный Грушинский фестиваль на берегу Волги, а затем после нескольких дней и ночей фестиваля отправлялись дальше на поезде в Бийск на Алтай. На фестивале кто-то из наших спросил, почему с нами нет Петровича? Петрович нередко выручал меня в качестве второго инструктора. И действительно, почему его нет? Группа собирается из Куйбышева на Алтай, а двоих восьмиклассников Сашу Костенко и Артема Егорова — я отправляю в отдельное путешествие за Петровичем в Алма-Ату, которого им нужно доставить к нам на алтайский маршрут. Айфонов и Интернета не было. Петровича ребята нашли по расспросам не в Алма-Ате, а в горах. И затем они вместе приехали к нам в Горно-Алтайск. Петрович-то как обрадовался, что мы к нему специальное посольство направили! Я потому и забыл эту деталь похода, что дело было обычное. Но сейчас бы точно уволили: детей одних отпустил. Характер же у подростков только на уроках вырабатывается...

Александр и Артем стали впоследствии руководителями небольших фирм. И представьте — они при этом хорошие и честные люди для своих коллег и близких. На них еще в школе можно было положиться в деле; тогда как на словах гораздо все. Их выросшая самостоятельность оказалась к тому же на уровне очеловеченной жизни, а не на уровне животной жадности, повсюду распространенной в бизнесе. Теоретически воспитание самостоятельности подразумевается школой; того же хотят и родители. Многим этот процесс почему-то представляется так: взрослые рассказывают, какими надо быть, и дети такими становятся. Слова в виде педагогической благодати впитываются в душу ребенка. В действительности самостоятельность человеком приобретается в деле, пусть даже это неизвестно чиновникам, которые требуют от учителя держать около себя учеников как клуша цыплят. Можно и у тепличного растения обнаружить некоторую жизнеспособность в парнике, но она не та, что у цветов в диком поле. А разве жизнь — не дикое поле?

Уроки в школе

Классное руководство — беспокойное дело для учителей, но главной работой у них все же являются ежедневные уроки. Учителю и платят только за преподавание, а за классное руководство и все остальное приплата символическая...

Идет урок истории. Я рассказываю в 5-м классе о том, как археолог Шлиман нашел Трои. История Древнего мира, это седой Восток, Греция, Рим — вся она наполнена поэзией; в ней еще только детство человечества. Генрих Шлиман — непрофессиональный археолог, по крайней мере, не дипломированный и не признанный в ученом мире... У него необычная биография. Он выбрался из бедности, но став бизнесменом, не сосредоточился только на деньгах. Вся жизнь его связана с плаваниями по морям и путешествиями по континентам, несмотря на то что в юности, будучи юнгой на шхуне, он чуть не утонул во время кораблекрушения. В любую свободную минуту он изучает иностранные языки, читает книги о древности и особенно об античности. Свои дневники ведет на разных языках, также и деловые переговоры в разных странах. Ему приписывают знание более 20 языков. Знаток классической древности Шлиман небезосновательно верит, что Троя существовала в действительности. На территории западной Турции, где живут так же и греки, он организовал раскопки холма, подозревая под ним город. Над ним смеялись, но Шлиман и его работники копают холм, который не обещает пока никаких находок. На раскопки приходят местные жители; вечерами они вместе с ученым открывают толстую книгу и читают на греческом языке «Илиаду». Трагические сюжеты они переживают вместе и верят, что Троя именно здесь, где они копают. У ученого наворачиваются слезы, и вместе с ним плачут и местные жители... Раскопки длились несколько лет, и Троя разных эпох была найдена. После открытия Трои написаны тома исследований: оказывается, Гомер и его поэтические сказания — не сплошная сказка. Сенсация побудила ученых искать по древним книгам другие погибшие города, и находки в большинстве случаев оправдались...

Я говорю пятиклассникам, которые внимательно слушают рассказ, что все рассказанное и еще больше можно найти в двух книжках: «Герои Эллады», написанной по древнегреческим мифам, и «Боги, гробницы, ученые» талантливого писателя и археолога Керама. Книги есть в библиотеке, которая в двух шагах от школы, и кто их прочтет, навсегда запомнит Грецию. Дети мне верят, но из всего класса прочтут эти дополнительные книги 3–4 человека. Почему? Перенасыщена вся школьная программа. Ну и, скажем прямо, разве мало ленивых учеников? Можно попробовать подойти по-другому: по

этим двум книжкам сделать зачет, влияющий на четвертную оценку, и многих побудить прочесть больше, чем в учебнике. По каждой теме есть прекрасная дополнительная литература. Но уверяю, как учитель: зачет будет, и оценки повысятся, а Древняя Греция в душу не западет. Почему же? Мало одного заставляния учителя... И даже стараний учеников мало, если школа в принципе плохо устроена. Если я заставляю класс много времени уделять моему уроку, то все равно дети не смогут уделить столько же времени большинству других предметов. Так, собственно, и соревнуются в школе предметники, а дети не только по лени, но и физически не способны 5–7 часов (а с домашними уроками 7–10 часов) впихивать в себя каждый день раздутую программу. Разве жизнь может состоять только из учебы?

Существует живучий предрассудок, особенно у образованных людей, что научный прогресс диктует увеличение школьных знаний. Но ведь по факту программы все равно почти всеми школьниками не усваиваются. И теми, кто учится на 4 и 5. Или в этом кто-то сомневается? Сходите тогда на досуге в библиотеку и пролистайте там школьные учебники, чтобы усомниться в своей образованности. Проверьте на себе очевидную истину. Многие споткнутся уже на пятом классе. И это мы не забыли! В чем тогда смысл раздувания программ? Боюсь здесь быть неправильно понятым. Я не ратую за примитивные программы или учебники, об этом без нас позаботится министерство образования. Я лишь пытаюсь заострить вопрос: почему так велика безрезультатность учебы в школе, несмотря на то что дети пропадают в ней полный день и все свое детство?

Учителя, ученики, программы

Каковы главные причины плохой успеваемости большинства школьников? Обычно высказывают три нарекания:

Плохое преподавание, т. е. плохие учителя.

Ленивые ученики. Неленивые же успевают.

Плохие программы, спускаемые в школу чиновниками.

О программах разговоров больше всего. Попробуем посмотреть на причины поглубже: не с позиций оракулов, вещающих в СМИ, а глазами учителей и учеников — непосредственных участников учебного процесса.

Об учителях. Да, преподавание часто бывает слабым. Но влезем в шкуру учителя. Везде плохо работают, где плохо платят. Также хорошее преподавание предполагает усиленную нагрузку в часах: к каждому уроку нужно основательно подготовиться. А у учителя семья — и он берет часов побольше. Да классное руководство, хочет он того или не хочет. Еще есть необходимые рабочие собрания и планерки в учительской, а к ним и многочисленные совещания для промывки мозгов. Ко всему этому и многому другому сверху спускается бюрократия — бумажное кровопийство, разумеется, не оплачиваемое, хоть сколько бы времени оно ни занимало. Как во всяком кровопийстве, в нем есть смысл только для одной стороны — потаенный смысл чиновников. А учителям остается только удивляться: насколько изощренно чиновничье бумаготворчество.

Каждый предмет в школе имеет еще свои собственные недоразумения в преподавании. История — больше всех других. Беда и трагедия всех учителей истории — завранность и заидеологизированность предмета. Прошлое нужно знать, чтобы понимать настоящее и даже заглянуть в будущее. Официальная же идеология проповедует прелести жизни правящего класса как удобство для всех, и в этом ясном свете трактует историческую науку. Деятели науки пишут учебники для школьников в обертке идеологии. Древние события показаны не такими, какими они были, а выбраны конъюнктурно, с фактами и эпизодами, оправдывающими сегодняшнюю эксплуатацию, войны, социальное расслоение, национальную вражду, мистику... и все, чем славен наш век. В учебниках вместо истории народов школьник находит историю царей. Войны между народами, организованные правителями, подаются с романтической, а чаще с патриотической окраской. Закономерности революций и революционеры — самые передовые люди своего времени представлены как бунты черни во главе со злодеями, а цари и палачи народов как благодетели. «Великомученик и святой» Николай II велел расстрелять народ, идущий к нему на поклон с иконами. Можно ли преподавать без вранья «Кровавое воскресенье», чтобы сделать из тирана еще и святого? Революции — это расчистка старой рухляди и строительство новых основ жизни, как строительство нового дома на месте старого, покосившегося и прогнившего. Восстания народов выдвигают Спартаков и Робеспьеров (и гений

Ленина среди них), которых никуда не деть из истории и которых хочет очернить или совсем забыть конъюнктурная пропаганда вопреки неудобным ей фактам. История — главное поле идеологии. Врунов нужно много, чтобы неправдоподобное звучало убедительно. И за большие деньги они стараются без зазрения совести. Стараются, кто во что горазд, поэтому их версии в СМИ почти всегда звучат вразнобой. И неудивительно: какая каша от всего этого в головах и учителей, и учеников, равно как и у всего населения. А этого как раз и нужно политическим интриганам.

И вот учитель дает урок: сам ничего не понимает, а дети — тем более. Учитель, конечно, может иметь свое мировоззрение, но все же обязан не забываться и врать согласно официальным версиям. За всем этим приглядывают свыше. Официальные легенды должны звать, например, к патриотизму; не к тому, который в братстве народов, а к верноподданническому... Тут и положение учителя очевидно: он обязан быть в добродушном настроении и выглаженном костюме, быть честным перед классом и давать уроки интересно, но более всего он обязан влиять в угодном идеологическом ключе. Требование само по себе циничное: ведь ему нужно каждый день смотреть в глаза детям.

В советское время историю тоже привирали изрядно, в основном во славу КПСС, но знали хоть какие-то границы. Вранье, собственно, и уничтожило советский строй. Сегодня вранье безмерное; настолько безмерное, насколько безмерны награбленные богатства капиталистов. А как их оправдывать иначе? Ложь — обычный инструмент всякой корыстной политики. Что политика — гнилое дело, об этом говорят кругом, и к ней у людей пессимистическое или безысходное чувство.

Кроме Всемирной истории важно преподавать хорошо и отечественную. История России была написана при самых удачных обстоятельствах, если смотреть, каких историков она имеет. Обстоятельства эти сравнимы, например, с древнегреческими. Гомер гениально воспользовался мифологией и создал эпическую поэму Героического периода. Геродот красочно и талантливо написал обо всей классической эпохе. Фукидид досконально по документальным источникам убедил всех в верности изображения Пелопоннесской войны. Тоже в российской историографии. Сначала явился Карамзин Н. М., который перебрал обстоятельно все летописи: «Первый наш

историк и последний летописец», — скажет о нем Пушкин. История России рассказана им удивительно живым языком, правдиво и поэтично. Соловьев С. М. создал капитальный труд в 29 томах. И дело всей своей жизни подтвердил фактами с указанием на архивы. Язык Соловьева тоже вызывает трепет у живого читателя. А уж как им написана эпоха Петра Великого! Ключевский В. О. проследил главнейшие явления российской истории: ведь история — это не только факты, а еще их осмысление. Например, опричнина: почему возникла, к чему привела, и есть ли похожие явления в истории других стран? Многотомники Соловьева и Ключевского, конечно, написаны больше для историков-специалистов...

Несмотря на столь завидную классическую базу, учитель обязан подчиниться скудной версии сегодняшнего дня, например, в пользу национализма. Национальная же история — от нее и словоблудный мостик к национализму. Преподавание истории в идеологическом подпевании — тоже немалая нагрузка на учительскую совесть.

Натиск официально-господской идеологии испытывают не только учителя истории или литературы. Преподаватели таких, казалось бы, нейтральных предметов, как математика или химия, также обязаны внести лепту в пользу всего святого в государстве. Политические выборы с обязанностью голосовать за одних и тех же царей и царьков, праздник 4 ноября (единение олигархов на яхтах с шахтерами из забоя) вместо 7 ноября, День Победы, чтобы вспомнить ветеранов войны, которые воевали совсем за другой строй и которых государство сделало нищими, День Конституции, где законы для бедных написаны богатыми... — все навязывается учителям. Школа же — муниципальное учреждение. Почему бы учителей не использовать, как проводников идеологии, к тому же бесплатно. Учитель же «должен быть энтузиастом».

Кроме идейных, на учителей сваливаются проблемы дидактического и методического порядка. Например, очень сухие учебники по всем предметам. В 5–7 классах рассказы еще должны быть образными, одушевленными, состоящими из ярких событий, как в книге «Робинзон Крузо», а там параграфы в казенном изложении, как в бухгалтерском отчете. И пятиклассник читает не об историческом событии или литературном герое, не о первопроходцах Земли, не об удивительной биографии Джордано Бруно — поэта, естествоиспытателя,

астронома, философа, а сухую экономическую статистику с графиками, формулами, схемами, из которых он должен запомнить вывод, не выведенный им самим. Все великие писатели говорили: нужно, чтобы дети сначала все почувствовали, а потом уже понимали. Их малый опыт еще мало обобщает или схватывает готовые схемы. Учебники же не учитывают возрастной психологии уже потому, что их пишут профессора, не работающие с детьми. И изложение материала в них для стариков, а не для детей — до тоски скучное. Так по всем предметам: и гуманитарным, и естественным. Если заменить школьные учебники, например, по отечественной истории на «Историю...» Карамзина, то многие и многие события останутся в детской памяти. Потому что слог писателя поэтичный, образный, яркий, заставляющий каждое событие переживать. А кто запомнит казенные параграфы? Я не говорю, что нужно ограничиться на уроках только Карамзиным, склоняющимся к монархическим взглядам своей эпохи. Нужен учебник, не уступающий по красочности языка и уму классика. Иначе зачем нужна армия профессуры? Любое школьное пособие наводит на вопрос: неужели не нашлось умнее автора?

Конечно, не все профессора страдают бесплодием, но беда в том, что лучшим из них писать не дадут. В науке так же, как в любой другой сфере, есть своя иерархия, чтоб не сказать мафия, которой достается написание учебников и пособий за существенные деньги. Кроме денежных соображений для завранного учебника нужны беспринципные люди. А таких муза не посещает. Это закон природы от противного, какие деньги ни плати. Преуспевающие в карьере ученые-скопцы лишаются всякого творчества, но не лишаются права на миллионные тиражи. Новые учебники хуже старых. Такого можно достичь только умышленно: темным же народом управлять легче. С 1970-х годов не переиздавались «Книги для чтения по истории», которые намного содержательнее всех сегодняшних очень поверхностных «энциклопедий», слизанных на Западе. Нет хрестоматий с наиболее ярким выбранным материалом для школьников по возрасту. Ни учителя в школе, ни родители дома не могут посоветовать школьнику хорошую и не поверхностную книгу, которую следовало бы прочесть, чтобы знать Всемирную историю в основах, а не в сплетнях.

Попутно к сказанному можно здесь порекомендовать прочесть «Взгляд на Всемирную историю» Джавахарлала Неру,

обязательно заглядывая в школьные атласы. Книга переведена на все основные языки мира (на русском в трех томиках) и признана очень многими историками как лучшая в популярном изложении. Она не европоцентристская и не с уклоном в пользу богатых сословий. Она серьезная, но благодаря шикарному языку посильна всем: взрослым и юношеству. Для мировоззренческих основ каждого образованного человека можно не знать химии или физики, но нельзя не знать истории в основах. Историзм, кроме всего, еще и метод: чтобы знать, например, биологию, понимать ее значение, нужно по меньшей мере, прочитать драматическую историю развития этой науки в веках, и уж точно нужно знать историю естествознания. Книга Неру поможет в этом всем не историкам. И историкам тоже.

...Как я вел уроки истории в школе? Чаше плохо. Кроме всех вышеназванных учительских проблем, меня давила «общага». Приходилось работать днем в школе, а по ночам ходить по этажам здания и унимать молодежь, периодически порывающуюся в пьянки и драки. Это были годы «перестройки». До перестройки общежития тоже не блистали культурой, — скажем это для тех, кто не в меру идеализирует советское прошлое. А тут еще и жизнь пошла вразнос: свобода разгула давала простор самым напористым быкам в нравах. Мои подопечные студенты пили, а затем буйствовали по ночам и спали по утрам. Никогда не пьющий зелья, я шел утром как «с бодуна» давать уроки в школе.

Трудно держать вдохновение в течение рабочего дня не выспавшись, да и понервничав изрядно. Выручали, конечно, молодость и здоровье, дарованное деревенским детством и спортом, но оставалось мало времени на подготовку к урокам. В пятых-шестых классах я старался давать уроки хорошо. В седьмых-восьмых уже больше приглядывался к подросткам как к вырастающим людям и не мог не знать, что образованный циник хуже необразованного. Меня больше интересовало в таких учениках не как они наполняются знаниями, а что у них за душой. В девярых-десятых — можно было попросить кого-нибудь в классе принести из учительской гитару, чтобы завуч не видела, и мы между песнями говорили «за жизнь». Старшеклассники уже вполне ощущали на себе идеологическую предвзятость к Новейшей истории и интересовались не только уроками.

Скепсис к завранной истории не вдохновлял многих учителей. На фоне перестройки раскачивались в разные стороны главные идеи, и туда же разворачивали преподавание истории. Ленина еще не оплевывали, но тему сталинизма подняли. Критика сталинизма открывала многие дыры советской истории, но никто не догадывался, что партийная верхушка и нувориши уже пронюхивают, притом только для себя: социализм или капитализм? Потом взялись за Ленина. Мне было 35 лет, и к ним сложившиеся убеждения. Если к 25 годам у человека не складывается убеждений, он уже никогда не будет их в себе подозревать. Он будет думать, что его шаткие мнения и есть убеждения. Мне в жизни повезло с ориентирами. Я вырос в деревне и в сельском труде. Учительская работа тоже не отрывала от жизни, формировала мировоззрение и заставляла читать нужные книги. О сущности капитализма написано у Бальзака, Драйзера, Джека Лондона, Голсуорси; тоже у Белинского, Герцена, Чернышевского, Чехова, Толстого, Горького — у многих и многих лучших писателей (от капитализма зарождающегося до людоедского империализма с мировыми войнами). Достаточно с участием к жизни прочитать «Финансиста» Драйзера и «Остров Сахалин» Чехова, чтобы понимать, для кого устроен капиталистический мир. Не только для преподавания или экзаменов в институте я читал Маркса и Ленина. Все противоречия жизни каждодневно подтверждали их последовательное и цельное учение. Как только начали гадить про Ленина, я понял, куда заворачивают всех людей и всю жизнь. Самым трудным для меня тогда было одиночество: все вдруг разом стали молиться на Запад, на его капитализм. Почему-то на капитализм в Азии, Африке и Латинской Америке — большей части нищего мира — никто не обращал внимания. Уволившись из школы, нужно было искать другую цель, чтобы не потеряться в другой жизни. Уход из школы навсегда был большой внутренней борьбой не только для меня. По многим моим коллегам каток жизни прошелся беспощаднее. С полной беспечностью я поставил себе цель: сделать кругосветное путешествие, чтобы увидеть, какой в действительности мир. Это было решено в пору наихудших обстоятельств: не имея ни копейки денег, живя в общежитии, уволившись с работы и не зная про заграничную жизнь ровно ничего. Наверное, я был отчаянным оптимистом.

Мы говорили об учителях, скажем теперь **об учениках**. Школа, в конечном итоге, и существует для них. Когда учитель идет на урок, то перед ним хорошо или плохо отвечающие ученики, которые также могут мешать или не мешать вести урок. Успеваемость и поведение — главные критерии школы. Эти критерии всего лишь формальные, бюрократические, но никак не человеческие. Они, может, и удобны для всех рангов проверяющих. Только что они говорят о действительных знаниях школьников?

Что такое учебный труд? Многие ли школьники ищут настоящих знаний, а не зубрят предмет ради оценок? Да и зубрит, как правило, меньшая часть класса; большая — отлынивает. Учеба, вернее, оценки за учебу, продвигают в основном честолюбие, но они не показатель, насколько школьник усвоил знания, а тем более — умеет применять их в жизни. А для чего еще нужны знания? «Дело не в том, чтобы знать много, а в том, чтобы знать из всего того, что можно знать, самое нужное», — находим мы у Льва Толстого. Если исходить только из этой мысли классика — уже не нужно раздутых программ и дни напролет просиживать в школе.

Как себя чувствует на уроке школьник? Возьмем троечника, представляющего большинство учеников. Почти каждый школьник хочет учиться хорошо и периодически он к этому порывается. Но не получается... Здесь надо остановить учебу, остановить для каждого ученика, у которого не получается. Я не имею в виду танцевать около каждого, кто капризничает или ленится. Надо понять, почему не получается, а потом что-то изменить, что-то сделать, чтобы учеба наладилась. Что сделать? Такой вопрос даже задать нельзя. Школа — это конвейер. Кто разрешит остановиться? Есть программа, расписание уроков, оценки за четверти и за год. И этот многогодичный круговорот в школе, независимо от результата, считается разумным. ...Ряд неудач умеряет старания ученика, и он привыкает скользить по предмету, лишь бы не было очень хлопотно. Тройку имеет — и ладно; знания тоже соответствующие: поверхностные. Эта роль чаще всего уготована школьнику на каждый день и на долгие годы. Если заглянуть в душу слабоуспевающего школьника, он чувствует себя на уроке скверно: отбывающим повинность, искривляющим позвоночник. Учеба запущена, но нужно изображать добросовестный труд, даже ради троек.

Если у подростка нет уверенности, что он сможет учиться, он ищет другое поле деятельности, чтобы найти себя в чем-то ином: неуверенность точит человека. Хорошо, если он найдет себя в полезном увлечении или деле вне школы. А если не найдет, то станет самоутверждаться в дурных проявлениях или шутовстве. Наиболее слабые натуры могут впасть в депрессии, что повально сейчас в школах. Троечники, а тем более двоечники находят выход как могут: отбывают положенное присутствие на уроках и урывками хватаются за то, что кажется интересным. Можно подуреть на перемене и даже на уроке у менее строгого учителя, можно сбежать с урока или нарваться, чтобы из класса выгнали, и прогуляться. А можно сидеть истуканом на первой парте перед учителем и ничего не слышать по предмету: жить своими переживаниями или без всяких переживаний. В крайнем случае, можно «трудным» числиться: пропускать подряд уроки, хамить беспощадно учителям, вообще всем хамить — и дома родителям тоже.

На уроках, про которые многие взрослые наивно думают, что дети там черпают знания, в действительности больше пустого просиживания, от чего только притупляется мозг и воспитывается безволие. Ведь немало школьников безрезультатно присутствует на занятиях и у хороших (сильных) учителей. Знания не полезут в голову, если ученик отстал от материала. И новая ступенька не одолеется без предыдущей базы, пусть учитель хоть как расшибается в стараниях. Преподаватель-энтузиаст может и рад помочь отстающим, но нужно гнать программу; его и на это-то не хватает. Сильному преподавателю не превзойти конвейер тоже, хоть многие и уповают на чудеса от хороших учителей.

Итак, повторим покороче. Знания для школьников по естественным дисциплинам слишком академические, перегружены в деталях и направлены на узкую специализацию; по гуманитарным — заидеологизированы и тоже раздуты в объемах. Это, кроме того, что учителя непомерно стеснены общим режимом школы, гонкой программы и ничтожными зарплатами. Для ученика вся эта сложная организация школы совсем непонятна и во многом враждебна. Он просто не справляется с перегруженной программой и чувствует, что зря просиживает жизнь в тесном классе. Школа для большинства школьников — не познание, а угнетение.

Не получается учиться у школьника не только потому, что он не успевает проглатывать перенасыщенную программу министерства образования. Есть еще одна беда. Над школой висит академическое проклятие: знания совершенно оторваны от жизни. Они преподносятся без практики, без навыков их применять. На 90% это знания, которые никогда не понадобятся в жизни. Школьника фаршируют мудреными сведениями, которые он не проверяет на себе. То, что дети не проверяют знания на собственном опыте, — хуже всего. Такие знания не удерживаются в памяти; они для школьника носят характер механической зубрежки, что, как известно, являлось методом схоластики в средневековье. Разве оторванные от жизни знания не кажутся здравому уму бессмысленными? Ученики часто не понимают, для чего им удобряют головы, и учатся, как уже говорилось, только для оценки. Кому удастся успевать ради оценок, тот за 11 лет (в Европе за 12–13) становится тупицей, мешком, набитым информационным мусором. Его эрудиция главенствует над мышлением. Таких учеников, как правило, мало уважают одноклассники. Умного отличника, как и троечника, нужно сказать, почти всегда уважают в классе, если под умом не подразумевать складное словоблудие.

Как школа дает знания, оторванные от жизни, так и все восприятие детей бывает в праздных фантазиях. И то, и другое влияет на процесс обучения. Образец небесталанного молодого человека, утопающего в пустых фантазиях, обрисовал классик И. А. Гончаров в романе «Обломов». На роман есть выдающаяся критика у Н. А. Добролюбова: «Что такое обломовщина?» Критик последовательно, по полочкам разбирает, как сложился такой характер, в принципе, изуродованный. Когда-то мне казалось, что образ барчука Ильи Ильича натянутый. Потом таких буржуйчиков стала поставлять новая жизнь из пресыщенных благами семей, в которых дети еще и утопают в Интернете. И лишний раз пришлось убедиться и в правде классика, и что жизнь превосходит любые искусства. Появились дети, существующие вообще вне реальности.

Почему-то считается непогрешимым, что знания обязательно должны добываться в классной коробке на 30–40 человек с 5–8 часовым просиживанием детей за столами и учителем, стоящим у доски. Почему они не могут приобретаться также в библиотеке, в походе, в путешествии с родителями, в лесу, в поле, в кинотеатре, на зерноуборочном комбайне, на рабочем

заводе, (здесь мы не будем путать эксплуатацию наемников с производством для школьников)? Приобретаться не в виде созерцательных экскурсий и наблюдений за чужим трудом, а при помощи собственного активного участия непосредственным работником. С практикой на результат. И даже с заработком по результатам. Вот здесь и связь теории с практикой и полезное сочетание умственного труда с физическим. Но у чиновников от такого обучения волосы дыбом встанут! Они категорически против всякой самостоятельности родителей, учителей, учеников и школы в целом. И у них власть с правом распоряжаться режимом работы школы. Чиновники — это государство. Нужны ли государству инициативные, самостоятельно мыслящие, широкообразованные в массе люди — это уже тема не про школу, а про то, какое государство.

Когда-то в эпоху Возрождения в Европе шла непримиримая борьба не только со схоластикой, но и за то, чтобы все дети посещали школу. Последнее актуально и сегодня для беднейших государств, которых очень много. Величайший педагог Ян Амос Коменский (1592–1670) посвятил жизнь развитию классно-урочной системы, которая стала основой для обучения школьников во всех странах. Его «Великая дидактика» — титанический труд, который способствовал развитию образования во всем мире. Этот труд не устарел и сегодня, но в течение нескольких столетий его выхолащивали в содержании. Система, будучи прогрессивной для своей эпохи, окостенела и стала тормозить образование, особенно сегодня. Это обыкновенная диалектика: развитие в лучшую или худшую сторону, движение любых форм жизни. В последние три десятилетия школу все время реформируют и всегда неудачно; ее «оптимизируют», тоже всегда в ущерб школьникам и учителям. Никакой действительной реформы в пользу образования не происходит по большому счету: есть видимость реформ или финансовые урезания. Прогрессивные меры у государства или реакционные — это тема социологии. Классно-урочная система действительно ждет своих, нужных народу изменений, но это вряд ли случится скоро.

Хорошие преподаватели и хорошие программы тоже не решат до конца проблему качества обучения в школе. Есть еще сам школьник. И это наиболее важное обстоятельство: есть ли у ученика интерес и тяга к знаниям? А ну-ка, преподнеси учитель 15-летнему ленивому увальню хорошо математику! И

это уже вопрос не преподавания, а воспитания. А с воспитанием везде беда — и в школе, и дома.

Школа, а это госучреждение, сетует на семью за плохое воспитание, а семья жалуется на школу. Чиновники государства научились хорошо накачивать семью и школу официальной идеологией и этого по их меркам достаточно. Внятно даже никто не ответит, кто и в какой мере отвечает за воспитание детей: семья или школа? Государство мудрит себе, т. е. школе выделяются деньги только для преподавания. А родители платят налоги и уповают на школу, поскольку сами пропадают на работе. На этом туманном фоне и результаты воспитания в основном вымученные или случайные: одни дети совсем не хотят учиться, других — только натаскивают на хорошие оценки без всякого интереса к действительным знаниям. И первые, и вторые выходят из стен школы, так и не поняв, для чего учились. Есть два смятения у вырастающего человека: трудный подростковый возраст и куда себя девать после школы. Если через первый порожек спотыкаются не все, то на втором — большинство себя чувствует растерянно. Второй порожек — это уже взрослая жизнь. А жизнь, как Мефистофель, — над растерянными посмеется.

Миропорядок, устроенный взрослыми, школьник не всегда может понимать, но это не значит, что он не чувствует в нем фальшь. Он отгораживается поэтому от многих взрослых, часто и от родителей, живя по возможности своим течением. Течение может быть каким угодно, но содержит в себе протест. Протесты не всегда бывают активными. Закрытость подростка — первый протест, пусть даже неявный. Из этой закрытости складывается непонимание не только между учителями и учениками, но и между родителями и детьми. За непониманием и закрытостью следуют нередко большие конфликты. Взрослые для самоуспокоения любят находить объяснения отчужденности детей в легковесных обывательских штампах: переходный возраст, например. Штампы всегда удобны: они самоуспокаиваются. Школьники в отличие от взрослых больше ощущают, что школа делает их никем.

Есть еще такой родительский феномен. Родители уверены, что они знают, чем живут их дети, а подростки себе посмеиваются: ничего-то родители и не знают.

О программах. Все говорят, что программы плохие. Неужели их нельзя изменить? Есть армия ученых, много незауряд-

ных учителей, готовых поделиться своим опытом, находками, познаниями. Что же такого непоборимого в программах, что о них все время говорят, а воз и ныне там? Представьте: повсеместные форумы учителей в стране совместно с лучшими учеными, а также с родителями, которые коллегиально разрабатывают программы. Неужели не разработают, чтобы материал был неперегруженным, одновременно непримитивным и связанным с жизнью? И вообразите, что наверху радуются инициативе снизу и все это утверждается министерством образования. Да, это невозможно, скажут скептики. И мы не будем на этот счет фантазировать: инициатива снизу может потеснить многих чиновников с самого верха. Только поэтому все сложно с программами.

Инициатива снизу — это, конечно, радикальный подход с точки зрения власти. Тогда попробуем еще посмотреть на все глазами добропорядочного гражданина. Но и у него уже возникают вопросы: неужели же наверху глупые люди, раз уж они взялись страной управлять? Неглупые люди наверху, но у них свои интересы. Есть интересы наемных работников и интересы правящего класса, который назначает свою верхушку для управления обществом, в том числе и министерство образования, ведающее программами обучения. Правящий класс в силу своего привилегированного социального положения не может не быть себе на уме.

Аппарат правящего класса, т. е. государство, определяет социальный заказ на образование, как и на все остальное. Что такое социальный заказ? Например, были престижны профессии инженера или врача — и вдруг пошла мода на менеджеров, юристов, психологов. И что удивительно, почти все сразу захотели ими быть... Пока страна была индустриальной, нужны были инженеры. А стала придатком богатых стран без собственной индустрии и рынком сбыта для них — понадобились профессии, соответствующие новому времени. Менеджер? Так это же продавец, чтобы кругом все торговали и потребление сделали смыслом жизни. Юристы на каждом шагу? Они нужны, чтобы делить собственность как между родственниками, так и между крупными собственниками: частная собственность — священна, тем более такая, как недра, банки, все предприятия, коммуникации. А психологи? Без них никак при сумасшедшей жизни: бег галопом за заработками, расслоение в диапазоне от миллиардеров до бомжей, дети в

школе сумасшедшие — на одних антидепрессантах не устоять на ногах, нужны душеутешители. И люди наверху исправно подгоняют социальный заказ для новой жизни, которая, конечно, вся в их пользу. А под заказ нужна и соответствующая программа образования в школах.

Каков социальный заказ общества? Чем скaredнее общество, иначе сказать, чем больше социальное расслоение, тем больше стремление правящего слоя сделать из подрастающего поколения более ограниченных и послушных мещан — социальную опору строя. Это преследовали и советские партюкраты и, тем более преследуют буржуазные функционеры. Социальная несправедливость сегодняшней капиталистической жизни, по сравнению с советской, увеличилась на пропасть. Настолько же изменилось и образование в сторону оглупления молодого поколения. Чем жаднее верхушка общества, тем скуднее задачи образования для народа и все более нелепее реформы школы: ЕГЭ — высший образец творчества сверху. «Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это, и потому всегда будет бороться против просвещения», - процитируем еще раз Толстого.

Мещанский горизонт высмеивали все писатели-классики; на мещанскую ограниченно-туповатую добропорядочность в первую очередь делают ставку правительства. Школа — полное отражение жизни общества. Невозможно понимать смысла программ, как и вообще задач воспитания и образования, не понимая противоречий между интересами наемных работников и капиталистов. Программа министерства образования — это программа правящего класса для управления классом наемных работников и подготовки его быть узким специалистом.

Программа — это рычаг министерства, и этот рычаг не находится в учительских руках. Прямо сказать, министерство с армией чиновников — это кнут для школы, учителей, учеников. Кто еще не почувствовал, например, какой полицейщиной несет на экзаменах по ЕГЭ? Кнут министерства кажется многим школьникам, да и родителям тоже, учительским кнутом: учитель же гонит программу и ставит оценки. Если возникают конфликты, противостояние между чиновниками и родителями переводится говорящими головами из телевизора на противостояние между учителями и учениками, где учителя всегда будут козлами отпущения. В плохом образовании

учителя же виноваты, а не государство. Козлы отпущения — стандартная технология, испытанное средство политики. Ну, а политикой граждане не особенно интересуются.

...Учитель хочет повести в многодневный поход свой класс. «Не усвоят программу!» — Повторяют заученную мантру чиновники. И заставляют ее повторять еще и учителей. И поход отменяется потому, что не подписан приказ свыше. Программой оттесняется вообще любая инициатива учеников, учителей, родителей.

Технический прогресс всегда касается школы. Новые компьютерные технологии сегодня открыли невиданные прежде возможности подать материал по любому предмету самым оптимальным и блестящим образом. Но Интернет на 99% завален пошлым мусором, угодным самому ничтожному мещанину. Перед этим мусором — юная душа: выбирай, что хочешь! Виртуальная свалка общей лжи, всех душевнобольных бредней, рекламы потребительства довлеет над миром, а стало быть, и над каждой школой. Попробуй, школьник, не оторваться от всего здорового в жизни и услышать учителя на уроке!

Про школу кто-нибудь обязательно скажет: а советское образование было ведь лучше! Да, лучше, потому что хуже сегодняшнего трудно даже вообразить. Разница между советской школой и сегодняшней была существенной. Дидактика в СССР находилась на высоте, и ученики выходили из школы пограмотней; профессия учителя являлась относительно престижной, и дети не столько за познания, сколько за атмосферу человечности были в большинстве благодарны школе. Это много, а по сравнению с нашим временем — пропасть. И ностальгия у большинства людей по советскому образованию (как и по советской жизни) возникла именно на фоне этой пропасти. Кучка богатеев не испытывает такой ностальгии; своим детям они дают «элитное» образование, т. е. сословное. Но все же советская школа имела большие изъяны. Так же как сегодня в сидячке «протирали штаны» школьники, которые в большинстве оставались троечниками. Те, которые учились получше, не очень понимали, куда применить полученные знания. Наконец, все теоретические познания были также не связаны с производством и оторваны от жизни. Два урока в неделю кустарного труда имели лишь формальное оправдание производственному труду. Опыт соединения школы с производительным трудом имеет немалую историю в разных

странах, например, община Роберта Оуэна или колония Антона Макаренко. Но это беспрецедентные случаи, совершенные силой подвига выдающихся людей. К этим людям человечество еще обратится, если не свихнется в сегодняшнем милитаристском безумии.

Образование в школе по большому счету во всем мире ничтожное, если не считать исключений. И хваленое западное — в том числе. Великие люди уже тем велики, что смогли верно рассказать о своей эпохе. Косность школы они менее всего жаловали. «Я любил чтение столько же, сколько не любил учиться», — писал Герцен. Стандартную модель школы ненавидел Эйнштейн: «Образование — это то, что остается после того, когда забываешь все, чему учили в школе». У него же есть еще одно веское умозаключение: «Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста». Кстати, в отличие от сегодняшних «ученых», которые перевирают учебники истории, Эйнштейн считал, что путь вперед — это только социализм, и о Ленине он говорил: «Подобные ему люди являются хранителями и обновителями совести человечества». «Чтение — вот лучшее учение!» — писал Пушкин. В пору подневольного школярства лучше уж самому читать лучшие книги, считало большинство выдающихся людей.

Разгул перестройки

Из общежития ПТУ я перебрался жить поближе к школе, в общежитие Холодильного техникума. Там тоже работал из-за жилья. Лимитчик, или не лимитчик, учителю могли выделить квартиру не раньше, как лет через 10–15. Студенты здесь учились из северо-западных областей: Архангельской, Мурманской, Коми, Карелии. Общежитейская атмосфера в ПТУ, техникумах, у рабочих характеризовалась пренебрежительным словом «общага». Жильцы в них живут обычные и в большинстве — люди, как люди, но есть свора совершенно не воспитанная, асоциальная, пьянствующая, хамская, мешающая жить остальным. Асоциальная часть населения была одним из признаков искаженного все более костенеющего социалистического строя СССР. Этот социализм начинал прихрамывать на все четыре ноги. Конечно, не было сегодняшних контрастов до идиотизма: с бомжами, беспризорниками, массовыми

пропаданиями людей и таким количеством самоубийств. Много, из чего вытекали бьющие в глаза противоречия, нужно было срочно менять. Перестройка открывала новые надежды людям. Но ввиду общей пассивности масс перестройку, запущенную сверху, заворачивали в самую реакционную сторону нахрапистые «прихватизаторы», партийные вырождаки и уголовный криминал при содействии и под аплодисменты капиталистов крупнейших стран.

В 1991 году я ушел из школы, но жил и работал воспитателем уже в Строительно-монтажном техникуме. Между работой в это время сводил две группы студентов в Крым и во второй раз побывал в Туркмении. В Крым направлялись туристы потому, что в другие места ездить стало невозможно из-за повсеместного бандитизма. В Туркменистане мы всей взрослой группой как будто снова вернулись в Советский Союз. В Ашхабаде дети еще ходили в пионерских галстуках, и на всех улицах нам радовались гостеприимные туркмены. Там я встретился со своими знакомыми, работающими в Институте пустынь — единственном в мире такого рода НИИ. В археологическом городе Ниса еще работала на раскопках экспедиция из Ленинграда. Мы прошли тогда в Туркмении два маршрута по Небит-Дагу и в Каракумах по Узбою. Узбой — удивительное высохшее русло Амударьи, которое впадало некогда вторым рукавом в Каспийское море. Русло не засыпается песчаными барханами, и в нем красивые пресные озера: удивительно контрастная природа совсем без людей. Я бредил уже кругосветным путешествием, совсем не представляя, как мы с женой попадем за границу. Кругосветное путешествие — потому что уже много поездил по Союзу. Хорошо, что съездил в этот удивительный край тогда. Впоследствии Туркмения закрылась по сегодняшний день от всего мира больше, чем любая другая страна. А в общаге, вернее, во всех общагах, как и по всей стране, бушевал полный беспредел. «Беспредел» — народное название жизни всех осколков державы, которые по исторической насмешке станут называть себя суверенными.

...В два часа ночи я поднимаюсь по темной лестнице и иду на вопли и завывания. Это моя работа... Коридор длиной в 70 метров, горит одна тусклая лампочка; кругом грязь, стены все обшарпаны и во многих местах оббиты. На полу кровь, и от большого пятна идет дорожка из капель в комнату. Около кровавого пятна полуразбитая трехлитровая стеклянная

банка, поучаствовавшая в драке. Из комнаты выходит верзила, которого я знаю и ненавижу. Он студент, недавно заселившийся в общежитие. У него есть «видик», и все его «друзья», числящиеся и не числящиеся в общежитии по ночам смотрят голливудские мордобои — новинка для неискушенных советских граждан. Полупьяный верзила здоровается со мной и заговаривает:

— Говорят, Вы альпинист! Я бы тоже сходил в горы... Как Вы не боитесь ходить здесь один по ночам... Я вас не понимаю... Вы смелый человек...

— Я вас всех тоже не понимаю...

Этот год состоял из многих таких тусклых картин. В памяти они держатся у меня мрачным сюрреализмом. У режиссера Рязанова есть фильм почти с таким же сюжетом. Сцены фильма слабые по сравнению с тем, что мне пришлось видеть...

«...Несчастья государственные остервеняют сердца людей», — писал Карамзин, характеризуя эпоху раннефеодальных смут в России. Социалистическая страна сильно откатывалась назад, в чем-то даже к средневековью. В унисон жизни телевидение несло несусветную ахинею и освящало новые нравы. По центральному каналу, например, сообщают сногсшибательную новость: в Русском музее с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» сошел казак и прямо в музее изнасиловал иностранную леди, которая там почему-то оказалась одна. Об этом всей нашей стране, а не своей, рассказывала «пострадавшая». Мой бывший коллега, любивший шутку, мрачно сказал на это:

— Теперь и я уволюсь со школы! — Потом ухмыльнулся и спросил: — интересно, который из казаков позарился?

Этот сарказм нельзя было забыть.

Вскоре я покинул культурную столицу, про которую снимут фильм «Бандитский Петербург».

2014 г.

Глава III.

В Гамбурге

Поход в Доломитах и отдых на море

Часть первая: горы

В нашей группе 34 человека. Она очень разнообразная по составу, возрасту и туристскому опыту. Мы отправляемся из Гамбурга в Италию на две недели, чтобы сходить в горный поход по Доломитам, попутно посмотреть Флоренцию и Пизу, а также покупаться и позагорать на море. Формально в группе три взрослых; к ним также можно причислить еще троих, которым 19–20 лет. И из бывалых походников есть еще несколько старшеклассников, но основная масса ребят возраста 10–14 лет. В управлении лучше всего опираться на здоровый актив школьников, чем на родителей, порывающихся в походе обслуживать своих питомцев. По этой причине я заранее объявляю, что путешествие организуется только для детей. Наши дети русскоязычные, проживающие в Германии; многие из них говорят с немецким акцентом. Также с нами едут семь подростков с молодым педагогом из Санкт-Петербурга — «настоящие русские». Можно бы назвать такое объединение экспериментом, но каждый поход со школьниками превзойдет любые эксперименты.

На вокзале родители провожают детей с волнением. В маминых глазах тревога: как же дитя без нее-то... поход в горах... Но папа считает, что в ребенке нужно самостоятельность воспитывать. Ребенок выше отца ростом, демонстративно противится родительским назиданиям и обхаживаниям. Нескольким старшим школьникам я со смущением вручаю тяжелые палатки и пакеты со сгущенкой, тушенкой, сыром и прочими съест-

ными припасами. У одной из мам от этого вспыхивает ужас в глазах. Хорошо, что она не знает, сколько нам еще придется догружаться на маршруте. Чтоб избежать тягот расставания, нужно поторопиться с перекличкой и спешить всей группой в назначенный вагон.

Вместе с родителями, а также бабушками и дедушками наша колонна растягивается на весь вокзал. Народу в группе кажется больше, чем есть. Родительское волнение будоражит и меня: взрослые, что-то спрашивают, я что-то отвечаю и немало привираю для их успокоения. Поезд почему-то не отправляется вовремя. При бабушке отчитываю одного из походников: не турист, а торговая тетка. Юноша, собираясь в третий поход, наверняка набрал лишних вещей, потому что рюкзак его не вмещает содержимого. Кроме рюкзака на нем висят несколько авосек. Бабушка, по всему видно, не разделяет моих упреков. Последние минуты расставания особенно тягостны. Наконец, поезд трогается, родители порываются за ним. Для взрослых, которые заглядывают в окна, я изображаю заботу о детях, и вскоре ухожу в другой вагон, чтобы уснуть: школьники без меня рассядутся лучше. Подъем был ранний, забот впереди много, надо быть в форме. Получасовой сон уносит меня от всех тревог.

В поезде нам ехать 11 часов. Многие из ребят незнакомы между собой. А через три часа почти все они угадают, кому с кем дружить. Даже ребята неуверенные или замкнутые за первый день в транспорте с удивительной точностью найдут друг друга. Как они сойдутся в первый день — так и будут дружить весь поход.

Знакомство происходит незаметно. Сидеть в креслах уютно. Никто особенно не бегает, но те, кто посмелее, прогуливаются по вагону, заговаривают о чем-либо, пересаживаются и задерживаются на другом месте надолго. Даша, Катя, Алина читают или тихо разговаривают, никому не мешая. Не мешать никому — ценное качество, и я радуюсь, сразу подсчитывая из новеньких тех, кого не нужно нянькать в походе. Антон, Артур, Флорин и мой младший сын Саша — не первый раз в путешествии. Они на всякий случай уходят в тамбур, а может и в другой вагон, чтоб не маячить у меня на глазах: за их фокусами надо периодически поглядывать. Заскучал Асер, ему 9 лет, он с первого дня загрустил без мамы. На помощь ему приходит Эльвира — она нашла ему компаньона Гартман

Сашу. С Сашами беда — у нас их девять человек: будет путаница. Некоторые на немецкий манер называются Алексами. Буйно ведут себя, так что стыдновато перед другими пассажирами, еще два Алекса. Я их сажаю около себя и не разрешаю ни с кем общаться. Такая мера возмущает одного из них, очень осведомленного о правах ребенка и ничего не знающего об обязанностях. Но мы не дома, и у нас уже настраиваются походные правила. Алина Каримова — опытный походник. В первый поход она пошла в семь лет. Сейчас с ней вместе родители отправили Карину, ее семилетнюю сестричку. Карина уже поплакала в поезде, ей посочувствовали девочки, и она снова жизнерадостна и забыла про расстройство. Наверно, с ней не будет особенных проблем. Нил — брат Флорина общается со всеми. Он второй раз в путешествии, никогда не унывает, его можно назвать душой компании. Кепку он носит набекрень, умно шутит, очень подвижен и задорно смеется. Его компания играет в шахматы. Несколько человек не знают, чем себя занять, им скучно.

Из тех, кто не знает, чем себя занять, можно выделить две группы: те, кто киснут — они не находят сами себе увлечения и хотят, чтоб их забавляли, и те, которые маются глупостями. Вторые не унывают, шумно балагурят, шкодничают, и за ними нужен глаз да глаз. Двое из таких уже вылазят из окна вагона, высовывая далеко руку при высокой скорости поезда. С ними тут же торопится познакомиться еще один наш Алекс: рыбак рыбака видит издалека. Надо успокоить эту компанию, пока не пришел наводить порядок контролер. От скуки многие повторно едят и нельзя не удивляться, чем некоторых детей снабдили родители: на столах лежит очень много шоколада, резиновых конфет и искусственных карамелек. Любители сладостей не догадываются достаточно попить воды и завтра или послезавтра начнут болеть и принимать таблетки. Но это будет завтра. Сегодня нам надо доехать, заселиться, сварить что-то горячее и поужинать. Также нужно проинструктировать всех на сон грядущий, как правильно улечься и уложить вещи в отсутствии мам. Вещи и сумки у многих уже раскиданы по вагону. Вдобавок немало накидано мусора в виде фантиков от конфет, крошек от бутербродов и использованных салфеток. К концу первого дня у моих взрослых помощников уже много забот. А какое педагогическое поле у нас еще впереди!

Уже в поезде питерцы живущих в Германии называли «немцами». «Немцы» и «русские» сначала держатся отдельными группами. «Тема тянет на диссертацию», — так выразилась одна из педагогов, когда мы первый раз принимали к себе петербуржцев. Гамбургские ребята говорят между собой в основном на немецком языке; питерские, понятно, общаются по-русски. Сказывается языковой барьер. Но через три-четыре дня по-русски станут говорить преимущественно все, и смешаются между собой уже по характерам и содержанию.

Поезд торопится через Австрию в Италию. В окнах вагона открываются панорамы горного ландшафта. Альпы красивы и многие ребята периодически застывают у окна. Есть и такие, которые только говорят и говорят, не замечая природных красот. В этом разном восприятии природы отражается соотношение интересных и неинтересных людей в группе. Не замечать природу, людей, не чувствовать остро мир — в этом поверхностном восприятии всего окружающего заметна излишняя сосредоточенность на себе, которая не может обойтись без пустословия. Чем больше интересных людей в группе, тем ярче будет путешествие.

В Бользано, куда мы приезжаем, у нас договоренность о ночлеге на две ночи в маленьком спортзале. У каждого с собой коврики, спальные, чтобы спать вповалку; здесь есть душ, туалет и место, где можно сварить еду на газе: что еще нужно походникам? После ужина я говорю о том, как мы должны просыпаться. Путешествие, а тем более поход в горах, — необычное событие в жизни школьника. У немцев есть такое выражение: *Reisefieber*, т. е. предпутешествующая лихорадка. Не всем спится, вырвавшись из дома. Среди тех, кто помладше обязательно найдется такой живчик, который соскочит с утра пораньше, разбудит соседа и заговорит с ним. По цепочке неспящие разбудят полгруппы, и это произойдет в пять утра, а днем все будут засыпать на ходу около потока городского транспорта. Чтобы такую расхолаженность пресечь, я строго объявляю о наказании за несвоевременное вставание, или даже за разговор шепотом до подъема.

Несмотря на предупреждение, утром проснулись на полтора часа раньше две компании из младших. Это, конечно, новенькие, из тех, кто первый раз в походе. Они останутся вечером, при моем присутствии в зале, почитать или просто посидеть в тишине, в то время как все остальные разбегутся

по курортному городку. Такое внушение быстро налаживает дисциплину. Следующей мерой для непонятливых был объявлен общий подъем всей группы из-за тех, кто мешает спать. Если подъем и отбой не урегулировать с первых дней, суэта нескольких человек будет всем долго мешать.

С вечера также были оговорены задачи второго дня:

1. Научиться ставить палатки.
2. Научиться собирать и укладывать рюкзак каждому.
3. Показать, как варить на газе, чтобы наиболее старшие и умелые по очереди дежурили, и им помогали младшие.
4. Обязательно нужно посмотреть Бользано и покупаться в горной реке с видом на выступающие кругом скалы, иначе день будет состоять только из бытовых забот.

Палатки у нас удобные, имеют форму «иглу» и устанавливаются быстро. Этот навык более-менее посилен всем, а вот укладка рюкзаков разворачивается в событие. С утра обнаружили бесхозные носки, шорты и две майки. Никто не знает, чьи они, поскольку рюкзаки собирали мамы. Кто-то не может упаковать спальный мешок в чехол, у большинства содержимое не рассортировано по пакетам и уже перемято и перемешано с крошками еды; еще у двоих катастрофа — лопнули поллитровые бутылки с шампунем и вещи в рюкзаке в мыльной пене. Несколько человек имеют неподъемные рюкзаки, потому что мамы нагроутили в них вещей в три раза больше, чем было указано в списке. Для чего нагроутили? Чтобы уберечь дитя от ветра и солнца, от гор и моря, от леса и поля, от всего того, зачем, собственно, в походы и ходят. А нам все это нести на себе, да еще в горах! У двоих юношей крайние случаи перегруженности: по 14 пар носков, столько же трусов, 8 футболок, 4 куртки, 3 банных полотенца, трехкилограммовый баул с туалетными принадлежностями (Kulturtasche) и много другого лишнего барахла. Эти пятнадцатилетние мальчики весьма рыхлые, с брюшком и пухлыми ручками, под рюкзаками сильно потеют. Я злюсь про себя: разве не наивно полагаться мамашкам на руководителя группы до такой степени, чтобы он переодевал носочки каждому и каждый день? Недорослей отчитываю и надеюсь, что родителям хотя бы икается.

Мы собрали два огромных мешка по 120 литров ненужных вещей и оставили их в спортзале. Но за ними после маршрута придется возвращаться, что добавляет ненужной суеты.

— По-хорошему, эти мешки в качестве гуманитарной помощи лучше отправить в Африку, — бубню я раздраженно юношам. На собрании вроде внятно говорилось о необходимых вещах, о том, что дети должны рюкзак уложить сами, о горах и самостоятельности, которую все хотят иметь в детях. И родители соглашались. Но услышали не все: инстинкт перешибает разум. Перебирая совсем ненужные в горах вещи (бутылки шампуня, дезодорант от потливости, а также спрей от запаха во рту у цветущей от здоровья девочки), ребята стыдились за родителей. С досады я их совсем не педагогически поучаю: «И не нужно скандалить с мамой. Пусть она уложит рюкзак, а ночью, перед отъездом лучше потихонечку выложить и спрятать все лишнее. Даже если вещи вдруг обнаружатся, мы уже в походе. А по возвращению — победителей не судят». И глаза подростков загорались пониманием.

Распределение по палаткам — это своего рода психологический тест. У нас три четырехместных палатки, остальные пятиместные и одна шестиместная; на 12 человек женской половины лучше отдать четырехместные. У кого составится соответственно палаткам необходимая группа, те должны выбрать ответственного за порядок старшего и заселиться. Старший, может быть, из младших, главное, чтоб он был требовательным и справлялся с делом.

— Нас трое, — подходят ко мне девочки.

— Нет, ищите четвертого человека, тогда получите палатку.

Девочки уходят, общаются и снова подходят ко мне втроем.

— Да, как же я вас уложу троих, а остальные где лягут? Мы же в походе!

Они понимают. Им приходится потеснить свой эгоизм и идти на компромисс. Вскоре находится еще подружка.

Труднее всего комплектуется последняя палатка. Дети быстро узнали друг друга, распределились в группы по интересам и симпатиям, и в последнюю палатку часто попадают те, кто уже всем надоел собой. Иногда группа тяготеет одногодних явных эгоистов из старших подростков. Бывают неприятные в коллектив и по другим меркам, не сразу понятным. Такой личностный конфликт, как правило, неоднозначен по своим причинам. Мне нужно по возможности его сгладить; может быть, через несколько дней перегруппировать расселение по палаткам. Но многим участникам путешествия открыв-

шиеся симпатии и антипатии дают размышления: может, надо по-другому себя вести? Не все это понимают, но большинство чувствуют необходимость считаться друг с другом. Это дома можно надуть губки родителям, а в походе группа обычно игнорирует капризы.

По Европе я вожу школьников в походы уже 17 лет. В первых поездках мы готовили еду на кострах; сейчас варим на газе. Большой шестикилограммовый газовый баллон, который приходится носить с собой в рюкзаке, выручает везде, где нет специально оборудованного кострища. Думаю, что мы единственная группа, которая некогда варила ведро борща у Колизея в Риме. Прикрытый по кругу изоматом котел на газе выглядит, как рюкзак, и начинает выдавать себя только тогда, когда созревают кулинарные запахи. Пятикилограммовый баллон с газом позволяет нам проводить многодневные путешествия и в Европе.

Дети первых походов из Гамбурга родились в России, и в бытовом отношении были более приспособленные. Последующие школьники в большинстве выглядели уже более ловкими на словах, чем в кулинарном деле. На них заметнее печать потребительского воспитания. И вот незабываемый случай, который составляет теперь эпос наших походов. 14-летний подросток, не новичок в поездках, в качестве дежурного должен был сварить еду для группы, которая из кемпинга уходила на радиальный маршрут. Я ему рассказываю, как надо готовить по-походному.

— Мясо курицы варится в кипящей воде полчаса; к этому времени должны быть готовы начищенная и порезанная картошка с морковкой. После пяти минут кипения нужно также положить капусту. Кочан капусты перед тобой, и в конце кладется приправа с луком. Понял?

— Понял.

Возвратившись голодными, мы предвкушаем наваристый обед. Наташа Дергачева, которая вместе с танцорами многократно ходила тоже с нами в эти походы, загребаёт половником по 20-литровому котлу, чтоб разливать еду... и вылавливает целый кочан капусты! Сердиться никто не смог. Старшие хохочут, но не все понимают причину смеха.

— Тебя мама хоть раз таким куском кормила?

— Я откуда знал, Вы же сами сказали: «Вот кочан капусты».

Тут уже смеется вся группа.

Бытовая неловкость — главная беда в походах со школьниками. Дома родители обычно спешат взять на себя кухню и уборку, полагая, что удел детей учиться и посещать художественные, музыкальные, спортивные или предметные кружки. Все норовят развивать детей с первого класса и развивают не через умелые руки, а через длинный язык. Модные теории руководят нами, и мы спешим обслужить чадо, лишь бы оно радовало нас в школе. И чадо привыкает к барскому положению, теряя заодно всякую самостоятельность. Домашний быт съедает много времени у мамы, а недоросль этого не замечает. Он и красоту гор не замечает в окнах поезда поэтому. Но мало кто из взрослых может увидеть в этом взаимосвязь. Неразделенные поровну хозяйственные заботы растят еще и эгоистика. Безрукость, как и невнимательность к родителям, вряд ли не сузят впоследствии творчество в художествах и в учебе. К 13 годам большинство подростков обычно оставляют все свои кружки, и взамен страдают переходным возрастом. В походы, как правило, идут менее инфантильные школьники. Правда, некоторых совсем занеженных деток мамы все же уговаривают пойти с нами...

— Думаю, что сумеют приготовить еду только те, кто много помогает дома родителям. Но все ли помогают? Однако дежурить должны все и, очевидно, поесть хорошо нам не всегда придется.

С этого я начинаю вступительную речь. Собрав группу, в подробностях рассказываю и показываю, как надо варить. Подбираю слова, чтоб было понятно всему нашему интернациональному составу. Сегодня еда варится иллюстрировано при всех. В последующие дни при каждой смене дежурных заход, назначенный из школьников, будет еще делать подсказки. Нас много, по двое или по трое каждому придется дежурить только один день. Этот дежурный день многих посрамит. Самый «крутой» юноша, плохо покормив группу, «сдуется» в ее глазах. После показательной готовки еды, из старших выявляются желающие варить обед без помощи взрослых. Отваживаются пока только четверо. Все ли они справятся с делом, которое каждодневно проделывают их родители? Поход только начинается, и нас, вероятно, ожидают всякие чудеса.

Больzano интересен для туриста провинциальным покоем, узкими улочками с бесчисленными ресторанами, красивой ар-

хитектурой и окрестным горным ландшафтом. Место нашего ночлега, как раз находится около главного храма, который мы посетили, не откладывая. Исторический центр города ребятам понравился. Но больше понравились мороженое и пицца, за которыми разбежались все враспынную в паузе между экскурсией и купанием в реке. В этом уютном городке присутствует ощущение свободы. В нем мало машин, и не потеться. Радуют первые дни каникул с итальянским солнцем, игры с мячом, которые мы организовываем, беготня по магазинам и лавкам. Отсутствуют родители, и педагоги куда-то подевались. Карманные деньги хочется побыстрее потратить. Самые азартные успели купить дорогие безделушки: пистолеты с электрошоком и лазерные фонарики, бесполезные в походе и вредные для глаз. Вечером свобода ограничивается. Взрослые намекают интересующимся сувенирами, что не нужно спешить тратить деньги, — во второй половине путешествия они будут нужнее.

Горная река в Бользано быстрая, чистая и холоднющая. Девочки заходят в воду с визгом. У мальчиков тут же появляется бравада. Они выстраиваются шеренгой и с гиканьем забегают в омут, пробуя плавать в водовороте. Привыкнув к воде, заплывают все дальше и дальше девочки. Одну из них опасно понесло по течению; в глазах и смех и ужас. Ее вылавливает Константин — педагог из Санкт-Петербурга. Азарт купания в быстрой воде нарастает, но ледяная вода остужает порывы. Через 20 минут все хотят загорать, а самые неумные уходят играть в футбол. Желание рисковать, обычно присутствующее в первые пару дней, наверно, уймется. Уже видно, что наши дети достаточно осторожные и, очевидно, глупых рисков в горах и на море не будет.

Утром из супермаркета несколько человек принесли гору продуктов. Нам нужно распределить их по рюкзакам. Пищи должно хватить на 5 дней, при активной нагрузке в горах. Некоторые рюкзаки уже перекошены. Вещи и продукты в них сразу выявляют беспомощных. Среди таких — один из самых говорливых. Я ему рассказываю альпинистскую байку про закон взаимосвязи рук и языка. Суть закона в следующем. Через грудную клетку и голову руки прочно связаны с языком. Чем больше делают руки, тем они становятся сильнее и даже длиннее, а язык короче. Научный вывод закона таков: кто много работает руками — мало говорит. Кто-то из младших

мальчиков одним жестом изображает весь мой рассказ. Все смеются. Рассказываю другую байку.

— Еще один закон: рюкзак своим видом очень похож на выражение лица хозяина. — Здесь я пытаюсь давить на самолюбие одного из мальчиков, плохо собравшего вещи.

— Это Вы уже говорили в прошлом походе, — замечает мне комендант и, очевидно, намекает на то, что сегодня я тоже слишком говорлив.

Да, надо торопиться в дорогу. Из Бользано для подъезда к маршруту нам ехать полтора-два часа. Но дорога горная, сплошные серпантины, наедаться не желательно, «чтоб пища назад не попросилась». У двоих все же это случилось, несмотря на короткий переезд: горный маршрут начался. Выйдя из автобуса, мы тяжело потопали с перегруженными ношами. Идти часа два, но шутки ради было объявлено четыре. Первый день не должен быть трудным. Делаем привал у родника, где установлена табличка о достоинствах воды. После привала идем до огороженного домика, около которого прекрасные площадки. Объявляется конец маршрута на сегодняшний день. Долину сразу оглашают радостные возгласы.

Пока готовится дежурными ужин, две команды играют в «выбивалы» и «картошку»; азартней всех играет воспитатель Константин. А я начинаю «лечить водой» первых заболевших, которые просят таблеток от головной боли.

— Таблетки не нужны, — пытаюсь убедить их, — нужно выпить литр воды, и боль, как рукой снимет.

Через час девочки действительно не вспоминали про болезнь. Но, видимо, серьезно заболевает Тимур. Это плохо. Впереди перевал, небо хмурится, и как-то не по-летнему холодно в Альпах. Нельзя не переживать за маршрут: он необыкновенно красив, но вчера в Бользано вечером шел дождь, а в горах выпал снег и все высокие хребты побелели.

Кроме меня никто ничего не знает о количестве снега на перевале. В прошлом году я вел группу этим же маршрутом, и мы шли по жаре. С нами были две африканские девочки из Мали, и все радовались, что нашли пяточок снега, чтоб повалить их в нем, поскольку они его еще никогда не видели. Для ночлега на высоте у нас есть подстраховка: остановиться в Hütte (горной хижине). От перевала, с которого открываются красивейшие панорамы, нам, возможно, придется отказаться.

Это всецело зависит от погоды и частично от наших силенок. Как шаман, я разглядываю собирающиеся облака вокруг главных вершин и пытаюсь угадать цикличность их наступлений и отступлений. Прогноз по интернету при неровной погоде ни о чем не говорит. В лагере внизу у нас достаточно тепло.

После ужина ребята неловко, но с удовольствием жгут костер. За костром почему-то пошла тема разговоров о шрамах, полученных в прошлом. Костер потихонечку затухает, кто-то уже уснул в палатках, а неспящие восхищаются звездами. К ночи облака отступили от вершин: холод угнал тучи на равнины. Может, нам повезет с погодой...

Вчера засиделись за разговорами и подъем сегодня не ранний. Погода радует. С утра сварена рисовая молочная каша и ее едят лениво — не ходили еще толком, не проголодались. Завтра ходовой день и аппетит нагуляется. Мы несколько запаздываем с выходом: нет привычки собирать свои вещи на поляне. Опять не найдем хозяина нескольких пар носков. Так мы, пожалуй, промаркируем весь наш маршрут носками. Кто-то шутит: «Вдруг потеряемся, нас по ним и найдут». Рослый мальчик подходит с грязной миской за кашей.

— Почему посуда грязная?

— А где ее мыть?

— А спроси вон у маленькой девочки.

Лиза идет с чистой миской и улыбается нам.

Не у всех с утра на лицах бодрость. Помыть ложку с миской в холодной воде для кого-то целое дело. С недовольным видом двумя пальчиками полоскает посуду в ручье непричесанная девица. Недовольных несколько человек. Они хмурятся от неприспособленности к палаточным условиям и тем омрачают солнечное утро. Как раз время взбодрить группу и сделать все наставления перед многодневным выходом. Собираю всех в круг и стараюсь сказать про самое необходимое нам на маршруте.

— Народ! Нас ждет маршрут, но мы еще к нему не готовы. Не наблюдается самостоятельности группы.

1. Вчера не все выпили по два литра воды. Несколько человек потеряли бутылки. Мы на ветру, на солнце и в движении. Сегодня уже, как деды, старчески подкашливают несколько человек... Они же ночью от недопития храпели и сопели. Посмотрите в зеркало на губы: у кого они ссохшиеся, тот будет вялым или, чего доброго,

начнет болеть и тем подведет всю группу. На сложных участках будет трудно не только больным, но и здоровым.

2. С вечера наступал холод. Не все почувствовали, что нужно было одеться; сегодня жарко — двое юношей ходят бабаями в свитерах. Бабушка вот этого «ребенка» (показываю на раскиданный рюкзак) просила напоминать ему про кепочку, если будет жарко. Я обещал приглядеть, но вы-то понимаете, что это была шутка? Мы в горах или в детском саду?
3. Почему команда палатки Алекса собирает сначала рюкзаки, а затем палатку? Напоминаю правило: сначала укладываем общественное снаряжение, затем — личные вещи.
4. Глупых вопросов на маршруте не задавать. Что это за вопрос: а когда мы придем? Придем, когда пройдем свои километры. Километраж на день сообщается.
5. В рюкзаках у многих продукты уже измяты и хлеб похож на кашу. Хотелось бы не только крошками питаться.
6. Запрещаю брать бутерброды до того пока не поели кашу или суп. Любителям сухомятки объявляю: каша и суп — наш Макдоналдс.
7. Палатки предназначены только для сна: находиться днем в них запрещено. Мальчики, которые боролись в палатке, рискуют остаться без нее под дождем и на холоде.
8. Нельзя подходить к месту дежурства, чтоб не опрокинуть на кого-либо кипящий котелок.
9. В дальнейшем настроиться на холодные ночлеги. Вечером отдельно расскажу, как уложить изоматы по палатке, улечься в спальниках и дополнительно одеться, чтоб не замерзнуть, поскольку ночлег уже будет выше.
10. Всем радоваться на природе! Отдых в пятизвездочном отеле и поход с палатками — разные вещи. Мы вроде в поход собрались. Почему большая часть из нас с присутствием оптимизма рады красивому лесу, горам, друзьям, успевают вовремя и хорошо собраться, а из-за меньшинства приходится отчитывать всех? Нытикам нужно сменить выражение лица.

Да здравствует наш поход!

Половина ребят в горах первый раз. Топать тяжело, но мы делаем через 25–30 минут привалы; на крутых подъемах — через 15 минут. На сегодня, чистого хода три с половиной часа, с привалами часов пять. День солнечный и тучи группируются только около вершин и скальных башен. Доломиты дарят нам красоту. Сначала мы идем узкой тропой среди огромных елей. Тропа выстраивает всех в правильную колонну. Кто послабее, останавливается, но их перегоняют самые здоровенные. Два наших 15-летних дяденьки, ростом за 185 см, уже обгоняют меня. Впереди их норовят идти еще более старшие. Замыкающий просит привал, потому что кто-то из девочек идти не может, задыхается и плачет. Мы разгружаем ее рюкзак, и ей лучше идти за мной. А ее вещи передаем впереди бегущим богатырям. Это юношей уравнивает. Теперь они не мешают направляющему и пыhtят, находясь где-то в середине. По правилам походной тропы, никто не должен перегонять направляющего и идти сзади замыкающего. Замыкающим может быть один из самых опытных в группе. Паша — мой старший сын умудрился на неделю уклониться от работы-практики, и я ему сильно благодарен за помощь. Он с рождения в походах и настоящий инструктор: с ним — надежно. Из леса наша растянутая колонна выходит на склон, с которого, как на ладони, обзревается долина с хвойными лесами и крошечными деревнями, а выше тропы расстилается альпийский луг с цветочным ковром. Здесь уже хорошо сделать привал.

Во время привалов мы поем. В этом походе четыре гитариста, исполняющие больше бардовские песни или песни из советских фильмов: трое моих детей и Саша Егорова из Санкт-Петербурга. Александре 19 лет, она маленькая и почти ничего не ест. Последнее ее свойство очень ценно в походе. Но еще более ценны ее песни. Она дочь моего бывшего ученика времен, когда я учительствовал в Питере. И мама, и папа ходили со мной в походы. Мама без энтузиазма участвовала только в одном путешествии. А папа был на Памире, Кавказе, Алтае; путешествовал еще байдарочными маршрутами. Мама с боязнью отпускала дочь. А Сашу поход окрылял — она нам пела песни. Дочь — в папу. Над мамой будет повод подтрунить. Мы дружим семьями сто лет и иногда собираемся петь вместе. Кроме Саши у них еще двое детей и вся семья необыкновенно хорошо поет. Наши дети тоже поют, и мы тянемся, как можем, за ними в песнях. Чтобы мелодии лучше ложились на душу,

вся наша походная команда разучивает слова наиболее простой и популярной, но хорошей песни. Дело — это не простое для говорящих с русским акцентом. Питерские школьники в изучении песен преуспевают быстрее. Девочки подпевают почти все: из мальчиков — немногие. Песни из кинофильмов учиваются лучше других.

— А не устали ли мы отдыхать? В рюкзаки! — Раздается команда.

— Нет, еще хоть пять минут — голосят, те, кому видимо было тяжелее всех на тропе.

— Ну, тогда еще одну песню.

— Лучше, уж песню, чем идти. — Подпевать начинают и мальчики.

— Дорогу осилит идущий! В рюкзаки! — Повторяется через пять минут клич.

Со стоном одевается тяжелая ноша и все терпеливо топают. Навстречу нам иногда попадают люди с рюкзаками и недоумевают, куда это мы отправляемся такой командой: впереди ни одного отеля, чтобы дойти сегодня. Тропа уводит нас снова в лес. Проходим около каньона и поднимаемся к высоченной скальной стене. После долгого пути вдоль скалы выходим на поляну с пасущимися козами. На коз поглядывает пастух, сидящий у маленькой хижины. Надо договориться с аборигеном о ночлеге на поляне: в прошлом году его здесь не было. Итальянец не очень гостеприимного вида, в смешной шляпе и с биноклем наблюдающий за стадом, после переговоров на «Plattdeutsch» (Юж. Тироль) махнул рукой в знак согласия. На всякий случай, он также подчеркнул, что в принципе за нас отвечать никак не может. Этого нам, конечно, совсем и не нужно. Дежурные начали кулинарить, а для остальных объявлено свободное время.

Вместе с козьим стадом народ наш разбрелся по горам, по долам. За еду я не переживаю, потому что дежурит Эльвира — третий взрослый. Она уже несколько раз путешествует с нами. В школьных группах не лишними могут быть немногие родители: Эльвира одна из таких. Ее выросшая дочь Линда, теперь студентка, тоже участница похода. Еще школьницей она ходила с нами. Взрослые у нас дежурят только раз, также, как и школьники, и дальше я умышленно отгораживаю взрослых от помощи и всякого руководства. В группе по возможности сразу налаживается определенное самоуправление. У нас

есть старшие палаток, их семь человек. Есть постоянно сменяемые дежурные, а также завхоз, комендант, кто-нибудь из взрослых педагогов и я, как инструктор. Чтобы наше начальство не костенело до бюрократии или зазнайства, все должностные сменяемые, в зависимости от необходимых для дела качеств. Пожалуй, только у меня самое не шаткое должностное положение, потому что у всех остальных нет удостоверения инструктора альпинизма. Взрослые должны оставаться рядовыми участниками путешествия и помогать лишь в крайней необходимости, чтобы обслуживать себя в быту ребята могли сами. Петь, рисовать, танцевать, заводить игры, устраивать спектакли — все что угодно творческое, для родителей организовывать не возбраняется. Пусть они будут с детьми не клушами, и привнесут своей личностью задора.

С нами в походах, например, вместе со своими танцующими детьми, раз восемь путешествовала Наташа Дергачева. Игры, танцы, песни, смех благодаря ей окрашивались особым обаянием. С утра в дождь вдруг раздается знакомая ее танцорам мелодия; они по выработанному рефлексу выскакивают из палаток и заводят танец. Не танцоры тоже вскоре пускаются в пляс. Даже я танцевал в башмаках 46 размера. С такими оптимистами и плохая погода одолевается легче. Здорово, когда в детской группе есть взрослые — единомышленники.

Около пастуха, где мы сбросили рюкзаки — райское место. Все краски ландшафта сочные и весь рельеф резко подчеркнутый. Поляны альпийских лугов окружены густым лесом из огромных елей, горная речка усыпана намытыми добела камнями и совсем близко от нас упираются в небо скальные вершины. Гора-ребенка, гора-игла, гора-пирамида, гора-башня окружают полукольцом долину. Воздух становится прохладным и прозрачно звенящим. Вечером на солнце вершины багровеют, а камни по долине еще спят глаза белизной. Дети, замороженные красотой, уселись на пригорке и притихли. Видели б их сейчас родители: какая идиллия! Но идиллия закончится с наступлением ночи, которая обещает быть холодной. Вечерняя прохлада поднимает ребят с поляны, и Костя снова для разогрева увлекает их на игры с мячом.

Дежурные приглашают всех на ужин. Позвякивая кружками и мисками, народ усаживается вокруг стола, старательно обустроенного в национальном парке. Аппетит у всех зверский. В паузе, между густо сваренным борщом и чаем, идет

инструктаж, как разлечься в палатках, чтоб не замерзнуть. Изоматы нужно расстелить впритык друг к другу и без щелей. Их края загнуть по бортам палаток, чтоб лежащие по бокам не мерзли от прикасания к холодной ткани палаток. На голову одеть всем шапочки. У кого тонкие спальные лечь в серединку и одеться дополнительно в куртки. Кто ложится по краям, должны показать мне свои спальные. Ночью, кому вдруг станет холодно, разбудить меня. И еще: последующие три-четыре дня особенно важно не забывать пить воду. Иначе трудно будет идти в гору или станет болеть голова от высоты. Мы все в одной связке и зависим друг от друга: только коллективными усилиями возможно подняться и спуститься с перевала. Нам нужны дисциплина и взаимопомощь.

Облака на ночь сегодня уходят в долины. Вершины *Rosengarten*, так называется район Доломитовых Альп, по которым мы топаем, в сумерках выглядит сурово. Погоду, относительно прошлых трех дней, можно назвать переменчивой и непредсказуемой. Наш предполагаемый походный маршрут не короткий: поселок Циприано — домик с площадками для палаток хижина пастуха коз (она так и называется на карте, только по-итальянски) — *Grasleitenhütte* (по-русски, если вольно перевести, значит гостиница на тропе альпийских лугов) — *Grasleitepass Hütte*, т. е. перевал — спуск к озеру Антермойя. Но, учитывая холодное лето, нам возможно придется сразу идти вниз к поселку Кардессия, минуя озеро. В любом случае, если одолеется перевал, маршрут окажется замечательным. Верхняя тропа к нему начинается огромным мореным цирком, и с нее сразу открывается обозрение крупных вершин и острых пиков. Конечно, у нас есть вариант запасного маршрута, более легкого, с отступлением назад.

Подъем сегодня пораньше. Сборы лагеря и завтрак движутся быстрее. Распределяем остатки продуктов и проверяем на глаз вес каждого рюкзака, в соответствии с возрастом, комплекцией и физической подготовкой. Надо не обидеть «буйных», дать им по килограмму лишнего веса. Мише и Артуру лучше дать по два килограмма, чтоб меньше болтали и не перегоняли младших. Тропа, по которой мы пойдем, имеет опасные участки — «бараньи лбы». Она устойчивая, но если толкаться, или спотыкаться, то можно покатиться. Склоны здесь быстро набирают крутизну: с несобраннным настроением на маршрут вставать нельзя. Группа наша уже достаточно орга-

низована, и мы условливаемся по моему предупреждению, на опасных участках замолкать и, вообще, не распускать языки. На дальнейший маршрут последовательность в колонне поименная. Она устраивается так, чтобы младшие шли впереди. Далее идут остальные, но их разделяют через несколько человек наиболее ответственные или надежные, как мы говорим. Вся колонна во всех звеньях, от направляющего до замыкающего, должна иметь подстраховку с этими надежными людьми. Прививка внимательности, заданная с первых дней, уже ощущается. Все научились слышать, что им говорят, и главное — большинству понятно значение взаимопомощи и дисциплины, т. е. понятно, что мы в горах.

...Маршрут наш усложняется. По мере подъема мы пересекаем места оползней и щелей, которые опасны только в межсезонье. Заходим в лесную чащу, снова выходим на один из боковых ручьев в долину и прыгаем осторожно по морене — огромным валунам. У меня подробная карта масштабом 250 метров в сантиметре, и кроме всего помогает ориентироваться маркировка: в этом смысле в Альпах ходить одно удовольствие. Моренник заканчивается, тропа заводит в лес и резко по камням набирает высоту. Несмотря на частые привалы, карабкаемся с пытением; кто-то даже переходит на четвереньки. На привале разгружаем рюкзак девочки, у которой набегали на глаза слезы. Здесь же я скандалю не первый раз с одним из девяти Александров, у которого искривившийся рюкзак грозит уронить вещи, свисающие комом с верхнего клапана. Этот Александр обладает удивительным качеством: говорить не останавливаясь. Ощущение присутствия неумолкающего радио было не только у меня. Одна из девочек тоже удивилась, что сзади себя слышала, как кто-то минут 20 о чем-то рассказывал. Обернувшись, она с удивлением спросила:

— Ты с кем разговаривал?

— С тобой! — Тоже с удивлением ответил Александр.

Я под видом правила расстановки на тропе, поставил его от себя подальше, поскольку нужно видеть и слышать всю группу. Подальше он тоже опасен: с него на ходу валятся продукты с пакетами. Не лучше выглядит Алеша: рюкзак такой же кривой, а снаружи висят на ляточках картошка в сетке, ботинки, спальник. Алеша всегда молчит, не знаю, слушает ли, а Саша — всегда ему что-то рассказывает. Кажется, они даже

сдружились. Одному я перебираю рюкзак сам, другому прошу помочь Алекса из старших.

Снова топаем, тяжело дыша. Привал делаем на поляне с бархатной травой. Здесь середина гребня и видна другая сторона хребта. Нас приветствуют новые вершины и еще более тревожные пропасти. Лес закончился, по крутому склону альпийских лугов идет серпантин с опасными обрывами. Никто не разговаривает. Привал делаем, пройдя скальный прижим. Очень тихо. Внизу не видно ни одного селения, нас окружает мир суровых ущелий, голых скал и остроконечных вершин. Это Доломиты!

Еще новый переход серпантинами, и мы оказываемся на поляне с пронизывающим ветром. Холодно — надо одеться и встать ниже, чтоб спрятаться от ветра. Прячемся не только мы, но и встретившиеся нам ранее восходители. Они комплиментами и возгласами выражают нашей длинной колонне «Respekt». Время перекусить, но вначале положена всем перевальная шоколадка. Этот перевал не главный, но видна уже вдали хижина (Hütte). По-братски делим шоколад, быстро перекусываем сухомяткой и торопимся из-за холодного ветра покинуть поляну. Подойдя к кафе, мы садимся за столы плотнее, чтоб нас казалось меньше. Я иду наводить дипломатические мосты. Хозяин высокогорной гостиницы меня узнал.

— В прошлом году вы шли в это же время, и сразу пошли на перевал.

— Как Вы это помните?

— Я других таких больших групп здесь никогда не видел, — добродушно отозвался итальянец.

— В этот раз мы будем проситься на ночлег, потому что не ожидали в горах столько снега.

— Никто и не помнит в этих горах столько снега летом!

Мы быстро сторговались по цене, и хозяин не лукавил. Заселил он нас наилучшим образом: на верхний этаж в одну большую комнату, где было 16 довольно широких кроватей. По двое все могли комфортно расположиться. Пока погода позволяла, надо было спешить сразу выйти на радиальный маршрут. Кто знает, может быть, завтра она уже наверх никого не пустит. А сегодня еще есть возможность сходить в противоположную сторону от перевала.

Без рюкзаков и по тропе идет скоро. Через сорок минут объявляется привал. Но на половине пути навалено

много снега. Нам бы обувь лучше не мочить. Мы оглядываем противоположный северный склон. Он уводит на перевал (Grassleitenpass), ожидающий нас завтра. Важно угадать, во сколько лучше выйти, чтобы идти около пяти часов и в то же время не попасть на жесткий фирн с утра и рыхлый снег после обеда. Кроме всего многое зависит от осадков. Снег здесь выпал три дня назад и периодически подсыпает. Наш южный склон топит солнце, и ноги скоро будут проваливаться по колено. Нужно поворачивать назад, чтобы не мочить обувь и побережь ее к завтрашнему решающему дню. Послеобеденный маршрут без рюкзаков открывал совсем другие ландшафты: только снег и скалы. Сколько пейзажей переменялось за день! Еще утром мы завтракали на зеленой солнечной лужайке, окруженной хвойным лесом.

В общей комнате горной гостиницы, песни на ночь под заывание ветра за окном, звучали как-то мистически. Их тихо и слаженно все подпевали и внимательно слушали. Под них погружались в блаженный сон сначала младшие, а затем все остальные. Последними засыпали гитаристы. Несколько песен стали коллективными. Есть смешная сторона наших песен — они с акцентом. Смешнее всех звучит песня «Прекрасное далеко». После отбоя группы я ушел гулять в одиночестве около гостиницы, пытаюсь наколдовать погоду на завтра.

Смущает одно обстоятельство к завтрашнему ходовому дню, которое уже упоминалось. Тимур с большой температурой. Заболел он, скорее всего из-за того, что высовывался постоянно из окна поезда. Простуда дала ангину, которая у него периодически проявляется. Костя, как воспитатель, честно сознался маме по телефону о болезни и получил соответственно все наставления по лечению. Сообщать о болезнях детей маме — это конечно ошибка. Ну, чем она поможет, кроме советов, в которых мы сами сильны, а переживать будет. Щедро обещая маме лечить ее средствами, мы действовали по-своему. Антибиотики оставили на острый случай — они не хороши при нагрузке, а Тимура стыдили, что он не исправно поласкает горло водой с солью и йодом. На сегодня температура у него уже спала, но в активной стадии она поднималась до 39,5 градусов. Завтра заберем у него значительный вес из рюкзака, будем наблюдать, и действовать по обстоятельствам. Медицина постельная и в горах отличается методами. Глотать разные таблетки не лучшая мера. Простуда

и ангина на высоте, где еще не захватывает горная болезнь, лучше излечиваются при активном движении на воздухе, народными полосканиями и пропиванием большого количества воды.

Погода с утра хорошая. Хозяин гостиницы нас сфотографировал, чтобы выставить на своем сайте в интернете. Он фотографирует знаменитых людей, посещающих его горную резиденцию. Мы знамениты своим количеством забредших в его обитель.

Великое дело — настрой на перевал! Народ наш бодрый и собранный; все идет хорошо, несмотря на тяжелые рюкзаки и крутизну подъема. Привалы делаем частые, но короткие, чтоб не застыть от холода. Впереди Карина — наша младшая и, кажется, она даже улыбается под рюкзаком. Мне нужен юркий и ловкий из младших, чтобы он шел ровным темпом, если я выбегаю из колонны. Забираю вперед Нила. Он маленький, да удаленький. Сидоров Никита, с исключительно русским именем, почти не говорит по-русски: пусть лучше идет впереди, если не поймет слов, увидит мои жесты. Асер, Саша, Лиза и далее, как уже составила колонна, все выдерживают нужную дистанцию. Выходим на снег. Пока подъем не крутой, снег жесткий, идти удобно всем. Потом нужно будет ближе держаться левого борта, где выступает скальная стена, дающая тень. Те, кто в массивной обуви, идут после младших, чтоб остальные в кроссовках шли след в след и меньше промочили ноги. На сплошном снегу наша компактно идущая колонна смотрится эффектно и просится в кадр. Но я еще переживаю за темп группы, погоду, вязкость снега и пока фотоаппарат не достаю. На привале приходится менять расстановку. Тех, кто отстает в колонне, ставим вперед. Разгружаем несколько рюкзаков у отстающих.

— Кто возьмет пакеты?

Герд, 11-летний мальчик, несет тяжелый рюкзак и берет еще; он и дежурил несмотря на возраст лучше своих старших. Молодец Герд! Больше его грузить нельзя — ибо кто везет, того и погоняют. Не все упираются настолько, и обидно, что они не из старших. Поход раскроет каждого. А наш успех зависит исключительно от взаимопомощи.

Тем, кто задыхается, лучше делать резкий выдох; вдох у человека производится автоматически. Соня таким образом пытается восстановить дыхание и, кажется, на перевал вытя-

нет. Подъем усиливается, несколько человек скользят вниз. Хорошо, чтобы снег был мягче, но не проваливалась нога. Пробую выйти на освещенную сторону: идти легче, но наверно скоро намокнут ноги у тех, кто не в трекинговых ботинках. Топаем уже только по серпантину, набивая след. Группа движется медленным, но уверенным ходом. Отстает один Саша, которого мы еще ни разу не называли. Хорошо, что со мной Паша: он волочит, подталкивает, всячески бодрит сдающего восходителя, и в то же время успевает быть замыкающим всей группы. Но их связка останавливается несмотря на то, что Паша уже несет два рюкзака. Делаем привал. Трое старших помогают отстающему идти, но кажется, что он настолько сдается, что даже упирается вспять. Его рюкзак по очереди, в качестве второго, несут еще несколько ребят. Тимур, несмотря на болезнь, не подает плохих признаков и ровно продвигается вместе со всеми. Он на прицепе у Константина. Мы прошли середину, далее обходим нависающую скалу и, несмотря на еще большую крутизну подъема, выползаем на камни, по которым ноги меньше скользят. Понятно, теперь уже поднимемся, хотя погода вдруг стала портиться — собираются кучей облака. Еще привал. До перевала два рывка, при наших силах. Я особенно активно фотографирую и даже отхожу в сторону запечатлеть подвиг группы. Нам навстречу тоже идут несколько человек с рюкзаками. Они немало удивляются школьникам на снегу и в особенности их количеству. Воспитатель Константин негромко шутит: «Наверно, они ничего не знают про переход Суворова через Альпы».

Перевал виден уже всем. Близость победы придает силы. Константин помог Тимуру, теперь он помогает Саше, рюкзак которого впереди хозяина. Наверх подтягивается середина, а затем и хвост группы. Дышится тяжело, щеки у всех горят и глаза тоже. Победа! У нас флаг Русского Географического общества, когда-то мне врученный. За этим флагом имена выдающихся исследователей: Литке, Пржевальского, Тянь-Шанского, Миклухо-Маклая. Собравшись, мы фотографируемся на фоне высокогорного домика и с флагом. Дежурные угощают всех перевальной шоколадкой.

За спуск можно не переживать: нам уходить на южный склон, как-нибудь доедем. Наверно на радостях, кто-то действительно усаживается на рюкзак и скользит по склону. Дурной пример заразителен — катятся на куртках и рюкзаках

другие. Через час в мокрых ботинках мы вышли из снега, а через два были на солнце в долине.

После позднего обеда бодрый шаг привел всех к первой деревушке. На окраине поселочка нашлась хорошая поляна для лагеря, но как-то резко пошел дождь. По свинцовым тучам стало видно, что он собирается надолго. Несколько человек пошли ставить палатки, чтоб не вымокнуть всем. Остальные остались переждать дождь под навесом здания, у рядом стоящей остановки автобуса. Вслед за дождем посыпались огромные хлопья мокрого снега. Но непогода не повергла никого в уныние. Наоборот, на маленькой остановке в тесноте все стали дружно петь уже выученные песни. Из двух соседних ресторанов гостиничные туристы с интересом наблюдали за нашим концертом. Снег повалил так густо, что зеленая трава через полчаса покрылась 10-сантиметровым слоем. От остановки мы перекочевали в ресторан и там заказали, к удивлению его владельца, 34 стакана чая.

Надо было что-то решать с ночлегом не в палатках. Мир не без добрых людей и в соседнем хостеле, где завершался ремонт, нам разрешили переночевать в холле на изоматах и в спальниках. Разрешили, потому что у хозяйки гостиницы дочь ходит в скаутские походы. Хозяйке, я, конечно, сказал, что нас 15 человек. Она оставила мне ключи, и мы, как килька в томате, улеглись на паркетном полу.

Пока все укладывались, несколько человек пошли собирать палатки, которые засыпало снегом. Среди вызвавшихся выполнить эту работу в слякотную погоду оказались и такие, кто прежде уклонялся от трудных инициатив. Несмотря на нелегкий день, уснули все поздно. Наше образовавшееся трио исполняло песни Высоцкого. Хором петь никто не порывался. Новые малоизвестные мелодии слушали все очень внимательно. Умение слушать, значит не меньше, чем умение петь: такое умение к подросткам приходит только с нагрузкой. Сегодняшний день трудом нас не обидел.

Утром все постарались не вымазать белые стены помещения мокрыми палатками, изоматами и рюкзаками. Позавтракав традиционно рисовой кашей на сгущенке, мы по снегу, снова идя след в след, спустились в нижнюю деревню. Нам хотелось не только забрать оставленные вещи в Бользано, но высушиться и переночевать в понравившемся спортзале. Дорога на автобусе вниз прошла незаметно — никого не затош-

нило. Все дружно заснули и даже посетовали на то, что приехали раньше, чем выпались. Неудобства переезда никто не замечал: поход нас закалил.

Вечером в зале не только никто не шумел, а даже подсучивали над говорливыми, что слишком уж тихо. Перед сном наладился спокойный разговор о горах. Меня спрашивали о восхождениях, и я что-то рассказывал на сон грядущий о больших вершинах на Тянь-Шане, Памире, в Гималаях, на Кунь-Луне. Когда все уснули, мне думалось не скромно: перевал со школьниками в Доломитах — значит больше, чем восхождение на семитысячник во взрослой альпинисткой команде.

Часть вторая: море

Из Бользано нам надо было ехать во Флоренцию, затем в Пизу, после чего осесть в кемпинге на море. Оба города на пути известны выдающимися историческими памятниками. Родители часто воображают, что детям при посещении городов нужны экскурсии, которые наполнят их сведениями об исторических периодах, архитектурных стилях, и декоративных деталях зданий и парков. А школьникам хочется не лекций, а действия. В любом случае, даже после экскурсии нужно дать им разбежаться по закоулкам города.

Но надо, чтобы они еще не потерялись. Особенно тогда, когда нужно уже отправляться на поезде. Переезды, расселения, подходы на экскурсии утомительны, поэтому доехав до Флоренции, мы побыли 4 часа в городе и уехали в кемпинг. На все это ушел день, при этом весь исторический центр со знаменитым древним мостом мы успели обойти не спеша. На жаре все устали больше, чем в горах и многие сходили в Макдональдс. Но зато на море у нас оставались четыре дня. В Пизу можно будет съездить из кемпинга, когда утомимся от купания. Пока Константин водил группу около центральных храмов, я занимался покупкой билетов, продуктов, выяснением нужной информации. Пришлось побегать по городу. И в совершенно разных местах мне вдруг попадались «наши люди», чаще всего с мороженым. Разбившись группами и разбегавшись по улицам, ребята обошли главные кварталы вдоль и поперек. По их рассказам они запомнили не только знаменитые здания, но и увидели лицо города, а одна из девочек

прибавила: «Важнее не сам город, а походить по нему с друзьями».

Родители, отправляясь семьями на море для того, чтобы только купаться и загорать, обрекают своих детей на скуку. Мы прибыли на море и радовались ему все дни. Дышащая бодростью наша группа после снежного перевала уже при входе в кемпинг создавала контраст завалывшимся пузогреям. У отдыхающих на пляжах всегда усталый вид от неумеренной еды, долгого отдыха и орущей сразу в нескольких местах музыки. На жаре и в шумном кемпинге нелегко удержаться от общего разлагающегося состояния. Нам нужно было определить активную программу на несколько дней.

Вниманию всех собравшихся за завтраком была предложена длинная речь. Я честно сознался, что не боюсь нашей группы в горах, а на отдыхе — боюсь. Группа хорошая, но есть такие, кого нужно забавлять, контролировать. Они начнут скучать, маяться, говорить глупости, а потом еще что-нибудь натворят. Поэтому необходим твердый порядок на каждый день, пока мы на море. Утром будет зарядка, т. е. кросс с гимнастикой, далее завтрак и загорание на пляже до 12 дня. До трех часов у всех творческое время — чтение, разучивание песен, организованные игры; после трех снова пляж, а перед ужином большая тренировка. После ужина, если захочется, можно посидеть с гитарой, а не захочется — свободное время. Кроме всего, два вечера займут у нас традиционный «капустник» и подведение итогов похода. Также я посетовал на то, что в горах много варил за дежурных, поскольку приходилось торопиться на маршруте. В кемпинге у дежурных все условия, можно не спеша кулинировать и ассортимент продуктов богаче. Хотелось бы, чтоб дежурные блеснули, наконец, самостоятельностью. Ну и в лагере всегда должен быть порядок. Эта обязанность лежит на старших палаток и коменданте, у которых есть право требовать и наказывать за раскиданные вещи всех, в том числе и взрослых. Проговорили все прочие детали отдыха.

Утром первую и последнюю тренировку на море провел Паша. После обеда он, Эльвира и Линда улетают в Гамбург: их короткий отпуск заканчивался. Я не присутствовал на зарядке — нужно было закупить гору продуктов в супермаркете. Вечером среди малышей по поводу утреннего кросса сколызнуло суждение, что «Паша строже Владимира Александрови-

ча». Это радовало, значит Паша задал хороший тон времяпровождению. Первый день загорали на пляже с наслаждением, а вечером никто не разбежался из лагеря — попросили песен. Школьники вряд ли бы выучили столько песен, если б не поход. Притом младшие пели лучше старших и это закон: они еще мамыны, не оторвавшиеся от семьи, более восприимчивые и не подверглись влиянию общества. Но наши младшие так быстро и слаженно запели, что и старшие заразились. У нас уже установилось правило выучивать за вечер одну-две новых песни. В положенную для кемпинга ночную тишину мы пели в полголоса и в то же время очень слажено. На песни подошли несколько итальянцев.

Время с 12 часов до 15 самое трудное на море. Жарко, тело раскисает, голова соображать не хочет, а у нас творческие задачи: учить песни, читать книги, придумывать стихи к заключительному вечеру. В самый зной все прячутся в тень. Купаться опасно, можно сгореть или получить тепловой удар. Спать тоже нельзя. В палатках духота. Да и к чему дневной сон: выспавшиеся днем подростки будут опасны ночью. Творческое время, конечно, тоже, что и свободное время, иначе какое творчество. Но в это время надо что-то интересное создать...

Константин и некоторые из старших ребят организуют за столом игры в пустующем в жару кафе. Игры проводятся только для желающих. Две команды угадывают слова, записанные на русском и немецком языках. Кто-то из девочек читает электронную книжку. Около «берлинского» Алекса несколько человек тихо пропадают в фейсбуке, хотя вроде телефоном пользоваться запрещено. За отдельным столом сидит Маша Валитова. Она всегда читает хорошие книги: сейчас у нее Чарлс Диккенс. В кафе собрались не все. Добрая половина группы разбрелась по площадкам, на качели, а самые отчаянные продолжают купаться и загорать вопреки всем предупреждениям. Дежурные на палящей жаре готовят обед на газе.

В ожидании обеда подтягиваются один за другим исчезнувшие из поля зрения младшие мальчишки. Губы у них пересохшие, глаза осоловевшие, я их обязываю срочно выпить по поллитра воды перед едой. Плохо себя чувствует один из малышей и девочка-подросток; они не догадываются спрятаться в тень: такое странное у них ощущение жизни. У дежурных почти по-

рядок, еда сварена, но не накрыт стол. Не могут по-хозяйски, как мамы широко видеть все поле кухни: нет привычки смотреть и в кастрюлю, и накрывать стол. Явление Антона к столу в числе последних вызывает сразу оживление и восторги. Обгоревший, с огненным цветом волос и двухлитровой бутылкой Кока-колы с красной этикеткой, он полыхает, как солнце в зной. Сказать, что он красный, как рак? Нет, наш Антон — еще красней. Теперь он весь облезет. Но я не переживаю, взрослый парень — пусть соображает. Физически он сильный, нес на маршруте две палатки. Родители его на меня не рассердятся: они любят путешествия в далекие страны и сына в поход отправляют «когда дома мамин торт начинает казаться невкусным».

Тема для послеобеденной беседы родилась сама собой: наши беспечные детки засорили пару раковин в санузле кемпинга. Помыли посуду, не очистив ее от остатков пищи. К этому же явлению у дежурных раскиданы продукты, а покосившиеся палатки и валяющиеся вещи зовут прибраться. Проблема быта преследует нас не только на трудной горе.

— Говорилось же, творческая программа, значит что-то создать, а не натворить. Кто будет чистить канализацию? И ведь никто не сознается, что засорил раковину, — возмущаюсь я.

— Ну, все мыли посуду... И понемногу от каши засорилось.

— Виноватых нет. А делать что будем? Тихо умолчим, или свинство свое пойдем исправлять?

Двое парней вызвались пробовать чистить канализацию. Интересно, что выполнить без заставляний такую непочтенную работу могут только надежные походники. Вся группа идет наводить порядок в лагере.

За поход я вижу, как меняются мои школьники. Даже самые ленивые начинают понимать, что плохо всегда выезжать на других. Пожалуй, половина ребят достаточно самостоятельны, особенно ветераны похода. Стараются очень многие, и в быту они быстро прибавляют за поход. Высший пилотаж — это дежурство. Попробуй свари на нашу ораву огромный котел еды! А еще кучу продуктов на стол нарезать и разложить. Кто-то сообразит, как сварить, но забудет убрать после ужина все продукты на место. Или половник в руках держать не может, того и глядишь, ошпарит горячим супом соседа. Поход научил уважать всех, кто хорошо дежурил и в этом даже обозначился престиж. Уже несколько человек зареклись, что бу-

дут помогать родителям на кухне и в уборке дома. Но к таким порывам нельзя не относиться скептически: дома есть хлопотливые мамы, которым легче все самим сделать, чем приучить дитя к труду.

...В вечернее дежурство наблюдаю картину маслом. Мальчик ножом по картофелине ведет так, как будто чинит карандаш.

— Дома не чистишь картошку? — спрашиваю я его.

— Нет.

— Мама чистит?

— У нас домработница.

Я прикусил язык. Неловкость-то в быту у мальчика почти инвалидная, зачем же домработница? Но такие мысли нельзя вслух высказывать. Да и не совсем виноват подросток. Как говорится, какая жизнь...

У нас две тренировки в день. Они не спортивные, но и не вялые — «для поддержания бодрости духа». Утром зарядка в виде пробежки и гимнастика, а вечером спортивные игры: футбол или волейбол. Вместе с двухразовым купанием и трехразовым питанием — это уже курорт. Легкая пробежка у моря, одно удовольствие! Но не у всех курортников, отправляющихся на кросс спросонья, на лицах удовольствие, хотя прохлада и ласковое солнце зовут вдохновиться. Старт дается всем, и колонна сразу длинным хвостом растягивается по пляжу. На удивление, первыми оказываются те, кто помладше: Саша Гартман, Нил, Никита. С ними рядом бегут Герд, Флорин, Саша Снатенков. Далее серединку заполняют мальчики и девочки среднего возраста. Старшие, изображая бег или перейдя на ходьбу, замыкают колонну. Богатыри наши на тропе шли неплохо, но пробежка им дается тяжело: беда века — лишний вес. Сделав гимнастику, искупавшись и нагуляв аппетит, народ к кастрюле подходит со светящимися глазками.

Вечерняя тренировка интенсивней и проводит ее Константин Юрьевич; ему помогает Саша Михалев. С Костей у нас договоренность: чтобы не выдохнуться, я занимаю группу первую неделю, а он — вторую. Во вторую неделю на мне только общая организация: лагерь, еда, дисциплина, контроль общей программы. Константин проводит игры, тренировки и все творческие мероприятия. Сочетание удачное. Я человек повелительный, строгий, больше нужный на маршруте, а два таких взрослых могут лишать группу той атмосферы, которую

создает Константин. У него открытый, располагающий взгляд, и в улыбке чуть играет ирония, без которой не обойтись в общении с подростками. Он работает в Питере в издательстве «Смешарики», занимается в театре, где-то еще подрабатывает и привез к нам в поход питерских школьников. Игры, им организованные, всегда мастерские и не скучные. Он сам участвует в них на равных со всеми и, кажется, забывает в играх о своей взрослости. Его педагогическая одаренность должна была привести его в школу, но школа — сегодня слишком казенное учреждение. Надо добавить, Константин хорошо разбирается в людях — не последнее качество необходимое педагогу. Здорово, что он с нами в путешествии!

1 июля у меня День Рождения. Об этом знают мои дети, значит, будет поздравлять вся группа. Я не люблю церемоний, знаков внимания в виде сувенирного барахла и намекаю, что подарки принимаю только творческие. С утра меня чествовали теплыми словами и пообещали, что поздравление будет продолжаться в течение дня. До обеда мы вместе загорали, а в самую жару сыграли в футбол. После обеда мне вручили письмо, в котором предлагалось найти клад, но для поиска его нужно было подобрать надежную команду. Слово «клад» всех интриговало и общими усилиями мы надеялись быстрее достичь цели. Сокровища пришлось искать до ужина. В процессе поиска вспомнили все книги и фильмы о кладоискателях, и в первую очередь романы Вальтера Скотта. Кругом в кемпинге, на пляже, у волнорезов в каменных глыбах и даже в море под буйком в бутылке были запрятаны записки и четвертинки вручную нарисованных карт, которые находились с большим трудом интеллектуальными и физическими усилиями группы. Я понял, где с вечера пропадали несколько старших ребят вместе с Константином. Нилу пришлось лезть на дерево за запиской; на входе мы потревожили администратора кемпинга, чтоб достать рисунок под его скамейкой. Плакаты на дороге тоже указывали нам путь. На одном из указателей было имя Лизы. Мы не сразу приняли это за знамение, но все же вскоре извлекли еще одну четвертинку карты, которая располагалась около Лизиной палатки, т. е. у всех под носом. Нетерпеливые уже предлагали бросить поиски, но как сдаваться: клад же. Мы продолжали шарить по кемпингу и на пляже, мешали отдыхающим, сами упарились от жары и, наконец, в грильной печке обнаружили послед-

нюю четвертинку общей карты. По ней были найдены как раз к ужину огромные пакеты с тортами. Усилия не пропали зря. Но, признаться, к вечеру я набегался так, что уже страдал от творческого подарка.

После гор первую ночь в кемпинге спали все в палатках. Почувствовав тепло, на другой день несколько человек попросили лечь на ковриках и в спальниках под открытым небом. Им хотелось «посмотреть млечный путь». Через три дня сон нашей группы был похож на побоище. В палатке удерживают стенки, а вне ее к утру многие сползали с ковриков на песок. Были даже рекордсмены по сползанию — до пяти метров. И одного из них заподозрили лунатиком. Спальники по утру были в песке, в пыли, в колючках — видимо, за поход мы сильно одичали. Надо ли было платить за восемь палаток? Лагерь мы утром приводили в порядок, и днем он выглядел все же аккуратно. Взрослые соседи умилялись нашими дежурными, которые варили большой котел супа, накрывали и убирали стол, и ко мне специально подходили делегации высказать похвалы за самостоятельность подростков. А наши хорошие песни вечером под гитару тепло собирали даже буйных итальянских школьников.

Отдых на море — это же счастье! И мы жители мокрых городов им наслаждаемся сполна. У нас слишком много организованных мероприятий и надо было дать ребятам больше свободного времени. Флорин, мой Саша, Антон, и Артур отпросились на рыбалку. Девочки разбрелись группами готовить творческую программу: в конце путешествия всегда устраивается шуточный «капустник» со стихами, песнями и театральными сценками. Младшие мальчики гоняют мяч на спортивной площадке. Печальное зрелище представляют несколько подростков, совершенно не умеющих себя занять. Вот уже два часа они болтаются на качелях и несут пошленькую ахиною. При мне они, конечно, замолкают, но безделье их мучает. Тоже они делали вчера и позавчера; это у них так проходит творческое время. Из этого пустого времяпровождения порождаются глупости в поступках, которые у психологов называются трудным возрастом. Тех, кого в избытке забавляли, развлекали, «развивали», не приучили к самостоятельному труду и не пустому времяпровождению — бездельничают и от этого впадают в капризы, а в конечном итоге в цинизм. Психологи выводят пубертат, конечно, из других причин, а мне нужно сейчас, чтобы в нашем двухнедельном походе де-

ти не матерились. И про это в их умных книжках ничего не написано. Вроде и нет особенно такой проблемы, но именно бездельники пытаются тихо блеснуть перед девочками своей якобы взрослостью. Перед ужином у нас разговор.

— Просили же свободное время, а оно проводится пусто.

— Не у всех, — поправляют меня.

Действительно, большая часть группы — интересные ребята и упрек не для всех верный. Я распространяюсь моралью; называю три качества, которые нужны походнику:

1. Умение обслуживать себя в быту (укладывать рюкзак, наводить порядок в палатках, дежурить по кухне).

2. Умение считаться друг с другом, т. е. уважать сотоварищей, не быть эгоистом.

3. Умение проводить свободное время без контроля взрослых.

Пример к третьему качеству: маленькая Таня ушла гулять по Больцано — за нее можно не переживать. К назначенному времени она вернется и никому не помешает своим поведением. Другой пример: богатыри Миша и Саша Дмитриев остались в актовом зале без взрослых — это опасно. Они достали мяч и если не разбили окно, то подняли шум, устроили беготню, крик. Приходил хаусмастер (завхоз), пришлось перед ним оправдываться. Поименно называю тех, кого без контроля оставлять нельзя. Их немного, но с ними нужно нянчиться. Вечером они лишались возможности покидать палаточный лагерь; этого лишился и я — для контроля ведь нужен папа. Никто не возражал на замечания, все уже хорошо знали, кто во что горазд. Попытка возразить вызывала всеобщий смех. Для наказанных, кроме того, отбой ко сну объявлялся в 11 часов ночи. Остальные — когда захотят. В 12 часов, в крайнем случае, в час ночи запоздавшие все равно укладывались самостоятельно, притом тихо, чтобы не разбудить спящих. Сама по себе мера была не столько строгой, сколько обидной: подконтрольный причислялся к маленьким. В «маленькие» порой попадали ростом с дяденьку.

«Капустник» или творческая программа — наш своего рода праздник в конце путешествия. Команды чаще всего формируются по палаткам, но иногда образуются дуэты и даже сольные выступления, в зависимости от талантов или увлечений. Стихи, песни, танец, сатирический рассказ или театральные сценки по-новому воспроизводят нашу походную жизнь. Ставится, например, сказка про Федота Стрельца, а действующие в ней

лица — наши люди. Царь, как полагается с символами власти: на голове корона из миски, в одной руке половник-скипетр, в другой котел-казна. Царя играет Константин. Он много лет занимался в театре и мимикой точно изображает бедолагу, моющего котел. Около царя один из его свиты читает стих:

*Отправился Федот
в заморский поход.
В походе балагурство,
зарядка, да дежурство.
В горы ходить,
кашу варить,
в море купаться,
в общем — стараться.*

*Ему команда была
мыть котел добела.
Взял бедняга котел,
очень долго тер,
сам — весь в каше,
и котел — не краше.
Идет Федот не весел
голову повесил.*

Публика узнает своего героя. Поднимается хохот. Следующая выступающая группа просит срочно принести по одному рюкзаку от каждой палатки. Для соревнования выбираются те участники, у кого наверняка плохо уложены вещи. Нужно рюкзак разобрать, сложить вещи на коврик и тут же уложить их на место, как можно скорее. Побеждает, конечно, тот, кто ловче и у кого вещи разложены по мешочкам.

Мы выучили из кинофильма известную песню Булата Окуджавы и в переделанных стихах я тоже спел о наболевшем:

*Ваше Благородие, госпожа Удача,
Едем мы в Италию — в горы, не иначе.
Доломиты манят мощным ледником.
Нам идти высоко надо с рюкзаком.*

*Ваше Благородие, госпожа Разлука,
Нет рядом мамочки, вот какая штука.
В рюкзаках кошмарно, вещи не найти.
Сколько еще муки, чтоб маршрут пройти.*

В «капустнике» участвуют все и весь спектакль сопровождается хохотом: был яркий поход — и есть, что изобразить. Во время выступления еще ярче открывается Алина, Леша, Герд и им с симпатиями все аплодируют. Самый популярный жанр — сатира, и никто не обижается. Артура изображают, как он хотел лучше продежурить и в стараниях насыпал

в котел с чаем не только сахар, но и налил туда сгущенки. Асера показывают, как он не может найти выход из палатки среди ночи и будит половину группы. Публика валится с ног от смеха. Я, как руководитель группы, частый персонаж в сценках и стихах:

В солнечной Италии летом жарко очень.

Млеют там на пляжах разные туристы.

Но наш Александрович в снег вести нас хочет.

Только лишь поэтому, мы авантюристы.

Стихи на русском языке сочиняют старшие ребята, которые много читают. Но иногда выступления происходят и на немецком языке. Оканчивается программа песнями. Мы стараемся петь потише, поскольку в кемпинге уже засыпают даже итальянцы.

В последний день на море все отчаянно купаются, а когда спадает жара, группа устраивается в круг, чтобы подвести итоги. Итоговый разговор — это походная традиция, чтобы вспомнить все хорошее и учесть ошибки для будущих путешествий. Новые маршруты еще будут: среди ребят есть участники трех, пяти, а то и десяти походов. После краткого обсуждения каждый получает оценку от всех. Высказываются замечания и пожелания, а затем голосованием ставится всей группой 2, 3, 4, или 5 баллов. Эта оценка удивительно точная и против нее мало кто возражает, и давно замечено самими ребятами, что она тем точнее, чем труднее был поход, чем необходимее была взаимопомощь. Оценка убедительна еще тем, что ставится не посторонними людьми, а теми, с кем пройден настоящий маршрут, с кем разделены трудности и радости большого путешествия, с кем пережито большое событие. На очень и очень многих слепоходная оценка коллектива действует более, чем бодряще. Ребята чувствуют, что поход по требовательности близок к настоящей жизни. В нем все ее грани: необходимая в быту ловкость, умение преодолевать трудности, красота природы, взаимопомощь и дружба людей. Как руководитель похода я тоже ставлю оценку каждому участнику, но она совсем не имеет такого значения, как оценка коллектива. Моя характеристика больше для того, чтобы высказать пожелания организатора, тем более что горы без инструктора могут быть опасными. Кстати, и мне ставит оценку группа, а также всем взрослым наших походных групп. И что думаете? Не все взрос-

лые получают ожидаемую оценку, а некоторые даже обижаются. Но что поделать: дети меньше фальшивят, чем взрослые.

На другой день рано утром мы прощаемся. Питерцы улетают из Флоренции, а нам еще ехать на поезде в Бользано, а оттуда в Гамбург. Послепоходные прощания не бывают без слез. Девочки обнимаются и что-то причитают, все лихорадочно записывают телефоны и электронные адреса. У двоих в продолжение лета запланирован отпуск в Петербурге вместе с родителями, и ребята договариваются о встрече. Я гляжу на нашу группу и тоже таю: какие все хорошие! Попрощавшись, мы собираем лагерь, над которым веет грусть расставания. А еще ведь нам прощаться друг с другом в Гамбурге.

В поезде под размеренное покачивание почти вся наша компания засыпает. Лишь часа полтора спустя начинаются медленные шевеления. Каждое путешествие появляются желающие научиться играть на гитаре, и около Саши Егоровой и Даши образуется круг девочек, изучающих первые аккорды. Но в Мюнхене мы делаем пересадку, где Александра выходит. Она остается погостить у знакомых. Еще одно расставание. После Мюнхена у нас настрой на встречу с родителями. Младшие особенно соскучились и с нетерпением ждут предстоящей встречи. Хорошо путешествовать и хорошо возвращаться домой. Мы выбираем песни, которые хотим исполнить на вокзале, и под шум скоростного поезда повторяем их. Поют все слаженно, и кто-то из пассажиров, проходящих по вагону, обязательно около нас задерживается.

...Наш поезд прибывает. У ребят волнение. Мы высыпаем из вагона и попадаем в объятия. Надо же — и меня кто-то обнимает! Нас встречают, как героев. Я требую, чтобы походники встали в круг. За двухнедельный поход ребята выучили около двадцати хороших песен, и мы под гитару голосим несколько из них на удивление привокзальной полиции. Паша, как участник горной части похода, подъехал на вокзал с гитарой поддержать нас. В две гитары большой хор слышен на весь вокзал. Пока льется одна, вторая, третья песня, я тихонько возвращаю детские паспорта.

2013 г.

В рассказе имена всех участников похода вымышленные. Ниже предлагается также прочесть наш Устав похода.

Устав похода

Пункт 1. Руководитель всегда прав.

Пункт 2. Если руководитель не прав, смотри пункт первый (заимствовано у альпинистов).

Пункт 3. Турист обязан:

- путешествовать,
- иметь надежный локоть,
- стойко переносить все тяготы и лишения походной жизни,
- работать руками и головой лучше, чем языком,
- уважать аборигенов,
- петь песни.

Пункт 4. Турист имеет право:

- выполнять обязанности,
- обсуждать действия руководителя только на подведении итогов в конце похода.

Пункт 5. В походе запрещается:

- губить природу,
 - прерывать песню,
 - строить свое благополучие за счет других,
 - создавать искусственные опасности, (например, демонстрировать ловкость на опасной скале: можно демонстрировать ловкость на кухне в качестве дежурного),
 - заходить в палатку не для сна,
 - подходить к кухне без приглашения дежурных,
 - пользоваться телефоном,
 - вести пустые разговоры у костра (лучше нести дрова к костру, чем нести ахинею),
 - иметь вредные привычки, т. е. пить спиртное, курить, браниться, играть в карты, грызть семечки, принимать пищу в одиночку.
- Пункт 6. Для обеспечения бодрого духа и тонуса группы считать:
- своевременный сон — священным покоем,
 - дежурство — священной обязанностью,
 - песню — священнодействием.

Для охраны сна при необходимости выставляется караул. Службу нести бодро. Защищать группу от нарушителей тишины и нападений палкой и ледорубом.

Инструкция о наказаниях:

1. В случае грубого нарушения Устава похода — лишить сна в палатке.
2. В случае проявления непорядочности — бросить в воду в одежде (наказывает группа).
3. В случае плохого дежурства — повторное дежурство.
4. В случае неумной буйности — прибавить вес рюкзака на маршруте.
5. В случае попадания в немилость к коменданту — черные работы (мыть котлы, подметать, копать и т. д.).
6. В случае пререканий с завхозом — рискуем оказаться без обеда.
7. В случае неучастия в творческой программе — подвергнуть общественному презрению.
8. В случае невменяемости части группы — для этой части организуется отдельная палатка (Sonder-палатка).
9. В случае неподчинения руководителю одного из участников похода — группа снимается с маршрута.
10. В случае неподчинения руководителю большинства группы — руководитель покидает группу.

Управление и самоуправление:

- Руководитель, заместитель — общее руководство.
- Завхоз — ответственный за закупку, хранение и распределение продуктов по рюкзакам.
- Комендант — ответственный за порядок в лагере.
- Старшие палаток отвечают за палатки и порядок в них.
- Дежурные назначаются по очереди завхозом и отвечают за питание всей группы.

Этот Устав в основе был принят некогда участниками одного из походов и подвергался иногда изменениям. Менять любые пункты возможно собранием всей походной группы, основываясь на ответственности за организацию походного маршрута и всего путешествия.

В Санкт-Петербурге и походе в Хибинах

Состав группы

Когда я организовывал эту поездку со школьниками из Гамбурга, то жалел, что ввязался в трудное дело: у меня не набиралась группа в Россию. В прошлое лето в Испании мы были в Барселоне, прошли маршруты в Пиренеях и по Монсеррату, загорали на пляже вблизи Таррагоны, и школьники из Петербурга и Гамбурга, подружившись за поход, размечтались о новом большом путешествии. Испанский поход был удачным, вдохновенным, и мы запланировали новый маршрут в российском Заполярье — в Хибинах на Кольском полуострове, прибавив несколько дней на экскурсии в городах. Но группа формировалась плохо, а билеты на самолет для Гамбургских школьников нужно было купить за несколько месяцев вперед. Иначе цены на перелет сильно вздорожают. Гораздо легче провести поход в Австрии или Италии: лишнюю бронь на поезд всегда можно снять. К тому же пугали родителей теленовости: случился теракт в Петербургском метро, утонули школьники в Карелии в водном сплавe... Возник остро вопрос: поход проводить по российскому северу или где-нибудь в Альпах?

После немалых колебаний я твердо объявил, что группа в Хибины почти набрана и осталась лишь пара свободных мест. Объявил тогда, когда не набиралось и десяти человек. Наши люди в Гамбурге еще не привыкли планировать события заранее, но все равно раскачаются на поездку. И группа действительно оказалась набрана с избытком.

...В одной субботней русской школе вижу жизнерадостную, как божий одуванчик, девочку и говорю ее добродушному папе:

— Ей обязательно нужно идти в поход! Тем более что маршрут у нас не трудный, по тропиночкам... Ну и погода в это время — самый сезон! Ягоды к тому же...

— Нина! «Хочешь в поход по России?» — спрашивает ее папа. Нина хлопает длинными ресницами, будто веером, и отвечает со счастливой улыбкой:

— Да, очень!

Она, конечно, маленькая, ей лет девять, но у нас в группе есть несколько надежных старшеклассников. Помогут. Пытаюсь познакомить ее с Гердом — бывалым походником. Но оказывается, Нина посещает уроки страноведения у мамы Герда.

Некоторых деток в школе я обхожу стороной и радуюсь, что они не просятся в путешествие. Они путешествуют и живут в виртуальном мире, родители их избаловали и с ними — одни капризы. Мамы их тоже скептически смотрят и на меня, и на походы: детям, считают они, полезны лишь развивающие игры. Есть еще мамы, которые хотят пойти в поход вместе с детьми; реже имеют такой порыв папы. Поход школьников с родителями — опасное предприятие. Не все родители поведут себя не капризнее своих детей. Приструнить школьников еще можно, а воспитывать взрослых — безнадежное дело. Есть также еще очень говорливые взрослые — заговорят. С ними можно всех детей растерять. Школьники тоже далеко не всегда жаждут быть под опекой мам, из которых волей-неволей вырывается воспитательный или охранительный инстинкт. И мне кажется, здорово я придумал: не брать с собой в походы родителей.

Куплены билеты на самолет для гамбургских школьников, поставлена российская виза тем, у кого немецкие паспорта, мы прилетаем в Петербург и объединяемся вместе, удивляясь, как нас много. То было мало, а стало много. Интересно, как набирается группа в поход. Сначала звонят родители, у кого проблемные подростки: родители, видимо, хотят отдохнуть от них в каникулы. Другим, даже объявившимся поздно, нельзя отказать в путешествии, на них будет держаться дисциплина, безопасность, бодрость и оптимистическое настроение. Нас много, но еще несколько человек добавятся. Кого-то родители привезут завтра. Ночью подъедут на такси с самолета еще трое. Понятно, лето: пора отпусков и каникул, которые нужно увязать. Всего нас будет 37 человек, из которых 6 взрослых.

Состав группы очень интернациональный. Основу составляют ребята из Санкт-Петербурга и Гамбурга. Прибыли также из Казахстана, из Франции, еще один мальчик из Финляндии, а Пьер из Люксембурга присоединился к нам на пересадке в Копенгагене. На поездах приехали 17-летний юноша из Кирова и женщина из Брянска. Слава богу, все участники русскоязычные, несмотря на то что у некоторых детей папы по-русски не говорят. А какая программа нас ожидает! Эрмитаж, Русский музей, разводные мосты ночью на Неве, обзорные экскурсии в Петербурге и Мурманске, несколько творческих встреч с бардами, песни в поездах, а главное: поход в Хиби-нах. Не просто все это организовать. Но в этом походе все-таки набралось очень много надежных старшеклассников, с ними можно будет затевать и дерзкую программу. Гвоздем программы намечался категорийный (спортивный) поход.

Бюрократия в детском туризме

Как бы ни была трудна организация путешествия с детьми, труднее всего одолеть бюрократию, делающую все, чтобы настоящих походов со школьниками не было. Чиновничье удущение нормативами, запретами, справками, предписаниями добило детский туризм в России, который как-то существовал в СССР. Детского туризма, надо сказать, нет и в Европе. Капитализму угодно, чтобы все продавались турфирмам. Для железной дороги, например, если купить билеты всем в один вагон на Мурманск, нужно чтобы мы объявили себя организованной группой. Но для этого у нас должен быть свой врач, свои педработники, группа должна иметь финансовую печать, в ресторане кормиться и т. д. Ко времени, когда наша группа собралась вместе, у меня был отдельный рюкзак на 40 литров для паспортов, билетов и невероятного количества справок. У многих школьников двойное гражданство, у кого-то опеку-нство; у некоторых фамилия переведена на одну букву не той транскрипцией... и на все справки, справки, справки. Каждая такая справка представляет собой издевательство. В Гамбур-ге только в Генконсульстве можно найти русского нотариуса, и это на добрую сотню тысяч человек. Туда не дозвониться. И к тому же нужно записаться за два месяца, подготовить ку-чу справок, чтобы с ними получить еще справку, разрешаю-щую ребенку путешествовать в группе. Как будто бы волоки-

та обеспечивает порядок или безопасность. Глядя на рюкзак с документами, я воображал, как понесем мы это материализовавшееся юридическое умопомрачение через категорийные перевалы. Что там Салтыков-Щедрин для нашего века! Как дьявол всех попутал: без этого мешка мы не можем ни сесть в поезд, ни выйти на маршрут в горах, ни прогуляться по «культурной столице» — Санкт-Петербургу? Возил же я когда-то школьников по Средней Азии, Кавказу и везде по России не только без паспортов и справок, но даже без списка. И билеты не выполняли полицейского контроля: не нужно было вносить в них фамилию.

Кроме того, нам нужно было оформить регистрацию иностранцев. Это еще особый вид параноидальной заботы, а заодно и контроля, характерный самым дремучим режимам, таким как Саудия или сегодняшняя Туркмения. Ни в Европе, ни даже в Африке после получения визы туриста больше не бодают дополнительным контролем, не заставляют мучиться в очередях УФМС или на почте. Всей бюрократии, которая потребовалась для проведения всего лишь двухнедельного активного отдыха школьников, не перечислить. Вся она, разумеется, для благ и безопасности детей.

В Петербурге

Мы заселились в квартире и побили рекорд по Петербургу. У Антона Кротова в Москве собираются путешествующие любители автостопа. И это самая посещаемая квартира в столице, о чем писали в газетах. Теперь самая посещаемая квартира в Питере — та, где мы ночевали несколько ночей. Не заявиться ли нам в книгу Гиннеса?

37 человек в трехкомнатной квартире. Если бы мы поселились не кучей, а по номерам в гостинице, мы бы долго знакомились. Петербург закружил нас в летних экскурсиях. Сразу с самолета, едва поужинав, отправляемся по ночному городу смотреть разводные мосты, набережную Невы, Стрелку Васильевского острова и заодно познакомиться друг с другом. В каждой группе есть ветераны и новички. Ветераны искренне радуются встрече: расспросы, рассказы, счастливые лица, смех. Новички подчиняются общей атмосфере и приглядываются ко всем. Университет, Кунсткамера, Биржа, Петропавловка, плеск легкой волны на Неве. Мы фотографируем

и фотографируемся на фоне удивительных мостов. Даже тем среди нас, кто живет в Петербурге, сегодняшняя летняя ночь запомнится надолго. Я когда-то жил в Ленинграде и работал в школе, но не родился в этом городе, не вырос и не прожил большую часть жизни, и все-таки Ленинград, Петербург ассоциируется у меня с чувством самого родного города. В этот город влюбятся все, кто приехал с нами из других мест и даже из других стран. Эти часы в ночном Петербурге — кусочек нашего счастья, и мы это пока не осознаем.

Нагулявшись, возвращаемся обратно. В три часа ночи, тихо, по-шпионски, без единого слова мы заходим в квартиру в количестве 37 человек и молча ложимся спать. Девочки укладываются в малых комнатах, а мужская часть в спальниках и на туристических ковриках на полу в гостиной. Наша задача в том, чтобы соседи не узнали, что нас так много, ну и, наверное, что среди нас иностранцы... Опережая события, скажу, что через день сюда пришел полицейский, а меня как раз в квартире не было, и честные гамбургские дети рассказали, что они — туристы, проживут несколько дней в Петербурге и поедут на Кольский полуостров в поход. Несмотря на то, что мы только ночевали в квартире, а дни проводили на экскурсиях, одна бдительная бабушка из подъезда о нас как-то разузнала и куда положено сообщила. Я пошел в отделение оправдываться и приготовил речь. Но милиционер задал сходу неожиданный вопрос:

— Есть ли у вас счетчики на свет и на воду?

— Да, нас 14 человек, дети очень воспитанные, мы не шумим... а счетчики тоже есть, — приврал я про количество человек, не понимая, причем здесь счетчики.

— Ну, тогда все в порядке! Пожаловалась на Вас соседка, подумав, что ей, может быть, придется за свет и воду платить деньги поровну с Вашей квартирой, а вас много. Живите хоть 40 человек.

— Нет, нас меньше, — честно заверил я.

И в самом деле, группа у нас хорошая, никому мы не мешаем, песни под гитару поем тихо и не допоздна.

Но дети, как дети. В душ образовалась очередь у девочек. Один из шутников использует скопление народа и «прикалывается»; он все с теми же шутками, как и в прошлом путешествии. Как бы нечаянно выключает свет в туалете, и кто-то из девочек уже громко хихикает. Нас в квартире много, и веселье надо пресечь; к тому же достаточно позднее время.

— Девочки, вы не услышали замечание, и я требую: покиньте прихожую. Сегодня в душ больше никому не разрешаю. Идите в свою комнату.

В квартире стало тихо, и вскоре все заснули.

Резкие распоряжения не вредят в таких случаях. В группе большинство понятливых людей, которые умеют чувствовать окружающих и не мешать никому. Им понятно, что уже поздно, что нас много и впереди не пустое дело: поход, требующий серьезной подготовки, и что все должны отвечать за порядок. Если набрать много новичков, они и вдесятером разнесут квартиру, а ветераны понятливее. Они — не болтуны, у них воспитана ответственность в деле. Воспитана не только походами, но прежде всего дома родителями. И именно поэтому они живее и потянулись в походы. Конечно, их тоже заносит в порывах, иначе они были бы стариками. Внутри меня двоится чувство: нас немало для управления, и от этого страшновато, но как много настоящих и ярких людей в группе: такому составу по плечу категорийный маршрут. При этом все равно нельзя было наперед рассчитывать, что отношения в группе сложатся в идиллию.

На другой день я провел инструктаж, начав разговор с похода.

Первое: поход будет настоящий, категорийный. Придется одолевать и снег, и идти по скалам, потому что в этом году была необычная зима, и на перевалах остались фирновые поля (плотный снег). Родителям я, может быть, нарисовал картину помягче. Официально мы заявлены в контрольно-спасательной службе, где на удачу работает мой давний приятель. С нами Николай Васильевич Червоненко — мастер спорта по альпинизму.

Второе: нас много и поэтому говорить я должен тихо. Есть учителя в школе, которые громко голосят в классе, и их никто не слышит из-за общего шума. Нужно научиться слышать всем друг друга, а не только себя. Нужно слышать распоряжения и мои, и коменданта, и завхоза, и дежурных, и старших палаток. На этом строится наше самоуправление.

Третье: все взрослые являются рядовыми участниками, и им запрещается вмешиваться в управление, дежурство или наводить порядок. Группа должна управляться выбранным активом школьников. Если понадобится помощь, я взрослых об этом попрошу. Взрослым разрешаются творческие выход-

ки: петь, плясать, сочинять стихи; пусть они привнесут в поход не опеку, а свои интересные личности.

Далее стандартно говорилось о машинах на улицах, о поездках в транспорте (метро, автобусы), о том, вдруг кто потеряется, о дежурстве по кухне и в комнатах, о помощниках для младших, о том, что до подъема и после отбоя никто не зашепчет с соседом и т. д.

Инструктирую группу и вижу, что внимательно и с пониманием меня слушают те, кто и так бы слушал, а не внемлют несколько человек, в основном самолюбующихся. За самыми болтливыми младшими закрепляю строгих старших. Из старших — самый строгий Герд. Он — комендант группы, и благодаря ему не только уже выбрасываются в мусор разбросанные вещи, но и устраивается порядок в комнатах.

После разговора мы идем в парк научиться ставить палатки по всем правилам и в любую погоду. На нашу тренировку на газоне с умилением смотрят гуляющие с собачками. Они, конечно, не подозревают, как и многие пока из наших школьников, что в горах не везде растет пушистая травка. Есть еще более серьезное дело: научиться укладывать рюкзаки. Рюкзак в походе — это дом. Самые нужные вещи вдруг оказываются на дне. Пошел дождь, а накидку не найти. Намок, замерз походник — с ним нужно нянчиться. Известны случаи, когда дитя несет десять пар носков и ни разу за путешествие не переоденется: пахнет в палатке. Была бы мама рядом — переодела, но то и хорошо в походе, что без опеки скорее нарабатывается самостоятельность. Интересно, что самостоятельными бывают и в 10 лет, и в 17, и несамостоятельными — также.

Кроме того, нам нужно закупить гору продуктов, распределить все по рюкзакам, и эту процедуру сделать не однажды. И везде самые нужные вещи, как и продукты, должны быстро находиться.

Днем мы на экскурсиях. Эрмитаж — свидетельство быстрого роста среднего класса в Китае, и нам запоминаются в нем не столько картины, сколько очереди из китайцев. На них приходится 70% жаждущих приобщиться к мировому искусству. Толчея не только снаружи, но еще большая внутри. Бренд раскрыт, но экскурсии не всегда качественные. У нас заказанная экскурсия, которая якобы без очереди, но на которую лучше прийти за час, поскольку организовано обслуживание

туристов по конвейеру, с бездушностью к людям и для пополнения кассы. Народ валит толпами, и музею не до души. Кстати, и многим туристам тоже лишь бы отметиться. Ну и, конечно, контроль на проходах кругом долгий: мы живем в эпоху терроризма. А почему такая эпоха? Кто задумывается об этом...

Русский музей нам понравился больше. Нет волокиты, дикого контроля над людьми, их вещами, фотоаппаратами. В нем меньше коммерческой накрученности: деньги, во что бы то ни стало. Видимо потому, что он на ранг ниже по спросу, чем Эрмитаж. У нас экскурсия о художниках XIX века, с акцентом на Передвижников.

Реалистическая школа XIX века и Передвижники — это лучшее, что создала русская живопись. Реализм и остросоциальная направленность молодых бунтарей во главе с Иваном Крамским создали искусство для народного просвещения и дали России великие имена. Крамской, Репин, Суриков, Васнецов, Серов, Поленов, Шишкин, Ге... в живописи то же, что Пушкин, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Толстой, Чехов в литературе — это золотой век.

«Бурлаки на Волге», «Письмо запорожцев», «Девятый вал», «Охотники на привале», «Утро стрелецкой казни», «Девочка с персиками», «Богатыри» ..., а в другом зале нам попутно показывают «Черный квадрат» Малевича. Вернувшись с экскурсии, 11-летний Глеб сделал запись в наш коллективный дневник: «Только я не понимаю, почему какой-то простой квадрат на картинке стоит 3,5 миллиона евро?» Молодец Глеб! Разом оценил сомнительный абстракционизм в искусстве, продвигаемый деньгами. Взрослые не могут зашоренным умом задать такой простой вопрос. В самом деле, как ответить на этот вопрос школьника? В интернете на эту тему нашлось суждение великого художника Льва Толстого о декадентстве — родственном «Квадрату». Хочется его привести полностью.

«...Причина, почему декадентство есть несомненный упадок цивилизации, состоит в том, что цель искусства есть объединение людей в едином и том же чувстве. Это условие отсутствует в декадентстве. Их поэзия, их искусство нравится только их маленькому кружку точно таких же ненормальных людей, каковы они сами. Истинное же искусство захватывает самые широкие области, захватывает сущность души человека. И таково всегда было настоящее искусство».

Л. Н. Толстой

Интересно, как толкуют сейчас искусствоведы Толстого, Крамского и других классиков реализма в связи с сегодняшней модой на любой модерн и прочие нереалистические течения?

Походные песни

Вечером у нас по плану концерт бардов при церкви. Вернее, в этом концерте мы все тоже должны быть участниками. На вечер, очевидно, подойдут родители питерских ребят, да и некоторые гамбургские как раз отпуск проводят здесь. Мы опоздали на свой концерт. Телефон мой оказался разряжен, а школьникам запрещены телефоны: иначе как они отдохнут от виртуальной зависимости. Родители волнуются в зале, но вот и мы. К нам сегодня добавились последние два участника. Одна из них певица. Ее папа — мой бывший ученик, который со мной ходил на Памир, Кавказ, Алтай, а Аня идет с нами на Кольский, ей — 15 лет. И ее старшая сестра тоже когда-то ходила в поход. У них вся семья — таланты, все поют. Их шестеро, но сегодня смогли прийти четверо. Ваня — средний сын, только что поступил в консерваторию, у него, наверное, новые заботы, но я сержусь на него: что там консерватория, надо петь с народом, вот с нами, например, — выговариваю я маме. В семье у всех музыкальное образование, кроме папы, но папа ярче остальных в исполнении. Гитара в его руках, как и песни, звучат с наибольшей страстью.

14-летний Федя к группе присоединился в Русском музее. Его папа, настоятель православной церкви в Гамбурге, однажды неосторожно спросил: «Может чем-то помочь?» А нам как раз нужно было помещение в Петербурге. И по его рекомендации мы собрались в уютном зале храма для песен. От храма к тому же удобно сделать затем вечернюю прогулку к Смольному собору. Два старших брата Феди уже ходили в походы в Альпах. Теперь очередь Федора. К тому же мы дружим семьями. Забавны обстоятельства нашего времени: я марксист дружу со священником. Да и как не дружить? Отец Сергей делает много социальной работы, помогает нередко и школьникам; также он организует в Гамбурге выездной лагерь вместе с родителями. У нас много общих знакомых из хороших людей.

И вот в храме многодетная семья Егоровых поет замечательные песни. Песни Высоцкого напористые и сразу оживляют публику. Но среди собравшихся в поход есть и вялые

характеры — мы же продукт потребительского века. Девочка лет десяти прилегла на двух стульях и засыпает перед поющими. Сергей Егоров изумляется с неподдельной иронией так, что ближние ряды хохочут, — таким я помню его всегда. Девочка просыпается; песни набирают обороты. Вся наша группа еще в квартире учила по ночам мелодии, и ребята втягиваются в общее созвучие. Да и многим известны некоторые песни с прошлых походов. Подпевают родители, и они уже завидуют своим детям, собирающимся в Заполярье.

Милые мои Егоровы! Да почему же вы не поете в больших залах, вместо тех «звезд», которые разоряются на попсу? Разве вам нужна другая работа для зарабатывания хлеба насущного? Поют Егоровы, поет весь зал уже два часа. И песни какие настоящие! И глаза у всех блестят! Но пора и честь знать: мы же в гостях.

После песен нас пригласили еще на чай. Пьем чай со сладостями: целый ужин. Поесть мы горазды. Все живо общаются; фотографируемся вместе в трапезной и во дворе храма. Затем идем к Смольному собору и едем домой. А дома (в квартире) наварено борща два котла, которые мы не успели из-за экскурсионной спешки опорожнить. Дежурные старались готовить, борщ удался, и ужин с удовольствием повторился. После ужина обговариваем планы на завтра... и снова песни. Поем теперь тихо, почти шепотом, мы, честное слово, — умеем уважать соседей.

О дежурстве по кухне нужно сказать особенно. Сварить достаточно еды и чтобы было вкусно на нашу компанию — не просто. Это то дело, на котором многие ославятся. Подумаешь, сварить большую кастрюлю каши! Но доходит до дела и... без мамы ничего не идет: каша подгорелая, комками, в нее не положили масло. А на ужин надо суп наваристый с мясом сварить. Тут 15-летняя девушка видит вдруг, что она развитая, умная, но ничем не полезная группе. Разумеется, так видит не каждая девушка и тем более не каждый юноша. Юношу обычно растят для счастья... Конечно, чтобы группа нормально поела, иногда приходится вмешиваться и мне, но в таком случае я самолюбий не пожалею: нудно и подробно расскажу, по каким признакам видно, что дитя дома обслуживается мамой, и как маменькиному сыночку нужно дома помогать, чтобы обрести самостоятельность.

После каждого похода родители удивляются порывам детей помогать по хозяйству. Я их сразу успокаиваю по телефону:

— Не переживайте, через две недели пройдет. Он станет, как все, поскольку принято кругом, чтобы домашнее рабство лежало на маминых плечах.

Вернее, я хотел бы так сказать, но разве со всеми можно говорить не о ерунде. Ну, есть такой предрассудок: развивать ребенка не через руки, а через язык. Те из подростков, которые не смогли сварить еду и устыдились, — уже не пропащие. Они будут стараться дежурить в следующий раз, а после новых походов, может быть, даже будут стараться помогать по дому. В каждом походе можно наблюдать эволюцию роста или падения ответственности, а лучше сказать, эволюцию совести на всех тех, кто снова и снова идет по маршруту. В походе все проявляется. К тому же в группе идет невольное сравнение. Одни могут на всех сварить, а другие — ничего не могут. Те, кто хотят научиться, начинают очень стараться. Дома обычно мама старается, а дети только развиваются художествами. В походе вдруг обнаруживается, что творческих способностей для жизни мало; нужны еще руки и голова к ним. В этой нашей группе, если сказать наперед об итогах путешествия, не менее половины ребят смогли самостоятельно варить и в квартире на плите, и на костре. Это немало для детей компьютерного века.

Обзорная экскурсия по Петербургу была пешая на том основании, что мы не пенсионеры, а походники. Да и легко представить, как после перелета и ночных гуляний вздремнула бы молодежь на мягких креслах. Экскурсия была обзорной, насыщенной фактами, в ней отсутствовали модные сплетни о господской жизни, и об этом мы заранее договорились с Артемом — замечательным экскурсоводом. Светит солнце, увлекают великолепием главные храмы, дома отражаются в каналах, пешеходы в центре города, как и мы, в основном туристы и улыбаются. Здорово путешествовать!

После музеев и памятников Петербурга поход должен был проверить еще всех нас на прочность в горах:

«Парня в горы тяни — рискни!

Не бросай одного его,

Пусть он в связке в одной с тобой —

Там поймешь, кто такой».

На обратном пути, прогуливаясь от храма Спас на Крови, мы встретили случайно рок-музыкантов. Барабанщиком у них оказался мой бывший ученик, который тоже немало ходил в походы. А после школы он даже сделал восхождение на Па-

миро-Алае на вершину Чимтарга, которая выше известного Казбека. Я подошел к нему сзади, отнял у него барабанные палочки и давай хулиганить неумелой дробью.

— Это ему за то, что он на моих уроках плохо себя вел, — говорю я Александру, тоже бывшему ученику, который с нами едет на Кольский из состава взрослых. Влад радуется встрече и уже тоже плохо барабанит. Мы фотографируемся вместе всей группой на память. Как многие из учителей, я оброс учениками, поддерживаю с бывшими школьниками дружбу и знакомство. Да что там знакомство! В нашей походной группе сейчас 8 детей, родители которых бывшие мои школьники. Ходят в походы дети детей, и предкам я каркаю:

— Будете еще внуков непутевых отправлять!

Дети детей, надо сказать, представляют совсем не худшую часть нашей группы, настраивающейся на Хибины.

Подготовка к маршруту

Перед отъездом трудный день. Нужно закупить гору продуктов, рассортировать все вместе с палатками и прочим общественным снаряжением по рюкзакам, в которых пока только личные вещи. А из личного некоторую часть оставить в квартире, которая, по мнению мам, вдруг пригодится. Нам надо взять только самое необходимое. Хорошо, что мы не сразу отправляемся на маршрут и есть перевалочная база.

И еще целое дело: предстоит перебрать специально к поезду мешок документов, чтобы бумажки соответствовали инструкциям. Согласитесь, что глупость в чистом виде, не посадить ребенка в поезд по паспорту, если билет брался по свидетельству о рождении. Как будто едет не ребенок, а документ его удостоверяющий, притом именно тот документ, по которому взят билет: какая-то одушевленность бумажек у бюрократов. Когда я брал билеты на группу, было ощущение, что оформляю себе недвижимость на всю жизнь, так скрупулезен подход в ж/д кассах. И ведь все так оформляют и на себя, и на группы: сколько бы у людей времени высвободилось для жизни без этого крючкотворства.

Чтобы не заорганизоваться, я попросил помощи. Были оставлены человек 7 старших ребят для закупок продуктов, а остальные пошли на экскурсию в Петропавловскую крепость. Мой сын Саша превзошел себя как организатор. Он завхоз, и закупки,

сортировка еды, распределение веса по рюкзакам завертелись ловко. Настя Кержнер, которая прошла не менее 10 походов, но не едет на Кольский из-за другой обязательной поездки, помогает больше всех. Алла, Настя Круглякова, Герд — все ловко работают. Сергей Елкин методично перебрал документы и сделал отчет. Герд с моим Сашей два раза в году бывают в Петербурге. Как хорошо, что они вместе такой компанией дружат! Работают сейчас они вместе тоже отменно: варят на группу обед, готовят бутерброды всем в поезд, чтобы не создавать суету на кухне, пакут еду по мешкам, притом с учетом палаток, котлов и т. д. Квартиру перед выездом дежурные убрали без замечаний. Вечером мы с рюкзаками отправились на Ладужский вокзал.

В поезде

Если группа вменяемая, со школьниками в поезде ездить здорово: можно перепеть все старые песни и выучить новые. До Мурманска ехать сутки. На пути Ладужское озеро, затем Онежское — крупнейшие в Европе. Медвежьегорск, Беломорье, Кемь: потянулась Карелия, и кругом леса, заливы, озера. Проезжаем поселок под названием Полярный Круг. Необъятна Россия, и по ее меркам Кольский полуостров рядышком от Петербурга. А что, если добираться к плато Путорана, в Верхоянье или задумать сплав на Индигирке? Знают ли россияне, что одна Якутия по площади равна Индии? Север России, даже без Сибири — это такой же огромный мир, как Амазония, Сахара или Тибет; мы едем посмотреть маленький его кусочек — Кольский полуостров, а на нем горный массив Хибины. Отоспавшись, ребята группируются по плацкартным отсекам: народу у нас много, и знакомство продолжается. Нельзя не заглядывать в окна, когда открываются панорамы заливов и озер. И какие леса кругом! И солнце! Вот бы оно нам посветило на маршруте. Красота проплывает под стук колес, и дети уже млеют от романтики севера... Можно сказать, что группа почти интеллигентная. Многие пишут дневники, пара человек рисует, кто-то читает... А кто-то играет втихаря в карты. Карты мной изымаются.

— Почему нельзя играть в карты? — спрашивает Глеб.

— Вечером специально расскажу об этом всем поподробнее. А сейчас коротко: в карты любят резаться те, кто привык пусто проводить время. И еще, эта игра для некоторых — переходный мостик к глупостям.

Глеб ухмыляется и мне не верит, как и его сотоварищи. И я не знаю, как их убедить, что это проверено: сколько групп перевозил в поездах — ничего другого не видел. Вечером, может быть, и не надо будет пускаться в объяснения. Втянемся в песни, которые все будут разучивать.

Переход к песням происходит естественно. Паша и Саша разучивают бардов Иващенко и Васильева. К ним подсаживается Сергей Елкин. Он тоже играет на гитаре благодаря походам. Поет английскую и французскую песни Пьер. Два купейных пролета облепляют на всех полках и мальчики, и девочки. Без женских голосов никуда. Саша раздает тексты песен на листах, и это уже обязательное разучивание. Голосов много, и стук колес нас не заглушает, а наоборот, аккомпанирует хору. Кто бы подумал, что можно хором спеть «Белое безмолвие» Высоцкого. Нас слушают другие пассажиры (мы не весь вагон заполнили собой), и это подбадривает еще больше. Поем «Короля», «Дорогу», «Кандалакшу». А вот и сама станция Кандалакша. Интересно, знают ли ее жители, что есть хорошая песня про их городок.

Мурманск

В Мурманске мы тоже пели. Ночевали в гостинице две ночи, а вечером к нам в гости пришли несколько походников и бардов из городского клуба. Получилась еще одна творческая встреча с совместным репертуаром. О встрече мы сговорились заранее, несмотря на то, что в пору отпусков люди севера стремятся хлебнуть солнышка на юге.

После первой ночевки мне кто-то задал резонный вопрос: — А зачем мы брали фонарики?

Действительно, что там белые ночи в Петербурге. Здесь, на настоящем севере, мы оказались днем — с огнем.

В гостинице, предназначенной для туристов-школьников, нет кухни, а главное — нет кострища на территории, чтобы можно было посидеть вечером у костра. Это сегодняшняя мода на школьный туризм: вместо походов и костров, ресторан и интернет по комнатам. Кухни нет, а привозной ресторан есть. Все устроено для наживы собственников. Недалеко располагается пожарная часть, местные жители где попало жгут костры и жарят мясо, ну и водочка у них стоит на вынесенных столах. Нам костер жечь «не положено, не оборудовано

кострище». Но мы все-таки настоящие туристы: варили двое суток еду под носом у пожарников и не были замечены ни ими, ни вахтерами гостиницы. Школьники мои как-то запросто понимают, где правда, и с большой сообразительностью пренебрегают правилами, которые против людей. Разве они не видят: кругом нищета, пьянь — и никаких правил на это.

В Мурманске нельзя не посетить ледокол «Ленин» — первое в мире судно с атомным двигателем. Проработав 30 лет на Северном Морском Пути, судно пришвартовали в порту как музей и его массово посещают туристы. Мы были в их числе, и экскурсия всем очень понравилась. С борта ледокола также просматриваются весь порт, большая часть города и огромный символический памятник «Алеша» — воину-освободителю. После экскурсии большинство ребят ушли на холм к «Алеше», откуда лучшее обозрение на Мурманск, а мне нужно было купить билеты в пределах области.

Билеты из Петербурга в Мурманск и обратно у нас были куплены заранее и с большим трудом, но нужно еще добратся на маршрут в Имандру. Автобусы туда не ходят, а с билетами на поезд развернулась эпопея. Сначала всем в очередь, потом нужно писать заявку и снова в очередь, иначе без заявки кассир не имеет права выдать больше 8 билетов. Разумеется, работает автомат, и все очереди по талонам и по вызовам через табло. И у кассиров все компьютеризировано. Я покупал билеты ровно три часа. Сколько идиотских правил придумано. Какая у нас хорошая группа, и легко ли собрать такой замечательный состав, но ездить со школьниками становится совсем невозможно. На вокзале куча охранников, не меньше полицейских, чтобы поддерживать порядок в беспорядке. Нам продали билеты с первого по пятнадцатый вагоны при почти пустом поезде. Компьютер ведь не может входить в положение группы. Ни кассирши, ни проводники ничего не могут поделать, даже если захотят; наемные рабы обязаны исполнять инструкции. В противном случае они будут уволены, а на их место есть готовая армия безработных, которая в провинции особенно велика.

Я оббежал всех проводников при посадке, а затем еще раз обошел их через весь состав, чтобы показать паспорта и доверенности на каждого. Некоторые проводники с полной серьезностью перебирали все до одной бумажечки. Мне удивительна их добропорядочность: люди ли они? Все же количество про-

водников, отказавшихся досматривать бумажки (не билеты, а кучу паспортов, свидетельств, справок) из-за трехчасовой езды, оказалось больше половины. Обнадеживающая статистика по стране — не все роботы. Одного проводника я так и обозвал в сердцах. И удивительно, проводник понял, не оскорбился, а как-то сменился в лице, погрузтел и не стал проверять бумаги. Мне стало неловко, я вернулся, чтобы извиниться.

Имандра — типичная деревушка севера: разрушенная, умирающая, с перекошенными заборами и несколькими пьяными привидениями. Чтобы у детей меньше осталось удручений, лучше было сразу покинуть селение. Мы удачно вышли на тропу и оказались на свободе. Наконец-то природа, да какая!

Категорийный поход

Пройдя километра два, сделали привал на реке Гольцовке. Река перекатистая, вода как слеза и студеная. Но светит ярко солнце, и несколько человек идут купаться. Снова топаем, и удивительное дело: ни одного слабоидущего. Николай Червоненко удивляется прыти детской группы; он привык ходить только с серьезными альпинистами. Злополучный рюкзак с документами несем по очереди. Мне про него нужно помнить всегда, и я, кажется, уже с ним разговариваю. Затем переупаковываю его в свой рюкзак, в котором котлы, ремнабор, палатка. И сосредотачиваюсь на группе. Идем дальше по лесу. Удивительная погода и просторная поляна у реки. Река после поворота выходит на прямую линию, которую окаймляют ели, а выше выпирает покатый горный массив, покрытый тундрой. Какая перспектива и какие краски! Не сюда ли нужно возить художников на пленэр! И прекрасное место для палаток.

Дежурные готовят ужин на костре. Между двух сосен натянут специальный тросик — изобретение туристов-лыжников и на нем висят котлы, подвешенные на крючья. Дров принесли гору, и этому предшествовала целая лекция: что такое дрова, какие из них горят, где их набрать после дождя. Все идет ладно, и ужин созревает. Несмотря на то что времени шесть часов, солнце не собирается опускаться. Полярный день сбил всех с толку, и у нас ощущение обеда. Правда, активизируются комары, и народ переходит к реке, где ветерок их сдувает. Алла и Алена рисуют обозреваемый пейзаж. С ними рядом на берегу сидят в романтическом настроении еще старшие девушки.

Чтобы не нарушалась идиллия, я послал с Пьером нескольких младших мальчиков на полезную работу, которые буйствовали и метали валуны в реку около сидящих. Надо было переломать принесенные дрова и накрыть их от возможного дождя.

Кучу дров с человеческий рост одиннадцатилетки покрошили за полчаса. Удивительны были и скорость работы, и педагогические качества Пьера: надо ж так организовать энергию в мирных целях. Результат впечатлял, и мне захотелось сфотографировать дрова для родителей нашей группы, чтоб потом на собрании назидать.

Здесь надо познакомиться с тружениками. Егор из Финляндии весь состоит из лишних движений, руки у него всегда делают ненужную работу или вредную, например, он трет стену, стучит головой о пианино, когда все слушают гитару, стучит и сучит одновременно руками и ногами. Кроме Егора, подвижны и ловки как черти Глеб и Игорь. К ним примыкает Коля. Он менее подвижен, но более говорлив. Обычно таким детям ставят диагноз: гиперактивность. Этот диагноз ни к чему не обязывает врачей, но с детьми тесно всем окружающим. Таких неумных в каждом походе несколько, и их приходится лечить, утяжеляя регулярно рюкзак на маршруте. Им нужна размеренная, плавная и большая нагрузка. Категорически противопоказан футбол, где взрывная с последующим расслаблением работа. Но Егор как раз футболист. Глебу с Игорем подошла бы гимнастика, а они занимаются паркур — модным спортом скоростного лазания и забегания на стены в сочетании с резкими перебежками.

Маршрут с рюкзаком обычно успокаивает всех; только результат наступает не сразу, дней через 5–6, как раз к концу похода. Но первые дни с буйными обязательно придется повоевать.

Буйность — не самая тяжелая черта в детях. С ней нередко соседствует болтливость. Болтливых на тропе не любят, а на трудной тропе они еще и опасны. Если к гиперактивности добавляется эгоизм — это уже тяжелое сочетание характера. Но эгоизм в полной мере обозначится к концу похода, и о нем будет уместно больше сказать по ходу событий.

Тропа, по которой мы идем, не засорена, поляны убраны, и этим отличаются туристы, следующие по маршрутам с рюкзаками, от пикниковых на автомобилях. Сосновые леса на севере невысокие, стволы деревьев выстроены часто, а трава

между ними низкая, тундровая. Где просторнее, там растут кустарники. Глаз не нарадуется природной красоте. Воздух пьянит запахами. Однако сегодня будет трудный день. Нам нужно одолеть перевал Южный Чорргор или отступить назад в случае плохой погоды. Его также можно штурмовать завтра уже с большей высоты.

На пути первый приток Гольцовки. Снимаем обувь, закатываем штаны выше колен и пускаемся в широкий брод. Вода холоднющая, лучше сказать, ледяная. Визжание и завывание оглашают лес, но это еще не глубокая переправа — потом привыкнем мокнуть и даже купаться понравится. На склонах Хибин лежат пятна снега, из-за которых много воды в реках: на Кольском зимой всегда хорошо со снегом, а в этом году навалило больше, чем всегда, и лето к тому же припозднилось. Тропа постепенно поднимается в гору, но ни одного отстающего или ноющего. Не в каждом походе у нас такой прочный состав. На притоке Часнойок (названия кругом лапландские) приходится устраивать переправу при помощи веревки. Половина ребят не могут переправиться с рюкзаками; за их ношей возвращаются Сергей, Иван, Федор, Саша, Данил, Пьер — это все старшие ребята 16–17 лет. Помогают страховать всех Паша и взрослый Александр. Два человека на переходе не удержались и хорошо окунулись, но вещи в рюкзаках сухие, и переправа не затянулась.

Наверно, кто-нибудь ужаснется от наших переправ.

— А если дети простынут?

Но вот сам факт: в путешествие выехало пять простывших и кашляющих школьников, а вернулись все здоровыми! Таково закаляющее действие природы и активного отдыха. За многие годы моих походов этот факт стабильно подтверждался. Ни родители, ни дети не возражают против настоящих маршрутов, но не дай бог про студеную воду прослышат чиновники. Да и вообще сказать, предрассудки в виде «медицинских рекомендаций» — устойчивое явление во многих головах.

Топаем дальше; выходим на тундру. Параллельно тропе течет река, а далеко впереди видна скальная стена. Самого перевала не видно. До подхода к нему еще, пожалуй, два часа. На всем подъеме последовательно сменяются три природные зоны: стройная ель, карликовая береза и тундра на камнях. Долины наверху просторны и далеко обозреваются. С одной стороны возвышается долго тянувшийся скальный массив, ко-

торый делает долину грандиозной. Тропа теряется на камнях, между которыми струится вода. Мы вышагиваем по камешкам, поднимаемся по холмам и внизу обнаруживаем довольно обширное озеро. Выше озера выступает резко вверх перевал. Он покрыт сплошной мореной — огромными валунами. Внизу перед мореной лежит пятнами снег. Перевал настораживает всех нагромождением черно-серых глыб и мрачной погодой. Седловина перевала периодически накрывается плотным туманом.

Снежный человек

Здесь можно представить еще несколько человек из старших, которые не первый раз в походе. Ване Егорову 16 лет; с ним вместе его 13-летняя сестричка Ксюша. Эти Егоровы не родственники тем, которые пели с нами в храме. Но их папы учились в одной школе, только в разных классах. У папы Вани и Ксюши я был когда-то классным руководителем. Папа теперь в науке, но еще школьником он ходил в походы. На Памире однажды мы проходили категорийный перевал и видели... Снежного человека. Снежным человеком был Егоров Сергей (у которого вся семья поет), и мы так организовали розыгрыш, что сутки никто не сомневался в очевидности чуда. Артем Егоров (папа Вани и Ксюши) больше всех тогда впечатлился и сокрушался, зачем же мы все-таки открыли тайну.

Представьте, ночью у костра, после труднейшего и высокого перевала (Казнок — 4100 м), после горной болезни, оторванные от всего мира Фанскими горами, слушают необычную историю школьники.

— Снежный человек живет здесь, около Куликолонских озер, и его можно случайно увидеть... Но не принято у альпинистов тревожить его покой и даже рассказывать об этом дома не надо. Об этом знают альпинисты и довольно, — бубню я тихо у костра.

Через полчаса, когда костер почти угас, меня стали вынуждать идти посмотреть «хотя бы издалека» на получеловека. А главный актер в это время поднялся за скалы и в толстой пуховке готовился к роли. И вот мы, почти держась друг за друга от страха (гор не боимся, а Снежного человека боимся), тихо ступаем вверх. Чем выше поднимаемся, тем больше напряжения. Вдруг грохот камней... и на фоне луны выступает далеко от нас огромного роста силуэт и уходит назад за тем-

ную линию хребта. Часа полтора позже, вернувшись в лагерь, мы единодушно соглашались, что его рост около трех метров.

Постояв в оцепенении, мы тихо сошли потрясенные. Видели своими глазами!!! Девочки не могли спать одни и попросили прислать в палатку кого-нибудь из мальчиков. Я им посоветовал Сережу, т. е. исполнителя роли Снежного человека. Роль была сыграна идеально, потому что в школе работал (он существует до сих пор) замечательный театр, который мог мастерством тягаться с профессиональными ленинградскими театрами. Вот такая была давняя история. Думаю, что кто-нибудь и до нас делал подобный же розыгрыш, да забыл признаться об этом: так и ходит теперь легенда о Снежном человеке (она же о Черном альпинисте).

Спустя много-много лет Артем — отец семейства и бывший мой ученик, спрашивает меня в Петербурге:

— Моего балбеса в Альпы возьмете? Да чтоб поосторожнее с ним...

«Балбес» оказался надежным человеком уже в нескольких походах. И сестричка у него очень хорошая и скромная. Мама их, кстати, тоже была моей школьницей, а разглядели родители друг друга уже после школы в упомянутом театре, который продолжали посещать. Да что говорить: я раньше разглядел их судьбу и выдал пророчество на пару месяцев вперед, чем заметили это впоследствии сами влюбленные.

Ваня и Ксюша, те надежные школьники, с которыми одолеется не только трудный перевал — хотя это тоже большое дело, — они сильно помогут задать тон настоящих, бескомпромиссных товарищеских отношений. Они делают здоровую погоду в группе. И таких прочных людей со стержнем немало сейчас в походе. Сергей, Настя, Алла, Герд, Маша... а может еще кто из новеньких откроется. Мама Сергея и папа Насти, учась в параллельных классах, тоже когда-то ходили в Крым, на Кавказ. Каждый настоящий поход — это событие на всю жизнь, притом такое, что походные легенды достанутся еще и детям.

Первый перевал

Я отвлекся на знакомство, а между тем впереди у нас перевал Чорргор! Перевал внушительен — нужен инструктаж. Проговариваем тактику прохождения. Внемлют, надо сказать, все. Идти нужно в колонну по одному, не разрывая дистанции. Расстановка людей поименная, так чтобы около слабо-

го был кто-то посильнее. Никаких разговоров. Вся колонна должна чувствовать друг друга и с полуслова все понимать. Перевал труднее на подъеме, чем на спуске, но это по описанию. Наперед предвидеть все невозможно, обратная сторона северная и снежная — возможны сюрпризы.

Проходим пятна снега и уже двигаемся по морене. Есть качающиеся валуны, они круто навалены на склоне и могут поползти. Эти «живые» камни заставляют кого-то вскрикнуть. За мной идут младшие ребята и еще Аня и Герд: вдруг кого-то из младших понадобится сопровождать. Немного пополз камень, и Нине чуть придавил ногу. Тоже снова с Аней. Нина заплакала от испуга. Бедная Нина! Папу ее я заверял, будем идти по тропиночкам... ягоды... самый сезон. Над нами нависла плотная туча, перевал закрылся в тумане. Плохо, если пойдет дождь, скалы станут скользкими. Перевал этот нам посилен, но как бы не перепугать малышку горами, не отбить охоту к походам: девочка очень живая, ей нужны походы, нужны настоящие друзья, проверенные.

Вся группа хорошо просматривается, и многим девочкам помогают юноши, которые половче, у кого вестибулярное ощущение устойчивее. Пару человек несут по два рюкзака, помогая неуверенным на шатких глыбах. Хорошо идут девочки, занимающиеся танцами: Лиза, Маша, Александра. Они не просто танцоры; Лиза и ее сестра Маша — чемпионы мира! Занимаются они в прекрасном танцевальном коллективе Наташи Дергачевой. Паша замыкает всю группу. Николай Васильевич — где надо: шел сзади, пока не подтянулся хвост, теперь на середине и уже фотографирует. Хорошо с мастером спорта в походе! Трудную часть похода прошли; местами теперь прослеживается тропа. Нас периодически накрывает туман. Мрачное облако удивительно ровной полосой держится над перевалом, то поднимаясь до середины, то опускаясь.

Через 3 часа после взлетного подъема по морене мы достигли до перевальной точки. Здесь по туристическому ритуалу положена шоколадка, а у нас только халва. Но выручает Александр. Ему 40 лет, он ходил в походы со мной, потом с директором нашей школы, потом самостоятельно; у него опыт, и он чтит традиции: делится припасенным шоколадом.

Спуск с перевала начинается осторожно. Скользим по снегу почти с километр, и на понижении многие уже катятся на ногах, на рюкзаках, на полиэтиленовых мешках. Еще встречается

кусочек, где надо идти серпантином и осторожно. Подходим к другому озеру. Перевал пройден! Время позднее, но ночи не будет. В Хибинах летом хорошо то, что не нужно переживать за темноту, которая может застать восходителей на перевале.

Топать до поляны еще долго, может быть, километров пять. Сегодня все очень устали. Сойдя вниз, окунаемся в абсолютную сырость: воздух влажный, кругом ручьи, с веток течет роса, каждый кустарник, чуть его коснуться, окатывает душем. Но температура воздуха летняя — около 18 градусов. Поляна тоже из-за низкого расположения дышит влагой. Дров подходящих найти не просто. Но выручают ветераны: опыт — великое дело. Также большую кучу приносит Федор Ковязин; он из лесных краев, из-под Кирова, любит лес и, кажется, полюбит походы.

Саша устраивает большое кострище. Когда-то мы семьей ходили походом по Алтаю. Целую неделю шел проливной дождь, и Саша получил на кострах «алтайскую школу». Вода теперь у него закипает быстро, и мы варим два котла, так как за день нагуляли волчий аппетит. Лагерь поставлен, и все собираются кучей у костра. Я пытаюсь убеждать, что сушить на костре обувь бесполезно: на сон нужно переодеться в сухое белье, а утром залезть в мокрые ботинки и согреться в ходьбе. К тому же завтра дальше идти сплошными лужами, по ручьям, по росе или болотцам. Ужин показался превосходным. А к чаю халва, джем, мед, печеньки — дома не кажутся такими вкусными любые продукты. Иногда родители предупреждают, какие продукты не едят их дети, например, лук в супе или морковь. Их заботы смешные, но для отговорки я обещаю к этому вопросу подойти индивидуально.

Удивительно, что после ужина, несмотря на поздний час, «ни в одном глазу» даже у младших. Саша берет гитару, затем Паша. Поем спокойно и как-то с единым настроением. Если поют один или двое, то все очень хорошо слушают. Уметь слушать других — это еще тест на коллективизм. Есть много бардов (я в этой среде провел много досуга), хорошо поющих, но даже из них далеко не каждый может слушать и слышать других.

Утром почти рысцой мы прошли пять километров до базы Куэльпорр, и на сегодня объявлен отдых. По пути видели замечательный родник, вернее, много родников в одной песчаной чаше. В них пополнили ключевой водой бутылки. Вода, кстати, где бы мы ни шли, везде исключительно прозрачная. Проходим по мосту через реку Кунийок, и, несмотря на ши-

рину реки и бурный поток, вода в ней тоже как слеза. Это Хибины летом!

База Куэльпорр в Хибинах

В Куэльпорр есть гостиница, также несколько домиков и контрольно-спасательная служба (КСС). Начальником этой службы (начспасом) работает мой давний знакомый. Мы договорились, чтобы девочки наши два раза ночевали в домике, а мужская часть встала в палатках в сторонке от базы. Во-первых, просушимся, а главное — попоем в доме без комаров. Комары достают ежеминутно: лето наступило поздно, и у них запоздалая активная пора, и самый аппетит на туристов. У нас ведется коллективный дневник, и тема комаров проходит в нем песней.

База КСС — исключительно удачное место. Она существует с незапамятных пор и расположена в центре Хибин, чтобы удобно было выходить для спасательных работ. Кроме летних категорийных маршрутов, зимой здесь еще ходят лыжники. Представьте, в марте на весенних каникулах, когда в Заполярье полная зима, но уже играет солнце, из Ленинграда целый поезд (не вагон, а все вагоны состава) заполнялся походными группами школьников, направляющихся дней на десять в походы на специальных широких лыжах. Походы венчались праздником, на который приходило много групп. Праздник «Заполярный март» — это выдающееся явление школьного туризма с советских времен, которое помирает сейчас. И сколько учителей-энтузиастов собиралось на нем со школьниками! Вдохновители этого движения — удивительные личности! Например, Циперсон Эдуард Ефремович, можно сказать, теперь — отец детского туризма в Ленинграде-Петербурге. Или Грачева Людмила Николаевна — директор школы, в которой я работал. И в прошлом, и в позапрошлом году эти люди ходили зимними маршрутами по Хибинам. А ведь им уже за 80 лет: вот как надо жить! О них мы говорим с начальником базы КСС. И еще, обращаюсь я к начспасу... хорошо бы рюкзак с документами всей группы отправить в Кировск, а то ведь нам еще на два перевала идти и дожди намечаются.

На турбазе нам пришлось внепланово подкупиться многими продуктами. Саша — завхоз; он начал дело за здоровье, а дальше пошло не очень...

— Эх, Саша! Думал, что не вылезет в походе то, как ты живешь дома? Напрячься хорошо разом можешь, но ответственно по-взрослому быть завхозом не получилось. — Пилю я сына при всей группе.

Саша не соглашается, и у него есть адвокаты. Они его защищают не первый раз от меня — друзья же. К тому же Саша — обаятельный парень, и ему есть кому посочувствовать. В их глазах я слышу слишком строгим родителем.

— Обидно же, когда тебя часто упрекают, — заступается Аня. По глазам видно, сочувствуют Саше Алла и даже Пьер. И вдруг кто-то спросил: почему папа к младшему сыну относится строже, чем к другим своим детям?

У Паши — старшего брата загораются глаза, и на лице озорная улыбка, он не может без подвоха:

— А пусть Саша ответит на этот вопрос сам.

Саша напрягся, потом широко улыбнулся и сознался.

— Папа и ругает меня больше и больше, чем всем прощает.

Сочувствующие тоже расцвели. Но этим вопрос не исчерпывается, надо чтобы хозяйство было отлаженным. Я продолжаю давить на Сашу.

— А для чего завхоз? Ты упрекаешь меня в том, что я лишаю дежурных и завхоза инициативы, и что не я, а ты должен отвечать за продукты. Так отвечай! Но продуктов не хватило, и мы их покупаем. А если бы не было возможности их купить? Разве я не отвечаю за качество похода в целом, если ты подрастался? Саша сдается и признает аргументы.

Можно было добавить ко всему еще, что Сергей — лучший друг Саши тоже уносится временами в озорство, и что друзья оба с налетом инфантильности. Друг старается быть ответственным, и все-таки иногда «прокалывается»: любит хохотнуть не в меру, поддержать неуместную шуточку. Но подростковое самолюбие иногда нужно пощадить, я разок взглянул на него строго, и он все понял. Сергей уважительно относится ко мне. Это отношение ему привила мама, поскольку я ее бывший учитель. Мама, к месту здесь сказать, дружит с моей женой, и мы вне походов перебираем нередко косточки своим детям. В основе Сергей восприимчивый и достаточно тонкий, понимающий человек, одновременно — он быстро на все заводится. Натура еще не однажды пораскачивает его в разные стороны. Дружат все равно наши дети хорошо. И после похода, кроме Сергея и Саши, поедут дальше путешествовать вме-

сте еще Алла и Герд; они самостоятельно едут в Крым на две с половиной недели. И там тоже у них маршрут. Сказать, по большому счету, мы живем в пору, когда многие человеческие понятия девальвированы. Большинство школьников не знает дружбы и не подозревает, что это такое. Поверхностность отношений задается в обществе всем тоном общей лживости жизни. Вообразите: работодатель и его наемный рабочий — друзья, или реклама — не торгашески-лживая, или бизнесмен не эгоистичен и преследует поровну и свою наживу, и пользу другим. Как говорится: бытие определяет сознание. И у людей вместо дружбы — голая вежливость и политес. Виртуальное общение тоже не сильно способствует действительной дружбе. Наше скаредное общество устроено на основе потребительства, за которым стоят власть денег, продажность, эксплуатация одних другими, и все это освящено словом «бизнес». Под стать обществу организована убогая школа (одинаково немецкая и российская). И можно радоваться, что в весьма нездоровой среде еще кто-то находит дружбу. В нашем походе настоящая дружба сложилась у многих ребят, и, может быть, этим запомнится им больше всего Петербург и Кольский полуостров.

У нас всего шесть ходовых дней. По плану сегодня мы должны идти без рюкзаков в радиальный выход к ущелью Рисчорра до перевала и обратно. Вчера с вечера, также сегодня утром многие старшие бегали купаться в быстротекущую речку. Воды в ней много от тающего льда. Купание оглашается визгами, но почти все вошли во вкус моржевания. Ночью я тоже пошел купаться, и вдруг вижу, выбегают двое из бани и прыгают в воду. Это Ярослав и Пьер, которые, надо сказать, быстро сориентировались в день отдыха. Баня платная, по заказу только для отдыхающих в гостинице. А после отдыхающих и они туда подались. Ну что ж, молодцы, зачем зря бане остывать.

Уже на тропе, на другой день во время привала, я пытаюсь шутить:

— Вы знаете, мне сон приснился, как будто мне не спится, и я пошел в реку купаться. А рядом баня, и из нее вдруг выбегают двое и прыг в воду, и не выныривают.

Почти полгруппы расхохоталось. Стало понятно, что не два человека попарились с вечера.

В ущелье Рисчорра иногда поднимаются группы из гостиницы, и тропа здесь более-менее натоптана. Без рюкзаков идет

легко, и народ беседует. Рядом ступает Иванов Саша. Спрашиваю его, нравится ли ему, взрослому, в школьном походе?

— А знаете анекдот? Мужик поехал в отпуск покататься на горных лыжах. Скользит по снегу, радуется и вдруг врезается на всей скорости в сосну. Под глазом синяк, выплюнул пару зубов, держится за ребро. К нему спустились друзья, охают, сочувствуют. Спрашивают, как он себя чувствует. Тот выплюнул еще зуб и отвечает: «А все равно лучше, чем на работе».

Саша шутит всегда. Он добряк, его любят в группе. Лет 25 прошло с его первого похода в нашей школе. Мы многих вспомнили. Да и родителей некоторых из ребят он еще со школы знает. Спрашиваю: почему у любителя гор дочь только в 17 лет первый раз в поход собралась?

— Не хотела. Ездил на море с мамой, а сейчас я ее убедил тем, что есть еще такая сторона жизни, которую, чтобы оценить, нужно испытать.

Алена только окончила школу, подала документы в университет, и, кажется, удивляется сейчас, как это она раньше упускала возможность жить гуще. Она что-то рисует в записной книжке, читает только классику и выглядит немного барышней из 19-го века. Мы с ней философствовали еще вчера. С ней приятно разговаривать, потому что она искренняя, но, наверно, чуть-чуть витает в облаках. В 17 лет, пожалуй, это допустимо — взрослая жизнь вот-вот начнется и многое развеет. Думаю, и поход такому восприимчивому человеку не только сильно западет в душу, но и поможет уяснить приближенное к жизни мировоззрение.

Алена подружилась с Мартой Вейгандт. У Марты ничего нет немецкого, кроме фамилии и имени; она суровый реалист и хорошо дополняет в дуэте романтическую Алену. Занималась Марта много лет в цирке, выступала воздушным акробатом, и ей много раз аплодировала питерская публика. В младшем возрасте она могла дома завязываться в узел, крутить курбеты и сальто, а соседи сокрушались, что над ними живут две балерины — мама и дочка. Невообразимая буйность дочери начала успокаиваться к 17 годам, и в ней появилась рассудительность. О том, что поступила в университет, Марта узнала уже в нашем походе. Это второй ее поход, а первый был в 8 лет. В том первом походе хулиганке группа дружно поставила «двойку» на подведении итогов, а в этом, скажу, забегаая наперед, оказалась единодушная «пятерка». Мама

Марты — тоже моя школьница; у нее были походы в Крым, на Алтай, в Карпаты... Позже Вейгандты-родители много путешествовали сами, а со мной в моих взрослых группах были в Индии, Намибии, Индонезии, Перу и т. д. К Вейгандтам я приезжаю не в гости, а как домой. Мне родители всегда рады, потому что Марта будет вести себя тихо. Теперь дочь выросла и почти преобразилась. Я у них в семье гощу как родственник, а с Константином-папой мы понимаем друг друга с полуслова. Нас обоих одинаково интересовало, захватит ли поход Марту.

Уже второй день, когда мы идем по нетрудной тропе, несколько человек выясняют, есть ли бог на свете. Подбадривает тему студент-Паша. Он еще в школе пугал нас, родителей, книгами, которые читал. Кант, Фейербах, Гегель, Маркс, хотя мама предлагала ему Пушкина и даже однажды Гарри Поттера. За Поттера уже я со всеми в семье расскандалился: почему надо идти на поводу у моды и заодно у поверхностности? Ни я, ни мама не свернули Пашу со своего пути. Спорящим на маршруте мне хочется предложить тему помягче.

— Нет, нет, Вы, Владимир Александрович, не мешайте нам. — Говорит один из старших школьников, чьи родители посещают церковь. Я воображаю, что скажут мне родители после похода.

Может быть сейчас, пока мы идем по тундре, ребята общаются лучше всего. Темы не обязательно развиваются только философские. В ущелье Рисчорра лежит длинной полосой снег, и здесь на перевале мы фотографируемся с флагом Русского географического общества, который я беру с собой в путешествия. На первом перевале, после карабканья по скалам, было не до фотографий. Вниз спускаться — можно сказать, было прогулкой. Но аппетит все нагуляли: ходили около 6 часов. Дежурные по возвращении наварили два котла густого супа.

Второй вечер поем в домике, где не мешают комары. Хорошие песни, какие-нибудь рассказы — и пролетают задушевных часа три, не меньше. Но вчера вдруг на песню явились гости с пьяными физиономиями. Одна малышка запишет в наш общий дневник: «От них пахнет неприятно».

Приехал какой-то МЧС-ник в спасательную службу с проверкой, ну а после проверки, как полагается у контролеров, хорошо выпили... Мы поем, а он умничает и важничает:

— А зачем вы ходите, а то нам таких спасать приходится? А врач у вас есть?

Червоненко вслух хохмит:

— Не комары, так МЧС-ник!

У меня есть прием. Нужно сказать самую крайнюю небылицу, и тебе поверят: так делают часто журналисты по телевидению. Уже наедине с проверяющим я сказал ему, что Шойгу, бывший их министр, — мой приятель; ну и родом я из Тувы. Для подтверждения показал военному удостоверение действительного члена Русского географического общества. И он, кажется, поверил: больше не мешал.

Сегодня у нас другие гости — званые. Это туристы, которые живут в гостинице и делают отсюда радиальные маршруты. А симпатичная девушка, их инструктор, играет на гитаре и знает много туристских песен. Гостей было, может быть, человек десять, и мы пели двумя компаниями поочередно.

Домик нам запомнится не меньше, чем маршрут. С утра около него за большим столом на поляне играют наши шахматисты. Несколько человек рассматривают огромную карту Хибин, которая вывешена по стене другого домика — здания спасслужбы. Младшие мальчики начинают носиться около стола. Глеб старается держаться смирно, не так, как его несло в двух предыдущих походах. Помогает держаться ему родственник 17-летний Федор. Но сегодня Глеб заигрался. В КСС живет крупный пес. Народу бывает здесь немало, и у собаки воспитан мирный нрав. А у Глеба нрав доставучий. Вместе с Игорем они долго дразнили пса. Девочки из жалости просили оставить в покое животное; я тоже ребят пытался воспитывать, но не помогло. И собака, видимо, отчаявшись, хорошо тяпнула Глеба. Но руку, слава богу, не прокусила. Воспитание подействовало сразу на всех младших мальчиков. Надо сказать, когда появляется больше свободного времени, то не всем это во благо.

Куэльпорр — хорошая базовая точка, чтобы организовать на выход к новому перевалу. Здесь в окрестностях немало красивых озер. Хорошо ими любоваться, фотографировать и идти дальше по ручьям. Мы переходим речку Петрелиуса, еще километра три идем по лесу и опять выходим на тундру. Природа преображается, пока светит солнце, но погода переменчивая. Впереди перед нами массив Юдычвумчорр, где расположена высшая точка Хибин (всего-то 1200 м). Все же в Хибинах нельзя быть самонадеянным, здесь много обрывистых стен и перевалов, и это Заполярье.

Второй перевал

У нас по плану перевал Восточный Петрелиуса. Подъем на него довольно плавный, он даже расслабляет. Тундра тянется долго, мы делаем привалы и идем по мягкому лишайнику-ягелью. Ягель в тундре — любимая еда оленей зимой, которую они откапывают из-под снега. Мягкая, как подушка, почва переходит в каменистую морену. На камнях местами лежит оставшийся с зимы снег. Чем выше, тем плотнее стягиваются облака, которые давят своей тяжестью. Еще поднимаемся, и хвост нашей колонны пропадает в тумане. Туман накрывает плато, тучи скользят по перевалу, становится сыро, и поднимается ветер. Нас посыпает снежной крупой, и одновременно густо моросят капли. Мы осязаем процесс перехода одного вещества в другое: туман, капли дождя и град посыпают нас с порывами ветра. На седловине перевала сильно сифонит мокрый ветер, а спуск сразу изумляет всех крутизной. На спуске понадобится обязательно веревка. Или нужно вернуться обратно, потом снова идти долго на подъем и перейти перевалом Западным Петрелиуса, который поположе. Осенью Петрелиуса Восточный классифицируется как 1Б. Это лето можно считать за осень по количеству снега и сложности перевала. Делаем неуютный привал, чтобы оценить обстановку. Николай Васильевич готовится навешивать веревку. Его лучше всего здесь и представить.

Николай Червоненко. В 1995 году мы с женой собрались в большую поездку через всю Азию. И попросили друзей взять к себе Пашу, нашего 2-летнего сына на неопределенное, но долгое время. Бабушкам на воспитание отдавать ненадежно — избалуют, а Червоненки даже обрадовались: у них тоже есть дочь, только постарше, будут вместе приглядывать. И вот 2-летний ребенок летит один в Алма-Ату из Гамбурга... и как-то это получилось. Но это отдельная и другая история.

Прошло полгода. У Лены — моей жены «сердце кровью обливается», она рвется в Алма-Ату. Мы на самолете прилетаем из Непала в Казахстан и видим своего ребенка удивительно хорошим — лучше, чем отдавали. В этом походе на Кольском собрались и Коля, и его дочь Катюша, и Паша — замученный информатикой студент. А мне-то как радостно встретиться с другом!

Коля строгий, сдержанный, молчаливый; для окружающих, может быть, кажется суровым. При этом всем неглупым с ним очень легко. Он известный альпинист Казахстана и яркий

прототип советского альпинизма. Сильнейшие восходители в СССР получали еще символическое звание «Снежный барс» за подъем на пять семитысячников. Эти восхождения проводятся, как правило, летом, потому что зимой на таких высотах Памира и Тянь-Шаня свирепеют холод и ураганы, похожие на светопреставление. Николай — автор и руководитель ряда восхождений на титул «Зимнего Снежного барса». Иногда же он отправляется отдохнуть в мои поездки: мы были вместе в пустыне Такла-Макан и на китайском Кунь-Луне, в Индийских Гималаях и даже на восхождении в Эфиопии (Рас Дашен — 4630 м). А сейчас ему захотелось развеяться в Хибинах в многочисленной группе школьников.

У нас много знакомых альпинистов; мы перебираем плеяду оригинальных людей, с которыми дружили, тренировались. Среди них тогда был скромный, даже не мастер, а кандидат в мастера спорта — Анатолий Букреев. Это имя известно теперь всему мировому альпинизму, а после недавнего фильма «Эверест» о нем знают даже школьники нашей группы. У Анатолия мы были с Николаем дома за полгода до его смерти и после злополучных событий, о которых снят фильм. Фильм, конечно, голливудский, с эффектами и привираниями. Хотелось, чтобы Николай рассказал ребятам о Букрееве достовернее. Для справки скажу здесь, что Анатолий Букреев 18 раз поднимался на восьмитысячники и всегда без кислородных баллонов (восьмитысячников в мире — 14). И под вершиной Эвереста в ураган спас жизни трем восходителям — единственный случай спасательных работ в истории мирового альпинизма на высоте выше восьми тысяч метров.

Вернемся к нашему перевалу Восточный Петрелиуса на Кольском полуострове. Ветер и дождь бодрят всю нашу группу, и никуда не укрыться. Коля вяжет «булинь», навешивает веревку от уступа, и я тихонечко начинаю сопровождение каждого участника по крутому снежному склону. Нужно спуститься по веревке на 30 метров ниже, и из ребят, кто посильнее, организовать накопитель для всех спустившихся. И чтобы там тоже никто не зазевался и не ухнул вниз. Может быть, пару человек оказались в первый момент слабонервными, они паникуют. Почти каждый второй, кто боится на веревке, срывается на скользких ступенях. Их нужно удерживать. Ступени на снегу рушатся, мы их рубим рантом ботинок, и очередь за следующим участником. Работа налаживается, спустилось, может

быть, человек шесть и Червоненко сбегает уже пониже, чтобы наш подвиг сфотографировать. И в этих горах он собран, как на семитысячнике, всех и все видит, фотографирует группу и заодно указывает уже внизу, кому и как помочь.

Очередность и слаженность у нас уже выработаны. Спускается младшая Нина. Она боится, но очень хорошо чувствует, что волю сейчас нужно собрать. Погода ухудшается, и одновременно открывается потрясающая панорама по горизонту.

— Нина, смотри, дыра в небе открылась. Это наша надежда и удача: как в картине «Девятый вал»!

Нина кивает, дрожит от холода, боится спуска и с широко открытыми глазами восхищается красотой. Через разорванные облака солнце режет лучом долину. Контраст свинцовых облаков, синевы кусочка неба, пронизывающих лучей солнца вдаль и зеленых полей тундры необыкновенный. Эх, фотоаппарат бы! Да до него ли, еще человек 20 нужно спустить. Перемена погоды происходит резко, и мы то окунаемся во мрак, то перед нами — контрастные картины Куинджи. Нет, не Куинджи: ни одному великому мастеру кисти не воспроизвести величие природы!

...Мы одолели трудный перевал в непогоду и еще раз посмотрели друг на друга в деле. Спуск завершился благополучно. Потом долго еще шли по красивой долине вдоль речки Малая Белая. Ночлег нашли на живописной поляне. А на другой день со станции Хибин на поезде отправились в Санкт-Петербург. В поезде и Петербурге мы пели лучше, чем во все прошедшие дни.

*«Север, воля, надежда, — страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.»*

В. Высоцкий

Прощание петербургских школьников с гамбургскими было слезным.

В самолете на Гамбург все мои путешественники два часа промолчали. В аэропорту идем получать багаж. В большом зале пассажиров забирает в объятия видеореклама: на громадном ярко-цветном экране бежит толстый мужик в трусах и трясет всеми своими жирными частями тела. Съемка сделана замедленная, приближенная и на красочном фоне, чтобы рекламная сцена всеми была замечена и лучше западала в мозги.

В ожидании багажа я записал последнюю фразу в дневник: «Мы въехали в мир уродства». Нас встречала цивилизация, от которой все отдохнули в походе. В путешествии у нас был другой мир. Мы сняли с себя тот налет фальшивости жизни, к которому все привыкают. Теперь мы вернулись в обычную жизнь.

На выходе нас встречали родители. Мы встали в круг и спели им нашу походную песню. Окончился еще один поход — полоса большой жизни.

2017 г.

Этот рассказ не дописан. Я его писал по следам дневника, который вел второпях, и в нем невозможно представить всех участников уже потому, что нас было много. В рассказе есть намек, что не все у нас было гладко в путешествии. Но было так много дружбы, взаимопомощи, красивой природы, задорного смеха и хорошего влияния похода на всех без исключения, что не стоило трогать некоторые малодушия.

Почти в таком виде этот рассказ я опубликовал у себя в соцсетях и на своем сайте. Почему не последовало продолжения? Закружили новые события. И еще одно обстоятельство. В походе проявляются не только лучшие характеры, но и тяжелые, и об этом трудно писать, чтобы герои не узнавали себя. А этого требует обычный человеческий такт. Но без всех проявлений, в то числе эгоистических, картина неполная. Кроме всего, мне хотелось сделать специальное исследование об эгоизме, исходя не из одного, а из многих путешествий, походов, восхождений. Наблюдений накопилось много за сотни маршрутов по разным странам. И обобщений тоже. Этот поход в Хибинах не собирал множество трудных характеров, да и состав группы оказался настолько стойким и надежным, что немногие полуэгоистики никак не могли повлиять на общую атмосферу в сильной группе. Для этого будет отдельная статья как исследование.

Мой друг Сашка Корочкин

Мы выросли там, где бескрайние казахские степи подходят к Уралу. Надежда Дмитриевна — наша молоденькая учительница, читая вслух «Капитанскую дочку», удивлялась тому, как внимательно слушает Пушкина весь ее непоседливый класс. Чтение продолжалось еще несколько уроков. Понятная юношескому воображению книга о любви также рассказывала нам еще и о нашем крае. Мы ощущали, что не такое уж захолустье наши степи, раз сюда приезжал великий писатель. Описание бурана в оренбургской степи класс слушал с особенным напряжением. Зимой мы учились и помогали родителям по хозяйству: кормили, поили домашний скот, разгребали сараи от снега, топили печь, а летом — месяц или даже два работали. С 6-го по 10-й класс во время каникул я работал санитаром на стрижке овец, помощником на тракторе с сенокосилкой, штурвальным (тоже помощником) на зерноуборочном комбайне или пастухом, погоняя стадо коров. Так трудились почти все подростки в нашей деревне, считая себя уже вполне подходящими для таких работ. В оставшееся летнее время кто-то ехал отдыхать в пионерский лагерь, устроенный на реке Урал; остальные пропадали в вольной степи или на речке Бурте. Летними ночами молодежь не знала сна: бывали даже лихие поездки на лошадях в соседнюю деревню «на танцы».

Первого сентября школа наполнялась шумом. Мы с удовольствием шли на первый урок не потому, что хотели учиться, а потому, что за лето соскучились друг по другу, да и по учителям тоже. Деревушка наша разрасталась, и в ней по-

строили двухэтажную школу. В школу прибыли молодые учителя, которые знанием города, книгами и собственным энтузиазмом расширяли наши деревенские представления о мире. Почему нашу деревню называли Сазаном, никто не знал, но вроде бы по оврагу, в котором мы иногда жгли костры, текла речка Сазанка. Речка была давно запружена плотиной для водопоя овец, а рыбы и сазанов в том числе в ней не водилось. За плотиной разворачивалась степь, где паслись овцы. Зимой, когда водоемы замерзали, на первый лед выходили и взрослые, и дети: играли в хоккей все от мала до велика. После буранов лед заносило толстым снегом, и дни становились совсем короткими. В нашу бытность в другом месте далеко от села была построена новая большая плотина, и там разводили сазанов и карпов. Рыбалка составляла отдельную эпоху в нашей мальчишеской жизни. На Первомай вместе с рыбой мы приносили домой большие букеты тюльпанов. Благоухающие поля с разноцветными тюльпанами радовали нас скорым наступлением лета.

Сазан — это одно из отделений большого совхоза, в который входило несколько сел. Центральный поселок — Буртинский (по названию реки Бурты), и окрестные села совхоза содержали около 15 тысяч тонкорунных овец, пуховых коз (знаменитые оренбургские пуховые платки) и выращивали зерновые культуры, в первую очередь пшеницу, а также овес и ячмень. Бескрайние поля зрелой пшеницы, окаймленные кое-где лесопосадками, может быть, главная картина Оренбуржья нашего детства. Также для села выращивались бахчевые. Возвращаясь с Бурты ватагой, мы старались незаметно от сторожа укатить с поля пару арбузов. Если сторож был не вредным, он сам нас угощал из соображений, что таким образом сохранится больше урожая.

Весна была особой порой, радостью в долгом ожидании тепла. Резко континентальный климат Оренбуржья после снежной зимы вдруг давал большие разливы по оврагам. Теперь школьные уроки пропускались чаще, и во время половодья мы отправлялись плавать на льдинах, за что неоднократно многие из нас получали взбучку от родителей. Однажды, уже в восьмом классе, будучи верзилой, я схлопотал кнута от матушки. Побоев я особенно не почувствовал: было стыдно. А мама после отчаянной воспитательной процедуры горько расплакалась. В этот год я, наверно, и вырос. Сельский труд,

просторная степь, родительская и учительская строгость, за которой было много теплоты и свободы, а также хорошие фильмы в сельском клубе дали нам ориентиры. Совсем другая эпоха, навсегда ушедшая, приготовила нас рано к взрослой жизни: мои сверстники не знали инфантильности.

Село наше было преимущественно казахским, но старожилами в нем оставались также целинники, приехавшие в пору освоения первых хлебных полей в степи. Они приехали из центральной России, в большинстве из Ивановской области, и разговаривали с ударением, напирая на букву «о». В другом селе совхоза жили немцы; в Буртинском поселке — русские механизаторы и разные специалисты. Во всем совхозе, куда входило шесть сел, проживали еще татары, башкиры, мордва... Только взрослым человеком, приезжая погостить в Оренбургскую область к друзьям и родственникам, я обратил внимание на то, как многонационален наш край. Мама у нас работала ветеринарным фельдшером, а чабанами в основном были казахи, и она очень хорошо говорила по-казахски. Казахи за это, мне кажется, ее особенно уважали. Детьми мы с матушкой часто отправлялись на «тарантасе» по участкам и после объезда отары чаевничали в какой-нибудь семье. Другими моего детства были русские и казахи. Границы между национальностями никем особенно не проводилось. Женька, например, один из моих друзей, женился впоследствии на казашке. Наверно, классе в шестом, сажая деревья у школы, мы с Султаном — моим одноклассником, воображали, как в 50-летнем возрасте будем гулять по парку с высокими деревьями, который расцветет к нашей старости, и класс всеобщим хохотом высоко оценивал нашу фантазию. С Карабаем в седьмом классе нам предстояло организовать КВН. Он великодушно уступил мне роль капитана команды, хотя ему она подходила больше. Рамазан мог легко побороть меня, но поддавался иногда в знак дружбы. Батима, учившаяся только на одни пятерки, мне нравилась в восьмом классе, но об этом я ей не мог сказать: шуточное ли дело подойти к отличнице.

В девятый класс учиться можно было пойти только в центральный поселок Буртинский. Я снова встретился здесь с лучшим моим другом Сашкой Корочкиным, который когда-то уехал с родителями из Сазана. Мои одноклассники жили в интернате для приезжих из окрестных сел, а я мог жить у своего деда, который как раз был соседом Корочкиных. В совхозе

мы жили на отшибе — около Сумовских оврагов. Сумов Петр Федорович — мой дед, был ветераном Гражданской и Отечественной войн, имел бодрую походку, brave усы и по выходу на пенсию завел к прочему домашнему хозяйству ишачка — единственного на всю округу. Я чуть помогал деду по хозяйству, но в основном пропадал на поле, где мы с Сашкой гоняли по глубокому снегу мяч. По наитию мы увлеклись легкой атлетикой и гимнастикой, выдумывая собственную методику тренировок. К концу 9-го класса я стал чемпионом школы по прыжкам в высоту (1,55 м), а Сашка по всем остальным видам спорта. Он был намного спортивней меня, я, как мог, тянулся за ним, но в 10-м классе мне пришлось жить и учиться совсем в другом районе Оренбуржья. После школы Александр поступил на спортивный факультет, а я нет: слабоват был в гимнастике. Армия укрепила мои мышцы, и я даже попал в спортивную роту, а по окончании службы поступил на тот же факультет, что и Александр, только на заочное обучение, перейдя работать в сельскую школу. Впоследствии я окончил еще один факультет того же института.

...Протекли многие годы. В моей жизни было много разъездов и переездов, а Александр Юрьевич Корочкин все время жил в Буртинском. Мы периодически виделись. Для Буртинского и для всего Беляевского района Александр Юрьевич — легенда. Он больше тридцати лет тренирует детей нескольких поколений! У совхоза благодаря ему были спортивные постоянные успехи, и это побудило начальство области построить еще один большой спортивный зал, кроме школьного. Буртинский десятилетиями был и остается самым спортивным селом района. А сам тренер каков! В районной спартакиаде среди взрослых он и в 55 лет выигрывает почти все соревнования: прыжки в высоту, в длину, само собой, все дистанции бега, лыжные пробеги. Он же играющий тренер по футболу, владеющий виртуозно мячом и тактикой командной игры. Пару лет назад, закончив на соревнованиях длинную дистанцию бега, Александр Юрьевич подоспел на состязания в поднимании двухпудовой гири (32 кг — одной рукой). Самые богатыри района отжимали гирю не более 10 раз. Но в этот раз на соревнованиях участвовал силач из Дагестана (наверно, из гастарбайтеров), он поднял гирю 42 раза. Александр напрягся и поднял еще на два раза больше. Вдвое крупнее массой тела силач долго смотрел на Короч-

кина и с уважением спросил: «Ты же худой, откуда столько силы?»

Надо добавить, при отменных физических качествах Саша с детства не был драчлив и всегда располагал к себе людей искренностью и добродушием. К нему, взрослому, с любой проблемой без боязни может подойти каждый школьник, зная его открытость и умение общаться просто. У него и фамилия простая: Корочкин. А проблем и бед в селах гораздо больше, чем в городах: в любой российской деревне хозяйничают повальное пьянство, в которое втянуты и дети; еще большая беда — наркотики. Скольких подростков Александр Юрьевич увлек спортом и спас от наркотиков и водки! Разве это не выдающаяся заслуга? При этом зарплата его ничтожная, как, собственно, у всех учителей, воспитателей и тренеров, работающих с детьми. Сельские ставки особенно плачевны. Почему человек, уважаемый в селе, полезный обществу, отдающий всего себя делу, на протяжении десятилетий живет тяжело материально?

Перед повсеместной нищетой Александр Юрьевич не всегда отчаивался и, чтоб побороть нужду, взялся за фермерство, не оставляя тренировок со школьниками в спортивном зале. Он с детства с отцом работал на тракторе и комбайне, и уже взрослым был многократно премирован как лучший комбайнер совхоза. Нельзя сказать, что дело, за которое он взялся, было для него абсолютно новым. Но, как известно, фермеры в России вообще не преуспели. Разграбленная (приватизированная) страна, превратившись в сырьевой придаток, жила продажей нефти, газа и леса и о промышленном производстве совсем забыла. Сельское хозяйство преуспело меньше других сфер, подвергаясь при этом большому нажиму в налогообложении. Александр не удержался на плаву в стране мздоимства, непомерных налогов и откровенного бандитизма, перед которыми селяне меньше всех остальных защищены. Испытав вместе со всеми безработицу, он все-таки смог получить в районе грошовую ставку тренера ДЮСШ (детско-юношеская спортивная школа). В лихие 90-е годы, в пору развала и разграбления страны, когда вся позитивная деятельность кругом замерла и деморализация людей достигла апогея, Александр Юрьевич после местечковых разбоев застеклил спортивный зал и продолжал тренировки с детьми без оплаты для себя. Тренерскую ставку ему восстановили много лет спустя, а на

комбайне он продолжает работать до сих пор каждое лето. Тренирует Александр детей и взрослых, всех желающих заниматься спортом, т. е. не только ничтожно оплачиваемые группы, но и не оплачиваемые. Он мне однажды признался, что приходится иногда платить из своего кармана за перерасход электричества в спортивном зале и скрывать это от жены и детей. Хочется спросить, у кого перерасходовал Корочкин электричество? Кто посчитает стоимость его самоотверженного труда в течение трех десятилетий и сколько задолжали государственные чиновники и негосударственные магнаты человеку за всю сделанную исключительно полезную работу?

Мне иногда удастся посетить родимый край. Конечно, хочется навестить одноклассников и в первую очередь поехать к Корочкиным. Звоню им на всякий случай уже из Оренбурга и сообщаю о своем прибытии. Но Александр на этот раз в поле и будет пропадать на комбайне без выходных с 6 утра до 12 ночи. Понятно: жатва! Звоню другому однокласснику в районный центр, его там нет: он как раз «в городе». Так все селяне называют областной центр. И я в городе. Мы встречаемся и едем тут же за 100 километров к нему домой. Василий Григорьевич работает уже много лет в Администрации района, но не зазнался, и мы в шутку, и с уважением тоже, подчеркиваем его отчество.

— Григорич! Надо бы поехать на поле к Корочкину. У меня фотоаппарат с собой, хочу сделать кадр века, а то я людей в экзотических странах фотографирую.

— А мы туда и едем, — отвечает, по существу, Василий. — И Карабая сейчас найти можно. Соберемся вечером, сделаем у меня баньку.

Петляя полями, мы подъезжаем к комбайну. Знакомая картина! Сашу я помню с 14 лет на уборке урожая: в те давние годы мы на одних и тех же полях штурвальными работали и даже гонку на комбайнах однажды устроили, пока взрослые комбайнеры обедали. Сколько лет-то прошло? Мне кажется, Сашка один из всех нас остался все в той же юношеской весовой категории.

Вечером, после бани, был ужин, приготовленный хозяйкой. Карабай к нему принес бешбармак. Александра Юрьевича не было. Жатва — святое дело, да и договор обязывает в страдную пору работать от зари дотемна. Мы предались воспоминаниям... Условились снова встретиться, как несколько

лет назад, в холмистой степи, которую в нашем селе всегда почему-то называли Бандитскими горами. На обратном пути в Оренбург мы с Василием опять заехали на поле, чтобы пообещать Александру новую скорую встречу. Грустно было расставаться. Не только оттого, что не все вместе были на посиделках, а от общей беспросветности жителей села, в котором даже такому оригинальному и трудолюбивому человеку не находится места. Не вовремя мне выдалась поездка в родную деревню. Я знаю, что Александр теперь жалеет, что не подался с семьей в город: уже нет прежней уверенности в себе, а жизнь в селе все больше хватает за горло нуждой и безысходностью. Если такие люди, — думалось мне, — не нужны селу, району, области, всей России, то в какое же мы время живем? Почему даже такой деятельный человек, полный жизненных сил и плодотворно работающий, находится в смятении?

По дороге в Москву я перебираю в голове моих сверстников из Сазана, Буртинского, других сел бывшего совхоза: немало ярких людей выросло в скромных деревнях. И скорее всего, большие города как раз и собирают у себя незаурядных выходцев из поселков. Уже не собрать односельчан за общим столом, и можно лишь приехать в гости к тем немногим, кто остался в деревне. И Корочкины гостеприимны! А после встречи грустных раздумий не избежать... У наших родителей была война. Отец Женьки Демидова горел в танке, и мы его помним с обгоревшим лицом. А после войны не сразу, конечно, была относительно созидательная пора. Мы родились в эту пору, провели в ней молодость и вспоминаем о ней как о счастливом времени. В зрелые годы нас застали перестройка, развал страны и беспредел волчьего капитализма: видимо, каждому поколению достается лихое время.

...Школа наша сгорела. Правда, на ее месте в перестройку успели построить другую. Парк на месте сгоревшей школы обьели козы, и ни одного дерева не поднялось. В Сазане из наших одноклассников не осталось ни одного человека. Сазан и Буртинский значительно уменьшились дворами. Жители села Цветочного, соседнего с Буртинским, состоявшие из обрусевших немцев, почти все эмигрировали в Германию. Посевы в Оренбуржье намного уменьшились, а те, которые дают урожай, скупаются в основном Канадой в виде сырья. Животноводство, которое теперь находится в частном секторе, сократилось в 10 раз. В обедневших деревнях стал бросаться

в глаза еще и национализм. Многих наших одноклассников в возрасте 56 лет нет в живых, что соответствует средней продолжительности жизни людей в стране.

...Далеко от Оренбурга, в поезде, я возвращаюсь мыслями к другу детства. «Можно ли назвать Александра Корочкина героем нашего времени?» — видоизменяю я вопрос нашей молоденькой учительницы литературы. Нельзя, конечно. Героями нашего времени являются криминальная братва, успешные бизнесмены, артисты, несущие пошлятину в эфире. О них каждодневно показывают фильмы по телевизору, вздох и с удовольствием говорят журналисты и блогеры, пишут неисчислимые романы так называемые «писатели». Это общий фон нравов, на котором воспитывается новое поколение. На этом фоне совсем не заметна не лезущая в глаза, хоть и яркая фигура моего друга, как не заметны и другие энтузиасты, встречающиеся в нашей жизни, устроенной на беспредельной власти денег.

2011 г.

Наташа Дергачева

23 апреля 2017 года коллектив Tanzbrücke празднует юбилей. В Гамбурге несколько русскоязычных клубов не столь давно отметили свое 20-летие: школа «Азбука», клуб «Причал», наш Клуб туристов-школьников. Юбилей Tanzbrücke особенный, и проходить он будет на большой сцене Ernst Deutsch Theater. У коллектива много заслуг и титулов — до чемпионов мира. Но мне хочется немного сказать не о заслугах известного танцевального театра, а о Наташе Дергачевой как о личности.

Мы дружим семьями очень давно. Кроме того, немало уже путешествовали вместе. Чтобы юные танцоры подружились, Наташа отправлялась с ними и с другими школьниками в походы, которые я организовывал. В этих походах игры, танцы, песни, смех благодаря ей окрашивались особым обаянием. С утра дождь, непогода, но на подъем вдруг звучит бодрая музыка: это Наташины проделки. Танцоры по рефлексу выбегают из палаток на музыку и пускаются в пляс. Вслед за ними подтягиваются и не танцоры. Кислого настроения как не бывало! Тогда, между прочим, были поставлены несколько танцев, среди которых явился и «Танец матросов», посвященный Санкт-Петербургу.

Наташа может все. Она прораб на стройке, менеджер проектов, ходатай к чиновникам, администратор огромной школы, первоклассный музыкант и хореограф всех до одного оригинальных танцев. И это далеко не все ее амплуа.

Наши трое детей танцевали в Tanzbrücke раньше и периодически подключаются сейчас к танцам вновь. Наташа позволяет и пригласит Сашу на очередной проект. Саша родился с

ленцой, а Наташе отказать боится. Мы дома катаемся все от смеха и радуемся, что хоть кто-то может Сашу взбодрить. В семье мы нередко говорим о творчестве или... о мещанстве, обывательщине, потребительстве, в которых утопают люди нашей условной цивилизации. И у нас, как пример, есть Наташа, живущая с энтузиазмом и созидательно. Милая Наташа — человек, которого мы знаем близко и который живет по-настоящему творчески. Танец дело коллективное, где блистает и каждая индивидуальность. Любая более-менее замечательная черта школьника не ускользает от Наташи. И она очень индивидуально вкрапливает в общий сценарий каждого человека, который растет, развивается, меняется. Паша — наш старший сын только-то и умел, что ходить на руках и крутить сальто: не танцор совсем. Мы его отправили на танцы потому, что знали требовательность педагога. Здорово же, когда сын по-настоящему трудится, а значит полюбит свое увлечение, и у него там обязательно появятся друзья. Друзья найдутся потому, что в коллективе есть место умеющим дружить. А через пару лет Паша уже блистал около девочек на сцене, хотя и с некоторой неуклюжестью. В воспитании наших детей много Наташиной помощи!

Школьникам, которые ходят в походы и одновременно в Tanzbrücke, я говорил: Наташа — это Анна Павлова, и всегда советовал посмотреть необыкновенный советский фильм, который называется по имени легендарной балерины. Действительно, разве не живет Наташа на взвинченной ноте, разве ее коллектив не особенный и не дарит людям радость и смысл жизни? Про Наташу мы еще не догадываемся, что среди нас живет **выдающаяся личность**, такая же, как может быть Владимир Высоцкий или Евгений Крылатов. Наташа ставит не только танцы. У нее музыкальный оркестр, театр, живопись на экране, невероятная хореография — все жанры. И все это объединено вместе и глубоко содержательно. Спектакли, поставленные Наташей, навсегда будут жить в учениках ее большой творческой школы, в сердцах родителей и огромного числа зрителей.

Семья у Наташи славная! Хорста знают все в Tanzbrücke, он серьезный музыкант и участник многих представлений танцевального коллектива. Наташа утопает в работе, и Хорсту вроде как в шутку многие сочувствуют. Дочь Алена преподает танцы вместе с мамой. Еще в 14 лет в походах она умела со-

брать вокруг себя малышей и быть для них опорой. Сына Алешу мама отправила в первый поход в восемь лет. Маленький, лысый, громкий, постоянно задиристый, он был похож на беспризорника... И вот я сижу в театре много лет спустя после того похода, а Леша — солидный молодой человек, ростом 190, с удивительным обаянием поведывает публике на немецком языке о развитии джаза. Работает Алексей в школе учителем немецкого языка и физкультуры. Театр — детище мамы, а для сына это хобби и, можно сказать, вторая профессия. Леша прошел с нами не меньше 15 походов. Он уже с подросткового возраста умел наладить оптимистическое настроение в группе. Оптимизм — это качество Наташи, которое витает и в их семье, и в многоликом, ярком Tanzbrücke.

У коллектива были не только победы, но отчаяния, когда оказывалось совсем негде проводить занятия... Целеустремленность и оптимизм руководителя ансамбля решали многие, мягко сказать, неразрешимые проблемы.

Как все творческие люди, Наташа не умеет отдыхать, да и не остается у нее на это время: объем организации столь профессиональных и частных постановок и выступлений невероятно велик и требует самоотверженности. Самоотверженность — может быть, главная Наташина черта, черта характерная только большим натурам. Наташе бы хоть иногда надо отдыхать. Лене — моей жене пару раз удавалось увезти ее почти насильно в отпуск: в Италию и еще куда-то на море. Однажды мы ее принудили полететь с моей путешествующей группой на Кубу. Она там сразу начала обдумывать новый спектакль.

Всему коллективу, детям и родителям Наташу нужно беречь. Работает она непомерно много, и убедить ее работать меньше — невозможно. Поэтому я хочу дать верный совет. Всему коллективу Tanzbrücke надо пару раз в году связывать свою руководительницу и везти ее отдыхать на море; может быть поехать туда всем коллективом. Там она, конечно, тоже организует танцы, но, возможно, и отдохнет. Там же родятся, уверен, новые и не менее яркие, чем прошлые, спектакли.

Мы, родители иногда ворчим между собой на Наташу — дети, мол, все время пропадают в театре. Это мы капризничаем. Еще ворчим потому, что сотни тщеславий хотят видеть себя Примой на сцене, хотя вроде бы понятно, что не могут быть все первыми. А те, которые получают первые роли, не всегда

выдерживают славу медных труб — впадают в «звездную» болезнь. Сцена — нелегкое испытание. Также чтобы дорасти до блеска на сцене, нужно много работать. Только у требовательного педагога могут быть результаты, а нам кругом рассказывают, что достаточно одного таланта. Все эти предрассудки нужно одолеть Наташе. Переезды, костюмы, переодевания, в которых участвуют родители; а с этим и мамы, которые носятся с собственными тщеславиями, также оркестр, организация залов, присутствующие официальные лица и публика, закулисная работа и театр на сцене — все требует общего режиссера. И на всех не угодить. Наташа, пожалуй, и не угождает..., и мы ее ругаем.

А школа Tanzbrücke живет уже десятилетия! Она остается творческой, мажорной, не конъюнктурной, а самое главное — человеческой. Какой в ней коллектив, какие детки, какие у них лица в движении! Однажды я услышал такой отзыв: «Мурашки бегут по коже от их танцев». Это ли не искусство?! Мы умиляемся нашим детям на сцене, но это сплошь труд Наташи. Соберите-ка вместе и объедините, очеловечьте столько стремлений: все это очень тяжело. Наташа не бог, она, может быть, и ошибается в мелочах, мы родители и наши дети, может быть, поворчим, но все же, всегда будем гордиться причастностью к необыкновенно творческому коллективу.

Tanzbrücke из маленькой танцевальной группы превратился в настоящую большую школу, где работают около 40 педагогов различных профессий. В школе есть хор, художники, музыкальный театр, балет для взрослых, йога, борьба, преподаются иностранные языки и русский, а также математика, логика, фортепиано, вокал...

Я знаю, насколько Наташа душевный человек. Она художник, тонкий, глубоко чувствующий! Она понимает ребят и их родителей, конечно, там, где есть что понимать. Но и эгоистам дает отворот. Она настоящий большой педагог!

Наташа очень скромный человек. Выходит на сцену и стесняется; оратор она тоже никакой, хотя с такими заслугами могла бы и длинно говорить. В походах, когда не нужна помощь, она совсем не лидер и очень внимательно умеет всех послушать. А характеристики ее о детях — это же лучший учебник по психологии. Например: «Старается, но не перестарается». За Наташей можно записывать каждое слово. Мы дома ее часто цитируем.

Весь коллектив Наташи интернациональный, хотя и в основе русскоязычный. В спектаклях ее всегда обозначена глубокая очеловечивающая идея. Tanzbrücke — это настоящее искусство, и пусть это искусство здравствует!

А Наташе мы пожелаем отпусков и долголетия!

2017 г.

Глава IV.

Педагогический ракурс

Ему ничего не интересно...

Я вожу школьников в походы и нередко сталкиваюсь с таким явлением: в поход хочет пойти не столько ребенок, сколько родители стремятся его туда отправить. В таком случае, вероятнее всего, явится скучный походник. Спрашиваю у мамы, насколько сын самостоятелен. Иногда, глядя на родителей, полезно спросить: не эгоистик ли он? То, что расскажут родители, — может быть их иллюзией, но и в короткой беседе уже можно что-то разглядеть. В семье дитя избаловали, он подрос, и подросли его капризы. Дома от него хотят немного отдохнуть. Может, он захочет в другом месте всех собой порадовать? Мама уговаривает сына, которому 13 лет, пойти в поход: это же романтика!

— Никакой романтики, — опускаю я их на землю. — Нужно носить каждый день рюкзак, потом, как бы ни устали, надо ставить палатки, дров собрать, спрятать вещи от дождя. Еще дежурить по кухне необходимо, и если что не так — голодная группа сживет со света. Романтика для тех, кто не боится трудностей и не капризен.

Мама понимает, что я не так заботлив, как она, и не настаивает уже. Сын тоже чувствует во мне другую требовательность, не мамину, к которой не привык. Ему не хочется выходить из привычных рамок, и он уже не хочет идти в поход. Я также не могу обещать ему чудес: поход для многих — испытание. И рад, что в группе на одного капризного участника будет меньше. Весь предыдущий опыт требует дозировать число эгоистов в группе, чтобы не испортить поход всем.

Подросток верно почувствовал, что в походе не с мамой. Мама в свою очередь в противоречивом раздумье: может сыну

пора взрослеть? Она хочет взбодрить его, приобщить к самостоятельности, увести от инфантильности. Но не может же она его заставить пойти в поход... И у «мальчика» жизнь на одно событие становится беднее. Интересы его постепенно сужаются. Он таким же образом отказался от спорта, музыки, всех других увлечений и «зависает» в интернете. Весь его жизненный опыт день ото дня обедняется.

Что предпринимают обычно родители? А они вслед за сыном все больше фаталисты: ну, так пошло, сын весь в папу. Папу ведь тоже с места не сдвинешь. Наследственность... Теория наследственности — самый удобный родительский предрассудок, все объясняющий и самоуспокаивающий.

Звонит еще мама. Она уверяет, что ее 12-летний сын спортивный, общительный, самостоятельный; сам готовит спагетти и бутерброды и к походам готов.

В походе этот мальчик дежурил без инициативы; во всех остальных делах тоже не сказать, чтоб очень старался.

— Старается, но не перестарается, — короткой фразой уже охарактеризовала его одна из старших девочек. С ним, конечно, дежурит второй дежурный постарше на пару лет и не новичок, и дежурство за счет старшего прошло хорошо. То, что 12-летка что-то не умел или не знал, — совсем не беда, но то, что он не старался помогать: это его устойчивая черта, можно сказать, его характеристика как человека. Сам он этого не знает, но в группе многие почувствовали его стремление перекладывать работу на других, и больше всех тот, кто с ним дежурил. Дома сын такой же. Он приготовит спагетти или яичницу, поест, но не перемывает посуду и не уберет после себя. Мама придет после работы, поворчит и приберется. Она же его любит. И он ее любит, но себя больше. Он не почувствует, что мать устала после работы и не приготовит ей ужин. «Мальчик неплохой, послушный, спортом занимается», но инициативы в помощи родителям нет. В походе тоже видно: и не поможет, и глаза его не блестят от красоты гор. Не чувствовать сполна красоту гор — связано с тем, что сын чувствует больше себя, чем уставшую мать. На эту взаимосвязь мало кто обращает внимание.

Что не так с подростком? Прежде всего то, что родителям не удастся за каждодневной суетой поделить трудности жизни семьи поровну с сыном. То, что мама больше заботится о нем, чем он о ней, не срабатывает по ходячей истине: добро

воздастся добром. Сын привык к такому не очень равному по отношению к матери положению и инициативы особенной дома не проявляет. В походе он такой же.

Три подростка. Первый бросил все увлечения, ему мало что интересно. Второй чем-то увлекается, достаточно общительный, но в деле его нужно все время подталкивать. Благодаря третьему дежурство прошло хорошо, и в походе с ним надежно. Отношение ко всему окружающему у этих подростков различное: пассивное, полуактивное, активное. И настолько же им интересны или неинтересны поход, другие увлечения, окружающий мир. За разными, по сути, характерами подростков можно видеть все их прошлое, весь ранее приобретенный опыт жизни, который складывался из года в год. Но на опыт жизни школьника обычно мало кто обращает внимания. Какой там опыт? — Думает умудренный жизнью родитель.

Опыт жизни дается каждым днем, а не только годами к старости. Грудничку 8 месяцев. Он все время ползет, все хватает, тянет в рот все, что под рукой, лезет в шкафы, падает, плачет: находится в кипучей деятельности. Этим постоянно беспокоит маму и всех взрослых в доме. Если взрослые заняты собой, он им тут же о себе напоминает: визжит, стонет, кряхтит, обидевшись, горько плачет. Только был у мамы на ручках, и вдруг удовольствие закончилось: усадили на пол к игрушкам. Малыш обязательно попробует заплакать — на руках ему лучше. Так все груднички подрастают. Но есть принципиальное отличие деток уже в этом возрасте. Одних таскают по рукам, возят на колясочке, забавляют по каждому их требованию; надо не надо суют в рот сосочку. Другие тоже бывают на руках — на то и грудной возраст, но они уже могут периодически сами занимать себя достаточно долго: 10, 15, 20 минут. Уметь себя занять тем, что есть в окружении, — главное умение малыша, главный его навык, из которого развивается интерес ко всему в жизни и сейчас, и в будущем. В этом умении крошки заслуга мамы. Детки, которые умеют себя занимать, обязательно будут пытливей и инициативней деток, которых слишком часто забавляют. Даже уже сейчас в восьмимесячном возрасте они пытливей. Уметь в столь раннем возрасте проводить время самостоятельно — это большой труд для малышки. Это труд самостоятельного открытия окружающего мира всеми органами чувств, а не только пассивным созерцанием. Такому труду его научила мама. И это тоже опыт, пусть даже опыт младенца.

Не каждая мама этого добивается. И научить младенца жить каждодневно не только с помощью взрослых, а еще самостоятельно — очень большое достижение, на которое обычно мало кто обращает внимание. В этом каждодневном опыте закладывается пассивность или активность восприятия психики. И уж тем более мало кто хочет видеть взаимосвязь интересов подростка и даже совсем взрослого человека с самым ранним, крошечным детством.

Семья — это стихия представлений взрослых: если один ребенок в семье, с которым папа и мама, да еще бабушка, то ребенку самостоятельности никак не обрести. Будет избыток внимания. Так устроен мир взрослых, который держится больше на предрассудках, чем на рассудке. И с этим утверждением, пожалуй, не каждый взрослый согласится. Вернее, согласится, когда говорят вообще про людей, но не про себя лично.

Грудной возраст — лишь первый этап развития многих навыков младенца, от которых зависит насколько глубоко или поверхностно его восприятие окружающего мира. Забавляния, а из родственников избыточная сентиментальность так и лезет, — это не столько труд ребенка, сколько возня опекунов около него. От всего этого мир малышки только ограничивается и воспринимается им неполно. В 8 месяцев или в 2–3 года дитя часто даже не успевает пожелать, как ему все преподносится: услужливых взрослых кругом много. И они не сообразят, что тем гасят самостоятельный поиск, интерес, инициативу ребенка, кроме того что подбадривают его капризы. А после капризов начинается обычно «воспитание» (на самом деле уже перевоспитание)... В школьном возрасте все станет еще сложнее и, возможно, последуют походы к психологам.

Доля самостоятельного труда с подрастанием должна увеличиваться — это так же естественно, как само вырастание. Притом не любого труда, а начиненного определенным содержанием. Например, школа с 7 лет научит всех читать, а чаще это делают родители уже лет в 5–6. И взрослые умиляются уму ребенка(!) А в действительности еще ничего не сделано. Освоен лишь навык, который все осваивают. Будет ли с этим навыком школьник читать без принуждений? И что важнее всего: какие книги он выберет? Посмотреть на взрослых: они все умеют читать. А что читает большинство? Большинство ничего не читает или перелистывает чепуху в интернете.

Сделано будет хоть что-то только тогда, когда школьнику станет интересно читать не ерунду. Читать содержательную книгу или всякий вздор из мусорной свалки интернета — это разный труд. Подростки тоже все научены читать — и что-то все равно читают: кто всякую чушь, а кто «нужные книги», как пел Высоцкий. Читают в зависимости от того, насколько глубоки или поверхностны их интересы. И поход им будет интересен в такой же мере.

Со мной в поход соберутся в любом случае, кто поживее. Не все из них и там здорово проявятся. Одни будут ждать, кто бы за них поставил палатку, собрал дров к костру, наварил котел еды; другие постараются продежурить и устроить походный быт. И еще, первые станут клоуничать во время работы и мешать петь у костра, а вторые, даже если не умели готовить, научатся варить не в домашних условиях и выучат не скучную песню. Почему песня будет не всем интересна: ни самому спеть, ни уметь послушать, как другие поют? Потому что у отлынивающих от необходимого труда уже укрепилась привычка к пассивности, безынициативности, пустопровождению времени. Инициатива в деле и умение не пусто отдыхать у школьника — это тоже такая же работа, как у восьмимесячного младенца, которого мама научила не капризничать у каждого препятствия, а по силам самостоятельно их преодолевать. Научила в труде не поверхностно, а с интересом ко всему содержательному относиться в жизни.

Повторю. **Интересы подростка зависят от того, как он рос от рождения: пассивно созерцая или с инициативой действуя, какой у него уже сложился каждодневный опыт.** Активность или пассивность восприятия — это одна грань человека, зависящая от количества самостоятельного труда. Но молодость сама по себе активна, и не всякая активность, как известно, радует родителей. Важна другая грань — качество этого труда. Высшим качеством труда можно уверенно назвать труд с пользой для людей, а не только для себя. А это уже и коллективный опыт с сочувствием к окружающим людям, степень человечности, а не эгоистичности персоны. Иначе сказать, **весь прошлый опыт даже ребенка хранит в себе инициативность или безынициативность характера, а также склонность к содержательной или пустой деятельности. А отсюда и интересы у человека — глубокие или поверхностные.** Жизненный опыт подростка, кото-

рый старался дежурить и накормил группу в походе, намного богаче, чем опыт другого дежурного, который уваливал от работы. Кто научен преодолевать препятствия, научен учиться делу, а не делать все из-под палки, постигать все новое, тому мир будет более интересным: тот всегда найдет себе полезную работу и содержательные увлечения. Тот сам по себе интересней как личность.

Скажем еще о пассивности характера. Одно дело спрятаться подростку в наушники и утопать в попсе, другое — самому взяться за инструмент, выбрать не примитивную музыку и добиться хорошей игры, например, на гитаре. Тоже, если петь взрослым вместе песни за столом на празднике, а не ужинать в ресторане под аккомпанемент. В обоих случаях можно заметить либо созерцательное восприятие музыки, либо непосредственное участие в ней — своего рода творческое участие. С книгами, например, происходит то же самое. Немногие школьники увлечены чтением хороших книг (школярство не в счет: проходить в школе не значит самому прочесть, глубоко вникая). Почему поток информационного мусора в телефоне поголовно занимает подростков, а не урок классической литературы?

Если семикласснику не интересно читать «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, то он уже сам не особенно интересен, чтобы о себе не мнил. И когда мы видим провалившегося в интернете подростка, которому не интересны походы, книги, серьезные увлечения, или скучного дяденьку, проводящего весь выходной день у телевизора, то уже никому не приходит в голову обратить внимание на прошлый их опыт, прошлую в основном созерцательную и безынициативную жизнь, какими они были в 8 месяцев, в 3 года, в 10 лет. Но именно этим всем прошлым опытом определяется, насколько чуткий интерес к людям и всему миру уже сформировался у человека. А если искать только оправданий — они найдутся. И самым ублажающим родительскую лень объяснением вялости характера ребенка будет теория наследственности. Ну, или еще какая-нибудь теория, обычно взятая у известного психолога, неизвестно кого воспитавшего.

Теперь об активном характере. Как все-таки побудить подростка читать хорошие книги? Конечно же, не словами! Словесная нудность только отталкивает. И не личным примером, как наивно полагают многие. Созерцать чужой подвиг не значит его совершать. Родители могут любить книги, а дети — до

них не дотрагиваться. Читать — это привычка, и привычку выработывает действие. Сказки читать на ночь нужно не только малышу. Можно и со школьником открыть целый мир, прочитав вместе, например, небольшого объема книжку «Хаджи Мурат». Лев Толстой умел писать на все времена: в рассказе о прошлом мы обязательно увидим много сходного с сегодняшним днем. И главное, увидим закономерности многих явлений. А также почувствуем еще богатый язык классика. Пару раз в неделю вечерами всей семьей можно читать по очереди лучшие книги, соответствующие возрасту. А в следующие вечера сын пусть сам дочитывает рассказы. Пусть это войдет у него в привычку, а еще лучше, если он почитает книжку своей младшей сестричке. Здесь и вкус хороший, и самостоятельность, и трудолюбие, и коллективизм, и интерес ко всей жизни. Но многие ли родители могут заставить себя всего два раза в неделю сесть и почитать с детьми? Понятно, работа многих людей убивает. И понятно, что нельзя отрицать уродливых социальных условий, сегодняшних особенно, которые уводят жизнь семьи в суету и пустоту. А все-таки признаем, что есть родители, которые могут после работы посидеть один-другой вечер с детьми за книжкой.

Три школьника, двое из которых были в походе, — невыдуманные образы. Мне незачем надумывать сюжеты и истории уже потому, что походов было много, и каждый из них — это густая череда событий и проявлений характеров. Подростки эти — типичные представители не только детского, но и взрослого общества. Первый из них полный баловень и оттого немалый эгоист. Второй — юный, но уже ко многому равнодушный типаж: ни нашим, ни вашим. И только у третьего юноши достаточно ответственности, в ком есть все задатки стать яркой личностью. Впрочем, третий уже вполне личность. Он надежен в походе! Чем надежен? На таких, как он, держится поход; он хорошо продежурил. Он старается дежурить; даже если не умеет, скорее остальных научится делу. У него опыт не себяжалеяства, а труда. Притом труда не только на пользу себе, но и для тех, кто рядом. Главное в нем — ответственность перед людьми. Это состояние души, которое и в свободное время у костра не склоняет его к глупостям: он любит песни. И если даже их не поет, то слушает и ими проникается.

Помощник семье, у которого есть обязанности и привычка помогать родителям, который видит, чем нужно помочь до-

ма, принципиально отличается от безынициативного наблюдателя, около которого нужно стоять над душой, поручать, напоминать на каждом шагу. Отличается сочувствием к родителям и ответственностью перед ними. Мы видим снова двух подростков с различным прошлым опытом: один упражнялся в инициативе помочь, другой — в ускользании от работы, заодно и от ответственности. Ответственность — высшее мерило человека, и ответственный человек всегда глубже: только в этом проявляется сполна личность. И убеждения только ответственного человека что-то значат хоть в спорах, хоть в деле, а не каждого говоруна, претендующего на личность. Байка психологов, что каждый человек личность, не совсем состоятельна. Каждый человек может стать личностью — другое дело! Но может и не стать... А ну-ка, уважайте 30-летнего маменькиного сыночка. И не дай бог, выйти за такую личность замуж, — скажем это в назидание молодым девушкам.

В качестве примера про дежурных в походе я специально рассказываю о подростках-мальчиках, а не девочках, поскольку инфантильных юношей значительно больше. Их больше по двум причинам: мальчики сильнее физически по природе, а трудов чаще на них возлагается меньше; на женскую же половину почти всегда приходится больше работы (как и больше ответственности), потому что общество в целом устроено не в пользу слабых. Родительские предрассудки большинства всегда соответствуют устройству общества: если девочек, по меньшей мере, готовят для хозяйства, то мальчиков растят все больше для счастья. Отсюда и повсеместная инфантильность в юношах. **«Самое воспитание, если оно желает счастье человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни»**, — убеждал еще давно своих современников педагог К. Д. Ушинский.

Сейчас, конечно, Ушинского никто не читает. Тоже новизна родительских предрассудков: не педагогическая классика, а модная конъюнктура из психологии (банальные рецепты профессоров-теоретиков, которые никогда не работали с детьми). Многие родители сегодня очень сетуют на интернет. Да, зараза эта немалая: содержание интернета отражает кризис духовного состояния общества. Но и до отсутствия гаджетов хватало инфантильной молодежи. Очевидно, причины инфантильности глубже. Мы же сейчас пытаемся по-

нять причины вялости интересов ребенка только с позиции практических возможностей семьи.

Что поделаться с просиживающим в интернете подростком, с отсутствием у него интереса к живому делу, к кружкам, с его инфантильностью? С болезнями тела-то легче, что доктор один выбирает средства лечения, а в неудачах воспитания на практике родители часто не могут договориться о единстве своих требований к детям. Все становится еще сложнее, если вмешиваются бабушка или целый клан родственников. Единство требований — это первое условие. Договориться нужно уже потому, что «Воспитание — великое дело: им решается участь человека» (В. Г. Белинский).

Подросток (а лучше хватиться гораздо раньше этого возраста) вдруг пусть увидит, что родителей — как подменили. Они меняют прежние свои требования и не уступают в них ни на шаг в сторону безделья или вялых увлечений. Нужно объявить, что пустого времени больше не будет. Не просто объявить, а добиться этого: не хочет в поход, тогда — на тренировки к строгому тренеру, на танцы, где три часа в день интенсивных нагрузок. А еще пусть возьмет на себя всю домашнюю уборку или каждодневное кормление семьи: закупаться, варить, накрывать стол и убирать посуду. Не поручать, а отвечать за быт и хозяйство, чтобы голова у детей болела за семью так же, как и у родителей. Иначе сказать, нужно разделить заботы семьи поровну. И добиться этой справедливости. Так и заявлять: родители не рабы, делим полезный и необходимый труд на всех по-честному. Посчитать все домашнее хозяйство, учебный труд детей (не количество просиженных часов, а действительные познания), родительскую работу и уход за младшими в семье. Еще полезно посчитать с детьми и расходы на всех и на каждого, включая отдых и путешествия.

Отказывается от всех кружков? Тогда альтернатива: больше домашнего хозяйства. Вся уборка и вся кухня на нем (каждый день сварить на семью). Глядишь, и в поход захочется. Не сразу и не с восторгом большое дитя начнет поворачиваться в сторону такой домашней революции. И нужно, конечно, много родительского терпения. Шутка ли — из лентяя сделать трудолюбивого человека! А с трудолюбием, как и с сочувствием родителям не на словах, а на деле, явится оживление души. Процесс этот, как можно предполагать, небыстрый.

Если лень и эгоизм разрослись буйно и переросток уже неуправляем, то совсем плохи дела. Это уже горе семье... Родители в отчаянии бегут к психологам или, наоборот, ювеналы являются в семью. Но на практике, как известно, хорошего специалиста найти непросто. Да и хороший специалист всего лишь советует: менять жизнь и малого ребенка, и подростка могут только родители. Специалист подскажет, посоветует, но опять же: знать, как воспитывать, и уметь — не одно и то же. Поменять радикально все отношения семьи возможно лишь самим родителям, одолев прежде всего собственную душевную лень. Я немало общаюсь с разными людьми, дети которых ходят в наши походы, и на практике всегда видел один и тот же итог: любые беды, неудачи, промахи в воспитании одолеваются лишь теми родителями, кто не отчаивался, не опускал руки и добивался от своих детей ответственности за все общесемейные заботы. Семья — это коллектив, самый первый коллектив, в котором растет ребенок. И в походе (как и в любом другом кругу) нужны коллективисты, а не индивидуалисты. В семье должны быть также общие большие и маленькие события: вместе читать книги, путешествовать, сделать косметический ремонт квартиры, вместе посмотреть фильм и поспорить о нем. Иначе сказать, нужно умудриться не избаловать детей и в то же время не забыть про них. Каждую неделю родители должны сами себя спрашивать, сколько было общих дел и общих событий в семье?

Если говорить не о крайних проблемах, то противоречия обычно накапливаются незаметно и выступают не всегда явно. Воспитание у всех — нелегкое дело. Нередко нам, родителям, удается все-таки разрешить противоречие без потерь. Расскажу именно такой случай. Думаю, подобное происходит во многих семьях. У нас трое детей, они занимаются на гитаре и даже поют с нашими друзьями в бардовском клубе. По пятницам мы дома семьей смотрим вместе хороший советский фильм. Но перед просмотром подводим итоги недели и планируем следующую. Успехи и неудачи в школе, по гитаре, на баскетболе, а самое главное по домашнему хозяйству обсуждаются пристрастно. На одном из таких разговоров мама заявила Саше:

— Ты плохо занимался этот год на гитаре, я бы не хотела зря платить деньги. Прошу тебя подумать, будешь ты настойчиво заниматься музыкой, как Паша с Дашей, или же ты пожалеешь мной заработанные деньги?

Совесь у Саши есть. И лень есть — он у нас младшенький. Сын быстро откликнулся на призыв мамы, и с гитарой было покончено. Сделано это было не без удовольствия, во-первых, потому что сэкономились родительские деньги, это само-успокаивало; во-вторых, не нужно было отныне корпеть над замысловатыми нотами.

Неделю спустя, также в пятницу, взял на себя инициативу в разговоре папа.

— Ты, Саша, освободился от гитары. Паша нашел себе подработку, хотя он у нас и так прилично занят, а Даша давно хотела позаниматься вокалом, и мы нашли ей хорошую учительницу. Дашину и некоторую Пашину работу по кухне (варить, убирать, мыть) тебе нужно взять в счет свободного времени от гитары. Саша сдержанно согласился... А через несколько дней он вдруг снова заскучал по гитаре и вернулся к урокам музыки. С хозяйством по кухне после некоторых трений потихоньку все распределилось и поладилось.

...Прошло два года. Саша вместе с братом и сестрой здорово выступили в клубе бардовской песни; у Саши была сольная партия на гитаре. Ему говорили комплименты. А папа, конечно, не удержался подтрунить.

— Было бы жалко, если б бросил гитару?

— Да, — серьезно согласился 13-летний сын.

— Ну и аплодисменты не сорвал бы сегодня, — намекал папа, чтоб сын не зазнавался.

— Не в этом дело. Паша аранжировку хорошую сделал, ее интересно играть...

Еще через год Саша занял первое место в городе по классической гитаре в своей возрастной группе. Старшие дети тоже заняли призовые места. По такому случаю дома праздник! Ну, и ребята рассказывают, где слишком волновались и сделали ошибки в исполнении, кто в группе действительно выше уровнем и его «не переиграть». Даша также заметила, что Сашина возрастная группа была слабовата и что первое место «можно сказать, случайность».

— Ничего случайного не бывает, — смешит всех за столом своей скромностью Саша... В общем, лень сын одолел. Но, разумеется, не все у нас так гладко разрешалось. И лень совсем не скоро отпустила сына.

И еще один эпизод к нашей теме. Дома я выключил посудомоечную машину на пару лет специально, чтобы дети снача-

ла научились мыть посуду руками. Повод для насмешек приятелей и родственников был неиссякаемый. Но в походах со школьниками я достаточно насмотрелся на безруких подростков, у которых взамен длинные языки. Поэтому считал, что прежде художественных достижений детям нужно научиться самообслуживанию и домашнему хозяйству. Старшего сына мы приучали к домашним делам лет с пяти. С семи лет он захотел учиться играть на гитаре. А через несколько лет за ним потянулись и младшие дети. Гитара была выбрана потому, что мы ходили в походы (у нас даже шутка была: флейта лучше гитары — в рюкзак помещается). Наш знакомый, виртуоз-балалаечник, очень отзывчивый человек и перед которым благоговеют многие музыканты, посоветовал нам хорошего учителя по классической гитаре. А у хорошего учителя учеников всегда предостаточно. Мы стали уговаривать мастера испанской школы хотя бы посмотреть, насколько сын способный. Мастер нехотя согласился, но при встрече заключил, что руки ловкие, какие нужны гитаристу.

— «А как вы тренировали пальцы?» — спросил маэстро.

— «Посуду часто моем», — сказал я как есть. Учитель, конечно, принял мой ответ за шутку...

Но самое главное в освоении гитары детьми сделала наша мама. Раз в неделю дети ходили на урок к учителю. А еще три раза в неделю по часу они должны были хорошо выучивать заданный урок. Так поставила дело мама: она приходила вечером с работы и не забывала проверить того из детей, у которого начинала проступать ленца. При этом у нее не было никакого особенного музыкального слуха и тем более знаний нот. Дети выросли, у них уже своя взрослая, отчасти студенческая жизнь. Они стали хорошими музыкантами (не по профессии) не из какого-то там данного с небес таланта, а из обычного интереса к походам, гитаре, друзьям и прежде всего благодаря труду мамы. И песни под гитару всегда звучат в кругу наших друзей. Ребята также иногда участвуют в концертах с учителем: честь немалая. Концерт с профессионалом! Я люблю больше всего теперь, когда дети собираются и поют вместе Высоцкого. А еще они здорово выручают меня в походах со школьниками хорошими песнями. По очереди собираются со мной в новую поездку. С гитарой поход всегда будет ярче: за две недели школьники выучивают не менее 20 песен. Притом разновозрастная группа не просто голосит, а

поет очень слаженно, потому что все натружены маршрутом... И потому что в походе с нами музыкант.

Отсутствие здоровых интересов у подростка, пассивное и созерцательное его отношение к жизни — не всегда результат бездеятельности родителей. Иная деятельность взрослых (воспитателей в садике, учителей в школе, родителей дома) может оказаться ошибочной. Как известно, есть две крайности: либо «свободное воспитание» т. е. делай, ребенок, что хочешь, разбегайся на все четыре стороны; либо постоянное «развивание» — бесконечные занятия, забавляния, заинтересовывания в кружках с трех-четырех лет. Развивания детей — повальная родительская мода: дети не живут, а «развиваются». И часто признаком развития ребенка, до тех пор пока не обнаружится, что ему уже ничего не интересно, считаются его умные слова, а не поведение или поступки. Развивают речь, память, таланты и все время «заинтересовывают» — забавляют до такой степени, что мальчика не заставить за собой убрать посуду или свою комнату: это же не интересно. Но такой вопрос: только ли забавы и все интересное развивают человека, или больше — все необходимое для жизни? С чего являются самостоятельность, трудолюбие, ответственность? С того, что раз в неделю намалевана цветными карандашами «креативная» картинка, или с того, что нужно отвечать за порядок в квартире постоянно, уже с 9-летнего возраста?

Понятно, что для жизни необходим и порядок в доме, и здорово уметь петь хорошие песни, лихо танцевать, страстно живописать — ибо не хлебом единым сыт человек. Но прежде нужен порядок в своей комнате и еда на столе, сваренная не только мамиными руками. Руки, связанные с головой, нужны и в домашнем хозяйстве, и в игре на скрипке. Душа — это прежде всего натруженные руки. Скрипка и душа у так называемых образованных людей в голове укладываются, а руки недооцениваются. И родители чаще увлекаются художественными и интеллектуальными развиваниями детей, забывая приобщить их к тому, чем сами каждодневно озабочены: нужно на семью сварить, в доме за всех прибрать. Поскольку быт висит в основном на маме, в семье не сразу заметно выделяются капризничающие и ничего не умеющие умники и их прислужники... «Ему ничего не интересно», — говорит в отчаянии мама. Здесь уже противоречия вылезли наружу со всеми крайностями. Но мама все равно надеется, что если сын

сходит на две недели в поход, то он преобразится. Она надеется на чудо...

Еще одной из родительских иллюзий является надежда на таланты ребенка. Про талант, откуда он является, лучше всех сказал И. С. Тургенев: «Не фальшиво поющего русского барина мы еще не встречали». Писатель народной насмешкой подчеркнул: таланты покидают праздно живущих людей. 10-летка капризничает до невыносимости — это ничего, зато как умно говорит. Ну, и учитель музыки тоже его хвалит: ребенок достаточно быстро все схватывает. Талант (!) — с благоговением произносят родственники. И к таланту всегда прилагаются похвалы, снисхождение, всепрощение. Однако если талант не дружит с трудом, то он быстро угасает. Ребенку легко многое дается по верхам — это тоже нередко принимается за талант. Сказать родителям, что их ребенок талантлив, — бальзам на душу. Но почему-то мало кто обращает внимание на то, куда деваются таланты в 13–15 лет. Почему вдруг кругом проявляются «трудные» подростки, недавно вроде бы послушные и благоразумные дети?

Пубертат — известный штамп «психологов» не всех удовлетворяет уже, потому что все равно надо что-то делать. А подросток делать ничего не хочет. Почему подростку ничего не интересно, ведь его годами развивали, а получился вареный характер? Откуда столько инфантильной молодежи, о которой говорят взрослые люди, как о поколении? Очевидно, многие родительские представления о воспитании ошибочны. Они чаще черпаются из модных теорий псевдонауки, житейских клише и предрассудков. И это, кроме того, что школа, в которой дети проводят много времени, не совсем (мягко сказать) нас, родителей, удовлетворяет, как и жизнь общества, где все наоборот.

Как найти полезные книги и статьи, помогающие семье? Ворох писанины в книгах и в интернете — это всего лишь свалка пестрых, противоречивых и часто противоположных мнений. Основу знаний всегда составляет классическая литература, которую нужно обязательно отделять от всей остальной, в особенности от модной. И всю модную исключить, даже если ее пишут титулованные или самые известные (часто мелькающие в популярных журналах и на телевидении) профессора. И второй критерий полезности педагогической книги — это практические результаты автора в области вос-

питания. Теоретик пусть сначала покажет, чего он добился, работая десяток лет в школе, детском саду, в клубе выходного дня и т. д. с детьми. Пусть люди увидят его выросших питомцев (а еще лучше и собственных детей), которые стали в первую очередь ответственными людьми. И только затем обосновывает этот видимый результат и на его основе напишет книгу, очерк, пособие. Все наиболее выдающиеся деятели в истории педагогики сначала показывали, чего они достигли на практике (Коменский, Песталоцци, Оуэн, Ушинский, Макаренко и т. д.), а потом уже с чистой совестью обобщали свой опыт в теоретических трудах.

Нам, сегодняшним родителям, в первую очередь полезно будет прочесть К. Д. Ушинского «Человек — как предмет воспитания...» в двух томах и еще две книги А. С. Макаренко: «Педагогическая поэма», «Книга для родителей». Почему именно эти книги? Основоположник научной педагогики в России Константин Дмитриевич Ушинский (1823–1871), «учитель учителей», обобщил опыт мировой и отечественной педагогики и изложил его очень понятным языком. Это опыт главных основ досоветской педагогики. Антон Семенович Макаренко (1888–1939) — выдающийся педагог советского времени. Его опыт — единственный в мировой истории факт стопроцентного положительного результата работы с детьми в больших коллективах: около трех тысяч его воспитанников (из беспризорников, а также из семей) стали достойными людьми. 16 лет Макаренко работал в колонии им. Горького вблизи Полтавы, а затем в коммуне им. Дзержинского под Харьковом. Последние три года жизни он жил в Киеве и Москве и успел много написать по педагогике: собрание его сочинений в письменном издании составляет 8 солидных томов. В 1988 году ЮНЕСКО назвало 4-х самых значительных в мире педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке, в числе которых и Антон Семенович. Его «Педагогическая поэма» переведена более чем на 50 языков мира.

Многим, пожалуй, покажутся и Макаренко, и тем более Ушинский уже устаревшими учителями в силу изменившейся эпохи. У меня на это только один аргумент: они не устаревшие так же, как Шекспир, Гете, Пушкин, как вообще классики. А предвзятость и сплетни в интернете о Макаренко можно спокойно игнорировать. Основоположника учения о воспитании в коллективе в век пропаганды индивидуализма, конеч-

но, не могли оставить в покое. «Книгу для родителей» нужно прочесть в первую очередь творчески, извлекая нужные знания. Именно творчески: никакие знания не помогут, если их применять лишь копируя. 13 марта 2023 года исполняется 135 лет со дня рождения великого педагога — хороший повод почитать его книги. Названные книги — это базис в знаниях о воспитании. Базис, который необходим каждому родителю, поскольку каждый родитель — воспитатель своих детей. После этих первых книг, прочитанных обстоятельно, появится вкус к серьезной педагогике, и уже не захочется читать модную ерунду.

2023 г.

К слову, о Макаренко. В 1993 году мы с женой в своем самом первом путешествии по Европе заехали в Марбург и в выходной день явились прямо домой (по простоте нашей) к доктору философии Гетцу Хиллиг — макаренковеду, заведующему лабораторией «Макаренко-реферат» в Марбургском университете. Этот скромный человек с удовольствием и просто общался с нами, может быть потому, что про Макаренко в это время совсем забыли на родине. Общались мы по-русски. Вполне естественно, я задал вопрос: почему немецкий доктор философии заинтересовался именно Макаренко — советским педагогом? Ответ его нам очень запомнился, и я привожу его почти дословно.

— Вы учителя, значит, знаете историю педагогики. Руссо, Песталоцци, Гербарт, Дистервег — все эти известные педагоги разрабатывали принципы воспитания и дидактику. А Макаренко взял беспризорных детей и смог их всех хорошо воспитать. Хорошо воспитать несколько тысяч детей, это лучший результат в мировой педагогике.

О докторе Хиллиг мы узнали случайно за пару лет до встречи с ним, когда ездили еще по Советскому Союзу и специально посетили музей Макаренко в Полтавской области. Лаборатория «Макаренко-реферат» в Марбурге была тогда самым значительным центром изучения творчества Макаренко за рубежом.

...для прихотей одного человека всей Сибири мало!
Д. И. Фонвизин

Об эгоизме

I. Понимание эгоизма

1. Все ли эгоисты?

Эгоист человек или не эгоист — это самое важное его качество; это стержень его поведения. Только ли человек берет все для себя или столько же отдает другим, определяет бытующее понятие: хороший человек или плохой. Ни воля, ни талант, ни образованность, ни прочие тысячи других свойств и качеств не определяют человека так, как соотношение в нем: сочетает ли он свои интересы с интересами других.

— Каждый человек эгоист, — можно услышать такое мнение. Или встречаются более поэтические заключения: «Каждый человек интересен! Каждый человек личность!» Не каждый. Люди встречаются и тяжелые, и угнетающие собой. Не с каждым есть желание знаться, вместе работать, проводить досуг. Кого-то хочется вообще обходить стороной. Каждый человек имеет инстинкт самосохранения, а эгоист — это уже определенный перекося или излом в психике. Что все люди эгоисты, чаще всего утверждают сами эгоисты. Они перекладывают беду с больной головы на здоровую. Псевдонаука, оправдывающая эгоизм, это обосновывает.

В фильме «Республика ШКИД» является в детскую колонию новый воспитанник Слоенов. Он быстро разворачивается в мошенничество: отбирает у малышек путем ростовщичества последний хлеб, подкупает этим хлебом старших и становится заправилкой среди колонистов, которому все подчиняются. Кому угодно могут называть Слоенова и интересным, и личностью, но

те, кого он оббирал и даже кого подкупал — презирали его хотя бы в душе. Это законченный, наиболее подлый тип эгоиста. Обратим внимание, что этот характер сложился уже в детстве. Заведующий колонией, которого книга и фильм представляют талантливым педагогом, не стал перевоспитывать негодного юнца, тут же ускользнувшего из детского учреждения. В другом месте, где будут не столь проникательные педагоги, юный «ростовщик» пойдет дальше и задержится там дольше, сильно усугубляя атмосферу и характер отношений среди детей.

Еще один пример из «Республики ШКИД». Приходит другой новенький по кличке «Мамочка». Крадет вещи, паясничает на уроках и пытается убежать из колонии: все плохо с этим воспитанником. Но в нем есть что-то главное, что вызывает симпатии к нему у колонистов и у педагогов... «Мамочка» явился в колонию с сопровождающим. И тут же звон разбитого стекла. Из окна выглядывает возмущенный дежурный воспитатель и видит перед собой только одного взрослого.

— Это ты разбил стекло? — строго спрашивает подозрительного взрослого воспитатель. Рядом появляется маленького росточка, с открытой улыбкой, одноглазый «Мамочка» с балалайкой и, куражась, объявляет:

— Нет. Он бы не попал. Это я!

Талантливость режиссера фильма в том, что он за минуту воспроизвел весь характер новоявленного: хулиган, но душа нараспашку. Открытость — это уже много хорошего в человеке.

Первого героя фильма, «ростовщика» Слоенова перевоспитать нельзя, а «Мамочку» можно. И тот и другой — не подарки, распущенные улицей беспризорники. Но разница между ними на пропасть. В чем разница? В степени испорченности и прежде всего в мере эгоизма. И «Мамочка» сподличал — пытался украсть ботинки у своего друга-покровителя, но он не безнадежен. В нем, конечно, изломаны всем существованием любые представления о хорошем и плохом: все кругом крадут; красть можно. Но он не бесчеловечен. В нем есть сочувствие к другим. Сочувствием к окружающим, собственно, и измеряется человеческое в людях. Без ботинок дружок обойдется: поносил, дай другим поносить... А когда впоследствии на улице стали жестоко избивать при нем неизвестного мальчишку, он без оглядки, с риском для жизни кинулся того защищать. Хулиганство, воровство, бескультурье шпаны — это искореженность человеческой природы, а эгоизм — это ее гниение. Корявый ствол

дерева или гнилой — принципиальная разница; корявый на что-нибудь да сгодится, если его обработать, а гнилой — разве что на удобрение. Не случайно также, что «Мамочка» весь открытый, а Слоенов скрытен. Эгоисты всегда себе на уме.

...Педагог Антон Семенович Макаренко за 16 лет работы в двух колониях выгнал как неисправимых 8 человек.

«...Корнеев, неудавшийся колонист, пробывший в колонии всего три недели, обкрадывавший нас сознательно и регулярно, потом попавшийся на краже в городе, постоянный скиталец по угрозам, существо в высшей степени гнилое и отвратительное, один из немногих людей, от которых я отказывался с первого взгляда на них».

Скажут: ну, это было когда? И это же беспризорники! А разве эгоистов мало сегодня? Разве в школах редки случаи, когда одни дети подавляют других? Школьники часто мучаются от того, что кому-то устраивается моббинг: тех, кто послабее характером, унижают циники, чаще всего внешне воспитанные. Все делается мастерски, с многозначительной улыбкой, так что ни к чему нельзя придраться. Внешне все хорошо, а присутствует угнетение. Такое мастерство свойственно больше отпрыскам элитных школ. Взрослые на это обычно закрывают глаза и не замечают издевательств, которые бывают в отношениях между детьми и особенно между подростками. Они участвуют лишь в разбирательствах случаев, вылезших наружу. За своими делами, за суетой они не ведают, что более чувствительные дети от таких притеснений замыкаются в себе и отгораживаются от самых близких людей. Потому что внешне все хорошо: на что пожаловаться? Уже в этой запутанности, внешне упрямой фальши общества кроется непонимание между родителями и детьми. Между тем атмосфера тихого издеательства в школах — обычное явление. На класс, как правило, находятся лишь несколько активных деятелей, остальные невольно участвуют в угнетающих отношениях своим трусливым согласием. Класс — это общество в миниатюре со всеми его болезнями. Зверинец общества всегда отражается на школе. Не каждый класс такой, но и не редкость угнетение среди школьников.

В подобной атмосфере первая роль обязательно принадлежит эгоистам, какую бы личину они ни носили. Свои действия они прикрывают интригами, с безобидными для подростков названиями, «поприкалываться», например. Как будто хотели

только пошутить, а не поиздеваться. На деле же — это способ отдельных персон подчинять себе во всем других. Этих юных притеснителей нельзя путать со всеми остальными в классе. **Само стремление подчинять себе окружающих характерно не всем, а только эгоистам.** Понятно, эгоисты есть и не законченные: они могут быть ими наполовину, на четвертинку, на осьмушку. И так же понятно, что полуэгоистик при ухудшающейся атмосфере быстрее, чем остальные, поддержит законченного эгоиста в подчинении себе других в классе. Всех остальных же тяготят притеснения, пусть хотя бы только одного или двух учеников. Эти остальные, если не осознают, то все равно ощущают себя невольными участниками подгнивающего процесса в отношениях, в которых они живут. Ведь большинство людей ищет общности и хочет дружить между собой. Такова не всегда приглядная картина класса, если смотреть на отношения школьников изнутри, а не с внешней стороны, подкрашенной какой угодно вежливостью.

Удобно устраиваться за счет других: чаще неосознанная цель эгоиста. **Привычка мало с кем считаться, чувствовать только свое удобство воспитывается с пеленок — она и есть эгоизм.** Желание подчинять себе во всем других, чуть ли не звериные инстинкты, часто приписываются человеческой природе, всем людям подряд (социал-дарвинистами, например). Но негодяю и бескорыстному человеку нельзя приписывать одну и ту же природу: они антиподы. Точно так же суть эгоиста нужно отличать от сути неэгоиста. **Не всем людям вообще, а только эгоистам свойственно стремление подчинять себе окружающих. Настолько же различны сущности индивидуалиста и коллективиста.**

Но не только угнетение присутствует среди учеников. В классе обязательно есть и друзья. Человеческие отношения больше всего меряются дружбой, которая особенно выразительна в детстве. Дружба — это взаимопонимание, открытость, искренность, бескорыстная помощь. Но она может быть противоречивой, если ее подтачивает какая-либо фальшь. Проявлениями в дружбе эгоист особенно заметно отличается от неэгоиста. Ему не всегда дается искренность и взаимопонимание из-за привычки чувствовать только свои удобства. По этой же причине из него выпирает стремление подчинять себе окружающих людей и даже тех, кого он считает друзьями и близкими. Избалованный ребенок вполне может быть тираном

родителей. Эгоисты быстро находят друг друга, объединяются и нередко думают, что уже дружат. От «друзей» они чаще ожидают поддержки собственных интересов, то есть относятся к ним потребительски. Поэтому эгоисты не знают той настоящей дружбы, которая есть между детьми бескорыстными, искренними, сочувствующими, открытыми друг другу. У них либо нет друзей, либо они мнимые, либо отношения с ними тяжелые. Поэтому же несколько несносных характеров могут создавать нездоровую атмосферу в кругу большого числа учеников, в общем-то неплохого по составу класса: все относятся к окружающим как к равным, но не эгоисты. У взрослых картины еще тяжелее, до драматических. Окажется пара противных особ на работе и терроризируют собой всех. А убрать их? Не все так просто: дрянные люди умеют ловче остальных пристраиваться и маскироваться в жизни.

К сказанному оговорим одну деталь. Все рады видеть человека, про которого говорят, что с ним легко. Легко, потому что он не стесняет окружающих своей персоной. Однако не будем путать легкий характер с беспринципностью. Принципиальный человек не всегда будет удобен людям скользким, фальшиво-вежливым, всюду компромиссным, не в меру добрым, насквозь либеральным. Все внешне фальшиво-вежливое изнутри будет обязательно пронизано еще и эгоизмом.

В этой главе я хочу с разных сторон рассмотреть понимание эгоизма в человеке, прежде всего для учителей и родителей, а не в среде специалистов науки. Для родителей — потому что все мы воспитатели своих детей. Эгоизм — понятие психологии, а также в широком смысле и педагогики, и всей социологии. Определений науки в такой непростой теме не обойти, но у науки, в частности у психологии, очень сложный язык, можно сказать, свои непролазные дебри. Попробуем в самой популярной форме, максимально простым языком, говорить о нюансах человеческой психики, которые определяют поведение. Популярно — не значит примитивно. Всякую демагогию о якобы характерном каждому человеку эгоизме я ставлю в жесткие рамки двух примеров о двух героях противоположной сущности из широко известных книги и фильма «Республика ШКИД». Слоенов и «Мамочка» — оба воспитанники улицы, с проявлением многих негативных черт, но **один эгоист, а другой — нет**. От полных эгоистов на практике отказывались даже выдающиеся педагоги.

2. Поход — испытание характера

Говорят, чужая душа — потемки. Но когда события разворачиваются с полным напряжением сил, физических и душевных, человек обнаруживается полностью, хочет он сам того или нет. С некоторых пор к походам (не только своим) я стал относиться отчасти как к научной лаборатории: в них сплошные эксперименты и опыты, как и вообще в любых экстремальных или очень динамичных событиях жизни. **Большое событие испытывает всех.** То, что в обычной жизни, например, в жизни класса, бродит годы, в походе все развивается за неделю или за две. Поход — это взрыв, это вулкан во время извержения. Вулкан не всегда извергается; основную часть времени своей многовековой жизни он дремлет или слегка пыхтит, он долго прячет свою действительную сущность. И характер человека в вялом течении жизни не проявляется полностью. Поскольку общество перманентно больное, то лучше сравнивать действие похода не с величественным вулканом, а с нагнивающим нарывом, эдаким вздувшимся болезненным чиряком. В походе сразу все, что нарывало, вылезет наружу, и к его окончанию будет видно, чего стоила группа, а также каждый участник в отдельности. Экстремальные события проявят всех участников как на лакмусовой бумажке. Чем подобные события не эксперимент? Походов со школьниками я провел сотни, и среди них не было двух одинаковых. И это понятно: разные участники, необычные многообразные ландшафты, новые края делают каждое путешествие неповторимым. Недельный или двухнедельный маршрут включает еще изучение района, большую организационную подготовку, а после него празднование, множество фотографий и воспоминаний. Для учеников такое путешествие становится главным событием года или нескольких лет. Но кроме всего — и открытием себя, а также более ясным открытием для себя других. И учитель разом узнает лучше класс. Притом **закономерно: чем труднее поход, тем больше он раскрывает человеческие характеры.**

Учитель видит учеников на уроках в течение года и составляет о них свои представления. Всего лишь недельный поход вносит куда более точные поправки в узнавании им своих воспитанников. В одном итальянском походе со школьниками у нас в группе были две девушки — молодые педагоги, увлекающиеся психологическими тестами. Я встречно, с некото-

рой иронией, предложил им экспромтом свой тест. В списках на листах нашей многочисленной группы напротив каждого имени нужно было поставить, кто надежен в походе или ненадежен. Заканчивался только третий день на маршруте. Через 15 минут мы втроем сверили наши «крестики и нолики» в списке у каждого и расхохотались вместе с эхом в горах: один к одному наши отметки совпадали. К тестам я особенно не тяготею, как любой горный гид, но у девушек за поход мировоззрение пошатнулось на всю модную педагогику, которую они до того впитывали. Модная педагогика научила их квалифицированно развлекать детей из обеспеченных семей, верить в оригинальность любого баловня, искать компромиссы со всеми на свете капризами, но не научила вглядываться на всех остальных детей, живущих без изысков. Детский обустроенный лагерь с обслуживающими поварами, уборщиками и развлекающими педагогами, которых не меньше, чем подопечных, — так называемая «альтернативная» педагогика, устроенная на одних забавах, за поход с обычным самообслуживанием в их глазах провалилась. Наш маршрут пролегал в Доломитовых Альпах — красивейшем и без селений районе. Поход не барский, а с трудностями на уровне обычной жизни, которые испытывают простые смертные, разом протестировал всех нас без исключения, в том числе и взрослых. Тех детей, которых молодые педагоги привезли с собой и знали раньше, они за три дня увидели другими глазами; они посмотрели на них не в парниковых условиях. Девушки не были оторванными от жизни, но уже были сбиты с толку модным образованием. Поход очень быстро помог найти им здравый взгляд на своих подопечных. Событие, максимально испытывающее людей, не только часть яркой жизни; оно одновременно и проверка человеческих характеров. Конечно, не только поход может быть таким событием.

3. Противоречия в науке и практика

Если в школу придут психологи из ученого учреждения, раздадут листочки и проведут тесты из надуманных вопросов, то их выводы будут считаться научными. Но если учитель в каждодневной работе с детьми видит повторяющуюся закономерность, подтверждающуюся практикой каждого дня, то его наблюдения не считаются научным выводом. Я постараюсь

игнорировать такую предвзятость «науки» к практике, нисколько не отрицая разницу в обыденном и научном сознании. Педагогу, как и родителям, всегда полезно опираться на опыт работы с детьми и одновременно на базовую науку, безусловно приглядываясь ко всему критически. **Критериями науки могут быть только практические результаты.**

Педагогика — это наука! Но как понять такую насмешку в ней: профессор педагогики может воспитать плохого сына, а малограмотная мать-одиночка поднять своих двоих детей, дать им образование и вырастить настоящих людей? Также может случиться и наоборот. Сколько в жизни случайных результатов: есть ли вообще такая наука? Когда Макаренко в 1920 году, сразу после революции и еще не окончившейся Гражданской войны, пришел работать с беспризорниками в колонию, он увидел перед собой необузданную орду несовершеннолетних преступников. Все правила великих педагогов были хороши, но мало подходили для колонистов. **Педагогика рассказывала, как нужно воспитывать с рождения, а не перевоспитывать уже испорченных.** В «Педагогической поэме» он писал:

«Я с отвращением и злостью думал о педагогической науке: Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то шарлатанство».

Макаренко рассказывает еще о чиновнике образования:

«Во время моего доклада о дисциплине он (чиновник Шарин) меня "крыл" беспощадно: "Локализованная система медико-педагогического воздействия на личность ребенка, поскольку она дифференцируется в учреждении социального воспитания, должна превалировать настолько, насколько она согласуется с естественными потребностями ребенка и настолько она выявляет творческие перспективы в развитии данной структуры — биологической, социальной и экономической. Исходя из этого мы констатируем...". — Он в течение двух часов, почти не переводя духа и с полузакрытыми глазами, давил собрание подобной ученой резиной...»

Сегодняшняя академическая терминология в педагогике, а особенно в психологии, изощрилась намного больше и, может

быть, поэтому их языком пользуется только каста посвященных. Заумный язык — всегда значит либо умышленное запутывание, либо неясность собственных мыслей. Но язык еще не главная трудность: очень непросто в огромном ворохе книг **отличать науку от псевдонауки**. Вспомним замечательный советский многосерийный фильм «Михайло Ломоносов». В нем выражена вся суть борьбы в науке: есть немногие ученые-подвижники и есть несчетные их завистники — титулованные посредственности, пережевывающие плагиат. Правительственная верхушка покровительствует угодным себе бездарям и угнетает всякий независимый ум. С тех пор мало что изменилось в науке. Даже выдающийся практический опыт Макаренко с его самыми блестящими результатами и огромным теоретическим багажом игнорируется всеми сегодняшними учреждениями. Да и сама наука стоит на коленях, она сплошь крохоборческая, питается «грантами» богачей, подачками с барского стола. А псевдонаука со всей мистической мишурой жирно проплачивается как часть оболванивающей идеологии. Сколько бредовой писанины от эзотерики до «инопланетян» давит на человеческие мозги!

К кому обращаются родители в случае провалов в воспитании? К практикующим психологам, у которых сплошные неудачи со своими детьми. Неудачи потому, что и они черпают знания не у действительной науки, а из мистики Средневековья, которую приспособливает к сегодняшнему дню идеология. Наука последних десятилетий не может похвастаться тем, что она защитница учителей и родителей от псевдонаучного хлама, и тем более, что она помощница практике. Наоборот, многие учителя-практики гораздо больше привнесли в научную теорию, чем титулованные академики. Например, А. С. Макаренко не имел ученых степеней, но мало у кого повернется язык назвать его неученым, разве что у проповедников псевдонауки. Макаренко — это самая передовая наука и практика! Но сегодня торжествует псевдонаука, которая путем забвения избавила и школу, и даже науку от гениального педагога, не говоря уже про опыт остальных неординарных учителей.

Учитель приходит в класс давать урок. Перед ним разные ученики, среди которых и педагогически запущенные. Родители также могут вдруг обнаружить факт полной неудачи в воспитании своих детей. Практически как перед учителями,

так и перед родителями всегда возникают вопросы о воспитании или перевоспитании. Воспитание — это то же, что строить новый дом. Перевоспитание же, очень болезненный, правильное сказать, мучительный процесс — это капитальный ремонт плохо построенного дома. С эгоистами еще хуже: их труднее всего перевоспитывать. Вообразим капитальный ремонт здания, у которого негодный фундамент. Сделаны прочные стены, надежная крыша, яркая отделка, а фундамент рыхлый. **Эгоист человек или не эгоист — это фундамент его характера, основная суть человека.** Если ребенок уже эгоист, то остается одна надежда: изъян бывает разной степени. Определить эту степень не так-то просто родителям, любящим своих детей. Лишь при тяжелых обстоятельствах все вылезет наружу сполна. Обычно и строители дома, и воспитывающие родители правят изъяны по ходу дела. Их намного легче править, если фундамент и каркас надежны. А как быть, если основание совсем непрочное?

Много ли мы знаем книг, статей, исследований о том, как не допустить развитие эгоизма в ребенке? Как искоренить эгоизм, если он уже разрастается? Во всей ученой литературе последних десятилетий эта тема умышленно замалчивалась; вся писанина как раз наоборот конъюнктурная, то есть откровенно или завуалировано пропагандирующая эгоизм. Почему так? Почему наука не предлагает того, что особенно нужно родителям и учителям? Потому что в условиях социального расслоения, то есть при социально несправедливой жизни общества, только и может культивироваться эгоизм как разновидность индивидуализма. Есть паразитская жизнь, и с ней является проповедь эгоизма. И родителям в такую пору искать знания лучше не в модной, угодной идеологии писанине, а в педагогической классике, проверенной временем, например, в трудах К. Д. Ушинского, в опыте А. С. Макаренко и других. Макаренко сразу обращается к коллективизму, к «коллективному опыту» воспитанника. Вся его методика основана на «воспитании в коллективе и через коллектив», а не на индивидуализме. Его труды — полная противоположность тому, что сейчас кругом протаскивается. Он выводил педагогические методы из педагогического результата: его колонисты выходили в жизнь достойными людьми. Профессора, пусть даже они придут из Академии педагогических наук, таких результатов нам не демонстрируют. Из каких результатов их

теории? ...Да мы и не требуем от них показать результаты, мы верим им на слово: они же ученые(!). Сегодняшней науке, как в психологии, так и в педагогике, противостоит псевдонаука. Вся она с претензиями на особые знания, на последнее слово в науке. Поскольку претензии эти на пустом месте, постольку вся она рядится в титулы, звания, всякого рода величества.

4. Определение эгоизма в науке

Уясним еще раз более сжато: в чем суть эгоизма? Эгоизм можно понимать по-разному. Злодей, негодяй, подлец — все это меткие народные названия крайностям человеческой души по ее проявлениям. Классическая наука (не псевдонаука) рассматривает проявления психики изнутри человека согласно закономерностям и более беспристрастно. У нее и свой язык, чаще без эмоций. **«Эгоизм — одна из форм индивидуализма, когда человек в своем поведении руководствуется только своими интересами, не считаясь с интересами других»**, — сообщает нам один из философских словарей. Психологический словарь советских времен определяет **эгоизм как дефект воспитания**. В конъюнктурной и необъятной сегодняшней писанине часто встречаются обратные утверждения. Или делаются очень скользкие определения, угождающие всем и примиряющие бога с дьяволом. Мы не будем придерживаться оправданий эгоизма.

Противоположностью эгоизма иногда называют альтруизм, заключающийся в бескорыстном служении другим людям, в готовности жертвовать для их блага личными интересами. Альтруизмом также иногда считают слепую жертвенность, доходящую до фанатизма. Спор вокруг уяснения только этого термина в философии и психологии занимает многие страницы во многих книгах. А уж если взять спор о связанных с этой темой индивидуализма с противоположным ему коллективизмом, то он бесконечен. К нашей теме, чтобы не утонуть в словоблудии, лучше держаться классического понимания: эгоист — антипод коллективисту, и эгоизм — антисоциальное, нездоровое проявление. И будем помнить, что эти два полюса, борющиеся в человеке, ярче и объективнее всего проявляются в экстремальных событиях.

Разумеется, характеры людей не делятся только на тяжелые и легкие, есть много и промежуточных проявлений: на-

пример, иногда капризный, весьма своенравный, не самокритичный и т. д. В жизни бывает не только черное или белое, есть и промежуточные тона. Это весьма запутывает понимание человеческой психики. Чтобы меньше блуждать в сложностях человеческого характера, нам необходимо выделять в нем главное, а в главном посмотреть на самое характерное. **Эгоист человек или не эгоист — самое важное его качество, потому что он живет среди людей.**

II. Как формируется эгоизм в человеке?

Во-первых, большинство людей не эгоисты, а вполне нормальные люди. Поэтому нужно рассматривать и нормальные, и эгоистические характеры так же, как в медицине отдельно изучают физиологию здорового организма и патологическую физиологию. Примеры тоже необходимо рассматривать противоположные — с проявлениями здорового характера и ущербного. Судя по всему, и подход к воспитанию нужно рассматривать двояко: как нормальное воспитание, идущее без явных сбоев, и перевоспитание. На перевоспитание лучше смотреть с двух ступенек. Одно дело бороться родителям с ленью или, например, с проявлениями хулиганства сына, другое — с эгоизмом, в котором он перешагивает через всех близких ради своих удобств. Одно дело перевоспитывать подлого Слоенова, другое — бесшабашного, но совсем не бесчеловечного «Мамочку» из «Республики ШКИД». В своем изложении я буду больше говорить не о здоровой норме в человеке, а об эгоизме, как он порождается и что можно поделаться, если эгоизм становится устойчивой чертой. А обоснования попробую иллюстрировать примерами, которые предлагает нам каждый день жизни, а также примерами из своей практики в работе со школьниками.

1. Привычка капризничать

Человек формируется не стихийно, а социальными законами, независимо, знают о них люди или не знают. И эгоизм в человеке формируется не каким-то неведомым путем, а посредством привычек в поведении (определенных упражнений). Возьмем ситуацию, которую наблюдал каждый. Собираются гости выходным вечером. Все, кто приходят в квартиру,

видят милое создание: девочку лет шести. Гости здороваются, общаются друг с другом, но обаяшке уделяют особое внимание: умиляются, рассыпаются комплиментами, гладят по головке, говорят что-нибудь лестное. Эти сентиментальности взрослые скоро забудут. А у малышки останется впечатление о своей исключительности: ах, она была центром внимания! Если это разовая доза всеобщего сюсюканья, то совсем не страшно, а если частая — дитя набалуется. Прибавьте сюда излишнюю хлопотливость родителей да сердобольную бабушку, вращающихся вокруг ребенка. Вот и эгоистик! В 10 лет у девочки будет выраженный налет избалованности, в 13 наступит «трудный возраст». И это не все! Дальнейшие коллизии всей семьи будут проходить в противостоянии девочки, девушки своим родителям, потому что ее претензии в свою пользу станут переходить всякие границы. Разве редко люди путают любовь с избалованностью? Разве все понимают, что добром, если смотреть на него абсолютно, можно также перекормить, как и сахаром? **Избыточное внимание, лишняя опека, исполнение капризных желаний упражняют ребенка в эгоизме.** Все это для него становится привычным, как и сама привычка капризничать.

2. Предвззсудки общества

Внимание гостей — не самое страшное. Каждая семья живет каким-то своим укладом. И представим, что после гостей мама предложит бабушке отдохнуть, а дочери поучаствовать вместе с родителями в уборке стола и квартиры. Пусть внучка учится понимать пожилой возраст не на словах. Возможно, что обаяния у ребенка на время уборки убавится. Маленькая артистка начнет канючить, скоро захочет спать или даже заплачет. Попробуйте тогда заставить бабушку отдохнуть, а ребенка работать! Будет семейная драма. И общеизвестно, что бабушка не покинет поля боя, пока не утешит внучку, пока не сделает работу за нее. Хорошо, если только бабушка впадает в любвеобилие; часто и родители идут на поводу слепой любви. Культ любви — один из предвззсудков в обществе, которым болеют все по-разному. Будь четверо детей в семье, уже столько внимания каждому не уделить, да и автоматически возникнет необходимость опираться на помощь самих детей. А догадаться, что одному малышу нужно раза в четыре

меньше заботы и внимания (с бабушкой — раз в десять), мешает многим перевес инстинкта (чувства) над разумом. В животном царстве инстинкты здоровее: одна курица и около нее ходит выводок, а не пять куриц кудахчут вокруг цыпленка.

Предрассудки владеют людьми в самых разных сферах деятельности, в воспитании они — наиболее дремучие.

Предрассудком в психологии называют некритическое усвоение общепринятых суждений. Эти суждения составляются людьми не только из личного опыта. Они набиваются в мозги и каждодневной идеологией, сыплющейся из СМИ и других учреждений. Рассудок и его противоположность — предрассудки мало зависят от образованности, социального статуса или внешней воспитанности; они определяются всей жизнью.

А какая жизнь кругом? Будни ради заработков и день-два выходных, чтобы в себя прийти. В суетливой каждодневности творчества и созидания меньше, чем рутины, прозябания, глупости. В отпуске тоже похожее времяпровождение. Вот мы взрослой компанией летим в далекое путешествие в Индонезию. В полете пассажиров развлекают фильмами. Самолет почти на 500 человек, лететь 11 часов, сидеть утомительно, пройдешься по проходу: больше половины пассажиров смотрят идиотизирующие фильмы. И люди сидят с виду солидные, устремляющиеся путешествовать. В фильмах все горит, кругом стреляют, в промежутках мордобои, брызги крови и мозгов, невероятные ужасы. Убивают тоже не сразу, а долго — смакуют убийство. Если не горит и не убивают, то смотрят так называемые «психологические» фильмы, где сплошная психопатия и душевнобольная фантазия. И все приучены это смотреть. Пассажиры, прикованные у экранов, — почти все родители и воспитатели своих детей! Могут ли они быть не набитыми крайними предрассудками?

В походе со школьниками, где события развиваются не по-домашнему, нельзя не заметить в характерах подростков родительские представления о воспитании, часто предрассудочные. Вот сцена: мальчик и девочка — дежурные в походной группе. Все поели, дежурным нужно помыть котлы. Они смотрят друга на друга в ожидании, кто первым возьмется за дело. Во взгляде, в ожидании свалить работу на другого — сплошная психология. Не всякий театр изобразит так искусно драму этого ожидания... Вдруг не мне достанется работа: какая тонкая игра психики! И откуда только такая мелочная

и одновременно артистичная работа души? От каждодневного упражнения, от привычки перекладывать любую работу на другого. Два лентяя — себяжалеики, совсем не разбирающиеся в людях, очень тонко чувствуют свою узкую полосу выгоды в каждой мелочи, даже в такой, как сходить к ручью и помыть котлы. В каждодневности, собственно, всегда на кого-то сваливается подобная необходимая работа. Вроде пустяковая вещь, но почему одним уступить товарищу — запросто; для других — запросто все свалить с себя на кого угодно? И здесь, около котлов, уже нет никакой тайны души, про которую говорят психологи: поход даже в таких мелочах проверяет людей. И вся группа за десять дней хорошо узнает друг друга.

Почему же дома в хозяйстве и вообще во всякой бытовой мелочи родителям не всегда заметно, где зарождается лень и вслед, эгоизм ребенка? А дома все привыкли к маминому рабству. И к чему человек привык — это уже для него норма. То есть совсем не норма, если смотреть здраво и со стороны, но для домочадцев нормой часто становится привычка в виде подобных родительских предрассудков, укоренившихся и в общественном мнении. Тем более что в обществе мы чаще видим «жизнь наоборот».

Иногда родители организуют выездной пикник с детьми, и там же их обслуживают как дома: обустраивают ночлег в палатках с кроватями, варят все сами на костре, а дети якобы приобщаются к природе. А если не могут поехать с детьми, отправляют их в лагерь с поварами и уборщиками. Все это более чем глупо, но таковы витающие в головах многих людей предубеждения.

У одних больше предрассудков и условностей, у других меньше, и на каждом шагу люди изумляют друг друга. Например, мамашка возит четырехлетнего бутуза в коляске и отмораживает в нем всякий интерес к жизни. Мальчику давно надо бегать за мамой, а он толстеет и не ощущает в коляске мир всем телом. Он только тускло и лениво созерцает его. И заодно командует мамой. Еще пример. В метро входит мама с семилетним сыном. Тут же вскакивает на ноги вполне приличная тетя и уступает краснощекому мальчику свое место, как будто инвалиду. Кругом видим подобное. Ребенку три года, он ходит с сосочкой; ребенку четыре года, он — с айфоном: чем бы дитя ни тешилось... С самого рождения, как кормить, как одевать, какими игрушками забавлять — на все

куча предрассудков, на все вездесущая мода. И модные книги для тех, у кого младенцы. О чем эти книги? Как надо ребенка развивать(!). Многотысячные тиражи напечатаны. И попробуйте сказать вслух, что в основном все эти книги развивают болтунов: сразу накинута со всех сторон их защитники. Во всеобщую силу развития речи, памяти, ума, талантов и других, в общем-то, нужных качеств, верят почти все. И мало кто заботится о совести в своих детях. Это тоже один из родительских предрассудков, набитый в головы пропагандой. Разве мы слышим во всех оглушающих медиа про совесть?

Еще о педагогических предрассудках. Есть такие «почемучки». Святое дело для всех взрослых: ответить на любой вопрос ребенка, над которым тому лень подумать. Эти «почемучки» не задают один вопрос — их вопросы сыпятся, как из рога изобилия. В каждом походе мне приходится сталкиваться с таким явлением. Нас в походной группе 27 человек: трое взрослых, пятеро подростков, которые ходили в походы раньше (они тот актив, который будет помощниками лучше мам), и остальные ребята помладше — от 8 до 11 лет. Любой «почемучка» — узкий психолог, он может не разбираться в чем угодно, но кому задавать вопросы, ему известно хорошо. Засыпать вопросами сверстников бесполезно, они не станут слушать. Надо пытаться взрослых. Таких любознательных наберется обязательно три или четыре на группу. Они по очереди атакуют меня. Атакуют, как привыкли атаковать воспитателя в садике, учителя в школе, дома родителей и всех, кто пришел к ним в гости.

— А почему мы идем по лесу? А Вы ездили со скоростью 250 км в час? А сколько еще идти? А когда мы пойдем назад в кемпинг? А когда мы придем в кемпинг, что мы будем там делать? А Вы умеете кормить Покемона?...

Второй взрослый — Константин из Санкт-Петербурга; он не располагает детей к праздным вопросам. Мне же, как руководителю, полагается быть ко всем внимательным. И я почти вежливо отвечаю самому любознательному мальчику на второй, третий, ...пятый вопрос, тем более что родители хотят увлечь сына в походы.

Походы наши всегда серьезные. Сначала едем на поезде, потом уходим в глушь не меньше, чем на неделю по какому-нибудь очень красивому маршруту. Телефон только у меня. Родители, если и захотят, то нас не найдут: полная самосто-

тельность. Но первый день, как правило, начинается помягче. Ночевать будем в кемпинге, чтобы тут же научиться ставить палатки и укладывать правильно рюкзаки. Этим всем займемся после обеда, а с утра выходим на маршрут без рюкзаков. Нужно втягиваться в трудные километры постепенно. На неделю по плану у нас 80 км с рюкзаками, если повезет с погодой. При этом важно не отбить желание к походам у младших. Не менее важно еще истратить всю накопившуюся в избытке энергию в детях от сидения в школе и дома, чтобы они не разнесли вечером кемпинг. Кемпинг будет в начале и в конце маршрута, остальные ночлеги «дикие». Расположен он в красивейшей долине Кирниш. Весь район называется Саксонской Швейцарией, и здесь, может быть, самое красивое природное место в Германии. Здесь скалолазный рай для опытных альпинистов и одновременно много оборудованных троп, посильных для простых смертных, любящих активный отдых. Школьники в группе в основном русскоязычные из Германии, а также несколько человек из Санкт-Петербурга. Мы топаем по лесной тропе и выходим к высоченным скалам, громоздящимся над лесом. Дальше нужно выйти на другую тропу, ведущую на Скалу-Шрам (Schrammstein) — оттуда открываются грандиозные панорамы. Проходим теснину между скалами, которая называется Великими каменными воротами. Нас завораживают дьявольские громады скал.

— А Вы знаете, почему петухи кукарекают? — Нарушает тишину неугомонный, все тот же мальчик. Наши подростки уже окрестили его: Птица-Говорун.

— Посмотри, как красиво! — Пытаюсь переключить я балагура на окружающую природу.

— А Вы умеете собирать кубик-рубик? — Снова следует вопрос.

Константин идет рядом, но в разговорах не участвует. Он все больше удивляется и начинает рассматривать мальчика в упор, как в лупу; ему интересно, какие еще вопросы не по существу можно выдумать. Константину, пожалуй, все интересно: он первый раз в походе с детьми.

Я терпеливо наставляю «почемучку».

— Ты задал мне 20 вопросов. Если каждый из ребят спросит меня по стольку же, то мы заблудимся: у меня голова закружится от вопросов. Вот Гоша еще ни одного вопроса не задал. Он пусть спросит. Ты на сегодня исчерпал все вопросы, а на

завтра у тебя только три. Используй их экономно: а то очень понадобится, а спрашивать уже нельзя...

Мальчик через некоторое время забылся и снова подбежал что-то спрашивать. Я разворачиваю его и еще двоих таких же назойливых. Один из них попытал удачу заговорить с Константином, но Костя посмотрел на него с недоумением и не удостоил ответом.

Этому мальчику до конца дня было уже скучно в кругу своих ровесников.

Отвечать на пустые вопросы детей — распространенный родительский предрассудок. А для самого мальчика постоянные вопросы — это не только упражнения в пустой болтовне. Это целый букет, мягко скажем, подрастающих вместе с ним недостатков. Любознательность в нем на самом деле кажущаяся. В действительности у мальчика мало интереса ко всему, что его окружает. Он скучает в кругу своих ровесников. Сколько ребят окружают его, а он видит и чувствует только себя. Очень красивые ландшафты тоже не рассеивают его привычки сосредотачиваться на собственной персоне. Поэтому и вопросы у него вздорные, они — любые, для привлечения внимания. На поверхностные вопросы вроде незачем искать серьезные ответы, но взрослые в них хотят обязательно увидеть пылливость ума и считают своей обязанностью отвечать на любой несмысленный лепет. Кругом можно видеть педагогические курьезы: мальчик спросил какую-нибудь глупость, и взрослый из кожи вон лезет умно отвечать. За нескончаемыми вопросами кроется привычка тянуть на себя постоянное внимание, кроме того, что пустые вопросы формируют поверхностное мышление. В навязчивых вопросах проявляется навязчивая воля: обратите внимание на меня любимого! Мальчик привык дома быть центром вселенной, и вне дома, где не все спешат вращаться вокруг его орбиты, он проявляет активность уже сам — посредством бесконечных вопросов. Он может плохо разбираться в людях в целом, но хорошо знает, как привлекать к себе внимание: в этом он немало упражнялся дома. Удивительна его цепкость, с которой он снова и снова пытается выпячиваться.

Гипертрофированная сосредоточенность ребенка на себе, это уже результат неправильного воспитания, исходящий отчасти из родительских предрассудков.

Как правило, любители пустых вопросов оказываются и любителями длинных рассказов. Казалось бы, в любой ком-

пании всегда есть пара желающих поговорить. Так говорите между собой, спрашивайте друг друга. Нет, такая комбинация им не интересна: оба хотят говорить, а слушать некому. И им уже скучно в компании. Есть, конечно, люди, которые любят поговорить, но и умеют слушать: их разговоры уже другого содержания. Нельзя не прибавить, что мальчиков болтливых кругом больше, чем девочек, вопреки распространенному мнению. Ни в коем случае я не хочу сказать, что в детской группе должны мало разговаривать и все быть всегда серьезными. Это уже будут старики. Наоборот: никакого уныния, больше бодрого говора, шуток, острот, задорного смеха! Вообще, умение говорить само по себе качество хорошее, но одно дело нести постоянно ерунду, другое — сказать хорошо нужное. О наблевшем в нашем походном Уставе есть такой не тонкий намек: «Лучше нести дрова к костру, чем нести ахинею».

Засыпать вопросами или разговорами окружающих далеко не единственный способ эгоистов привлекать к себе внимание. Подростки часто делают вызовы хулиганством, щеголи — экстравагантными нарядами. Чиновник, сделавший карьеру, нередко выпячивает наружу свою важность. История знает и патологические крайности привлечения внимания к своей персоне. Например, мы знаем Герострата, который сжег храм Артемиды в Эфесе, чтобы только прославиться. Стремление к позорной славе любой ценой закрепилось в крылатом выражении — геростратова слава. Касаясь мифологии, мы можем вспомнить еще Нарцисса, который погиб от самолюбования; он утонул, любуясь собственным отражением в воде. В мифологическом повествовании древних лежит мораль, что **эгоизм чреват не только для окружающих, но и для самого эгоиста.**

3. Роль здорового и нездорового коллектива

...Мы на маршруте почти неделю и уже хорошо все знаем друг друга. Сегодня прошли с рюкзаками за день 18 километров. Вместо 80-ти запланированных наберется за поход, пожалуй, около сотни. Настя, которой только 13 лет, здорово помогла двум нашим младшим. Самые младшие с трудом ползли с рюкзаками. Слабоидущих я ставлю за собой и хорошо видел, что малышки не разревелись только благодаря их по-

мощнице. Настя на привале переложила себе по килограмму веса из рюкзака каждой, затем еще по килограмму раздала другим, и девочки пошли с ней и даже защебетали на ходу.

Когда я веду группу по сложному рельефу, мне необходимо видеть всех. Вдруг кто-то идет на пределе своих сил, и ему нужно помочь. На таком маршруте невозможно не обратить внимания на лица, на проявления характеров. Здесь трудно скрывать эмоции, держать привычную маску на лице, да и незачем. Без взаимопомощи в походе не обойтись, и после прохождения сложного участка проникаешься уважением ко многим ребятам.

Кольцо нашего недельного маршрута оканчивается в кемпинге, куда мы подтягиваемся к вечеру. После полного ходового дня все устали... Но через полчаса дети уже скачут. У моих взрослых помощников шок от того, сколько энергии в детях. Помощники лежат на ковриках и не в состоянии шевельнуться. И я бы прилег, но мне по инструкторскому рангу полагается быть двухжилым. Ну, и помогает еще школа альпинизма, суть которой прежде всего в терпении. Мама диву дается своей дочери, ее неустойчивости в 11 лет и тому, что дочь, оказывается, ничего не умеет делать, ни помочь дежурить, ни сложить в рюкзак вещи, ни прибрать свое барахло в палатке. Она полна порывов сделать дома революцию: перевалить весь домашний быт на дочь. Я не могу не ерничать по поводу маминых благих намерений. А мама снова и снова удивляется, насколько взрослые недооценивают «атомную энергию» детей.

— Тебе, Володя, надо всех родителей вместе с детьми по этим скалам протащить, — предлагает она.

— Ну уж нет! — протестую я. — Родителей, желающих испортить поход, — хоть отбавляй; они же забодают детей опекой.

У меня усталость, но в ней острое ощущение густо прожитых дней. Поход удался!!! За неделю у нас все наладилось в быту, каждый знает свои обязанности, и группа сейчас особенно хорошая. Накипь цивилизации стряхнулась. Что хорошо в натруженности: душа хочет петь. После ужина ребята собрались около гитары. Никого ни в чем не нужно контролировать. Родительница пошла в палатку спать. Я ушел из кемпинга прогуляться; в конце похода мне хочется сделать перерыв от обильного общения. Когда вернулся, увидел полную

идиллию: вокруг стола ребята мои поют, и в лагере порядок. Поют не задорно, как мы поем днем, а спокойно, почти полупшепотом и очень слаженно; поют так, чтобы не мешать всем спящим. Я подсел в стороне к Косте. Костер в кемпинге можно жечь на специальной подставке, и он уже затухает.

— Дети-то как очеловечились, даже моя «Марфуша»! — обобщил итог похода Константин. В поход он взял свою дочь Марту.

Укладываться спать, кажется, никто еще не хочет. Подкинули дров и поем дальше. Лучше всех с особенной проникновенностью поет Гоша. Его манеру петь копирует младшенькая Катюша. А к Насте прилипли ее малышки, которым она помогала. Настя мало говорит и поет не всегда, но песни любит. Рядом еще сидит Тоня. Тоня первые дни была замкнута: у нее недавно развелись родители, и трагедия семьи придавила ее. Хорошо, что рядом с ней Настя — лучшая подруга. Талант Насти в умении понимать других. Она понимает своих подопечных, свою подругу, она чувствует хорошую песню, дружбу, витающую над палатками и нами, полуночниками. У Насти талант человечности. Много хороших ребяток в группе. А ведь я как раз с ними мало поговорил — все лезли в глаза говоруны. Их же всего четыре человека, и эти эгоистики загораживали собой всех остальных. Рот никому не дадут открыть: только они с вопросами и они же с ответами. Около них даже Настя, которая хоть и постарше на пару лет, чувствует себя как в гостях, где надрывается телевизор.

Поход, впрочем, и эгоистикам пошел на пользу, он поставил их на место: то они довлели над всеми, а то им указали, что есть еще и другие люди. Группа наша день ото дня вызревала; в ней сложилась хорошая атмосфера. Общее настроение заставило даже удивиться этих «зацикленных» на себе нескольких детей. Удивиться тому, что не они одни на белом свете. И что все остальные ведут себя как-то по-другому. Это их первый или один из немногих таких опытов; им нужен тысячекратный подобный коллективный опыт. Но дома все снова встанет на прежние круги. И будет мало удивительного, если поход эгоистикам не понравится.

В походной группе быстро устанавливается общее настроение, которое может меняться: оздоравливаться или закисать. Иногда это настроение подчиняет себе не лучшая часть группы — и тогда обязательно потянет пустоватостью, а вслед по-

лезет пошлятина или цинизм. Неприятный тон: насмешки, пустословие, у кого-то раздражительность, почувствуют сначала лишь некоторые, но еще не скоро поймет большинство — в чем дело? Если не удерживать здоровой атмосферы, если дать простор эгоистам — поход будет испорчен. Испорчен так же, как нередко устраивается и тяготит многих дрянненькая атмосфера в классе. Здоровье отношений в коллективе — первая забота руководителя. Эта забота непосильна только одному лицу; руководитель должен опираться на здоровый актив, который поможет с общей атмосферой. Атмосфера здорового коллектива ограничивает эгоистическую волю, и наоборот: в отсутствии коллективных связей людей эгоисты получают простор и подчиняют себе всех окружающих. Для этого они нередко стараются, пусть даже подсознательно, разобщить коллектив. В путешествиях со взрослыми я вслух говорю, что много будет зависеть от двух составляющих: как организовано путешествие и каков состав участников. А про себя думаю, что все будет зависеть от того, сколько эгоистов в группе: больше двух уже невыносимо. Тему развития коллектива лучше всех обосновал А. С. Макаренко. К его выдающемуся наследию мы еще будем возвращаться.

Чтобы завернуть жизнь школьной группы в здоровую сторону, нужно выполнить адскую работу. Прежде всего такую, которая утихомирит желания визжать, кривляться, нести безостановочно чушь, делать лишние движения. Не будь каждодневных бытовых нужд и трудного маршрута — буйство не остановить. Нельзя ходить в поход со школьниками на один-два дня. От безделья дома и просиживания в школе организм ломает. За два дня выплеснется вся скопившаяся дурь, которая не обойдется без конфликтов. Это не понравится и самим школьникам. Другое дело поход на целую неделю! Тут как раз тот простор, на который стремится вырваться подросток, если в нем есть еще хоть капельку живого интереса. В походе его ждет «романтика»: тяжелый рюкзак, тропа на крутой подъем, палатка, которую нужно поставить под дождем, опять рюкзак, в котором ничего не найти, еда от таких же безруких, как он, дежурных. Вся эта **необходимая и долгая работа вносит рациональные движения для всей походной группы**. Не сразу, а постепенно организуется весь быт. Отдых дается труднее всего: чуть отдохнули — опять кого-то надирает кривляться. Это скопившаяся дома энергия и нена-

труженность души. Но большая часть группы на третий день уже захочет посидеть у костра. Одни поют; другие им мешают. Можно предложить покинуть лагерь кому нейдет, тогда живчики затихают, потом снова заводятся, а уходить не уходят: хочется кривляться перед всеми. Наибольшую трудность для налаживания здоровой атмосферы в группе представляют в первую очередь эгоисты. Но нарождающееся в бурных событиях похода общественное мнение ограничивает и их своеволие. Руководитель тоже настойчиво туда же заворачивает. Все это **детали руководства, педагогическая техника, которая может быть у каждого организатора своя, но важно чувствовать здоровую линию. Тем легче выполнить эту работу, чем ярче и менее эгоистичен состав группы.** А состав группы — это уже родители и насколько они угнетены общественными предрассудками.

Глядя на детей, я узнаю многих родителей. За всего недельное путешествие в голове у меня скапливается рой аргументов, способных и черта убедить. Но убедить родителей труднее. Убедить в том, что не благо для детей растить их неприспособленными умниками в жизни, а тем более культивировать в них лишней опекой эгоизм. Прибавлю сюда же, убеждать чиновников, повелевающих школой, я никогда не пытался: они враги. Я их обманывал и всю жизнь водил детей в походы. Так делали и делают многие мои коллеги.

4. Яблоко от яблони недалеко падает

После каждого большого путешествия с младшими школьниками у нас полагается отчитаться о нем на родительском собрании. Мы показываем в слайдах фотографии, и родители ахают от природных красот нами увиденных. Красоты мы не просто созерцали. Мы их прочувствовали: и ножками, и весом рюкзаков на плечах, и радостью побед, и товарищеской взаимопомощью. В походе складывается дружба, и без капли преувеличения — для многих эта дружба на всю жизнь. Эти сложившиеся экипажи, умеющие дружить без капризов — самые интересные люди среди нас. Они как раз умеют считаться друг с другом. Опирайтесь в воспитании нужно на лучшее в человеке, и о дружбе нельзя не сказать на собрании. Дружба детей радует родителей.

Умиляют их также наши песни под гитару.

— Как это вы смогли за неделю столько песен выучить? — удивляется чей-то папа.

— А у нас правило: кто новую песню не пропоет с утра, того день не кормим, — балагурю с удовольствием и я, потому что родители довольны походом.

— Вы знаете, уже всю неделю все делает сам дома! — восхищается еще одна мама сыном.

— Не переживайте, через две недели все пройдет. Или не так было после первого похода?

Смеются все — и родители, и дети. Но мне нужно сказать какую-то понятную формулу, чтобы говорить о бедах, которые брали нас за горло. Стараюсь формулировать по пунктам.

— Три качества нужны походнику:

1. Умение обслуживать себя и хорошо продежурить (быть самостоятельным в быту).
2. Умение считаться в походе друг с другом (не быть эгоистом).
3. Умение находиться в любом месте без постоянного контроля взрослых и не набедокурить (иметь совесть).

Когда начинаю расшифровывать первое качество, мы снова все смеемся. ...Чистые носки у многих сделали путешествие в рюкзаке и вернулись домой не тронутыми. Картошку чистим тем же движением, как и строгаем палку. Полгруппы мальчиков порезались ножичками, играя ими. Кому в спальнике жарко, не догадывались открыть замок. Маша две ночи забывала подстелить коврик под спальник и говорит, что кашляет из-за купания. Антону лень одеться, он сидит и дрожит с вечера; потом оделся, в этом же спал, а на другой день не догадался раздеться и ходил по жару в пуховке. Многие не догадывались попить, а мамы рядом нет: губы у них потрескались, как будто мы Сахару пересекали без воды.

А дежурство на кухне..., и я делюсь тем, какие меня фантазии иногда одолевают в походе.

— Представьте, мы с ребятами неделю на маршруте. А над нами все родители на ковре-самолете и в шапках-невидимках. Дети дежурят, и помочь им нельзя, — так все заколдовано... Родители! Как бы вы меня понимали сейчас, если бы видели, как они дежурят! Те, кто хорошо дежурят, о них и сказать нечего, а вот про остальных можно писать поэмы! Дома вы никогда не увидите тех картин, что разворачиваются в походах: вам легче самим все сделать.

Реплики, шутки, смех на собрании... Мы смеемся и говорим серьезно. Три простых качества, которые нужны походнику — нужны на самом деле на каждый день жизни.

Люди понимают друг друга глазами, и я вижу, что больше внемяют те родители, которых это меньше касается. А кого касается — с тех, как с гуся вода: они такие же, как их дети. После собрания родители эгоистиков не дадут мне поговорить с остальными родителями. И про своих детей они мало что услышат. «Яблоко от яблони недалеко падает» — в этой пословице многие видят наследственность. Но что тут наследственного: разве родители воспитывают детей каждодневно не по своим привычкам, представлениям, предрассудкам? Разве не своих родителей копируют дети с рождения? Наследственность — запутанная тема, и ей удобнее всего оправдывать любые результаты и все несостоявшиеся надежды.

5. «И опыт, сын ошибок трудных»

Почему одни люди умеют считаться с другими, чувствуют окружающих, а другие чувствуют только себя или в основном себя? Потому что с **самого рождения у первых и вторых сложились противоположные условия жизни**: одних забавляли и баловали; других, по мере возраста и сил побуждали считаться с близкими людьми, с условиями всей жизни. Ребенок-барчук или же, наоборот, равный член семьи с обязанностями и ответственностью — принципиальная разница. Вследствие этого решающего обстоятельства у одних закрепляется коллективный опыт, у других опыт индивидуалиста. **Соотношение сочувствия к себе и к окружающим людям определяет характер человека в главном.** Частично об этом уже говорилось. Но взглянем в суть вопроса на уровне ощущений самого человека, на уровне всех его чувств.

Как рождается сочувствие к другим людям? К себе понятно: у человека (всего живого) долгой эволюцией выработан инстинкт самосохранения. Попробуем посмотреть на сочувствие к окружающим в кругу самых близких людей, в каждодневной жизни семьи... Мать пришла с работы, устала, она привычно готовит еду на кухне. Сын, может, учил, а может и не учил уроки после школы — он живет какими-то своими интересами. Что мать устала, сын не особо чувствует, даже если она ему скажет об этом. Он не приготовил еду сотню раз и не

уставал, как мать: как же иначе он может почувствовать (понять) ее усталость от домашних забот, если ему не приходится испытывать бытовых трудностей на себе? **Пожалеть мать не на словах, помочь ей, когда и сам устал, — вот где начинается сочувствие у ребенка к окружающим.** Но разве эта простая истина понятна всем взрослым? Взрослые верят в хорошие слова, которые почему-то обязательно должны укладываться в душе ребенка в виде педагогической благодати. Не замечать уставшую мать — это уже толстокожесть, за которой обязательно последует цинизм. Цинизм будет выпирать сначала не дома, а в школе или в любых сборищах подростковой толпы. Но сердобольным родителям недосуг об этом подумать. В этом рядовом примере, когда дети не замечают усталость своих родителей, кроется вся механика развития чувств, точнее — сочувствия к другим.

Бесконечные хозяйственные заботы присутствуют в жизни семьи каждодневно и в больших порциях. Экономические отношения внутри семьи, это не только заработок родителей, это еще и быт, занимающий много времени: три раза на день нужно варить, чтобы кормить семью, и мыть посуду. А еще есть уборка, стирка, чистка, закупка продуктов... На чьи плечи ложатся все бытовые заботы — это часто вопрос, кто на ком едет в семье, вопрос бурных страстей и споров, призывов посочувствовать родителям. Но несочувствие, непонимание сыном родителей потому и сложилось, что мальчик живет вне каждодневных семейных забот. Это несочувствие к близким — самый очевидный эгоизм, заодно показывающий и родительскую слепоту.

Несомненно, помогает поддерживать родительскую слепоту политика государства, которая стремится влиять на детей больше, чем семья. Скопированная по западным образцам ювенальная полиция показательно для населения периодически карает родителей за вполне здравые требования, в том числе и за требования приучать своих детей к домашнему труду. Ювенальная опека — это отдельная тема, в которой еще и сплошная юридическая несуразность.

Взрослые очень сильно уповают на слова, а восприятие всей жизни у ребенка происходит на основе его собственного опыта. Не слова, не призывы к прекраснодушию, а прочувствованный, пропущенный через собственную шкуру опыт приводит к пониманию у него всего сущего, как и

к пониманию окружающих людей. В первую очередь ребенок учится (или не учится) понимать близких в семье. Этот опыт (в том числе коллективистский или индивидуалистский), как устойчивая привычка, которая является сутью человека, его второй натурой, вырабатывается всеми ощущениями, всеми чувствами. И сочувствие к самым близким людям, и ко всем остальным происходит из всего прожитого, испытанного в жизни. А какой опыт у голямого школяра? У него опыт циника: он привык наблюдать, как усталая мать (или еще хуже бывает — домработница) его покормит. Есть такие умные и развитые детки, которых в быту обслуживают домашние: лишь бы хорошо учился... Мальчик, конечно, **учится все знать, но не учится сочувствовать. Он сочувствует только себе.** К подростковому возрасту у него готова удобная философия: его не понимают, у него, видите ли, «трудный» возраст. А что, собственно, в нем понимать? Это он не понимает, как тяжело матери; у него черствость даже к самому родному человеку, не говоря уже про других. ...Другой вопрос: почему мать не понимает своих неудач в воспитании или ведет к ним.

В педагогической литературе есть много сильных и очень емких высказываний. Выдающийся литературный критик и мыслитель В. Г. Белинский писал: **«Чувство предшествует знанию; кто не почувствовал истины, тот и не понял, и не узнал ее».** Но кто такой Белинский? Кто его сегодня читает? Из тех, кто вообще читает, — в лучшем случае читают неврастеника Кафку.

Интересно, что родители, склонные излишне опекать детей, ограждать их от трудностей жизни, больше претендуют на образованность и чаще приходят к банальностям, не требующим образования. Им будет по душе что-нибудь близкое к их предрассудкам. Например: «Японцы говорят: до 5 лет — царь, до 15 — раб, а потом всю жизнь — друг». Японцы, конечно, не все одинаково воспитывают своих детей, как и россияне, но из «царя» скорее подрастет поработоритель семьи. И вряд ли он позволит родителям стать «рабом» у них после пяти лет «царствования». Банальности любят налипать на поверхностный ум. Поверхностный ум всегда ищет готовых рецептов. Но даже самые лучшие рецепты будут восприниматься по-разному, вдумчивыми или поверхностными мозгами.

6. До пяти лет — наиважнейший возраст

От рождения до 4–5 лет воспитание ребенка идет активнее, чем во всю остальную жизнь. В этом возрасте вместе с быстрым ростом ребенок делает титанический рывок в своем развитии. Под развитием многие подразумевают привычку взрослых забавлять ребенка, самим забавляться им как игрушкой или муштровать его искусственными упражнениями. Ребенок рождается крошкой со способностью сосать грудь и звать на помощь мать. Затем начинает быстро расти, ползать, ходить, впечатляться всем увиденным, больше чувствовать, говорить, думать, во всю мощь действовать; чуть позже станет много понимать, рассуждать и жить во многом самостоятельно. Почему же, быстро изменяясь в физическом и психическом развитии от новорожденного до все понимающего человечика, он не сообразит, где можно схитрить с родителями и со всеми вокруг него «добренькими» людьми. **Инстинкт самосохранения на каждом шагу подсказывает ребенку, где и как можно потребовать удобств для себя; рассудок взрослых не всегда сообразит, где заканчивается здоровое удобство ребенка, а где начинается каприз.** В три года уже хорошо видно: с капризами растет малыш или без них? Но видно не тем родителям, у которых растут баловни. Эти родители во власти предрасудков, у них и готовые на все оправдания: гиперактивный с рождения, защищает личное пространство, лидер и такая харизма, в папу или в маму, особо одаренный ребенок... Оправдания могут быть в некоторых деталях и верными, но не в главном. Главное в том, что эгоизм всем предшествующим детством уже прочно закладывается в основание характера. К пяти годам это основание еще больше затвердевает. **Возраст до пяти лет считали наиважнейшим очень многие из мыслителей.** Тому мы можем найти множество подтверждений как у художественных классиков, так и в Хрестоматиях по педагогике.

...В четыре годика девочка надрыдается, плачет из-за безделушки, которую мама ей не хочет покупать в магазине. Горе на лице у девочки невообразимое и самое крайнее. И мама уступает. В следующий раз девочка сыграет несчастье еще лучше и добьется большего. Не только в этот момент, но уже давно мама упражняет в дочери эгоизм. Даже наобо-

рот: дочь сама уже упражняет родителей подчиняться своей эгоистической воле. Поведение этой четырехлетней девочки в принципе предсказуемое и на возраст 11, 12, 15 лет: там будет «трудный возраст», так называемый пубертат. И, собственно, с чего бы ему там не быть? Там все уже противоречиво в 4 года, и это противоречие продолжает культивироваться. Почему же вырастающий здоровый подростковый организм, подбадриваемый гормонами, не тратящий своих сил на близких людей и всех окружающих, не будет беситься еще больше? Капризный, вздорный, своенравный, противный эгоистический характер, сформированный в раннем детстве, скажется на всю жизнь как на собственную, так и икнется окружающим. Эгоизм, заложенный в раннем детстве, проявится в полной силе с другими качествами характера. Любой хоть немного наблюдательный воспитатель детского сада скажет: уже в садике всех видно, кто каким будет во взрослой жизни.

Закрепляющийся опыт: у одного — опыт эгоиста, у другого — коллективиста, дает разное восприятие жизни не только в поведении, но и в познании. **И в поведении, и в познании опыт эгоиста искаженный.** В поведении эгоистик норовит удобно устроиться за счет других, и этим он противопоставляет себя (скрыто или открыто) окружающим людям. Это дома вокруг ребенка с самого рождения носились неразумная мамашка и тут же родственники, а кто захочет бегать вокруг него в детском садике, во дворе, а затем в школе? Разве жизнь сама по себе — хлопоты всех вокруг одного? А малыш уже к этому привык, врос в эти привычки, и у него постоянные капризы, а с ними и столкновения с другими людьми. Этот ребенок потреплет нервы не только всем близким, но и самому себе не в меньшей мере, обратившись с годами либо в неврастеника, либо в деспота. Эгоист с сильным характером окажется деспотом сначала в семье, потом с подчиненными на работе. Власть добавит ему пороков. Всех, кого история заклеимила тиранами, были эгоистами уже сизмалства. Искаженный опыт ребенка скажется и в познании им окружающего мира; его восприятие будет менее объективным. Об этом подробнее лучше сказать позже. Сейчас мы говорим о значении раннего детства.

Во второй половине 19 века в России появилась плеяда педагогов и мыслителей, написавших значительные труды о школе и семейном воспитании. Огромное внимание ранне-

му детству как особому периоду жизни уделяли Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов. Знаменитый хирург Пирогов около 20 лет еще работал на поприще просвещения и написал немало книг, а писатель Толстой организовал школу для крестьянских детей в Ясной Поляне. Много выдающихся людей из разных сфер породила эпоха второй половины XIX века. Развивались в это время и педагогические воззрения. К. Д. Ушинский, создатель научной педагогической системы в России, «учитель учителей», писал о раннем детском возрасте:

«Характер человека более всего формируется в первые годы его жизни, и то, что ложится в этот характер, в эти первые годы, — ложится прочно, становится второй природой человека».

Один из многих последователей Ушинского П. Ф. Лесгафт — крупный ученый в медицине и биологии, основатель научной системы физической культуры, он же борец против официальной реакционной школы России, написал обстоятельный труд о семейном воспитании. В нем он особо подчеркивает значение раннего возраста ребенка:

«Этот период имеет большое влияние на жизнь человека и оставляет почти неизгладимый след на всем его будущем существовании».

7. Значение привычки

Психика есть свойство мозга. На физиологическом уровне привычки, определяющие во многом поведение ребенка, закрепляются рефлексорным путем. Это происходит так же, как в опытах у собаки Павлова выделяется слюна на еду, — **посредством сигнальной системы высшей нервной деятельности мозга**. Иначе сказать, если ребенку путем многократных повторений удастся достигать любых капризов, у него в сознании, т. е. в головном мозге, закрепляется опыт капризничать. И наоборот: коллективный опыт вырабатывается также в психике путем закрепляющейся привычки считаться с окружающими. К. Д. Ушинский, знакомый с трудами физиолога И. М. Сеченова, написал специальную большую статью о силе привычки в связи с физиологическими процессами мозга:

«Привычка укореняется повторением какого-нибудь действия, повторением его до тех пор, пока в действии начнет от-

ражаться рефлексорная способность нервной системы и пока в нервной системе не установится наклонность к этому действию».

А. С. Пушкин в предельно сжатой поэтической форме и с иронией гения подчеркнул значение привычки для людей, в которой в известном смысле закон жизни: *«Привычка свыше нам дана: замена счастию она...»*.

8. Цитаты мыслителей

Из Истории педагогики к теме об эгоизме я прибавлю **еще дюжину цитат наиболее известных педагогов и мыслителей**. Цитатами, конечно, можно и спекулировать, но мы возьмем те, которые соответствуют больше всего мировоззрению названных авторов.

Ян Амос Коменский (1592–1670) — чешский философ, основоположник всей европейской педагогики нового времени, создатель классно-урочной системы, автор выдающегося труда «Великая дидактика», актуального и на сегодняшний день. Он первый, кто поднялся до осознания объективных законов в воспитании и обучении.

«С испорченной природой тесно связан отвратительный порок себялюбия, при котором каждый желает, чтобы думали только о нем одном, оставаясь равнодушным к тому, что происходит с другими».

«Из каждого человека выходит человек, если его не портить».

Джон Локк (1632–1704) английский философ-материалист и педагог, оказавший большое влияние на педагогическую мысль. Он не признавал врожденность идей и был сторонником добывать знания опытным путем.

«Природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеживания».

«Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, когда разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, переходить в слепую влюбленность».

«Родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки».

Дени Дидро (1713–1784) — французский философ-материалист, просветитель, организатор и душа выдающегося

коллектива ученых, написавших 35-томную «Энциклопедию», значение которой велико по сей день для всего человечества.

«Родители ребенка, рожденного в бедности, своими грубыми попреками порою добьются большего, нежели родители-богачи, которые прибегают к ласкам или даже слезам, воспитывая своего избалованного роскошью отпрыска».

Жан-Жак Руссо (1712–1778) — просветитель, философ, писатель, педагог, высмеивающий средневековую школу и схоластику.

«Знаете ли, какой самый верный способ сделать вашего ребенка несчастным? Это приучить его не встречать ни в чем отказа».

«Если видите, что он (ребенок) вместо расспросов с целью научиться чему-нибудь, начинает молоть вздор и засыпать вас глупыми вопросами, то немедленно остановитесь и будьте уверены, что он не интересуется уже вещью, а только стремится подчинить вас своим запросам».

Генрих Песталоцци (1746–1827) — швейцарский педагог, теоретик и практик народной школы, подвижник воспитания детей бедных родителей, одна из наиболее известных фигур в Истории педагогики.

«Мыслящая мать живет для своего ребенка в служении его любви, а не в службе его капризу и его животному, возбужденному и развитому эгоизму».

Обобщенный философский взгляд на человеческий эгоизм как явление, дают философы-мыслители — основоположники научного материализма.

Людвиг Фейербах (1804–1872) — материалист немецкой классической философии:

«Имеется не только одиночный или индивидуальный эгоизм, но также эгоизм социальный, корпоративный, патриотический».

Карл Маркс (1818–1883) — гениальный мыслитель, создатель новейшего учения в философии, политэкономии и научном коммунизме:

«...Чем больше и многообразнее становится могущество общества в рамках частнособственнических отношений, тем эгоистичнее, тем менее общественным, тем более отчужденным от своей сущности становится человек». Конспект книги Джеймса Милля (1884).

Фридрих Энгельс (1820–1895) — друг Маркса, один из основоположников марксизма, иронично заметил:

«Занимаясь самими собой, человек только в очень редких случаях, и далеко не с пользой для себя и других, удовлетворяет свое стремление к счастью».

Можно привести еще несколько цитат из Истории педагогики России. Вот одна из кратких, но внятных формул очень давней поры известного педагога И. И. Бецкого (1704–1795), который предлагает золотую середину в воспитании.

«Все чрезвычайное детям вредно: как лишняя суровость от власти [строгости], так неумеренное попечение и заботы от любви, равно для них опасны».

Н. А. Добролюбов (1836–1861) — литературный критик, автор блистательной статьи «Что такое обломовщина?»:

«Произвол, которые столь многие смешивают с истинной свободой, означает, напротив, самую рабскую зависимость человека от первого встречного впечатления. Оттого-то дети, которых все прихоти беспрекословно исполнялись, несмотря на всю их нелепость, — вырастают столь же мало нравственно свободными».

П. Ф. Лесгафт (1837–1909) — биолог и педагог, создатель научной системы физической культуры:

«Ребенок лицемерного типа всегда отличается относительно очень быстрыми, как бы непосредственными действиями; они направлены главным образом к достижению ближайшей личной выгоды».

«Обыкновенно, по принятому обычаю, на ребенка смотрят как на куклу, существующую для потехи взрослых».

А. С. Симонович (1844–1933) — педагог, теоретик дошкольного воспитания:

«Мы часто встречаем у самых любящих родителей детей испорченных».

Е. Н. Водовозова (1844–1923) — педагог, писатель, сторонник педагогики К. Д. Ушинского:

«Волю ребенка легко направить в этот период жизни (с 1 до 4 лет), но лишь в том случае, если его еще не успели испортить баловством, не сделали из него кумира и божка».

Понятно, что цитировать можно кого угодно и быть всеядным. Сегодня часто цитируют реакционных политиков, «эффективных» менеджеров и «успешных» бизнесменов, т. е. миллиардеров и их угодников, монополизирующих интеллект. И разбавляют это глубокомыслие с высказываниями прогрессивных мыслителей из истории всего человечества. Из исто-

рии туда же пристраивают реакционных деятелей прошлого. Этот идеологический трюк отработан специально, чтобы замешать кислое с пресным и подавать все в кучу людской массе: запутывать для них понимание современных происходящих процессов. Избежать оглупления легче, если хоть немного стремиться понимать, куда нацелена та или иная идеология, и в особенности господствующая: какому классу она служит. Из этого понимания высвечиваются для людей нужные книги и цитаты из них.

Из всего вышесказанного попробуем **выделить главное**, то есть несколько обобщить понимание эгоизма и как он формируется в человеке. Также попробуем определить, по каким признакам мы судим об эгоистическом поведении? И что особенно важно нам родителям, как по возможности не допустить формирования в ребенке эгоизма, и что делать, если он уже эгоист?

Итак, **эгоизм — одна из форм индивидуализма, стремление человека руководствоваться только своими интересами, не считаясь с интересами других. Эгоист человек или не эгоист — это фундамент его характера, структурная клетка психики, стержень, влияющий больше всего на поведение.** Два этих антипода, по сути, определяют бытующее понятие: хороший человек или плохой. Народное название эгоизма — бессовестность. Совесть — самая значительная категория в любом народе и на любом этапе его развития. И большая разница, заставят ли подростка все его внутренние противоречия с малым или большим запасам совести.

Привычка считаться только со своими интересами — это противоречие в основе психики между персоной и окружающими его людьми. Это обратная сторона здоровой нормы. Такое болезненное противоречие в человеке или, наоборот, здоровая норма в нем должны быть основанием науки психологии, которая на сегодня еще в зачаточном состоянии и туманностью которой подкармливались всегда шарлатаны. Все основные процессы психики (ощущение, восприятие, представление, мышление, воображение, память, эмоции, воля и т. д.) играют в характере совершенно по-разному и больше всего подчинены тому, насколько человек эгоист или не эгоист.

Эгоизм чреват не только для окружающих, но и для самого эгоиста. Как устойчивая черта, он формируется в ребенке в самом раннем возрасте и является дефектом воспитания. Это не врожденное качество, а приобретенное, т. е. социальное. Его формирование развивается посредством удовлетворения избыточных потребностей или капризов окружающими. Первое влияние на воспитание оказывает семья, над которой в свою очередь довлеют нравы общества (там же и школа) со всеми укоренившимися предрассудками. Воспитание ребенка зависит от конкретных условий его жизни, от среды, в которой он вырастает. Не слова родителей и учителей, а прежде всего собственный опыт малыша или школьника закрепляют в нем привычки и формируют характер в основе. Излишней заботой родители и окружающие близкие нередко отгораживают ребенка не только от инициативы и самостоятельности, но и ведут его в сторону эгоизма.

Для владеющих основами философии можно привести некоторое сравнение. Эгоист — это такое же противоречие в отдельной личности, какое существует в обществе между производительными силами и производственными отношениями. Когда производственные отношения соответствуют производительным силам — общество не имеет потрясений. То же с человеком: если он умеет считаться с другими людьми, то его характер будет неконфликтным для всех адекватных людей. **Умение автоматически, по привычке всегда считаться с окружающими делает характер человека легким, не эгоистическим, и наоборот. Легкий характер не противоречит принципиальным позициям личности.**

III. Характерные особенности эгоиста

Пришел новичок в класс. И класс его сразу оценивает; может быть, начнет даже испытывать. По каким особым признакам составляется у нас оценка о человеке? Мы все вольно или невольно оцениваем друг друга, даже если не говорим об этом или не задумываемся о критериях оценки, но для себя отмечаем, хороший человек или плохой. Попробуем выделить самые характерные особенности эгоистичного человека. Понятно, что эгоизм может быть разной степени, как и любое другое качество, например, сила воли или ее отсутствие,

талант, память... Можно, наверное, даже некую шкалу составить от саможертвующего альтруизма до крайнего эгоизма и за норму взять серединку, когда человек умеет считаться с окружающими и в то же время не позволяет на себе ехать желающим легко устраиваться за счет других. Итак, мы рассматриваем не норму, а человеческий порок — эгоизм.

Назовем наиболее характерные проявления эгоиста:

1. Чрезмерная сконцентрированность на себе.
2. Периодические возрастные кризисы (например, так называемый трудный подростковый возраст).
3. Отсутствие самокритики.
4. Неискренность, и как следствие, двуличие и склонность к интригам.
5. Поверхностность мышления и необъективность сознания.

1. Чрезмерная сконцентрированность на себе

Человек не рождается эгоистом. Это его избаловали до степени постоянного ощущения себя пупом Земли. Об этом уже достаточно сказано во всем предыдущем тексте: эгоист не слушает собеседника, всегда длинно рассказывает, впадает в самолюбование, часто капризничает, замечает только свои трудности и неудобства, не чувствует окружающих, ранимый к себе и толстокожий к другим, и т. д. В общем, он весь состоит из сплошного Я, вокруг которого должен вращаться весь остальной мир. Вся идеалистическая психология, оправдывающая эгоизм, тоже вращается вокруг этого «Я», не считаясь с тем, что есть еще «Мы».

2. Трудный (подростковый) возраст, пубертат

Подростковому возрасту психологи создали культ, которому нужно поклоняться; у них этот возраст имеет самодовлеющий, обязательно болезненный характер и как нечто неизбежное для всех. Учителя же, не имеющие возможности утопать в фантазиях, чаще смотрят на «самовыражение» подростков более скептически, как на блажь, избалованность, инфантильность. **Эти два противоположных взгляда психологов-идеалистов и большинства учителей-практиков на «переходный» возраст не находят согласия и сбивают с толку многих родителей.** Те, кто поближе к практике, не

особенно умиляются недорослями, и, наоборот, вся модная литература психологов и педагогических теоретиков страдает подростку. Страдает несмотря на то, что образ барчука, т. е. и сегодняшнего баловня, вывел и высмеял еще в XVIII веке Д. И. Фонвизин. Русская классическая литература богато представлена Митрофанушками, Обломовыми, Маниловыми, выросшими физически, но несозревшими внутренне. Обратим внимание: что образ баловня всегда сословный, как правило, барский. Крестьянская или рабочая среда такой типаж в литературной классике не вывела. Уже в этом отражении жизни литературой угадывается в первую очередь влияние среды и условий существования человека на формирование характера.

«Трудному возрасту» приписывается особая ранимость, которую нужно понимать и принимать всем. Об этом только и можно слышать в СМИ или прочесть в любой статье о подростках. И ни слова о том, что и переросток настолько же должен понимать родителей и всех окружающих его людей. Статьи и толстые книги теоретиков с громкими титулами, которые не обнаружили своих результатов на практике, только поддерживают родительские предрассудки. Псевдонаучность всей этой писанины кроется, во-первых, в засилье теоретиков, не работающих с детьми, а во-вторых, в стремлении официальных идеологов воспитывать пассивное (инфантильное), легко управляемое поколение. Интернет, телепередачи, статьи и книги про подростков содержат в основном умозрительные и надуманные выводы, не связанные с жизнью, или намеренную идеологическую ложь. А учителя, даже самые лучшие, имеющие неоспоримые положительные результаты, перегружены сверх всяких норм работой, и им не до публикаций. Много ли мы знаем книг, статей, записок, написанных учителями, проводящими все дни со школьниками? Есть, конечно, еще «практикующие» психологи, но они имеют дело только с болезненными проявлениями, и с каждым «клиентом» им случается пребывать от силы раз в неделю по часу. Поэтому и взгляд их в основном односторонний или поверхностный. Каждый учитель в классе, как и многие родители дома, видят, что не все подростки, и даже не большинство из них страдают так называемым трудным возрастом (пубертатом). И, следовательно, можно не считать эти страдания фатальной закономерностью для каждого в отрочестве.

В 8–10 лет большинство детей занимается в кружках: в спортивных, музыкальных, танцевальных, художественных.

В основном дети посещают кружки охотно и, на радость родителей, преуспевают в творчестве: в детской комнате висят рисунки ребенка и даже почетные грамоты — плоды его стараний в интересных увлечениях. Именно этому послушному возрасту радуются родители и в эту пору больше всего говорят о талантах своих детей. И детки действительно все с задатками, способностями, талантами — это очевидно всем. Но куда деваются таланты в 13–14 лет, по крайней мере, у большинства подававших надежды? И почему подростки вдруг бросают свои увлечения, маются бездельем и встают в позу противостояния? Почему и в учебе результаты их снижаются в сравнении с начальной школой? **Главная причина подростковой болезни в том, что ребенок уже не ребенок, он вырос, а с ним как с маленьким: ни обязанностей по росту, ни ответственности в деле — одно пассивное просиживание в школе.** Родители часто по своей привычке, по консервативности и придавленности общепринятыми предрассудками не успевают вовремя переложить многие обязанности с себя на набирающего взрослые силы чадо.

Наиболее цепкий предрассудок семьи: развивать детей интеллектуально и художественно и не научить их обслуживать себя в быту. Вне самообслуживания дети растут не только безрукими. Когда все время одни обслуживают других, — не может не порождаться эгоизм привилегированных, пусть даже они будут милыми с виду детьми. В безрукости много и других бед, например, физическая неловкость или бытовая неряшливость. Также, несвязанность головы с руками ведет к той односторонности, однобокости в развитии, в которой дети все знают, но делать ничего не умеют: они только болтливые и тщеславные умники. Ум, не связанный с разносторонним трудом и в первую очередь с физическим, лишает человека сообразительности, т. е. обречен на поверхностность, на односторонность понимания всех явлений. «Левша» из сказки — человек мастеровой, был в первую очередь сообразительным, со смекалистым умом, а не с праздным. И еще одна деталь. Вне самообслуживания складывается барское высокомерие: непрестижно быть человеком физического труда. А следовательно, зачем замечать и уважать материнский труд по дому? Зачем вообще замечать людей труда? Может быть, поэтому многим подросткам кажется, что родительская жизнь очень скучная, неинтересная: работа да домашнее хозяйство,

в отличие от их воздушных грез и томлений. И не без этой оторванности от жизни, от бытовых забот, касающихся всех дома, устанавливается непонимание детей с родителями.

Ростом с маму или папу, девица или с пробивающимися уси-ками молодец, не могут не иметь взрослых претензий. Зато могут с удовольствием побездельничать и не брать на себя никакой ответственности. **Поза противостояния подростка ко всем окружающим — это претензии переростка, не соответствующие его делам; это несоответствие физической зрелости внутренней (моральной в том числе), это запоздалое внутреннее взросление в условиях безделья и безответственности.** Запоздалость может растягиваться на многие годы, а то и перейти в старость, минуя зрелые годы. Инфантильность нередко свойственна и степенному возрасту.

С вырастанием детей родители уменьшают свой контроль над ними, и это правильно. Но все же неплохо бы видеть общий полет подростка: не пустовато ли он живет; не меньше ли у него обязанностей и ответственности в семье, чем у родителей? Если меньше — то как раз здесь и гаснут таланты, а заодно и подкрадывается инфантильность. Все состоявшиеся в творчестве люди всегда утверждали, что талант — это 99% труда. А у подростка праздность, от которой его ломает. В нарастании физических сил и при малой загруженности можно ли не маяться? Можно ли вообще повзрослеть вне дела?

Переростку вдруг все стало «неинтересно», все надоело, и он избавился от творческих кружков, в которые его вовлекли когда-то родители, заодно и от домашнего хозяйства. У него свобода не в деятельности, а в безделье. Как в самом раннем возрасте можно слишком забаловать малыша и этим закрепить в его характере эгоистические привычки, так и в подростковую пору без взрослого дела и взрослой ответственности духовный рост отстает от физического. Это те два порожка в воспитании, о которые чаще всего спотыкаются родители. Порожков в воспитании достаточно и других, где б нам родителям хотелось не спотыкнуться, но раннее младенчество и переход во взрослость — наиважнейшие периоды не только для физического, но и для психического развития человека. **Естественное развитие без активной и даже напряженной физической и душевной работы нарушается: подросток начинает страдать трудным возрастом, суть которого — капризы от безделья.** Психологи сердобольно подсказывают баловню,

что ему должны все сочувствовать. От требований родителей жить не бездельем подростки нередко уходят в позу противостояния, а то и в истерики. Ювенальные службы вместо помощи грозят растерявшимся родителям лишением родительских прав. Все условия, чтобы докатиться подопечным до цинизма.

Однажды в походе со школьниками мне расслышался такой разговор двух подростков у костра:

— Я даже рад был, что родители развелись, — пробасил первый.

— Почему? — спросил второй.

— А строгости поубавилось.

Этот разговор не мог мне не запомниться. Разумеется, участвовать в нем с нравоучениями было бесполезно: эгоизм здесь уже укоренившийся.

Скажем определенно, что такая картина разворачивается не со всеми подростками. Не все среди них циники, и даже капризами страдает не каждый. Противоречия в характере у кого-то проступают эпизодически, но **довольно многие школьники подростковый период проживают безболезненно. И более того: только в этом возрасте все, кто не маются бездельем, взрослеют без потерь. Нередко и перерастают своих родителей в стремлениях, а также как личности.** Мы все-таки встречаем доверительные отношения родителей с детьми, несмотря на то что вывихи в воспитании больше бросаются в глаза. Все, кто подросли внутренне, в соответствии с физическим ростом, внемлют старшим, тянутся к ним и умеют быть их друзьями. Как не радоваться взаимопониманию между детьми и родителями, учениками и учителями, молодыми и пожилыми людьми! В походах со школьниками узнаются многие подростки, у которых нет и тени трудности характера: с ними легко всем в дорожных испытаниях, и у родителей с ними много взаимопонимания. Приписывать «трудность» можно лишь тем, кого ломает от безделья, у кого эгоистический характер с капризными припадками. Разве может тунеядец, перекладывающий свой труд на других, не капризничать, не быть эгоистом в сущности?

Почему именно в 13–15 лет тяжелый характер особенно выпирает? Школьник 10 лет (даже если он баловень) знает, что он еще маленький, ему об этом малый рост подсказывает; 14-летка же чувствует в себе совсем другую весовую категорию. У него уже и претензии подростские. **В 10 лет ребенок**

весь еще мамин; он дитя и верит почти во всем родителям. Подросток не верит. Он уже много общается в социуме, и его коснулись нравы не только семьи, но и общества. И по росту, и по опыту жизни он уже имеет больше претензий, чем малолетка. Но это не значит, что ему виден уровень собственного душевного отставания. Зрелость человека (или незрелость) проявляется в каких-нибудь обстоятельствах, она не сразу видна окружающим, в отличие от заметных глазу телесных форм и объемов. **Собственная незрелость не видна акселерату, внушительному снаружи и зеленому внутри.** Он конфликтует со всем миром из-за своей капризности; ему мнится, что его не понимают. И он нисколько не задается вопросом, почему только его должны понимать, почему сам он не стремится понимать хотя бы самых близких людей.

Родители иногда за трудный возраст принимают стеснительность или неуверенность подростка. Но это совсем другое явление: эгоисты закатывают капризные сцены, не стесняясь. Неуверенность мешает только самому неуверенному в себе; от эгоистов же тесно всем окружающим. «Гадкий утенок», скованный, угловатый, стеснительный — это не эгоист, это неуверенный характер. С уверенностью он преобразается в лебедя. Неуверенностью обычно не восторгаются, и ее необходимо преодолевать. Но это качество не настолько тяжелое, как эгоизм, из которого, собственно, и возникает «трудный возраст».

Еще один разговор отца с сыном, которому я был свидетель.

— Почему на баскетбол перестал ходить? — спрашивает отец.

— Да никто из моих друзей не ходит. Там скучно.

— Никто... А почему музыкальную школу бросил?

— Ну... неинтересно...

Отец кинул сердитый взгляд на сына.

— Это неинтересно, то неинтересно. Так вот я тебе заявляю: определись, срочно найди, что тебе интересно, и знай — пустого времени у тебя не будет. Не позволю! Брошу все, чтобы восстать против твоего безделья.

Сторонники свободного воспитания сразу завопят по поводу таких ультиматумов. А я хорошо знаю эту семью и знаю, что вскоре у сына вся хандра прошла. Прошла потому, что случай незапущенный, и потому, что только такая постановка вопроса могла быть верной. Несмотря на массовый психоз подростков бросать все увлечения, сын устыдился отца. Он

услышал отца, потому что имел запас совести. Не будь этого запаса — в семье разыгрались бы драмы; не будь твердости у отца — в характере сына не обошлось бы без потерь.

Я вырос в деревне, где все подростки помогали родителям. Помогали нешуточно: вели все домашнее хозяйство, а летом в каникулы два месяца еще работали с отцами и матерями на уборке зерна, на сенокосе, в коровниках и кошарах со скотом, на зерноскладе и на току. Мальчишки пасли на лошадях отары тонкорунных овец, которых насчитывалось в селе несколько тысяч. Ни один из нас не страдал переходным возрастом, и даже слов таких никто не знал. Не было хандры, и не было слов. И не было той идеологии, проповедующей, что к каждому капризному подростку нужно приставить по психологу, ублажая его лестью. Представляю, как бы подняли на смех мои односельчане сегодняшнего психолога, рассказывающего на лекции в нашем сельском клубе о трудном возрасте лодыря. Наперед всем возражающим скажу: не было в те мои счастливые годы никакой эксплуатации детского труда, и детство было с большей внутренней свободой; в нем хватало и беспечности, без чего детство — не детство. Сельский труд больше всего готовил нас, подростков, ко взрослой жизни, кроме того, что прочно укреплял здоровье и закалял характер. К сказанному можно еще добавить, что и в городской жизни сегодня подростку всегда есть в чем помочь родителям.

Во взрослую пору мне удавалось путешествовать по необычным странам. Иногда по свежим впечатлениям я записывал некоторые наблюдения. Вот одна запись из дневника к нашей теме. Она совсем про другую жизнь из далекой страны Чад, из оазиса в Сахаре.

«Много красивых и выразительных лиц. Много интересных и ярких характеров. И много добрых людей! Не тех добрых, сентиментальных мещан, которые любят только кошечек и собачек, а тех, которые сочувствуют и помогают друг другу в тяготах жизни. Детей много скромных. Они все по-взрослому работают: несут дрова, везут на осликах и ручных тачках грузы. На окраине поселка расположены большие огороды, и на грядках тоже работают дети. Они получают мизерное образование в начальной школе, но их характеры и лица формируются сельским трудом, необходимым для жизни в суровых условиях. Нет среди них циников и эгоистов наших; в глазах есть ум и сообразительность. Этим бы детям дать хорошее

образование! Нельзя сказать, что давление нищетой создает лучшие характеры. Но мещанское потребительство так называемой "цивилизации" еще больше развращает нравы. По мне, как нищета, так и потребительство — крайности. На характеры в первую очередь влияет полезный людям труд. И в истерзанной нищетой Африке дети в основном все — помощники своим родителям. И лица их, соответственно, у большинства с печатью натруженности и человечности, а не с капризной избалованностью».

Трудный возраст — это болезнь только эгоистов. Главное противоречие подросткового возраста: сила богатырская, а богатырь без дела и ответственности. Он, видите ли, страдает «переходным» возрастом, живя в счет родительского труда. С этими страданиями детей носятся нередко и сами родители: вместо требований к бездельнику они бегут на поводу его капризов. Тем и другим, как уже сказано, сострадает вся одиозная псевдопсихология, опирающаяся, как правило, на авторитеты западных идеалистических школ и течений. Все эти течения любят основываться, конечно, на «бессознательном», а не на сознании. Здесь всякого рода эмпирики, бихевиоризм, гештальтпсихологи, когнитивисты, парапсихологи вплоть до экстрасенсов, ассоцианисты, экзистенциалисты, индивидуалисты, гуманисты, генетические психологи — всех не перечислить. Подобные школы исходят часто из освещенного буржуазной идеологией идеалистического учения Зигмунда Фрейда о психоанализе, а в нем из «либидо». Само слово пубертат на Западе предполагает сексуальную предопределенность возраста в виде обязательной болезни, с которой знают, как справиться, только психологи. Родителям надо лишь следовать их советам и раскошелиться за явившийся вдруг «трудный возраст» у праздно живущего подростка. Наши доморожденные последователи этих западных школ умно сводят высмеянную Фонвизиним инфантильность и деградацию сегодняшнего Недоросля к тургеневскому конфликту между поколениями. Не могут-де отцы понимать детей — предопределено. Они, эти сегодняшние толкователи характеров, не способны понимать, что герой Тургенева Базаров как раз противоположен Недорослю или Обломову.

Родители на этом заумном фоне «ученых» и «психологов» разводят руками.

Многие согласятся, что инфантильных, а значит, и эгоистичных юношей больше, чем девушек. Инфантильные не могут не

быть эгоистами: с ними же нужно кому-то нянчиться. Даже в походах, где маршрут и весь быт требуют много мужской силы, среди девочек-подростков значительно больше надежных участников. В повседневной жизни женщины тоже чаще ответственные мужчин и меньше скидают в трудных обстоятельствах. Почему так? Прежде всего потому, что общество вешает на слабый пол больше ответственности. Несправедливое общество, социально расслоенное, всегда перекладывает ответственность на наиболее слабых — и на женскую половину в первую очередь. Ответственные — значит менее инфантильные. Отец в семье — добытчик; мать также ходит на работу, после чего на ней еще домашнее хозяйство и дети. Так, по крайней мере, у большинства. На том же основываются и предрассудки общества: девочку, как минимум, готовят быть хозяйкой, а у мальчика, надеются родители, будет мама, а потом жена — они его обслуживают. Мальчик сильнее физически по природе, а обязанностей, как и ответственности, на нем меньше. Почему же ему не быть инфантильным, а вместе с тем и эгоистом?

Инфантильности сопутствует нередко определенная неврастения. От физической недогруженности организма уже в раннем детстве вылазят гиперактивность, дефицит внимания, импульсивность, а с подросткового возраста — впадение в депрессию. И гиперактивность, и депрессии — это часто несбалансированность психики с нагрузками, как физическими, так и психическими.

Перед каждым походом кто-нибудь из родителей сообщает, что его ребенок гиперактивный. Я не всем сознаюсь, что умею заговаривать от этого: за хороший недельный маршрут с рюкзаком, да в гору, синдром, как рукой снимает. После похода ребенок дома неделю, а то и две, спокойный. И потом снова заводится. Сам факт того, что мальчик после хороших нагрузок успокоился — ни на какую мысль не наводит таких родителей. И все разговоры с ними бесполезны.

— Неврологи и психологи не зря же говорят и пишут про гиперактивность?

А может, и зря... Во-первых, чтобы найти хорошего врача, нужно раз 50 сходить по разным клиникам (в Европе также). Во-вторых, медицина уже давно — беззастенчивый бизнес. Нарушения в психике могут развиваться по разным причинам. Но в подавляющем большинстве гиперактивность — всего лишь придуманная модная болезнь, и часто ее легко

устранять профилактикой. Лечебная физкультура или даже подвижный образ жизни, который может организовать каждая семья самостоятельно, если не искать отговорок, — способны излечить 90% сегодняшних болезней.

Причины гиперактивности в том, что за ребенка делают все наперед, что его не догружают физически, даже если ему некуда девать свою энергию. Гиперактивные дети, как правило, и эгоисты. Капризы, да еще при избытке энергии, не могут не дергать нервы у самого ребенка. Характер его вполне может становиться импульсивным и с неустойчивым вниманием.

«Трудный возраст» тем неожиданней является к переростку, чем более он был избалован с самого раннего детства (от рождения до 3–5 лет). **Эгоизм, порожденный в младенчестве и соединенный с праздностью в подростковую пору, дает особый букет невыносимости характера. Трудный возраст — неизбежное явление только для эгоистической натуры.**

Но все-таки, что делать родителям, если у сына или дочери «трудный» возраст набирает все большие обороты?

Нужны в первую очередь меры, а не слова:

1. Весь домашний быт (уборка квартиры, готовка еды на семью, стирка, мелкий ремонт и прочие заботы) переложить на плечи мающегося припадочными настроениями подростка.
2. Два-три раза перед сном всей семьей читать по часу только хорошие книги. Не модного «Гарри Поттера», а, например, классические рассказы Джека Лондона. Это мера лучше нудных родительских нотаций: все-таки Джек Лондон интересней пишет, чем мы родители каждый день морализуем.
3. Посещать один-два кружка и в своем хобби иметь очевидный результат: например, ходить к учителю на гитару — и на концертах не мучать, а радовать своих слушателей.

Ни в одном хобби не должно быть пустого времени. И вообще, лучше, чтобы пустого времени не было совсем.

Многие скажут: ну, этого невозможно добиться. Если этого добиться невозможно, тогда лучше оставить все как есть и наслаждаться семейными драмами. Драмы и трагедии в семье многим родителям легче сносить, чем последовательно тру-

даться. Тем более, чем что-то менять в укоренившихся привычках. У родителей, чьи дети были надежнейшими в походе, я всегда спрашивал, в чем секрет их воспитания? И почти всегда получал однозначный ответ: «дети должны быть заняты делом»; «не должно оставаться пустого времени»; «у них не остается ни минуты на глупости». Остальные же родители любили эфемерные величины: умилялись своим добром, хорошим тоном, «позитивным» настроением, даже тогда, когда все плохо. Им было лень организовать труд своих детей.

Труднее всего будет преуспеть в первом пункте. Чадо, привыкшее бездельничать, окажет яростное сопротивление родителям в том, чтобы труд семьи (в основном, это материнское рабство) распределить и на него. Подросток будет ссылаться на таких же бездельников, как сам и уверять, что никто из его школьных приятелей так не перетруждается дома, как он бедняга. Очень возможно, что он пожалуется ювеналам на свою судьбу, т. е. по сути — предаст родителей ради своего удобства. А родители, если они не совсем блаженные, увидят меру эгоизма своего переростка и в чем они ошиблись. Но все-таки при упорстве и необходимой последовательности, почти всегда можно улучшить ситуацию в семье несмотря на то, что государство, мягко скажем, часто стоит поперек вполне здравых родительских усилий. Хорошо бы также лет с 15 побудить подростка, как трудного, так и нетрудного, найти работу после уроков на 2–3 раза в неделю. Знаний жизни сильно прибавится, если подросток или старшеклассник найдет постоянную подработку. Это и помощь бюджету семьи, и знание цены деньгам, и опыт производственных отношений, и понимание для чего учиться. Среди моих походников некоторые ребята подрабатывали, чтобы ездить в путешествия. Они и учились осознанней, и меньше мучились после школы выбором профессии.

На втором пункте, на чтении книг, родители споткнутся о свою душевную лень. Сознаюсь, и мне не всегда давалась здесь последовательность, но все же наши дети книги читать постепенно научились. И научились отличать «чтиво» от достойной литературы. Последовательность в чтении, выучивании стихов и песен, больше выдерживала наша мама: она филолог по образованию.

Хобби подростков будут тоже тем содержательней, чем скорее дети избавятся от барского положения в домашнем быту и от чтения сплошной ерунды в телефоне. Далеко не

все понимают, что в нашу эпоху интернет — универсальное идеологическое пространство по обезличиванию, оглуплению и подчинению людских масс, и в первую очередь, подрастающего поколения.

Воспитание или перевоспитание подростков не может быть сковано шаблонами. Например, к набалованному ребенку нужно подойти строже, а к застенчивому — с большим вниманием. Если в школе витает теория добра и практика всеобщего безделья, то, может быть, дома нужно взять тон потребовательнее. Но по отношению к эгоисту самым подходящим принципом будет изречение Н. Г. Чернышевского: *«Добро невозможно без оскорбления зла»*.

Не всем читателям понравится мой ответ на вопрос: что делать, если подросток трудный? Не понравится трудная дорожка. Ведь многим легче верить в чудеса. И вся сегодняшняя литература про подростков предлагает чудеса: например, как особым образом уметь поговорить с бездельником, перерастающим своих родителей. Сказал что-нибудь очень умное или доброе — и подросток преобразился. Чудесные слова — и чудесное действие! Таковы кругом книжные рецепты, не подтвержденные на практике.

Любому такому фантазеру надо дать школьный класс и отправить его с подростками в многодневный поход. Пусть он посмотрит на действительные чудеса в жизни. Не слова, а условия жизни, в которых живет человек, важнее всего. И только потом имеют значение разговоры. Самые прекраснодушные слова не возымеют действия, если не поменять условий жизни, которые уже завернули Недоросля в «трудный» возраст. Лишь собственный опыт, притом не любой, а тот, который научит его жить трудом и считаться со всеми окружающими, т. е. коллективный опыт, очеловечивающий, а не эгоистический, сможет положительно влиять на уже покрывающуюся ржавчиной психику «трудного» подростка.

Как это сделать? Примерно так же, как растить хороший урожай: взрыхлять, полоть, поливать, удобрять, иногда опрыскивать. То есть переложить часть домашних забот на детей и сделать их досуг содержательным. Перевоспитывать значительно труднее, чем воспитывать изначально. Нужно радикально поменять условия жизни семьи: открутить в обратную сторону весь прежний эгоистический опыт подростка. Во что бы то ни стало поставить его в условия труда и ответственности.

Как добиться всего этого с меньшими потерями? А в этом и есть педагогическое искусство! И этим искусством не обязательно владеют только специалисты. Мать без высшего образования очень даже может воспитать своих детей лучше профессора педагогики. Все это не отрицает педагогическую грамоту. Но из этого во всяком случае следует, что не надо слепо верить всей писанине, пусть даже титулованной профессуре. Лучше всего опираться на классическую педагогику, а не на конъюнктуру сегодняшнего дня. Имея хоть трудных детей, хоть нетрудных, родителям будет полезно прочесть в первую очередь «Книгу для родителей» А. С. Макаренко. В противостоянии всем сердобольным предрассудкам Антон Семенович предельно ясно сформулировал и принцип отношения к детям на уровне трудностей жизни: **«Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требовательности к нему».**

К этому проверенному практикой опыту выдающегося советского педагога (ЮНЕСКО причисляет его к четырем самым великим педагогам XX века) родителям неплохо бы в простых словах определить цели воспитания своих детей. Очень частый сегодняшний критерий — успешность. И мы видим во всех фильмах «крутых парней» — героев нашего времени. Эта идеология выворачивает мозги не только детям, но и нам, взрослым. И не каждый из родителей спрашивает себя: успешным станет его ребенок или человечным прежде всего?

Родители иногда восстают против такого «массового искусства», которым умопомрачают всех от мала до велика. Они возмущаются этим, но чаще дома путем скандалов в семье. Однажды, ругаясь со своими детьми, я в сердцах сформулировал им коротко, что самое главное в человеке.

— Вы думаете, что мы с мамой хотели в вас воспитать? Чтобы у вас была совесть и чтобы вы были не хлюпики в жизни! Людей хороших много, но они часто слабые, неуверенные — их легко отодвигают наглые. Сильных людей тоже много, но они часто бессовестные. А вот людей, у которых совесть сочетается с силой характера, совсем немного.

Детям понравился вывод про сочетание. Старший сын тут же спросил меня не без иронии:

— Ну, и какой результат у нас, на твой взгляд?

— Все плохо! — отвечал я, выдерживая тон. — У всех троих нет сил одолевать трудности, а младшие эгоистички, т. е. бессовестные.

Вместе с мамой мы все расхохотались. И мама прибавила: — Папа, если сердит, то никого не пощадит: рубит с плеча.

Дети стали жалеть меня, что «все мои старания оказались напрасными». И все же для себя я считаю «вывод со зла» самым внятным. Внятным потому, что он понятен и детям, и потому, что в нем обозначено главное, что нужно для очеловеченной жизни: нужно иметь совесть и одновременно быть борцом против всего негодного. Эти два качества — прочный базис.

И здорово, когда на этом устойчивом базисе ученик приходит в школу, походную группу, танцевальный коллектив или к учителю музыки. Учитель всегда будет рад ученику с совестью и характером, его не нужно перевоспитывать: он сам ищет в жизни все настоящее.

Здоровые цели приведут к нужным средствам. Понятно, что надо не только приучать детей к домашнему хозяйству и хорошим книгам: жизнь значительно многогранней. Но это базис, без которого все остальное — красивый дом на плохом фундаменте. В завершение темы о подростках и причинах, приведших к «трудному» возрасту, можно привести очень убедительный вывод К. Д. Ушинского — «учителя учителей»: ***«Воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни».***

3. Отсутствие самокритики

«Эгоисты больше всего жалуются на эгоизм других», — заметил известный историк В. О. Ключевский. Сам эгоист не видит себя эгоистом, по крайней мере, не хочет видеть. Он привык порхать с малолетства под всеобщее внимание и умиление близких, и вдруг все наоборот — его критикуют. Он оказывает яростное сопротивление, если ему отказывают в привычном эго, а тем более попрекают этим. Критика, даже железно аргументированная, блокируется им вплоть до разрыва всех отношений с посягающими на его, как ему кажется, права. **Чем более эгоистичен человек, тем меньше у него желания слышать критику в свой адрес. Любая критика, пусть даже от самых близких людей, воспринимается им не как помощь, а как оскорбление.** Сказать при всех о недостатке, которым эгоист теснит окружающих, значит нажить себе врага. И тем более нельзя сказать ему

критику наедине. Он категорически отказывается от прямого разговора и видит в нем только нападение. Не считается ни с кем ему можно, а говорить об этом — посягательство на его личность, на права, на свободу вообще. **Требовательные люди кажутся эгоисту недобрыми или даже жестокими.** В силу того, что ему чужда самокритика, он легче принимает лесть в свой адрес. По своему искаженному чутью он даже дружит с теми, кто его не критикует и к нему не требователен. Соответственно и друзья у него чаще тоже эгоисты, которые будут друзьями до поры до времени. Их дружба проверится лишь тогда, когда нужно будет обязательно считаться с интересами других, жертвовать чем-то личным, помочь в трудную минуту, т. е. когда проверяются действительные отношения не на словах. «Не суди» проповедуют кругом официальные мудрецы постулат Библии, и эгоист удобно под себя хватается за священную мудрость: судить его нехорошо.

Но не судить совсем не получится. В любом конфликте, хоть и внутри семьи, вскоре последует осуждение. А если мы в горах всем классом? Даже если никто ничего не говорит вслух, все равно в мыслях все друг друга оценивают. Надо ли малодушничать вежливостью? У альпинистов давно сложилось такое понятие — «разбор». В наших школьных группах мы тоже делаем подведение итогов в последний день путешествия. Все ошибки, допущенные в прошедшем походе, лучше учесть, чтобы не допустить их в следующем: в этом залог безопасности. И не только. Дежурные, например, безответственно продежурили, и группа осталась полуголодной... Оценка ставится каждому, притом не от руководителя группы, а от всех участников. Кто хочет высказаться — пожалуйста, но главный итог будет оценка от всех голосованием: 2, 3, 4, 5. Оценка группы почти всегда объективнее оценки руководителя. Да, инструктор — опытный в горах человек и он обязан повелевать на сложном маршруте. Но на подведении итогов выводы большинства важнее. И в этом уже видно: придерживается ли инструктор демократического или авторитарного руководства (принципа). Умеет ли он повелительно вести маршрут и услышать потом критику в свой адрес, услышать многие мнения.

Это не просто мнения. Это проверенные суждения, в которых не остается места словоблудию: в походе все увидели друг друга в общем деле. Реакция на похвалы, критику и

оценки бывает разная. Те, у кого присутствует самокритика, могут переживать за высказанное мнение, но они и быстрее принимают замечания коллектива. Все раненые себялюбием только обижаются. Некоторые бросают походы, потому что им не польстили. И все же подведение итогов подавляющим большинством группы воспринимается как самый честный разговор: в нем все проверено большим событием. Нельзя не сказать правду, когда все зависело от взаимопомощи! И правда как на ладони: что можно скрыть друг от друга, находясь долгие дни вместе и в затерянной дали?

Тому, кто получил «5», могут прибавить пожелание. Например, задавался или несколько злоупотреблял властью коменданта, хоть и помогал всем тяжело идущим на маршруте. Кому-то скажут, что нашли в нем друга: «Если ты пойдешь в следующий поход, — я тоже пойду». Бывает, друг критикует своего давнего друга, и тот не обижается, это тоже признак настоящей дружбы. Кого-то упрекнут жестко: верзила, а обижал младших. Я не помню ни одного похода, чтобы разговор проходил равнодушно. Если провести такое собрание в школьном классе, но без похода, то разговор может не получиться; он будет беспочвенным. Из него, может быть, даже выйдут ненужные склоки. Потому что не было большого события, преодоления трудностей, столь тесных отношений; не были полностью проявлены характеры. Есть такая закономерность: чем меньше эгоистиков и чем больше требовательных людей в группе, тем строже оценки каждому. И поход будет тем ярче, чем больше требовательных людей. Дружбы тоже будет больше! И еще нюанс: те дети, которые ходили с нами в походы, теперь больше психологи, чем если бы они не ходили. Походы им помогли лучше разбираться в людях.

Открытый разговор чужд только эгоистам. Взрослым, кто отважился пойти со школьниками, тоже ставят оценки. Одному из таких папашек поставили однажды тройку. Он со мной потом год не разговаривал. Я, конечно, пытался дипломатически сгладить оценку, но собрание сразу лишило меня слова. Отцу семейства отметили не только его грубость, но и то, что он больше всего заботился о себе. А когда ставили оценку мне, то тоже намекнули, что со взрослым помощником я промахнулся. Вообще, критика школьников в адрес взрослых может только помочь им не забываться, если они, конечно, не с уязвленным самолюбием.

Почему-то все взрослые думают, что они запросто найдут общий язык со школьниками, да еще в походе: для этого достаточно всего лишь их внешней солидности. Я старался, но не всегда находил подходящего помощника, который необходим даже по формальным правилам. Пользы с него, может быть, как с козла молока, а куда деваться, «положено». Такие взрослые любят почему-то пользоваться всякими привилегиями в детской группе. Единомышленник же в работе — великая удача! Если взрослый удачно подобран, тогда достаточно сказать детям, что он не будет выполнять роль прислуги, а на правах рядового участника в свой черед продежурит и т. д. Его авторитет никак не падет от этого. Наоборот, за то, что он не станет лезть кругом папашкой, его будут еще больше уважать. Если такой взрослый внесет в коллектив неунывания или чего-то творческого — его будут обожать. Мне все же со взрослыми везло: почти всегда удавалось находить помощников из настоящих оригиналов. Все они были требовательны к детям и уважаемы ими... Разве что не могли угодить эгоистикам.

4. Неискренность, и как следствие, двуличие и склонность к интригам

Искренность — немалое мерило человека. Это та черта, которая сразу вызывает симпатию у людей. Человек может быть закрытым или даже угрюмым, но при этом оставаться искренним. Достаточно ему задать прямой вопрос — и последует прямой, открытый ответ. Трудно представить себе искреннего эгоиста. **Эгоист научен скрывать свою сущность уже потому, что его стремления корыстны: удобство за счет других.** И не важно, сознается ли он сам себе в своих, неудобных другим устремлениях, — он все равно не открыт. Эгоист к тому же не ступает перед всеми только в одном качестве. Он может быть достаточно талантливым музыкантом, владеть хорошими манерами, иметь личину добродушия. Он может также разыгрывать искренность, артистически владеть таким искусством, но это уже двуличие. Двуличие, как и склонность к интригам, больше всего характерно для людей, так называемого светского общества. «Война и мир» Льва Толстого — лучшая книга по психологии всех аристократических снобов, в том числе и одиозной элиты. Его роман написан как будто бы сегодня — то есть, написан на века.

5. Необъективность сознания и поверхностность мышления

Эгоист не видит себя эгоистом в то время, как окружающим заметно его тяжелое качество, которое рано или поздно проявляется. Он не только себя не видит, но также и не разбирается в людях. Второстепенные качества человека кажутся ему главными и наоборот. **Почему восприятие эгоиста как себя, так и окружающих людей искажено? Прежде всего потому, что весь его жизненный опыт сводится к концентрации внимания в основном на себе.** Ему уделялось постоянное внимание родителей и близких с самого рождения, а не он был внимателен к другим; ему сочувствовали, а не он родителям. Это одностороннее внимание развивало его однобоко: чувствовать только себя. Но сосредоточенным только на себе не дается понимать других. Да, это не вина ребенка. Но независимо от этого — это его условия жизни, которые формировали его чувства, его восприятие мира, всю его психику. И он к этому перекосу только в свою сторону привык, как привык и не считаться с другими. Все его восприятие закреплялось на рефлекторном уровне. Привычка — это условный (закрепившийся) рефлекс, самая устойчивая форма реагирования на все окружающее. Вся психика базируется на физиологии, тогда как псевдонаука изображает душу человека самодовлеющей тайной. Из привычек и складывается в основном поведение человека. В этой привычке — чувствовать только себя формируется и одностороннее, искаженное восприятие окружающих людей и всех явлений жизни.

Совсем другой, более широкий диапазон чувств испытывает каждодневно ребенок, которому нужно считаться с другими. Почувствовать других — это уже обратная связь, более многосторонняя, и в этом начинает формироваться коллективист. С этой многосторонностью он начинает ориентироваться лучше индивидуалиста в других людях. Чувства индивидуалиста, как и все его мировосприятие имеют узкую полосу: только к себе; мировосприятие коллективиста значительно богаче. Его каждодневный опыт более широк. **В привычке считаться не только со своими интересами, а еще с интересами окружающих людей лежит и более глубокое восприятие и понимание всех явлений жизни. Это один из главных законов формирования психики.**

Какой может быть опыт у ребенка? — Станет недоумевать кто-либо из взрослых. Колоссальный! У него не было, конечно, взрослой жизни, но были 5, 10 или 14 лет, наполненных событиями и отношениями со всеми, кто его окружал. Жизнь десятилетнего ребенка надо помножить на 365 дней, а в них еще увидеть многие каждодневные события, отношения и переживания — разве мало? И здесь весь вопрос в том: насколько этот опыт был слаженным со всем окружением жизни.

Искаженный опыт ребенка скажется не только в его взаимоотношениях с людьми, но и в познании им окружающего мира: его воспитание будет менее объективным. У эгоиста часто хорошая память, развитая речь, выразительные способности (до подросткового возраста), что очень умиляет взрослых, но хуже с устойчивым вниманием и особенно глубиной мышления. Субъективность эгоиста уже в том, что он не видит себя эгоистом. Школяр, пусть даже отличник, часто выезжает с хорошими оценками на памяти и говорливости, но это еще не значит, что он глубокий человек. Тем более что в образовании очень многие преследуют цель напичкать головы знаниями без глубины их понимания. Свойства и процессы психики: память, речь, воображение, способности и т. д. закладываются наиболее активно в раннем возрасте — и развивать их важно. Но важнее всего тот опыт жизни, в котором ребенок лучше понимает окружающих людей, а не только сосредоточен на своей персоне. Тогда и все другие явления в жизни он связывает не только с собой, но и с другими вокруг него людьми. Поэтому восприятие эгоиста одностороннее и более субъективное, а восприятие коллективиста — многогранное, богаче и более объективное.

В сегодняшней жизни соцсети нам нередко рассказывают о сосредоточенных на себе самосовершенствующихся персонах. Это тоже тип эгоистов, довольно комичных, смотрящих только на свое «сознание» или свой пуп: они только и делают, что познают себя. Чтобы разбираться в себе, нужно научиться понимать и других людей. Понимать, не умствуя, а сотрудничая с людьми. В поступках по отношению к другим людям человек и познает себя прежде всего, а не в мистических созерцаниях. «Философия» всех этих мудрецов всегда сводится к идеализму.

IV. Эгоизм и педагогика

1. Социальные корни эгоизма и господствующая идеология

Ежедневные новости СМИ извергают отовсюду сплошную ложь и общество, до поры до времени, это проглатывает. Если эта ложь приедается — находят новую. Ни одна новость официальной пропаганды не преподносится вне идеологии и рамок господствующего строя, которым сегодня является капитализм. Причина повсеместной лжи кроется в социальной несправедливости. Есть кучки миллиардеров и мультимиллионеров, и есть многомиллионные нищающие народные массы; есть класс капиталистов и класс наемных рабов. Само положение жирующего, паразитирующего класса капиталистов по отношению к остальному большинству, в основной массе бедствующего народа, эгоистично. «Сытый голодного не разумеет» — народное понимание эгоистического положения раба около господина, класса капиталистов над подчиненным классом наемных рабочих. **Социальные корни эгоизма кроются в социальном неравенстве между людьми.** Капитализм пытается постоянно оправдывать неравенство. Ложь — средство для оправдания социального неравенства и эгоизма.

Неравное положение классов порождает борьбу противоположных идей. Несправедливость между антагонистическими классами официальная идеология оправдывает рассказами о равных возможностях людей и свободе человека, на основе условной демократии. Но для всех ли людей в обществе свобода и демократия? Капитализм — это свобода для капитала (свобода торговли, свобода на любые прибыли и собственность) и их владельцев: в этом вся суть буржуазной демократии. Так же, как рабовладельческая демократия не для рабов, буржуазная демократия — не для наемных рабочих, а только для тех, у кого капиталы. Об этом умалчивают проплаченные пропагандисты. Буржуазная сказка о том, что нищающие массы равны в правах и свободны наравне с миллиардерами, похожа на фальшивый праздник 4 ноября — День народного единства: праздник холеного олигарха на яхте и изнуренного шахтера в забое.

Буржуазная идеология защищает только близкую себе мораль, образ жизни «свободного», эгоиста и индивидуалиста,

живущего за счет угнетенных. **Индивидуализм и коллективизм — две противоположности в идеологии и морали.** Первую защищает господствующий класс, вторую, сознательно или сочувствием, отстаивают наемные рабочие. Это совсем не значит, что в рабочих кварталах обитают только коллективисты и там не хватает эгоистов или даже защитников индивидуализма. Капитализм — это также анархия производства и волчья конкуренция, в которых участвуют все и воспитываются все. Под воспитанием многие понимают благонравные наставления из уст профессоров-оракулов, а не саму жизнь. **Социальная несправедливость и дикая конкуренция сказываются на всех отношениях людей в семье и в школе, на предрассудки в воспитании и порождают эгоистов во всех слоях общества.** Дележ собственности (недвижимости) между родственниками — самая сатирическая картина на эгоизм, порождаемый капиталистическими отношениями. Капиталисты свою ненасытную жадность к наживе, свою духовную убогость, исходящую из этой страсти, свой эгоизм приписывают природе человека, а не сущности капитализма, которая делает волками, прежде всего, самих капиталистов. На верхушке социальной лестницы эгоистов больше всего, и там они самые махровые, поскольку прорваться туда можно лишь любыми средствами и не смущаясь совестью. А по мере разжирения их эгоизм нарастает уже до безумия — это, к слову сказать, об элите. *«Подлецы потому и успевают в своих делах, что поступают с честными людьми, как с подлецами, а честные люди поступают с подлецами, как с честными людьми»*, — заметил давно В. Г. Белинский. **Предрассудки общества тем нелепее, чем больше социальное расслоение в нем.** Они набиваются в головы теми волчьими отношениями и соответствующей им идеологией, какими характеризуется капитализм, а не природа человека. Мысли большинства — это мысли господствующего класса — утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс в своем капитальном труде «Немецкая идеология».

Эгоисту всегда удобен индивидуализм (не будем путать с индивидуальностью, личностью), на какой бы ступени социальной лестницы он не находился. Он всегда противопоставляет себя, явно или скрыто, коллективизму. Понимание индивидуализма, как и эгоизма, очень запутано. В большей мере умышленно, чтобы господствующая идеология могла черное выставить как белое: оправдывать капиталы правящего клас-

са, а с ними их сопутников — эксплуатацию, войны, угнетение народов и эгоистическую «свободу» капиталиста. Есть разные теории оправдания эгоистической морали. Если обратиться к пониманию эгоизма и индивидуализма в ученой литературе, то скоро попадаешь в мусорную свалку самых противоречивых мнений. Титулованные профессора (философы, психологи, юристы), а также официальные пропагандисты (политологи, журналисты, блоггеры) всех направлений и толков утверждают вразнобой, что эгоизм, как и индивидуализм — это хорошо, а также — не всегда хорошо. Но в некоторых случаях даже совсем плохо: капиталист ведь не должен обманывать капиталиста. Вся эта галиматья, падающая на голову студента психологического или юридического факультета, говорит о том, что ученые в чем-то не могут между собой согласиться. В чем же? Ведь они ученые, а следовательно, умные.

Ученый мир тоже отражает противоречивые мнения классового общества: капиталистов и наемных рабочих. В интернете в первую очередь пестрит все самое несуслазное, в том числе от наемных «столпов науки». **Теория «разумного эгоизма» — наиболее популярная и продвигаемая. Она придумана капиталистами и их холуями, и входит в составную часть их «философии».** Высокопарным слогом в ней оправдывается паразитство правящего класса. В философии во все века ее существования всегда боролись два противостоящих направления, к каким бы они философским школам и течениям не принадлежали: материализм и идеализм. Эти два в корне различных воззрения на мир являются основным вопросом философии. Сами термины: материализм и идеализм в обыденном разговорном смысле означают совсем не то, что в философских баталиях. **Идеализм — реакционное направление и всегда защищает индивидуализм и эгоизм. Материализм отстаивает мировоззрение коллективизма.** Сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть социальные корни эгоизма и не погружаться дальше в философские споры. В своей очерке я беру не философский аспект, а педагогический, который больше бьет учителей и родителей.

«Личный эгоизм — родной отец подлости» — бескомпромиссно припечатал индивидуалистские стремления человека Максим Горький. «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет», — заметил Ф. М. Достоевский. Мыслитель Людвиг Фейербах сказал не только про свое время, но и про сего-

дняшний день, что эгоизм может быть и общественным («социальный, корпоративный, патриотический»), т. е. не только офисным, узкогрупповым поеданием одних другими, но даже истязанием одних наций другими. Богатые страны держат всеми щупальцами, как свой придаток, зависимые бедные, и разжигают в них войны. Ради выкачивания ресурсов по всему миру устраиваются войны по сценарию крупнейших государств. А мещанин (бюргер) старается об этом не думать за пивом или кофе. Можно привести факт массового эгоистического равнодушия обывателя. Вторая Конголезская война (1998–2003 гг.) в Африке, которая была совсем недавно, должна была поразить человечество своим злодейством: в ней уничтожено более пяти миллионов африканцев. Пять миллионов!!! Это же мировая война, вынесенная на бедствующий и без того континент. Но ничего подобного. Мещанин даже не знает об этом, он занят собой и своими страстишками. Он болеет за футбол или переживает за кошечек и собачек в интернете. За это мещанское равнодушие и ему нельзя было не поплатиться: так называемый средний слой сегодня тотально беднеет и в богатых странах, не говоря уже про обездоленных в них. **Эгоизм не имеет границ жадности:** богатейшим недостаточно богатств от сырья и эксплуатации бедных стран, они вскоре начинают стричь, как овец, «средний слой» в своих же странах. Обыватель, не желающий глядеть дальше носа, этого подбирающегося к нему процесса не видит. **Мещанин тоже не малый эгоист в своем равнодушии относительно более бедных и угнетенных на планете, будь он из какой угодно страны.**

2. Две педагогики

Не идеализируя советского устройства жизни, нельзя все же отрицать в ней фундаментального состояния науки, в том числе педагогики и психологии. В СССР издательством «Промсвещение» с добросовестной последовательностью были составлены хрестоматии и многотомные энциклопедии, как по зарубежной, так и по отечественной педагогике. Также Академия педагогических наук выпустила обстоятельно подготовленную серию книг по антологии педагогической мысли не только России, но и почти всех, на то время союзных республик. Например, учитель из Киргизстана найдет «Антологию

педагогической мысли Киргизской ССР», которая будет не менее полезна российскому, грузинскому, казахскому... и вообще всем учителям любой страны. Если, конечно, учитель самостоятелен в познаниях, если он не пешка, а личность. Вся же сегодняшняя писанина для учителей и родителей, как раз противоположна по направлению к такой фундаментальной науке, и почти вся она прозападная (насквозь буржуазная), хорошо оплаченная, а стало быть, и модная. И это не случайно. **Противоположные взгляды на школу, воспитание, просвещение — это две противоборствующие педагогики: для воспитания индивидуалиста и для воспитания коллективиста.** Учителя и родители в этом противоборстве блуждают чаще в сторону господствующей идеологии того времени, в котором они живут. Им, как и всему обществу, подкидывают сплошь заумную идеалистического толка науку психологию, которая настойчиво культивирует эгоизм. «Любить себя!» — на каждом шагу призывает она льстиво. Даже Библия завещает людям: любить ближнего, как самого себя. А тут — только себя, и мать еще должна любить баловня, независимо любит ли он мать. В этой шарлатанской «науке» эгоизм не только не изъят характера, а наоборот — замечательная оригинальность, которой надо умиляться: уважайте все эгоиста, будьте к нему толерантны. Есть и завуалированные обоснования, суть которых менеджерская выгода: надо любить и других — тогда они ответят тем же. Это полезно и себе... для успешности и прибыли. Почти все новейшие тиражи, заполнившие книжные магазины, библиотеки, интернет культивируют эгоизм. В духе времени вся книжная индустрия по психологии и педагогике повернула в сторону эгоиста-потребителя. И любовь стала потребительской категорией. Не торжествует же сегодня предельно ясно сформулированная и вполне здравая мысль педагога А. С. Макаренко: **«Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему».**

После прочтения этой длинной статьи нужно обязательно посмотреть короткий советский мультфильм «Чертенок № 13».

2024 г.

*«Поразительно удачный педагогический
эксперимент Ваш имеет мировое значение...»*
М. Горький

Антон Семенович Макаренко

I. Биография и «Педагогическая поэма»

Годы жизни А. С. Макаренко (1888–1939) пришлось на две очень разные эпохи: на царизм и советское время. На это нужно обязательно обратить внимание. Антон Макаренко родился в городке Белополье Сумского уезда Харьковской губернии в семье рабочего маляра, работающего на железнодорожной станции. Мать оставалась домохозяйкой. У родителей родились пятеро детей, две девочки из которых умерли в детстве. Старшая сестра Александра и младший брат Виталий (Антон — третий ребенок по рождению) никогда не упоминались в биографии педагога в советское время, потому что во время Гражданской войны Виталий воевал на стороне Белой армии в качестве младшего офицера и затем эмигрировал во Францию. О сестре Александре почти ничего не известно.

В 1895–1904 годы Антон учился в школе (училище) в Белополье и Кременчуге — небольших городках. Школу он окончил с отличным аттестатом. Еще год учился на педагогических курсах при том же Кременчугском училище.

В 1905–1914 годы Антон Семенович работает учителем в училищах (так назывались тогда школы) при железнодорожных станциях в Крюкове, а затем в Долинской. Преподает в них в течение девяти лет русский язык, литературу, рисование, черчение. Также работает внеурочно воспитателем в интернате, где жили дети железнодорожных рабочих. С этим солидным педагогическим стажем он поступает учиться очно в Полтавский учительский институт, который окончил с золотой медалью. Этот шаг — учиться в зрелом возрасте (ему

26–29 лет), говорит о постоянной потребности к познаниям и сознательном намерении Макаренко посвятить себя педагогической работе. Больше всего в институте он занимался историей, литературой, педагогикой, и глубиной знаний нередко удивлял преподавателей и всех близких знакомых. Золотую медаль он получил за выпускную работу «Кризис современной педагогики», в чем виден его критический и философский склад ума.

Биография, это прежде всего эпоха, в которой живет человек. С 1914 по 1918 годы людей бьет миллионами Первая мировая война. В 1917 году в России бурлят две революции: Февральская и Октябрьская, отстранившие от власти сначала царя с распутинской камарильей, а затем капиталистов и помещиков. В 1918–1922 годы бушует Гражданская война, которая повсеместно поддерживалась иностранным оружием и интервенцией. Братья Макаренко сполна разделили своими судьбами все эти исторические перипетии. Антон в 1916 году был отозван с учебы в армию, но через несколько месяцев по слабости зрения демобилизован. Окончил он учебу в педагогическом институте как раз в год революции. В 1917–1919 годах Антон Семенович работает заведующим большой школой в Крюкове. Виталий — поручик царской армии (имел уже несколько ранений) после революции какое-то время даже помогал брату в работе с детьми. Гражданская война снова увела офицера в Белую армию, после поражения которой он эмигрировал. Нередкая биография братьев во время революций и войн.

В 1920–1928 годы Антон Семенович работает с беспризорными подростками, заведующим колонией имени Горького под Полтавой. Уже после двух лет самоотверженного труда единомышленников-педагогов вместе с Макаренко, колония имела большие воспитательные и производственные успехи. Заведующий народным образованием Полтавы давал такую рекомендацию в Московский институт наробраза: *«За 2 года управления колонией при очень трудном составе детей тов. Макаренко создал одно из лучших учреждений Полтавской губернии»*. Еще год спустя Макаренко писал своей бывшей коллеге: *«Трехлетний колонийский опыт — это вся моя будущая работа. Чтобы я не сделал потом, начало все-таки нужно будет искать в колонии»*. В 1926 году горьковцы перебазировались в Куряж под Харьков, объединив, по сути, две колонии. Куряжская колония находилась в это время в крайне

разложившемся состоянии. Организованный коллектив горьковцев быстро нормализовал жизнь всего нового пополнения. Обо всей этой работе Макаренко с большой правдивостью рассказал в «Педагогической поэме» — выдающимся педагогическим произведением.

Чем примечательна «Поэма»? Даже искаженная многократной цензурой и сокращениями, эта книга — лучшая во всей педагогике. Она рассказывает о небывалом явлении в мировой практике: стопроцентом положительном результате в большом детском учреждении, да еще из беспризорников. Книга переведена более чем на 50 языков мира и ставит в тупик всех бесплодных теоретиков от педагогики и официальную школу вместе с ними достигнутым фактом и действенными методами. «Педагогическая поэма» — яркое эмоциональное художественное произведение, не придуманная повесть о детских судьбах после двух войн и революции.

Вторым огромным достоинством книги является рассказ об организации действительно демократического самоуправления в детском коллективе. Структура этого самоуправления показана в действии и во всех деталях. Колония имени Горького (а впоследствии и коммуна имени Дзержинского) — это социально справедливое общество в миниатюре, притом общество трудового, творческого, устремленного к большим человеческим целям детского учреждения. Сквозь каждую главу книги видна общая линия: зарождение коллектива, затем нередкие его драматические срывы и снова все более яркое проявление коллективизма воспитанников. Видна картина развития самоуправления, внутреннего созревания коллектива, в котором есть место интересам и здоровому росту каждого воспитанника. Самоуправления, в котором нет довлеющей над остальными верхушки. И только такое справедливое положение и ответственное состояние всех и каждого Макаренко называет коллективом, а не любую группу людей, пусть даже организованных в учебный класс, рабочую бригаду и т. п. **Воспитание в коллективе и через коллектив — стержень всей педагогической работы, базовый метод воспитания. Вся жизнедеятельность воспитанников организовывается на основе коллективизма, а не индивидуализма.**

Третье, на что невозможно не обратить внимание, читая педагогическую драму, колония становилась на ноги эконо-

мически трудом самих воспитанников. Исключительно хорошо организованное сельское хозяйство (урожай с полей и образцовое животноводство) позволило создать в конечном итоге рентабельное производство, приносящее достаток всем колонистам в пору разорения страны после двух войн. **Участие детей в производстве (в соответствии с возрастом) закаляет их и не отрывает от жизни — второй стержень педагогики Макаренко.** Кто сможет назвать сейчас подобный пример так называемого трудового воспитания, которое всегда провозглашалось в школе, но фактически являлось лишь бутафорией. Сельскохозяйственный труд при этом сочетался с учебой в школе, которая была при колонии. На учебу первоначально не делалась ставка: работать и параллельно учиться, оздоравливая нравы и привычки, и постепенно убеждать воспитанников в необходимости образования и самообразования; учиться сознательно, а не отбывать время в учебном классе. *«...поступательное движение нашего хозяйства является у нас главной формой воспитательного и образовательного процесса».*

Воспитание в коллективе и участие детей в настоящем производстве (не путать с эксплуатацией детского труда) — две главные основы макаренковской педагогики.

«Педагогическая поэма» выходит за рамки рассказа о событиях лишь одного детского учреждения, она широко показывает окружающую жизнь, новую советскую республику и драму перевоспитания беспризорников. Показывает драму не слезную, а величественную! Сколько граней жизни освещает только одна книга: детская колония в лесу и здесь же шныряющие бандиты; беспризорники и с ними вместе педагоги около керосиновой лампы по ночам; холод, голод и борьба за хозяйство с научной агрономией и селекцией; уличные привычки шпаны и сомнения вместе с отчаянием педагогов; окружение крестьян, в большинстве забитых и темных, и театр воспитанников — культурный центр жителей окрестных деревень; самоотверженность педагогов и реакционность чиновников, быстро устроившихся на теплые места в условиях формирующейся власти; великий писатель Горький и трепетная переписка с ним босяков с улицы; скудоумие заносчивых «ученых» педологов и находки педагогов-практиков... В книге около 60 глав. Каждая глава — яркая, часто

неожиданная грань, повествующая просто, без всякой позы, о великом деле: одолении косности общественных предрассудков и воспитании нового человека. **«Поэма» — свидетельство новой эпохи со всеми ее противоречиями, в определенной степени учебник истории.** Каждый рассказ, просто изложенный, имеет большую глубину взгляда; повествование захватывает читателя событиями, движением коллектива к большим целям. Главы «Гопак», «Преображение», «У подошвы Олимпа», близкие к развязке книги, можно перечитывать многократно. *«С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжанами, да и вообще, очень многое дьявольски волновало... Хорошую Вы себе "душу" нажили, отлично, умело, она любит и ненавидит»,* — писал Максим Горький Антону Семеновичу.

Кроме сельскохозяйственной работы и учебы в школе большое значение в колонии имел содержательный досуг детей. «Педагогическая поэма» не сразу знакомит читателя с новыми увлечениями бывших беспризорников. *«Вечерами в спальнях мы часто устраивали общие чтения... В течение первой зимы мы прочитали многое из Пушкина, Короленко, Мамина-Сибиряка, Вересаева и в особенности Горького... Сильно поразили всех "Детство" и "В людях". Их слушали затаив дыхание, и просили читать "хоть до двенадцати". Сначала не верили мне, когда я рассказал действительную историю жизни Максима Горького, были ошеломлены этой историей и внезапно увлеклись вопросом:*

— Значит, выходит, Горький вроде нас? Вот, понимаешь, здорово!

Этот вопрос их волновал глубоко и радостно».

В колонии собирается своя библиотека, работают спортивные кружки, организуется больше игр, создается свой оркестр, выпускается огромной площади стенгазета. Театр разросся и стал собирать публику всех окрестных деревень и приезжающих горожан. Колонисты в виде отпуска и во время школьных каникул совершали большие походы по стране. И все это не было насильственным заставлянием или показухой, а исходило из инициативы воспитанников, которая являлась следствием содержательного и насыщенного каждодневного производственного труда.

«Поэма» в художественной форме рассказывает о педагогической работе — самой творческой профессии из всех: о

воспитании человека. Стезя Макаренко — перевоспитание, дело еще более трудное. Перевоспитание беспризорников не могло происходить не тернистым путем. Беспризорность — это изломанные судьбы. Выправление характеров колонистов продвигается медленно, как выздоравливание больного человека после хронической болезни. *«Картина в общем была тягостная, но все же зачатки коллектива, зародившиеся в течение первой зимы, потихоньку зеленели в нашем обществе... Каждый день моей тогдашней жизни обязательно вмещал в себя и веру, и радость, и отчаяние».*

«И старые и новые колонисты всегда демонстрировали уверенность, что воспитательский персонал не является силой, враждебной по отношению к ним. Главная причина такого настроения безусловно лежала в работе наших воспитателей, настолько самоотверженной и, очевидно, трудной, что она, естественно, вызывала к себе уважение».

Макаренко стремится не просто лечить, а еще закалить характеры: *«Человека нужно не лепить, а ковать».* После нескольких лет жизни в колонии воспитанники уже ничем не напоминали беспризорных, и работа педагогов с ними велась, как с обычными детьми. Коллектив колонии, единый коллектив педагогов и воспитанников, сформировался исключительно яркий: он отличался мажорным настроением, созидательным и творческим стилем жизни; колонисты стали тянуться к учебе в школе и к серьезным книгам. «Поэма» имеет еще много других достоинств, кроме того, что она убедительный рассказ о меняющихся характерах воспитанников и труде педагогов, наполненном творческим поиском. Много ли можно назвать книг в подобном жанре, где показана полная оптимизма и не нафантазированная жизнь? Эта книга не вышла бы в печать без помощи Максима Горького. Об этом свидетельствует вся переписка двух большой души людей.

В 1928 году чиновники уволили Макаренко из колонии, и даже великий писатель не смог здесь помочь. Антон Семенович с сарказмом писал в конце 1928 года Н. Ф. Остроменцкой: *«... сама колония М. Горького в результате объединенных усилий многих более умных и талантливых людей, в том числе и из Наркомпроса, и из Комсомола, и из литературы, сейчас очень быстро идет к гибели».*

Из письма А. М. Горькому: *«Моя личная трагедия, конечно, меньше всего может занимать даже меня самого — мало ли*

у кого глупые руки отнимали дело целой жизни. Жаль колонии».

С 1927 по 1935 годы Макаренко работает в Коммуне имени Дзержинского в пригороде Харькова, параллельно продолжая еще около полугода заведовать колонией имени Горького. Первые 50 воспитанников колонии были переведены им в коммуну, и они сразу задали здоровый тон в жизни нового учреждения. Коммуна (до 600 человек) пополнилась еще некоторыми горьковцами, новыми беспризорниками, собранных с проходящих крымских и кавказских поездов («курортное общество»), а также и «трудными» подростками из семей. Пополнение было ежегодным по мере выпуска старших. Деятельность коммуны он описал в книгах: «Марш 30 года», «ФД-1» и «Флаги на башнях», о которых высказывался иногда скептически. *«"Флаги на башнях", нечто навеянное коммуной имени Дзержинского... все равно это не то, что я должен сказать и могу сказать».*

Для коммуны были построены добротные корпуса на деньги со взносов чекистов. Добровольными отчислениями чекисты хотели создать памятник Ф. Э. Дзержинскому (умершему в 1926 году) не на постаменте, а продолжающимся делом в помощь беспризорным. Финансирование коммуны оказалось крайне ограниченным и вскоре прекратилось. Как и в колонии имени Горького Макаренко стремится к организации самостоятельного полноценного производства в коммуне. Дети учились и работали по 4 часа, младшие — по 2 часа в мастерских, преобразованных затем в цеха. В дальнейшем построился завод, выпускавший первые электродрели в СССР, а затем известные фотоаппараты ФЭД. 29 марта 1939 года на совещании учителей Ярославской железной дороги Антон Семенович, уже не работая в коммуне, рассказывал: *«Коммуна им. Дзержинского существовала восемь лет и только один год была на бюджете. Остальные семь лет она была снята с бюджета, и последние семь лет она покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн рублей давала государству чистой прибыли... Вы представляете, какой силы инструментовка была в руках педагогов. Мы решаем: едем 500 человек по Волге, на Кавказ. Для этого нужно 200 тыс. рублей. Постановили: в течение месяца работать полчаса лишних, и в результате получаем 200 тыс. рублей».* Все, о чем рассказывал и писал педагог, известно нам сегодня из его книг, многих

сохранившихся документов, воспоминаний коллег и воспитанников, из исследований макаренковедов.

Коллектив коммунаров был настолько ярким, деятельным, интересным, что его стали посещать (как посещали и коллектив горьковцев) союзные и зарубежные делегации. И Макаренко сумел не превратить эти смотрины в показуху. Экономические успехи коммуны тоже поражали всех, но главное дело, от которого никогда не отступал педагог — это воспитание. **Опыт горьковской колонии в коммуне им. Дзержинского был продолжен и отточен в деталях всей педагогической техники, создав пример практики, и на ее основе — целостное научное учение о воспитании.**

И эта коммуна после восьми лет процветания по воле больших чиновников была уничтожена. *«В течение 16 лет я создал две колонии, и каждая из них была в своем роде хороша, и каждую развалили в момент наибольшей высоты».*

С 1935 года Антон Семенович жил короткое время в Киеве, тяготясь чиновничьей работой в должности замначальника трудколоний НКВД Украины. А затем был переведен в Москву. Этому опять поспособствовал Максим Горький. За три с половиной года им были написаны многие статьи, доработаны прежние начатые книги, в том числе «Книга для родителей» (планировалось написать четыре тома). Также он регулярно читал лекции в школах, на учительских конференциях, в педагогических институтах, на предприятиях для родительских аудиторий. Часть этих лекций записаны под стенограммы и входят в состав письменного академического собрания сочинений А. С. Макаренко в восьми томах, изданных в 1983–87 годы. Последнее публичное выступление было сделано педагогом за три дня до смерти. Умер Макаренко внезапно от сердечного приступа 1 апреля 1939 года.

II. Макаренко в советской и сегодняшней педагогике

Сразу скажем, **вне советских условий опыт Макаренко был бы невозможен.** Притом этот опыт стал невозможен в основе и после смерти педагога, а также и в позднесоветскую эпоху, несмотря на канонизацию учения педагога и копирование многих его приемов школами в 1960–80 годы. Он оказался возможен лишь на переходном этапе историческо-

го движения страны к социализму. Движения половинчатого, не дошедшего до полноценных основ социализма (движению к социализму, начиная с 30-х годов не хватило социалистической демократии). В наши дни явился Макаренко сегодня в любой стране, он не состоялся бы, как новатор в педагогике со своим столь полным учением из-за иных социальных условий. В сегодняшних условиях нет места официальному учреждению, осуществляющему на практике принципы коллективизма, поскольку общее движение жизни кругом направлено к индивидуализму. Это, конечно, не значит, что из наследия выдающегося педагога не берут полезное учителя-энтузиасты или родители с более-менее не слепым отношением к жизни. Опыт Макаренко не единственный в эту переходную эпоху, полную надежд людей на новую, справедливую жизнь. Обратим внимание на это.

Советская власть уже в 1918 году продекларировала «Основные принципы единой трудовой школы», но началась Гражданская война. Как только наметилась тенденция к победе Красной армии, новая власть большевиков сразу широко охватила главные отрасли мирного строительства. Отрасли все исключительно трудные из-за истощенности страны империалистической войной и продолжающейся гражданской почти до конца 1922 года. Колония имени Горького начала свою деятельность в 1920 году, когда рядом находились войска Врангеля, а вокруг в лесах еще ходили «бабки». **Таких колоний и трудовых коммун организовывается много по стране с начала 20-х годов.** Сегодня еще всем известен замечательный фильм «Республика ШКИД» по одноименной повести Г. Белых и Л. Пантелеева о школе, которой руководил (1920–1925) талантливый педагог В. Н. Сорока-Россинский. Пожалуй, только немногим людям старшего поколения помнится первый звуковой фильм СССР «Путевка в жизнь» — он тоже о воспитании. Не будь экранизированных «Поэмы», «ШКИДы» и «Путевки в жизнь», то о школе в 20-е годы вроде и вспомнить нечего. В действительности же это были годы самого мощного прогрессивного движения страны во всех сферах, в том числе и в области образования, воспитания, просвещения.

Начало 20-х — это революционное преобразование всей жизни на новый социалистический путь в политике, экономике и, не в меньшей мере, в культуре. Эти преобразования вызвали волну энтузиазма в народе, они открывали широкий

простор инициативе снизу. В течение первого десятилетия (даже в годы гражданской войны велась активнейшая работа) советскому правительству, самому образованному в мире, по выражению Джона Рида, удалось ликвидировать безграмотность почти всего населения — небывалый в истории пример. И Макаренко тоже это подчеркивал: *«В истории не было примера, чтобы в такое короткое время страна, потрясенная войной империалистической и войной гражданской, окруженная со всех сторон врагами, пришла от колоссальной безграмотности и темноты к почти поголовной грамотности»*. Одновременно с кампанией ликвидации безграмотности разворачивалась работа по реорганизации школы и борьбе с беспризорностью. Тем самым революционными мерами была значительно одолена дремучесть и темнота народа, насаждаемая средневековым романовским царизмом. В 20-е годы трудовых коммун и колоний организовывается много, и они появляются во многих городах и поселках: Болшевская коммуна М. С. Погребинского, школа-коммуна «Красные зори» И. В. Ионина, опытная станция С. Т. Шацкого и другие опытные станции по ее образцу, школа им. Лепешинского, созданная педагогом М. М. Пистраком, «Школа жизни» Н. И. Поповой, опытно-показательная школа-коммуна им. К. Либкнехта около Ташкента под руководством В. Ф. Лубенцова, Знаменская школа-коммуна в Вятской губернии организованная А. И. Кондаковым, коммуна-городок им. Октябрьской революции в Одессе под руководством С. М. Ривеса, 1-я опытная школа-коммуна в Оренбурге (в то время столице Казахстана), коммуна «Муравейник» на Алтае, под руководством В. С. Ершова... Подобных трудовых школ и коммун создаются учительской инициативой сотни по стране. Притом школы, расположенные поближе к Москве, были тогда больше известны, чем колония, возглавляемая А. С. Макаренко.

Сегодня, большое дело просвещения в 20-е годы XX века забыто, а Макаренко преподносится конъюнктурными СМИ, как случайный одиночка. Министерство образования вместе с официальными идеологами не знают, куда девать великого педагога, которым бы нужно гордиться: результаты выдающиеся, а к нынешнему ржавому образованию он никак не подходит. Макаренко в основу воспитания ставит коллективизм, а общая идеология сегодняшней школы молится на индивидуализм.

Становление системы социального воспитания и образования развивалось в советское время так же противоречиво, как НЭП, коллективизация, индустриализация, как вся новая жизнь в СССР. Уже к концу 20-х годов начинает радикально меняться политика верхушки власти, которая все более отстраняет массы народа от инициатив и управления. В 30-х годах, особенно во второй половине, учительский энтузиазм был основательно придавлен новым чиновничеством, сменившегося сталинского аппарата власти. Репрессии 30-х годов (о которых долго умалчивали в советское время и которыми манипулируют с еще большими перевираниями сегодня) вытеснили из школ и коммун большинство ярких педагогов. Судьбы многих из них сложились трагично. Перечислим уже названных энтузиастов. М. С. Погребинский (Болшевская коммуна) перед арестом покончил жизнь самоубийством; И. В. Ионин репрессирован вместе с другими педагогами коммуны; опытная станция С. Т. Шацкого и другие станции, созданные по ее образцу, закрыты в 1936–37 годах; М. М. Пистрак (школа им. Лепешинского) расстрелян в 1937 году. Сферы образования и воспитания были подвержены жесткой стандартизации и идеологизации сверху в ущерб творчеству и инициативе педагогов снизу. Колония, организованная Макаренко, несмотря на опеку НКВД тоже была закрыта. И собрание сочинений в восьми томах А. С. Макаренко — это особенно детальный исторический документ с 1920 по 1939 годы. Документ эпохи до окончательно утвердившегося сталинизма в середине 30-х годов, после которого не нашлось места практическому применению опыта многих и многих незаурядных педагогов. Часть своих статей Антон Семенович вынужден был писать эзоповым языком. Этого нельзя не учитывать, читая его книги, письма, многие статьи.

В коммуне имени Дзержинского Макаренко поддерживал В. А. Балицкий — нарком внутренних дел Украины. Осенью 1936 года по указанию Балицкого фамилию Макаренко вычеркнули из списка «троцкистов» (дело Л. С. Ахматова, бывшего начальника Макаренко по отделу трудколоний НКВД Украины). В 1937 году Балицкий был также объявлен троцкистом и расстрелян сталинистами. О коварных «чистках» в стране Антон Семенович знал не понаслышке уже потому, что коммуна им. Дзержинского входила в состав структуры НКВД, со многими ответственными работниками которой знался и дру-

жил педагог. Смерть от сердечного приступа, констатированная врачами в возрасте 51 год и в пору стремлений педагога написать еще много из своего колоссального опыта, тоже характерный факт эпохи. За несколько месяцев до смерти Макаренко писал редактору «Комсомольской правды»: *«...нигде ни разу мне не пришлось высказать свои педагогические взгляды с той полнотой и определенностью, с какими мне хотелось бы это сделать... я хочу, чтобы мой опыт не пропал бесследно, и чтобы его выводы сделались общественным достоянием»*.

Биография Антона Семеновича счастливая и одновременно трагическая, в ней нет полутонов, как мало полутонов в самой той эпохе. Счастливая — необыкновенно яркой жизнью созданного им коллектива и судьбами своих воспитанников; также счастливая выдающимися открытиями в педагогике и писательском творчестве. Трагическая — терзаниями чиновников и репрессивной машиной, которая все более усиливалась и ужесточалась. При жизни педагога терзали бездари псевдонауки и приспособленцы-чиновники. Почти для всех были очевидны выдающиеся результаты Макаренко, но видели ли средства не те. В одном из многочисленных писем Макаренко писал Горькому:

«...Прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае, простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом...

А то, что же это:

— В колонии Горького хорошо?

— Хорошо, только идеология не выдержана...

Нужно воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты) ...

Если меня бьют педагогическим догматами, то я бью живым коллективом 400 горьковцев, бодрых, веселых, энергичных, знающих себе цену и с прекрасной рабочей "установкой". Если этот аргумент не действителен, то значит и бороться не за что». В другом письме, направленном в производственное правление коммуны им. Дзержинского Макаренко подчеркивает: «Интеллигентская педагогика как раз и характеризуется совершенно тупой верой в действительность средства только на том основании, что это средство стройно вытекает из разных идеальных положений... вера в полезность бесплат-

ного труда, в помощь бедному, в милостыню, в непротивление "злему", в спасительность душевных разговоров, в какое-то особенное значение "любимого" учителя, в сверхъестественное значение интереса.

Окончилось это тем, что меня заставили уйти из колонии и при этом почти сознательно пожертвовали ценностью учреждения. Немедленно после моего ухода начали применять в работе разные шаблонные патентованные средства, и в последнем счете, сейчас эта колония стоит на грани развала...».

Многие современники и поздние исследователи писали о Макаренко, как об особом таланте. Сам Антон Семенович открещивался от таланта, придавая первостепенное значение труду и человеческому окружению. О воспитании в себе железной воли нам можно судить из косвенных его высказываний в письмах и педагогических дискуссиях.

«...плох я там или хорош, но я работаю с беспризорными более десяти лет. За это время я ни одного дня не болел и никогда не был в отпуске. Мой рабочий день не меньше 15 часов... Представьте себе, сколько я передумал, перепробовал, сколько видел чужих опытов, сколько приобрел навыков почти механических».

«Я 16 лет каждый день принимал рапорт командиров..., и я начальник учреждения ни разу не опоздал... И все командиры всегда вовремя были на месте».

После смерти педагога его учение канонизировали и в определенной степени обожествили, издав первое собрание сочинений в семи томах (1950–1952). В 1950–1980 годы новатора, которого не жаловали при жизни, но труды которого опубликовали массовым тиражом, знал весь педагогический мир. ЮНЕСКО с большим запозданием в 1988 году заметило и объявило Макаренко в числе четырех величайших педагогов 20-го столетия (наряду с Д. Дьюи, Г. Кершенштайнер, М. Монтессори). Сотни советских исследователей на разные темы написали о нем теперь уже угодные свои похвалы и восхищения. Теория прославляла имя и методы Макаренко, но не обращалась к практике школы.

Некоторое самообслуживание присутствовало в советских школах, например, уборка классов, а школьные здания вычищали все же уборщицы. Также организовывались по осени эпизодические выезды старшеклассников для уборки урожая. Были малопродуктивные уроки труда, два часа в неделю.

Но никакой «единой трудовой школы», связанной с производством (как ее видели большевики эпохи Ленина), вводить даже на экспериментальной основе не предполагалось. А энтузиастам-учителям, чуть уклоняющимся от общепринятых стандартов, ставились палки в колеса чиновничеством. Школа не стала трудовой или политехнической; тем более никак невозможно представить завод или другое более-менее рентабельное производство у школьников в позднем СССР, какое было у Макаренко в коммуне. В унисон школе педагогическая наука, имеющая армию ученых, также кормилась теорией, оторванной от жизни. Самое полезное, что она смогла сделать по наследию Макаренко, это издать и переиздать в рамках дозволенного два больших собрания сочинений, а также помочь издать воспоминания воспитанников и сотрудников. **Не теоретизировать платонически наука не могла, иначе она должна была подвергнуть критике область воспитания во всей стране. Новаторская практика, как и теория великого педагога были слишком революционными даже для СССР.** Некоторые сегодняшние макаренковеды называют макаренковскую педагогическую систему — педагогикой будущего, очевидно подразумевая не столь большое общество, как наше.

По окончании перестройки на педагога, провозгласившего в основе воспитания коллективизм и связь образования с производством, накинута свора проплаченных ничтожеств, обосновывающих идеологию индивидуализма и успешности эгоиста. Они нагородили о Макаренко во всех медиаресурсах невероятные сплетни в духе времени, прибавив множество своих банальных толкований всей макаренковской системе. И затем постарались предать его имя забвению. Сменившееся поколение даже не слышало о Макаренко. В последние несколько лет в СМИ вдруг снова начали упоминать гения, больше потому, что его некогда отметило ЮНЕСКО. Упоминать не без заднего ума: чего доброго, найдут еще преемственность педагога с сегодняшним убогим образованием.

III. Макаренковская педагогическая система

В ученом мире принято говорить про особенности педагогических методов того или иного педагога. **А. С. Макаренко не вмещается ни в какие подобные рамки уже потому,**

что он создал исключительную по результатам практику и на ее основе самую передовую науку: у него прослеживается наиболее целостная система взглядов на воспитание и наиболее научное обоснование всей педагогики. В колонию и в коммуну год от года приходили новые и новые воспитанники как беспризорные, так и испорченные в семьях, и за достаточно короткое время они не только выправлялись, но и обретали в хорошо организованном коллективе черты яркой и творческой индивидуальности. Выпускники становились все настоящими людьми. *«...дети очень быстро, приблизительно через 3–4 месяца становились нормальными детьми или даже сверхнормальными, если нормальными считать нашего среднего школьника».* Уже этот факт сполна доказывает верность методов Макаренко, из которых он выводил теорию. Множеству сегодняшних теоретиков не достает именно этого пустяка: доказательства теории на практике. После 16 лет практической работы, с небывалыми до него результатами, Антон Семенович скромно говорил: *«Моя литературная работа — только форма педагогической работы».* Благодаря этой работе педагогическая наука обрела целостность и завершенность в основах.

Все это, конечно, не значит, что новаторство лучших и даже выдающихся педагогов будет тут же внедряться в школах. Достижениям действительной науки на практике чаще противостоят псевдонаука и официальная бюрократия, которые тем более довлеющие в обществе, чем более реакционной эпоха.

1. Общая методология: закономерности и принципы, цели и средства

В чем же суть макаренковской педагогической системы? **Воспитание в коллективе и участие детей в настоящем производстве — две главные основы макаренковской педагогики.** Эти основы — здоровые и понятные требования самой жизни: человек должен уметь считаться с другими людьми (не быть эгоистом) и жить своим трудом (не паразитировать на других). Научить этому нужно не словами, а жизнью, не прекраснодушными проповедями, а в условиях каждодневного полезного всем труда и коллективистских отношений. Эти два обязательных условия (уметь создать эти условия) и есть метод педагога. Нередко можно услышать

мнение, что Макаренко — это прошлый век и что сейчас другая жизнь. Но для многих родителей несомненно и сегодня, что жить, не теряя в себе человеческое, можно лишь совершая полезную людям работу и считаясь с интересами окружающих людей.

С виду очень простые две истины, составляющие базис воспитания по Макаренко, на деле усваиваются большинством нелегко. Во-первых, потому, что кругом пропаганда кричит про успешность эгоиста. А во-вторых — мало поверить в какую угодно систему, нужно еще уметь ее применить в жизни: знать и уметь — не одно и то же. Например: ребенок ходит в школу трудиться. А может он там не трудится, а только просиживает? А может школа дает оторванные от жизни знания, или наставляет на индивидуализм? Это уже не метод Макаренко, даже если кто-то из родителей поверил «Педагогической поэме» и копирует определенные приемы воздействия на детей из книги. **Макаренко помощник лишь тем, кто не копирует метод, не повторяет, а применяет его творчески. И более того — дополнительно к его методу сам находит еще свои формы работы, не подражая слепо какой-угодно методике или системе.** Система педагога не исчерпывается лишь методом, она сложна, как и сама жизнь, как и великое дело — воспитание. И в то же время она вполне постижима каждому человеку со здоровым (не паразитским) опытом жизни.

Под воспитанием Макаренко понимает не словесное занудство, каковым часто страдаем мы родители, а все человеческие отношения и каждодневные условия жизни воспитанника.

«Два человека, проживающие вместе неделю, уже воспитывают один другого...Ваше [родителей] собственное поведение — самая решающая вещь... если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут».

«...Мы, воспитатели, знаем географию, историю, литературу, но мы не знаем, что такое детское воровство. Кто знает, что это такое: случай, преступление или необходимость?»

«Воспитание должно направляться одной системой законов, подобных естественным законам... Воспитание хороших детей и воспитание правонарушителей не может направляться обособленными группами принципов».

«В большинстве случаев пребывающие в колонию дети неграмотны или полуграмотны... Но при более близком знакомстве с ними они поражают огромной эрудицией, ибо видели пол-России...».

Многие родители надеются на школу, на грамотность, на образование, и педагог сразу разграничивает воспитание и образование. *«Методика воспитания и методика образования — по моему мнению, составляют два раздела, более или менее самостоятельных раздела педагогической науки. Понятно, что эти разделы должны быть органично связаны».*

«У нас нет воспитательной педагогики. У нас есть методики, которые можно приложить к основному общеобразовательному процессу [преподаванию]. У нас должна быть теория педагогики, ... основанная на практической работе».

Методы воспитания, как известно, всегда вызывают споры между родителями, педагогами и еще больше — между теоретиками и практическими работниками. Антон Семенович все свои многочисленные встречи и лекции (живя уже в Москве) начинал с предостережений от шаблонов, предрассудков и властвующей всюду псевдонауки.

«...Педагогика есть самая диалектичная, подвижная, самая сложная и разнообразная наука... Никакое средство не может быть объявлено постоянным, всегда полезным и действующим всегда одинаково точно. Воспитательное средство может быть выведено только из опыта... Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным».

«Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой области показания опыта не имеют такого большого значения».

«...Никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытый. Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего она должна преследовать главную цель — воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а

в-третьих, она должна в какое-то гармоничное положение поставить и меня, и коллектив воспитателей, потому что "амортизация" педагогического коллектива — самое ответственное дело...»

В отношении к ребенку у родителей и педагогов, как известно, есть две крайности: «свободное воспитание», т. е. делай, ребенок, что хочешь, или вездесущий, постоянный контроль, до крайних мер. Но еще чаще наиболее распространенным методом родительского влияния является привычка бросаться из одной крайности в другую: кнут и пряник. Обе крайности, как всякие несуразности, несут в себе тучи предрассудков не только в головах воспитателей, но и в головах ученых. Главнейшим предрассудком по сегодняшний день можно считать — воспитание сплошным добром, прикрывающееся «гуманным» отношением к детям, в то время как вся жизнь наполнена суровыми требованиями и испытаниями. К тому же непомерным добром можно вырастить только эгоиста. И Макаренко предельно ясно, лаконично и опять же диалектически выдержанно формулирует **главный принцип отношения не только к детям, но и ко всем людям вообще: «Как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему».**

Исходя из этого основного принципа, где есть действительно гуманное отношение к ребенку уже в том, что он будет приготовлен к трудностям жизни, Макаренко разрабатывает и **цели воспитания в соответствии с требованиями своей эпохи.** Постановка этого главного вопроса и сегодня — игра в прятки между целями официальной идеологии государства и родительскими устремлениями. Государству нужны, как минимум, послушные (покорные) и управляемые граждане. Родители же хотят видеть своих детей обеспеченными, самостоятельными, счастливыми..., во всяком случае, не угнетенными и не потерянными. В годы сталинских репрессий Антон Семенович ставит этот вопрос совсем не мягко.

«В педагогической теории, как это ни странно, цель воспитательной работы обратилась в категорию почти забытую... научной педагогике нет никакого дела до этого вопроса. ... педагогика должна разработать сложный вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели».

«Цели воспитательного процесса должны всегда ясно ощущаться воспитательной организацией и каждым воспитателем в отдельности».

«Каждый отец и каждая мать должны знать, что они хотят воспитать в своем ребенке..., хотите ли вы воспитать настоящего гражданина... Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин».

«Цель воспитания у нас и может быть так сформулирована — воспитать борца-коллективиста».

Уяснению методологии (принципов, целей и средств достижения этих целей) Макаренко посвящает многие страницы в своих книгах, очерках, записанных лекциях, письмах. Эти страницы не только основание науки педагогики, но и летопись борьбы с чиновничеством и псевдонаукой. Борьбы не прекращающейся и сегодня для учителей и родителей. **Цели и принципы, методы и средства, а также закономерности в воспитании — необходимый общий взгляд на педагогику, ее фундамент.** И для того, чтобы лучше понимать их, возьмем еще дюжину наиболее важных изречений и путем систематизированного цитатника, т. е. словами самого педагога, скажем побольше об этом фундаменте.

«...воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать... Перевоспитание требует и больше сил, и больше знаний, больше терпения...»

«Никаких прирожденных преступников, никаких прирожденных «трудных» характеров нет; у меня лично, в моем опыте, это положение достигло выражения стопроцентной убедительности».

«Мне дали 400... правонарушителей... Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму».

«У нас нет еще полноценной методики воспитания, и мы должны ее создать... Я получил высшее педагогическое образование, перечитал все, что есть в литературе по вопросам воспитания, и все это меня несколько не удовлетворило. Я не получил метода работы».

«Я сторонник педагогической науки, но только новой науки... что я могу взять у Руссо. ...Песталоцци был хорошим человеком. Он был добрым, любил детей — это мы у него взяли. Что же касается метода, то у него тоже ничего нельзя взять».

«По моему мнению, наше советское воспитание так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформировалось на практике, не представляет ничего ни

революционного, ни советского, ни просто даже разумного» (Из письма М. Горькому. 1925 год).

«Я выписал из Ленина от первой до последней строчки все места, имеющие отношение к вопросам воспитания... считаю, что можно не читать больше ничего, кроме Маркса и Ленина, чтобы создать новую педагогику».

«Те формы, которые нам рекомендуют, прямо противоположны задаче».

«А я считал воспитательным средством то средство, которое ведет к цели. Даже если поднимается крик, скандал, пожалуйста, иду на какой угодно скандал».

«Достойной нашей эпохи... задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность. Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива... Не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастьем коллектива... Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива».

«Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» — цитирует Макаренко «Немецкую идеологию» К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Воспитанные на биологических и рефлексологических профилях теоретики не так легко расстанутся с индивидуализмом».

«Оказалось, что процесс обучения в школе и производство продукции (когда в коммуне развернулся прекрасный завод, сработанный нашими руками) крепко определяет личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом, и выходят высококвалифицированные люди... Условия производства, производства серьезного, — это и были те условия, которые облегчили педагогическую работу».

Подчеркнем еще раз для лучшего запоминания **общепедагогические принципы, разработанные Макаренко** на основе практики с исключительными результатами.

1. Главные основы Макаренковской педагогики — воспитание в коллективе и участие детей в производстве и самообслуживании.
2. Воспитание вершится педагогическими законами, подобными естественным законам, а не чудесами псевдонауки. (Например, закон и его следствие: коллективистом может стать только воспитанник, живущий в условиях, требующих умение считаться не только со своими желаниями и интересами, но и с интересами окружающих людей).
3. Методика воспитания и методика преподавания (образования) — две разные методики в педагогике, которые должны быть еще органически связаны между собой.
4. Главный принцип отношения к воспитаннику и человеку вообще: *«как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему»*.
5. Педагогика — наука самая диалектическая. Не копировать методы, не превращать их в догмы, а научиться применять творчески.
6. На воспитание человека влияют не отдельные средства воспитания, а все социальные условия и человеческие отношения, в которых вырастает и живет человек. Одно и то же средство может быть и хорошим, и плохим, в зависимости от всех окружающих условий.
7. Методы воспитания нужно выводить не из психологии, биологии, и других отдельных наук, а из фактических результатов.
8. Общим и единым методом здорового воспитания должен быть коллективизм, максимально способствующий развитию индивидуальности.
9. Соединение образования с производственным трудом и самообслуживанием уничтожает противоречие, лежащее между физическим и умственным трудом, и не отрывает подростка от окружающей жизни.
10. В семье и школе должно быть ясное понимание целей воспитания: кого хотят воспитать. Также должно быть единство требований у родителей к своим детям.
11. Воспитывать легче, чем перевоспитывать. *«Никаких прирожденных преступников, никаких прирожденных "трудных" характеров нет»*.
12. Процесс воспитания — это определенная педагогическая техника, подобно технологии в производстве.

Вот основные, но далеко не все принципы, которые пришлось отстаивать Антону Семеновичу в борьбе с чиновничеством и «Олимпом» псевдоученых. Эти принципы мало согласуются и с сегодняшней школой, лучше сказать: являются ее противоположностью.

2. Воспитание в коллективе и через коллектив — общий и единый метод макаренковской педагогики

Управление любой группой людей (школа, фабрика) может осуществляться как сверху требованиями руководства, так и инициативой снизу, подчиненными. Поддержать инициативу снизу — значит демократизировать управление. Макаренко и к развитию самоуправления подходит диалектически, т. е. в зависимости от качества состава участников в собранном учреждении.

«Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что на первых порах не могу убедить их ни в чем. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы».

«Во всяком случае, без искреннего, открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку... Вторая стадия развития этого требования, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активисты... Я спешил с этим... Это вторая стадия развития, когда около меня образовалось такое ядро.

И наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив».

«...путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путем в развитии советского детского коллектива».

«В последние пять лет в коммуне им. Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже как тормоз для требований коллектива».

«Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив».

«В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм».

«Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации».

«...коллектив учителей и коллектив детей — это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический».

«Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития».

«Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым "ребенком", составляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность [воспитатель — воспитанник] есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние».

«Мы в работе с нашими ребятами надеемся на чудеса индивидуального подхода и до сих пор увлекаемся верой в спасительность такой педагогики... индивидуальный подход не означает возню с уединенной капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистское воспитание».

«Настоящий коллектив — это очень трудная вещь. Потому что прав человек или не прав — эти вопросы должны разрешаться не для собственного гонора, не в личных интересах, а в интересах коллектива».

«Труд и самообслуживание в коллективе, потребность улучшать этот труд на основе приобретаемых знаний, потребность дать выход здоровой юношеской энергии в такой же здоровой игре — вот логика этой системы и фундамент для самоорганизации целого коллектива».

«Мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот».

3. Воспитание в труде

Вне труда Макаренко даже не рассматривал сферу воспитания. Притом он увидел на практике и обосновал, что труд с пользой только для себя, исключая пользу для людей, воспитывает мещанина без всякого горизонта или эгоиста, эксплуатирующего людей. Высшей формой трудового воспитания детей школьного возраста Антон Семенович считал участие их в производстве. Созданные им трудовые колония и коммуна на коллективистской основе всегда будут вызывать удивление у педагогов и родителей во всем мире.

*«Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта. Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась **глубокая привычка к трудовому усилию**, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл... труд, не имеющий в виду создание ценностей, не является положительным элементом воспитания».*

«В трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям — это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек — самый безнравственный... Главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие и должно составить главную особенность человека».

«"Какие лучшие конкретные способы преодоления лени?" Для этого есть единственный, вернейший способ — это заставить себя делать то дело, которое нужно делать. Другого способа нет».

«...всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растеряно».

«...важным является следующая сторона метода. [Ребенку] должна быть предоставлена некоторая свобода в выбо-

ре средств, и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку:

— Вот тебе веник, подмети эту комнату...

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет делать — предоставьте решать и отвечать за решение ему самому... Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано».

Макаренко часто ссылается на Карла Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный человек».

«Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными сильными, горячими натурами ребят в 12–14 лет и скукой детского коллектива в школе... Я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд».

«В колонии им. Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и умению агронома Н. Э. Фере, перейти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому».

«Не кивайте так презрительно на посевную кампанию. Это настоящая поэзия, которой Вы в Вашем Крюкове и не нюхаете. Какой воздух, какая работа, какие работники, песни, лошади! У нас есть сейчас агроном, свои семена, свои машины, свой план, и нас все слушают в Полтаве. Мы до того рассобачились, что завели суд, с кем бы Вы думали? С самим Госконтролем! И думаем выиграть. Все это так весело, что Вы и представить не можете». (Из письма А. П. Сугак. 1923 год).

«Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем им многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм

и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес — это есть интерес личный».

«Коллектив коммунаров... является результатом шестилетней работы... развитие коммуны [шло] от небольшого детского дома до самого сложнейшего комбината, имеющего 15-ти миллионный промфинплан... , выпускающего уже двадцатую тысячу сложных механизмов и находящегося в прямых деловых производственных отношениях с самыми далекими краями Советского Союза».

«У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны... Это все люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструкторы и т. д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т. д.

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра — на "сотку".

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот "сотка".

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах. Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских».

4. Педагогическая техника Макаренко

а) Первичные отряды, совет командиров, общее собрание. Педагогический центр

В колонии имени Горького в течение двух лет, исходя из потребности всей жизни колонистов, были организованы **первичные отряды** двух типов: постоянные — по признаку проживания в комнатах или учебы в классах и временные — сводные рабочие отряды для выполнения необходимых текущих работ, допустим, на неделю. «Развертывание» сводных отрядов происходило по инициативе самих колонистов. Все отряды были разновозрастные. Система сводных отрядов позволяла пропускать через командные функции очень многих колонистов. Командир постоянного отряда в сводном отряде становился рядовым работником и подчинялся всем правилам рабочего отряда. Командиры постоянных отрядов тоже выбирались только на полгода и только на один срок. Таким образом, уметь командовать и подчиняться в каждом деле быстро учились все колонисты. Это никому не давало возможности выделяться в начальство, которое имеет всегда склонность к привилегиям и зазнайству. При этом постоянный отряд сохранял свой состав на годы, переизбирая лишь периодически своих командиров.

Сводные отряды были основной производственной единицей, которой Макаренко придавал первостепенное значение: *«...главный принцип — производственный отряд, а не спальня и класс»*. Командиры и постоянных, и сводных отрядов выбирались не по старшинству, а по деловым качествам и ответственности. **Совет командиров**, составленный из командиров постоянных отрядов, руководил всей жизнью колонии и являлся исполнительной властью, а законодательным органом было **общее собрание**, которому подчинялись и педагоги, и все командиры. Воспитатели колонии либо принимали участие в работе сводного отряда в качестве рядовых участников, либо вечерами становились организаторами кружков, каких организовывалось много, где для них еще открывалось поле индивидуальной работы с воспитанниками. Самоуправление (неформальное) демократизировало отношения коллектива, связывало колонистов в общих делах ответственностью всех и каждого. Коллектив приобретал дружные и

открытые формы общения и давал защиту всем, включая самых младших ребят, в тех непростых отношениях, которые бывают часто скрыты от воспитателей. Любой воспитанник в колонии в случае притеснений или другой несправедливости мог потребовать собрать общее собрание, чтобы открыто при всех высказаться. То есть любой малыш мог действительно ощущать чувство собственного достоинства в коллективе. Собрание решало все самые острые и насущные вопросы. Совет командиров проводил их в жизнь. Столь широко представительное самоуправление являлось настоящей демократией для всех воспитанников и педагогов коллектива.

Формальное копирование структур макаренковской системы можно было наблюдать в советских школах (звенья, общественные поручения), которое давало жидкие результаты. Сегодня в общеобразовательной школе мы и этого не видим, но знаем о моббинге среди подростков почти в каждом классе.

О самоуправлении в коллективе Антон Семенович писал и в «Поэме», и в специальных статьях.

«Отрядов в колонии 15... Все командиры отрядов составляют совет командиров... Система сводных отрядов позволяет нам пропускать через командные функции значительное число колонистов. Командир постоянного и сводного отряда работает наравне со всеми членами отрядов, но сверх того на нем лежит забота об орудиях, семенах, порядке во время работы и ответственность за нее».

«Общее управление работой колонии принадлежит дежурным по колонии — одному воспитателю и одному воспитаннику... На дежурных лежит весь порядок дня, наблюдение за работой всех отрядов, мастерских, конюшни, свиарни и пр., а сверх того — учет дневного прихода колонии — денежного, материального и продуктового, а также его расхода... Другие воспитатели либо принимают участие в работе одного из отрядов, либо, в вечерние часы, участвуют в клубной работе. Все они подчиняются дежурным по колонии.

Такова в главных чертах организационная система колонии. По своей подвижности она позволяет легко приспособиться к любому требованию хозяйства в течение 2–3 минут. В то же время, при помощи сводных отрядов она позволяет наибольшему числу воспитанников проходить через хозяйственно-командные должности. Сводные же отряды дают возможность постоянным отрядам не замыкаться в своих грани-

цах. Благодаря совету командиров и дежурству по колонии как исполнительному органу мы имеем возможность связывать все отряды в единый коллектив».

«Эта традиция... приводит к демократии в отряде, не уменьшая роли единоначалия командира. В каждом отряде половина членов, а то и больше, уже были командирами. Это актив отряда, который помогает новому командиру».

«Совет командиров является центральным органом самоуправления, проводящим всю текущую работу в коллективе детского учреждения... общий коллегиальный орган работает слабо, если он не состоит из представителей отдельных первичных коллективов... В совете представлены не только интересы всего коллектива в целом, но и интересы отдельных первичных коллективов, следовательно, такой совет ближе к воспитанникам, демократичнее. Старшие командиры отрядов, бригадиры, члены актива и органов самоуправления подчиняются режиму в первую очередь, их ответственность за нарушения режима должна быть повышена... **Пониженные требования к активу и не заслуженные привилегии, как и всякое не оправданное потребление, приводят к загниванию актива».**

«Наш командир только выборный единоначальник, правда обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять [узко]личное начало».

«Я имел право в колонии исключать воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался».

«Главным органом самоуправления является общее собрание всех воспитанников детского учреждения... Администрация учреждения, в том числе и педагогическая, ни в коем случае не должна подменять органы самоуправления и самостоятельно решать вопросы, подлежащие ведению этих органов самоуправления... Вот это общее собрание, как правящий орган коллектива, вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. **Говорили: нельзя доверять толпе детей руководство коллективом... Но в этом то и дело — надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива».**

«Очень важное значение имеет организация педагогического центра... Обычно кабинет [директора] является святилищем, куда воспитанники попадают только в особых случаях...

Кабинет педагогического руководителя должен находиться... рядом с кабинетом самоуправления — совета командиров — и сообщаться с ним. В комнате совета командиров всегда должен находиться дежурный по учреждению... Стиль поведения воспитанников в кабинете: сдержанность, вежливость, расположенный деловой тон. Какая бы то ни была фамильярность не допустима в такой же мере, как излишняя сухость, официальность и раздражительность. По возможности необходимо, чтобы вся работа педагогического руководителя проходила открыто..., чтобы его кабинет сделался центром внимания и притяжения всего коллектива... Каждый воспитанник в любой момент должен иметь возможность зайти к педагогическому руководителю, передать ему просьбу, жалобу, посоветоваться о чем-либо».

Вопрос о стиле руководства, авторитарном или демократическом, в основном развивается академической средой теоретически. Антон Семенович на практике еще сто лет назад нашел лучшее воплощение демократического стиля управления коллективом. Он также теоретически обосновал разницу между действительной и фиктивной демократией, формальной ее изворотливостью. О демократии у людей в основном преобладают самые туманные представления. К развитию самоуправления в коллективе Макаренко мы возьмем краткую историческую справку из советского учебника. Демократию знала уже античная эпоха, и во времена Перикла она содействовала наивысшему расцвету Древней Греции. Это была демократия только для рабовладельцев, а рабы считались их собственностью. В средневековье свободой пользовались феодалы, а крестьянин оставался бесправным крепостным. Капиталистическая демократия также ограниченная, — она для капиталистов, а не для наемных рабов, о чем забывают рассказать нам буржуазные пропагандисты. Демократия даже в лучшие свои эпохи служила меньшинству богачей, а чаще всего странами управляли монархи или олигархические кучки. Макаренко в переходную к социализму эпоху продемонстрировал демократию для всех в отдельном коллективе. И в этом он был не одинок. К самоуправлению в 20-х годах пришли многие школы и коммуны (об этом очень хорошо рассказывает фильм «Республика ШКИД»).

Повторюсь, коллектив, созданный А. С. Макаренко был социально справедливым обществом в миниатюре, с самым

демократическим управлением. Такие отдельные коллективы действительного народовластия, как и многие коммуны 20-30-х годов не могли не оказаться в противостоянии с напиранием сталинизмом. Отсутствие социалистической демократии хватало всю страну за горло. С этого начинал вырождаться социализм в СССР, который впоследствии и рухнул. Даже из сегодняшних дней нам трудно осмысливать эпоху, в которой было и прогрессивное послереволюционное созидание, и реакционное сопротивление бюрократии, узурпирующей все больше власть. Тем труднее было понимать педагогам-энтузиастам тех лет нарочитые препятствия, создаваемые чиновничеством. В адрес этого чиновничества, а также в адрес «Олимпа» — псевдонаучной профессуры, в каждой книге, статье, письмах, намеками и в лоб Макаренко отпускает полные сарказма насмешки, и проклятия. В этих сарказмах мы видим смелость выдающегося педагога-борца.

б) Изменяющийся социальный организм коллектива

Коллектив — это социальный организм. Не руководствуясь надуманными педагогическими формулами, Антон Семенович замечает и выделяет в своем коллективе: действующий актив, резерв актива, здоровый пассив, подгнивающий актив, «шпану» и «болото». Замечает не только Макаренко, но и другие педагоги; замечают и многие ребята, наиболее переживающие за свою колонию. Это не застывшее состояние коллектива и не устойчивое их число, а постоянно изменяющееся соотношение характеров у воспитанников в лучшую или худшую сторону.

Забота педагогов и актива воспитанников — оздоравливать весь коллектив. Серединку, т. е. резерв и здоровый пассив побуждать к активности, хулиганство «шпаны» открыто пресекать, а также тянуть из «болота» наиболее равнодушных колонистов хорошо организованной работой и не пустым досугом. Загнивающий актив — это всегда стремление нескольких человек в верхушке пользоваться привилегиями и верховодить над всеми. Педагоги не спешат низвергать зазнающееся начальство или указывать место «шпане». Совет командиров, а еще лучше общее собрание, то есть весь коллектив должны научиться с этим справляться сами. Это не значило, что «завкол» Макаренко

мог либеральничать. В зависимости от состояния коллектива, от его зрелости расширялись и функции самоуправления (и здесь, и во всем остальном педагог прежде всего диалектически смотрел на воспитательный процесс). Собрание в конце концов могло лишить слова любого педагога, взяв ответственность за принятое решение. Не просто лишить слова, а взять ответственность за решение; не просто наказать, но и защитить от несправедливости любого члена коллектива.

Состояние коллектива колонии им. Горького, а затем и коммуны им. Дзержинского достигало большой зрелости, чем и отличались эти учреждения от большинства стандартных. А теперь представим любого чиновника, который едет проверять учреждение. Не помогать, а проверять(!). Может ли он знать всю внутреннюю механику вызревания коллектива? Его поверхностному взгляду видится, что собрание подростков своевольничает, а педагоги как будто всему потворствуют. Чиновничья правда — в чинном внешнем порядке и параграфах, а не в вызревании детских характеров или коллектива. **Не может и теоретик-ученый знать педагогической диалектики, не ощущая, не испытывая ее каждодневно на практике, а лишь отвлеченно умствуя.** Именно нешаблонные методы работы незаурядного педагога, демократическое управление без привилегий, приводившие к исключительным результатам, вызывали раздражение чиновничества и ученой свиты, которые как раз и присасывались к привилегиям в государстве. В переходную эпоху пока чиновничество приспособлялось и попутно наработывало интриги и манипуляции по разобщению людей, **Макаренко создал выдающийся коллектив и науку о коллективе.** Наука о развитии здорового коллектива — часть учения макаренковской педагогической системы, огромный вклад в науку управления людьми на основе коллективизма. И здесь нельзя не заметить, что она — полная противоположность сегодняшнему изощренному менеджменту наживы капиталиста, которому всегда будет ближе индивидуализм.

в) Перспективы коллектива и личности

Коллектив не может развиваться не только без больших целей, но и вне перспектив. **Макаренко выделяет перспективы для коллектива и для каждого воспитанника. При**

этом общие перспективы важнее персональных. Сначала интересы коллектива, а потом интересы каждого. И только в таком сочетании отстраняется эгоизм отдельных людей или управленческой верхушки для большинства воспитанников.

В научно-педагогической работе «Методика организации воспитательного коллектива» в главе «Перспектива» Антон Семенович пишет: *«Неудачи многих детских учреждений, детских домов и колоний зависят от слабости и неясности перспективы... Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы».*

«Человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа... наша задача — в гармонировании личных и коллективных перспективных линий...»

В «Методике» рассматриваются близкая, средняя и далекая перспективы.

Близкая перспектива:

«Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый...»

«Было бы большой ошибкой строить близкую перспективу только на принципе приятного... Таким путем мы приучим ребят к совершенно недопустимому эпикурейству».

Средняя перспектива:

«...работа клубных кружков, вечера чтения и самостоятельности, прогулки и экскурсии должны оттеснять примитивные типы «приятного» времяпровождения... воспитанник, выучивший урок, просыпается всегда с хорошей перспективой».

«Особенно приятным, задолго ожидаемым событием должен являться летний отпуск... Лучший отпуск для коллектива — это лагерь где-нибудь у воды».

Далекая перспектива:

«Как только воспитанник детского учреждения начал учебу в школе и на производстве, его уже интересует собственное будущее».

Далекой перспективой для беспризорников стал рабфак. Небывалая для веры в себя перспектива: из беспризорника — к книгам, к профессии, в большую жизнь! *«К этому времени мы уже забыли, что такое вши и чесотка. Колония блистала чистотой и новыми заплатами: на штанах, на заборе, на стенке сарая, на старом крылечке... К осени 1923 года почти всех*

колонистов обуяло стремление на рабфак... тогда это было знамя освобождения рабочей молодежи от темноты и невежества».

г) Метод «взрыва». Наказания

Этот метод Макаренко видит полезным тогда, когда нужно не воспитывать, а перевоспитывать. Метод «взрыва» — уже крайняя мера, как, собственно, и суровое наказание, когда противоречия воспитания заходят далеко.

Учителю нередко дают очень трудный класс. Или родители вдруг признались себе, что их сын привык поступать подленько по отношению к ним. Что делать? Как изменить такое развитие? С чего начинать? Антон Семенович начинал во многих случаях методом «взрыва». Надо сделать революцию во всем поведении, ведущем к загниванию характеров. Надо во что бы то ни стало прервать прежнюю привычку негодного поведения по отношению к другим людям.

Начало колонии было «бесславным», как рассказывает нам «Педагогическая поэма». Кучка беспомощных учителей живет с настоящими преступниками, которые не только игнорируют педагогов, но и начинают их открыто оскорблять.

«Через неделю Бендюк был арестован приехавшим агентом губрозыска за совершенное ночью убийство и ограбление. Лидочка насмерть была перепугана этим событием, плакала у себя в комнате и выходила только за тем, чтобы у всех спрашивать:

— Да, что же это такое? Как же это так? Пошел и убил? ...»

«Первые месяцы нашей колонии для меня и моих товарищей были не только месяцами отчаяния и бессильного напряжения, — они были еще и месяцами поисков истины. Я всю жизнь не прочитал столько педагогической литературы, сколько зимой 1920 года... Я сначала даже не понял, а просто увидел, что мне нужны не книжные формулы, которые я все равно не мог привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное действие».

«В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке... Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз... Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-

нибудь слово против меня — я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов».

Педагогические ханжи смакуют по сей день этот эпизод, срыв, отчаяние педагога. Этот случай, пожалуй, остался бы неизвестным, если бы Макаренко сам о нем не рассказал. Смакуют и морализуют те, кто не только не противостоял бандитам, но и собственных детей не смог воспитать.

Метод «взрыва» нужен каждому родителю и учителю, если эволюция прежних отношений зашла в глубочайший кризис. Макаренко не дает рецепта педагогического взрыва на все случаи, хотя пользуется впоследствии подобным методом неоднократно, но уже с большим мастерством. Тогда, когда за его спиной стоял крепкий коллектив, методом взрыва колония помогла нескольким сотням беспризорных куряжан выбраться из полной деградации.

То же происходило с новым пополнением беспризорников в коммуне им. Дзержинского. Вылавливали беспризорных с поездов... А на другой день их встречала вся коммуна с оркестром. Вместе колонной они шли в коммуну, отправлялись в баню и одевали новую одежду. А старую сжигали на костре. Это был своего рода ритуал прощания с беспризорной жизнью.

«И дальше начинался тот метод удивления, который, я хочу назвать методом взрыва... Но эти ребята никогда не забудут их приема на вокзале, этого костра, новые спальни, новое обращение, новую дисциплину, и навсегда у них останутся сильные впечатления».

«...выравнивание характера гораздо лучше производить методом...взрыва... Я имею в виду мгновенное воздействие, переворачивающее все желание человека, все его стремления».

Я так был изумлен внешним видом этих изменений, что впоследствии занялся вопросом методологии этих взрывов и эволюции в области искривленного характера...».

«Иногда нужно разбивать тарелку на голове, доводить человеческий поступок до логического предела, а не замазывать его. Разве [педагогический] такт не является уклонением от ответственности? ...Я сторонник доводить всякий случай до абсурда, если он к нему направляется».

Когда развитие характера человека или развитие всех отношений в коллективе заходят в крайний тупик, необходимо во что бы то ни стало прервать привычную болезнь, как врач,

в крайнем случае приступает к операции. Это и есть метод «взрыва» — метод революции, после которой должна последовать эволюция на более здоровой основе. Иначе постоянных конфликтов не избежать. Тем безболезненней пройдет взрыв для педагогов и воспитанников, для родителей и детей, чем больше педагогического мастерства будет у воспитателя. Природная, как и социальная жизнь общества, развиваются так же: долгая эволюция, накопив противоречия, нарываясь на революцию, которая затем сменяется снова эволюцией на обновленной основе. Мы знаем множество буржуазных революций, которые расчищали средневековый хлам. Перевоспитание всегда требует перевода всего поведения на новые рельсы, радикальных изменений прежних условий жизни. Это не значит, что воспитанник не окажет яростного сопротивления воспитателям или родителям. И это также не значит, что даже удачно проведенный «взрыв» в корне изменит запущенный характер человека или характер отношений коллектива.

После «взрыва», т. е. не после эмоциональных вспышек, а после основательных изменений прежних нездоровых условий жизни только и должно начинаться перевоспитание. Должно начинаться, как у Макаренко: воспитывать в труде, в коллективистских условиях, с самоуправлением и равной для всех ответственностью. Перевоспитание — это приобретение новых привычек.

В семье точно так же, если рассматривать семью как коллектив, а не как разрозненных индивидуалов. Переделывать поведение и характеры будет очень трудно: великий педагог со знанием дела утверждал, что воспитывать намного легче, чем перевоспитывать. В перевоспитании не избежать наказаний.

«...Я убежден в следующем: там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать... Наказывать может либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива».

«Безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность части учеников».

«Если воспитание ведется правильно с первого года рождения, то наказывать никогда не приходится. Наказание — это уже метод перевоспитания, а не воспитания».

д) Дисциплина и режим

Для упорядочения повседневной жизни нужны дисциплина и режим. Внешнюю дисциплину и показной порядок нужно отличать от сознательной дисциплины.

«Вздыхая по хорошей дисциплине, у нас боятся процесса дисциплинирования».

«Дисциплину не нужно рассматривать только как средство воспитания. Дисциплина есть результат воспитательного процесса... Режим представляет собой прежде всего средство, при помощи которого коллектив организует внешние рамки поведения... сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима».

Признаки правильного режима: точность, общность, определенность. *«Режим должен быть обязательным для всех... Ни в коем случае режим не должен скрепляться строевой муштровкой».*

«Дисциплина часто противопоставляется свободе. Это дико. Свобода — это социальный институт, это не уединенная позиция на небесах, а часть общего блага. Если я имею свободу, то имеет ее и мой сосед... Свободу нужно противопоставлять произволу».

е) Педагогика параллельного действия

Есть качества, которые нужно воспитывать всем людям, например, трудолюбие. Но есть также и выразительные индивидуальные особенности личности, например, абсолютный музыкальный слух. Дарования без трудолюбия ничего не стоят — и в этом суть педагогики параллельного действия: в воспитании обязательных качеств, нужных всем людям, с учетом особенностей каждого человека. Глубокое понимание человеческой психологии помогало Макаренко очень тонко подходить к каждому воспитаннику, притом подходить сквозь призму коллектива.

«Общие и индивидуальные качества личности образуют очень запутанные узлы... Страх [у родителей или воспитателей] может проявляться в двух формах: первая заключается в стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов. Вторая форма страха — это пассивное следование за каждым индивидуумом... при помощи разрозненной возни с

каждым человеком в отдельности. Это — гипертрофия "индивидуального подхода"».

«...Программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности... Я увидел в своей воспитательной работе, что да, **должна быть и общая программа, "стандартная", и индивидуальный корректив к ней.** Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал "стандарт" ... Но как поступать, когда перед вами талант?»

«Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме».

ж) Стиль работы с коллективом, «мажор»

Из писем М. Горькому: «Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом... удалось не обратить воспитанников в маленьких стариков. Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками...»

«Настроение всех наших 350 ребят не только превосходное, а удивляющее даже меня, который видит их вот уже скоро 7 лет. Страшно любопытно видеть, как они обрабатывают каждого новенького. К нам теперь стараются присылать исключительно тяжелых, вконец расхулиганившихся подростков, вшивых матершинников, лодырей, убежденных противников всякого авторитета и дисциплины. Но в течение двух дней их сопротивление коллективу рушится бессильно».

«Нормальный тон может быть только один. Прежде всего он должен отличаться явной мажорностью, однако он ни в коем случае не должен иметь характера... истерической напряженности... Мажор в коллективе должен иметь очень спокойный и крепкий вид... постоянной бодрости, готовности к действию... не к беспорядочному действию, а к экономному движению... Сознание, что принадлежишь к коллективу друзей, — вот что создает бодрое настроение».

«В общем тоне должно чувствоваться, что отдельные воспитанники и коллектив в целом ощущают свое достоинство...»

Это достоинство по Макаренко должно выражаться: в способности ориентировки, в единстве коллектива, в защищенности, в здоровой активности, в привычке торможения и сдержанности.

«Способность ориентировки... заключается в умении видеть и понимать все подробности... Если человек что-то делает, он не должен забывать о том, что и сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует».

«Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе, — это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего».

«Самокритика — это одно дело, а "слезливость", способность, как говорят коммунары, "канючить", "пищать" в присутствии кого угодно, это недопустимо. Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и "пищать" в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться — это не самокритика».

«Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки лет 10–12 не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе — да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищенными, так как они чувствовали, что никто не сможет их обидеть, так как каждый обиженный будет защищен не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того — первым встречным товарищем. Очевидно, что такая идея защищенности все же сама не придет, ее тоже надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, к энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Воспитать привычку уступить товарищу — это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы. Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся, — стоп, тормоз, и уже ссора не происходит».

«В течение всего рабочего дня воспитанник должен быть разумно занят или работой, или учебой, или игрой, или чтением, или нужной для него какой-нибудь

беседой. Он никогда не должен просто болтаться, бесцельно проводить время, глазеть, толкаться между стенами, не зная, куда себя деть. Только в организованной деятельности у него будет воспитана разумная, полезная активность, привычка и любовь к полезному движению».

«...стиль детского коллектива бывает просто возбужденный, наглый, крикливый, страдающий, пониженный, пессимистический, мажорный. Можно без конца называть стили. Здоровый советский стиль создается путем воспитания уважения к себе и коллективу. Это то, что необходимо каждой нашей школе. Стиль создается очень медленно, потому что он немыслим без накопления традиций».

з) Воспитание в семье. Об эгоизме. Игры детей

Макаренко многие считают узким специалистом по работе с беспризорными детьми. Между тем он 16 лет работал в школе, и им была написана «Книга для родителей» на основе работы с детьми из семей. Также им написаны специальные статьи, которые читались как лекции для широкой родительской аудитории и для учителей на предприятиях, в домах культуры, школах, педагогических учебных заведениях. Для краткости и здесь ограничимся цитатами Антона Семеновича, касающимися главных сторон воспитания детей в семье.

«В первое время я получал беспризорных детей, а в последние 4 года я получал почти исключительно детей из семьи, большей частью из семей ответственных работников, где неблагополучие выражалось не в материальной обстановке, а исключительно в обстановке педагогической, бытовой... Кто труднее из этих категорий: правонарушители, беспризорные или дети из семьи — сказать трудно, но я думаю, что труднее всего дети из семьи».

«Семейные дети нисколько не легче уличных... Среди коммунаров самые тяжелые именно семейные дети... Они труднее, потому что беспризорных портит улица и некоторые педагоги, а этих портят и улица, и педагоги, и родители... Окончательно избалованные родителями, не приученные к труду, а только к потреблению... [они] стараются от нас уйти, чтоб опять продолжить свою жизнь в такой семье, которая их так плохо воспитала».

«Если с человека не потребовать многого, от него и не получишь многого».

«А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени! Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени».

«В большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость... **главное воспитание совершается до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, — это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет. И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки — самый главный, важный вопрос...** Я под строгостью не понимаю какой-нибудь гнев или какой-нибудь истерический крик. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики».

«С двух лет ребенок должен быть членом коллектива, разделяя ответственность за счастье и несчастье».

«Если до 6 лет ребенок воспитывается правильно... на такого ребенка никто не подействует дурно».

«В раннем детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать, и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или иной работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу».

«Я называю неполноценной матерью ту жену, которая дома обращается в прислугу».

«...вопрос о жене и муже..., если они как-то расходятся между собой, то весь процесс воспитания ставится под удар».

«Лишние похвалы портят многих детей. Всегда в похвале нужно быть особенно осторожным».

«Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном спокойном и в то же время дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервозности, нитья, а чтобы больше было бодрости и дружного стремления улучшить жизнь семьи».

«Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: не бегай туда, не ходи сюда. В какой степени это правильно? Если представить

себе безмерную свободу для ребенка, это пагубно. Но если ребенок должен обо всем спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребенка не останется никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо».

«Мужество! Попробуйте серьезно, искренне, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душещипательными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг — только объект для глазения, развлекательный момент. Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество — все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости».

«Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста».

«Избытки, избыточное потребление часто роковым образом отзываясь на детях. Чересчур любимые, забалованные, закормленные дети всегда в большей или меньшей степени самодуры и эгоисты».

«Семья, испортившая ребенка, в большинстве случаев не поймет ваших поучений. Перевоспитание — дело очень трудное, и, если вы начнете натаскивать такую семью на педагогических действиях, можете еще больше испортить дело. Но это вовсе не значит, что нельзя воздействовать на семью. Наконец, мы обязаны ей помочь. И лучший способ воздействия — через ребенка...»

«Если, вырастая, ребенок не научился любить родителей, братьев и сестер, свою школу, свою Родину, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину».

«...приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужен какой-то хитрейший рецепт воспитания детей и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека..., в руках враня он тоже сделает чудо, и ребенок вырастит правдивым».

«Воля — это... желание и остановка. Если ваш ребенок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и не упражняется в тормозе, у него не будет большой воли».

«Я еще написал первый том «Книги для родителей». Почему я решил написать эту книгу? Последние два года я работал в управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовал трудовую колонию. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с "семейными" детьми. Если в коммуне Горького и Дзержинского были беспризорные правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей семейных, имеющих папу и маму, но за «хорошее» поведение осужденных на три-четыре года. Я должен был приглядеться, заинтересоваться семьей, и мне показалось нужным написать такую книгу для родителей. Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я пишу второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье главным образом, но приходится касаться и школы. Третий том будет посвящен вопросам трудового воспитания и выбора профессии. И четвертый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь не хочешь, был счастливым человеком. Правда, интересно?»

«Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребенку заводную мышку, целый день будете заводить ее и пускать, а ребенок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться — в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеет. Если ваш ребенок будет заниматься

только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. **Игра без усилия, без активной деятельности — всегда плохая игра».**

«...родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребенка, чтобы параллельно развивались и трудовые навыки... Игра... является подготовкой к труду и должна постепенно заменяться трудом».

«Дети менее обеспеченной семьи поэтому играют всегда лучше и богаче, чем дети, имеющие много готовых и дорогих игрушек».

и) Воспитание счастливого человека

Антон Семенович планировал написать «Книгу для родителей» в четырех томах: о воспитании в семье, о нравственном воспитании (человека с совестью, а не бессовестного), о воспитании в труде и о сильном характере создающего человека — счастливого человека. Он успел написать только первый том. Но многие мысли, которые могли бы составить полную книгу, мы находим у него в других статьях, книгах и в переписке с современниками. Вот несколько широких цитат о воспитании счастливого человека.

«...один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование».

«...если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность — никто об этом не должен знать. Найти в себе силы улыбаться, найти силы презирать несчастье. **Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить.** Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий. Счастье делается нашим нравственным обязательством...»

«...как будто в порядке какой-то иронии, в нашей педагогике особенно надеются на значение интереса. Решительно все должно подноситься нашим ребятам в занимательном виде, в образе какого-то вкусного пирога, все должно заинтересовать, все должно пройти через их психику по специально облегченным путям, без усилия и напряжения с их стороны,

без неприятностей... **Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить наших детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления своей личности, ...приучая ребят идти не только за своим интересом, занимательностью данной минуты, а за идеей создания коллективной ценности, явно полезной и для них — мы воспитываем крепких, волевых людей, способных перенести лишение с бодрым самочувствием...»**

«Правильное воспитание — это организация счастья».

«...поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий».

«...самые лучшие дети бывают у счастливых родителей... Необходимый аксессуар счастья — это уверенность, что живешь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание, ни какая-нибудь другая скверна. Счастье такого открытого, честного человека дает большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, — будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлечите ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. Нетрудно представить себе, что у счастливых родителей, которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться, — у таких родителей всегда будут хорошие дети, и они всегда их правильно воспитают».

«Между прочим, воспитание детей — это легкое дело, когда оно делается без трепки нервов, в порядке здоровой, спокойной, нормальной, разумной и веселой жизни».

к) Отношение Макаренко к психологии

«Читал все, что имеется на русском языке, по психологии. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но... глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала...»

«Индивидуальную психологию считаю не существующей».

«Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона».

«Безнадежной является попытка построить воспитательную технику при помощи дедуктивных выводов из какой угодно науки: психологии, биологии и т. д. ...»

«В настоящее время педагогическое значение таких наук, как психология и биология, очень слабо разработано».

«...в чем я убежден твердо — это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено... педагогическое средство».

IV. Значение педагогического наследия Макаренко

Из письма Антона Семеновича Максиму Горькому: «Когда я печатал сотую биографию, [воспитанников колонии] я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне пришлось когда-нибудь читать. Это — концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для горьковцев здесь нет трагедии — для них это привычное отношение между ними и миром.

Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе. В этом моя трагедия, и я ее особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от нее мы уклониться не имеем права».

В этом отрывке из письма уже проглядывается глубина личности Макаренко. Чтобы судить о больших людях и их вкладе в человеческую культуру, нужно читать прежде всего их тру-

ды. Известный восьмитомник — собрание сочинений А. С. Макаренко, выпущенный в 1983–87 годы, можно считать лучшим изложением всей педагогической науки по сегодняшний день. Лучшим изложением для учителей и родителей, а не для ученой среды, которая пишет преимущественно сама для себя и поэтому очень заумным языком, якобы научным. На этот счет Антон Семенович неосторожно для своего времени язвил:

«...для нас, практических работников, даже трудно решить, что же это такое — педагогическая теория... Мы просим вообще считать педагогику наукой, которая нужна прежде всего нам, практическим работникам, и которая для нас специально существует, и просим не считать, что мы и наши воспитанники существуем для педагогической науки».

«Теорию я так высоко ценю, что даже самому страшно становиться. Только то, что у них есть, — это не теория, а болтовня».

Педагог-практик (его книги переведены более чем на 50 языков мира, признан ЮНЕСКО) по сути дела ставит вопрос: является ли теория наукой, если ее не понимают практические работники? Или наука — это сокровенные тайные знания египетских жрецов, недоступные учителям с высшим образованием и недоступные родителям — воспитателям своих детей? Кроме профессоров есть еще одна категория людей, выпускаемая специально для школ непосредственно от науки, — студенты педагогических вузов. Они, к сожалению, тоже являются в школы, как народившиеся, знающие о воспитании меньше, чем обычные родители без всякого специального образования. Этим также возмущался великий педагог: *«Наши педагогические вузы должны решительно перестроить свои программы».*

«Был у Вас на педагогическом заседании и поражался множеству страшных терминов... Иногда я падаю духом и глубоко презираю себя за подобную научную невосприимчивость, иногда же, напротив, протестую всеми фибрами души».

Ученые должны сначала идти в школу к лучшим учителям, в семьи, где дети, — так понимал Макаренко педагогическую науку — и собрать этот опыт, обобщить его. Они должны поработать в школах и подружиться с семьями, добиться положительных результатов, и только потом научно обосновывать свои выводы. Где мы видим таких ученых? Их нет ни в школах, ни во внешкольных учреждениях, ни на улицах среди

детей; они восседают на «Олимпе» — в академиях. И не могут снизойти до учителей, родителей и школьников. **Макаренко же сразу взялся работать с самыми заброшенными подростками и добился выдающихся результатов: более трех тысяч воспитанников были выпущены им в жизнь и все они стали достойными людьми. Такого исключительного результата не знает ни одна страна и ни один педагог в мире во всей истории педагогики. И ко всему этому им написаны тома книг, составляющие самую современную и самую прогрессивную науку о воспитании** (в электронной версии сейчас опубликованы девять томов, и дополненное собрание далеко не полное из того, было написано гением педагогики). Написано ярко, научно, понятным человеческим языком. После Макаренко читать трактаты казенных профессоров совсем невозможно. Образно значение наследия великого педагога можно выразить так: есть Академия педагогических наук, а есть еще Макаренко.

Академии, конечно, тоже могут иметь своих энтузиастов и добросовестных работников, но Макаренко во всей педагогике — глыба. И в теоретической тоже. Поэтому он и ученых титулов никаких не получил: оракулы от науки ими его не удостоили, поскольку он их противоположность. Зато сколько «научных» диссертаций защищено на его имени! И какая в этом ирония: получать ученые титулы за переписывание мыслей педагога-практика, которого «ученые» и ученым не признавали и не признают.

...После советских времен с наукой все стало намного хуже: ее цепко опутывает сейчас псевдонаука, которая, конечно, рядится в академические мантии и пишет языком обособившейся касты.

Некоторые макаренковеды, изучающие великое наследие, много хорошего сказали о своем кумире, но почему-то постеснялись назвать его гением. Но кто же тогда гений педагогики, если не педагог, выпустивший в большую жизнь настоящими людьми тысячи человек и создавший новое педагогическое учение? Или человечеству известны еще подобные примеры?

История педагогики имеет много известных имен. После средневековья, т. е. с началом буржуазных отношений в Европе (самом передовом на то время субконтиненте) возникла большая потребность в школах. Капитализм тогда еще нес в себе прогресс, и с ним явились яркие просветители, педаго-

ги, дидакты. Самым выдающимся из них был Ян Амос Коменский (1592–1670) — чешский педагог-гуманист, основоположник буржуазной педагогики и создатель классно-урочной системы. Он жил и работал во многих европейских странах. Его «Великая дидактика» была образцом организации учебного процесса. Коменский посвятил свою жизнь воспитанию и преподаванию, организации школ в нескольких странах, написанию капитальных трудов по дидактике и педагогике. Ж. Руссо, Г. Песталоцци, А. Дистервег, Ф. Герbart и многие другие — это известные миру продолжатели педагогического дела на протяжении нескольких веков. Но Ян Коменский — гений среди них во всей буржуазной педагогике. И в каждой стране нередко объявлялись свои замечательнейшие просветители. В царской России с зарождением капитализма тоже начинает активно развиваться педагогическая мысль. Среди российских педагогов XIX века самым выдающимся был К. Д. Ушинский (1823–1871) — основоположник российской научной педагогики, организатор народных школ, «учитель российских учителей». Он — то же, что Коменский в масштабах своей страны. До него и после были еще педагоги-просветители: Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, критики-демократы В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, также супруги Водовозовы, П. Ф. Лесгафт и многие другие. Но «учителем учителей» в России до революции остается Ушинский.

А. С. Макаренко — педагог новой общественной формации, социалистической. И он ставит новые задачи на уровне другой зарождающейся эпохи. После революции, которая разбила все старые оковы, в том числе и в образовательных учреждениях, Антон Семенович не ставит цель образовывать шпану с улицы. На ощупь он сразу берется за великую цель — перевоспитать беспризорников, дать им самый очеловеченный опыт в жизни. Уже в этом величие педагогики Макаренко. В колонию и коммуну поступали впоследствии трудные дети из семей. Со всеми абсолютно воспитанниками он не начинал с книжек и учебы в школе, он начинал с характера, с привычек воспитанников. И от целей сначала перевоспитания, а потом и нормального воспитания шел к средствам, вырабатывая педагогическую технику, основу которой составляют коллективизм и участие детей в производстве, а не потребительское блаженство. **В педагогической технике Макаренко воспитателем для всех (и педагогов, и воспитанников) был**

общий коллектив колонии. Это совершенно новая педагогика с новыми принципами и методами, с детальной педагогической техникой. Главное в ней уже не развитие школ и преподавания, а воспитание нового послереволюционного поколения. Интуитивно в 20-е годы XX века по зову новых идей многие учителя-энтузиасты ставят в первую очередь задачи воспитания, а потом уже преподавания (мало ли образованных подлецов встречается в жизни). Эти большие воспитательные задачи, исходящие от низовой инициативы, в 30-е годы, были отодвинуты властью. Нажим был сделан в основном на задачи преподавания, а в воспитании преобладала уже идеология советской партократии. Поэтому советское образование поминается сегодня хорошо не только ностальгирующими по прошлому россиянами, но и многими преподавателями и педагогами за рубежом. Поэтому же болячек в воспитании в советском обществе было намного больше, чем в преподавании. И в общем, про советскую дидактику можно сказать, что она была на высоте, чего нельзя сказать о воспитании. Шпана и «трудные» подростки (капризные эгоисты) были в каждой школе. Все это помнит поколение старше 40 лет.

Поскольку мир пребывает сегодня в умопомрачении от реакционного империализма, постольку и школа во всех странах находится в глубочайшем кризисе. Но на советскую школу учение Макаренко все же значительно повлияло, по крайней мере, учительство придерживалось коллективизма и не барского отношения к труду. Книги великого педагога читали очень многие учителя и родители, вдохновлялись ими, брали отдельные элементы. Брали больше энтузиасты: насколько им это позволялось чиновничеством и даже если не позволялось. Канонизированное макаренковское учение сильно не совпадало с действительной практикой школы. Этим Макаренко был не очень удобен даже в позднее советское время, и его разбирали по частям, внедряли лишь элементы его системы. А для буржуазной педагогики учение Макаренко — кость в горле, прежде всего за коллективистскую основу. Поэтому у себя на родине после перестройки о нем в школах и не вспоминают, а в интернете все официальные пропагандисты упражняются в перевирании его учения. За рубежом есть, конечно, переведенная «Педагогическая поэма», но в общем мусоре бестселлеров она сразу же теряется.

Макаренко революционизировал всю педагогику прошлого так же, как Коменский в свою наступающую буржуазную эпоху вышел с «Великой дидактикой» против средневековой зубрежки и схоластики. В «Педагогической поэме» Антон Семенович скептически высказывался о педагогической мысли прошлого.

«Меня возмущали безобразно организованная педагогическая техника и мое техническое бессилие. И я с отвращением и злостью думал о педагогической науке: "Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то шарлатанство".»

Подобные высказывания дали повод многим критикам говорить о том, что Макаренко отрицал теорию вообще. Макаренко отрицал отжившую теорию, создавая новую. Он революционизировал всю педагогику не в том напуганном смысле, как понимают революцию добропорядочные буржуа или мещане, а в том, как, например, Дарвин революционизировал биологию и весь живой мир учением об эволюции и происхождении видов. И соответственно Макаренко, как и Дарвин, крайне неудобны буржуазной идеологии (первый — коллективизмом, второй — отрицанием бога). И поэтому официальные авгуры на них клеветают и их перевирают, как и других величайших людей. Но судьба великих людей такова, что к ним снова и снова обращается человечество, особенно в пору кризисов и поиска выходов из них. Макаренко всегда будет востребован энтузиастами сегодня, а еще больше — в пору более справедливой общественной жизни.

Также многими мудрецами перетирается еще такое мнение: методы Макаренко якобы работали только в его собственных руках. Дело, конечно, не в руках, а в том, что сегодняшняя система образования не приемлет не только великого педагога, но и каждого сколько-нибудь самостоятельно думающего учителя.

Про теорию. Антон Семенович был энциклопедически образованным человеком. Это замечали еще бывшие его преподаватели в Полтавском учительском институте. То же подчеркивали многие его коллеги, выросшие воспитанники, близкие

люди по Харьков и Москве. Багаж прочитанных им книг по истории, художественной литературе, педагогике... перечислил брат педагога Виталий Семенович в книге: «Мой брат Антон Семенович», написанной в эмиграции. Перечень прочитанных книг изумляет! Глубоко зная педагогические труды предшествующей педагогики, Макаренко не остановился на них. Он взял из них все лучшее, но еще больше — из своей, убеждающей всех, кроме чиновников, практики. Трактатов о воспитании много. Но у самых выдающихся педагогов — Коменского или Ушинского в нашей стране, а вслед и Макаренко, простой, понятный и вместе с тем богатый язык, в отличие от сегодняшнего казенного академического.

Макаренко — это небывалый во всей педагогике опыт по результатам, это целостная и самая передовая наука о воспитании на основе практики; это наука, изложенная доступным и в то же время богатым языком. Нам предстоит еще долго дотягиваться до Макаренко, усваивать его учение, чтобы сполна оценить его личность и его вклад в педагогику. Им созданные наука и практика о воспитании начнут внедряться в жизнь тем больше, чем здоровее пребудет общество.

О Макаренко написаны тысячи исследований. Не все они добросовестны. А в интернете вообще навалено много мусора в виде сплетен. Большая часть подобной писанины направлена на то, чтобы уравнивать великих людей с мещанским обывательским сознанием. Объективно оценить любого автора мы сможем лишь, почитав его самого. Но за восьмитомник возьмется не каждый. Тогда хороши будут две книги: «Педагогическая поэма» и «Книга для родителей». Ну, и прибавим, что они хороши будут лишь для пытливого ума.

Ценными сведениями о Макаренко, а также его последователях будут еще воспоминания воспитанников, коллег и близких друзей Антона Семеновича. В конце концов, все серьезные макаренковеды опираются на автора и его современников. Начать можно с книги «Воспоминания о Макаренко», вышедшей в 1960 году под редакцией Н. А. Лялина и Н. А. Морозова. Также подробно о коммуне им. Дзержинского и о своем учителе рассказал Леонид Конисевич в книге «Нас воспитывал Макаренко», вышедшей в 1993 году. Эти две книги (здесь далеко не все воспоминания современников) широко дополняют представление о педагоге и его педагогической системе.

Макаренковеды послесоветских лет, кроме всего, опираются на два зарубежных источника, которые были неизвестны в советское время: на книгу эмигранта Виталия Семеновича «Мой брат Антон Семенович (Воспоминания)» и исследования немецкого доктора философии Гетца Хиллига, заведующего лабораторией «Макаренко — реферат» в Марбургском университете.

В 1993 году мы с женой общались с доктором Хиллиг у него дома. Нам было интересно узнать об отношении к советскому педагогу иностранного специалиста. Гетц Хиллиг — человек очень простой в быту, принял нас запросто и рассказал о родном брате Антона Семеновича, которого он вместе с французом Зигмундом Вайтцем отыскиали во Франции в 1970 году. Они же убедили его написать воспоминания о брате, начиная с родословной семьи.

Эти воспоминания очень интересны: в них много ярких деталей из детства и юношества братьев и всей семьи. Но эта книга также наполнена эмигрантской обидой, ограниченностью понимания всех советских условий, неприятием многого из педагогики Антона Семеновича и, конечно же, неприятием революции. Этим неприятием революции и социализма родным братом педагога Макаренко прежде всего пестрит интернет, отражающий заданную сегодняшнюю идеологию.

Доктор философии Хиллиг (периодически он возглавлял или был вдохновителем Международной Ассоциации макаренковедов в послеперестроечный период; умер в 2019 году) много рассказал нам о переводах книг Макаренко в Германии и правильно ставил вопрос — «освободить учение педагога от идеологии партии». Но он не поставил самого главного вопроса. Почему опыт выдающегося педагога Макаренко, которым он восхищался, был неприемлем для буржуазного общества в принципе, например, в Европе?

Некоторые из макаренковедов стран бывшего СССР писали и пишут о широком распространении опыта советского педагога в европейских странах и Японии. Это, конечно же, преувеличение. Скорее есть признание опыта Макаренко за рубежом не столь уж многими энтузиастами. При всех разнотолках о Макаренко в каких угодно источниках хочется пожелать родителям и учителям познакомиться с гением педагогики, с его главными книгами и воспоминаниями его воспитанников.

2024 г.

V. Приложение

а) Цитаты Макаренко о бюрократии и псевдоученых

«Нас хвалили только простые посетители. А для ревизии коммуна — самое лучшее упражнение в критике, и не одна ревизия от этого не отказывалась... Каждая такая ревизия выбивает нас из нормальной работы приблизительно на месяц».

«Перевоспитание правонарушителей разбито у нас по многочисленным учреждениям. Если прибавим к ним еще более многочисленные учреждения для беспризорных детей, то получается довольно цельная, но печальная картина. При нашей бедности на педагогические силы и при общей неприспособленности нашей интеллигенции к серьезной работе мы непременно должны были прийти к тому (и пришли), что средняя воспитательная работа колоний не имеет ни стиля, ни системы. Карликовые хозяйства колоний, украшенные тремя-четырьмя ремесленными мастерскими, представляют прямо ужасный фон определенно мелкобуржуазного оттенка, на котором даже талантливый коллектив никакого пролетарского рисунка не добьется».

«Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора выгнать из коммуны ("вы должны его исправлять, а не выгонять"), — это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и "переживаниям" личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!»

«...самое замечательное, что есть в коммуне, — это коммунарский коллектив. Его не заметили, как не замечают здоровье... у нас раздали награды за копию немецкой шлифовалки и не заметили первого в Союзе выпуска рабфака беспризорных».

«Суждение о работе детского дома часто происходило по одному рецепту. Проверялась не действительная работа, не ее результаты, а исключительно номенклатура общих рекомендованных средств: производилась ли общественно полезная работа, не употреблялись ли наказания, имеются ли органы самоуправления, есть ли простор для инициативы, имеется ли самокритика. Если все это налицо, значит, дело поставлено хорошо, если чего-либо нет, значит, плохо. Такой простой способ измерения, с одной стороны, представляет широкий

простор для всякого очковтирательства, с другой стороны, он очень скоро превращается в догматический шаблон, мертвый список, в содержание которого не способна пробиться жизнь»

«Эта кучка обитает на Олимпе, ...которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов. Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики. [Они с Олимпа] на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику. С другой стороны, и презируемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать, «партизанская теория».

«Я с 1920 г. организовал и заведовал колонией им. Горького сначала в Полтаве, затем под Харьковом, сделал ее известной всей Украине и РСФСР, и в значительной мере и за границей; результаты моей работы и работы подобранного мной педагогического коллектива были по меньшей мере удовлетворительны, и все-таки это не мешало в течение всех восьми лет травить меня и нашу работу разным совершенно бездельным людям, которые занимались исключительно тем, что выигрывали на высказывании разных похвальных взглядов и педагогических премудростей.

Окончилось все это тем, что меня заставили уйти из колонии и при этом почти сознательно пожертвовали ценностью учреждения. Немедленно после моего ухода начали применять в работе разные шаблонные патентованные средства, и в последнем счете сейчас эта колония стоит на границе развала и безусловно через год или полтора будет расформирована».

«И в Прилуках собрано обычное наше беспризорное общество: конечно, запущенное, конечно, состоящее из людей, усвоивших навыки и украсть, и нахальничать, и хулиганить. Но привести это общество в порядок при известном труде далеко не так сложно, как это рисуется. Все эти ребята в подавляющем большинстве вовсе не поклонники беспризорного несчастья, все они хотят учиться, все хотят работать, все хотят спать в чистых спальнях, все хотят быть настоящими людьми. Я утверждаю, что это совершенно нормальные люди, уличные привычки которых ликвидируются довольно быстро при хорошей работе педколлектива...».

«...я уехал из колонии, даже не простившись с ребятами и товарищами, уехал ранним утром, как будто в отпуск, и больше в колонии не был. Я тем более должен был так поступить, что в колонии тогда оставались на работе все мои друзья, с которыми я вел колонию 8 лет. Волновать ребят и проливать слезы мне представлялось вредным для самого дела. Вся эта моя дипломатия оказалась напрасной: кроме меня нашлось много охотников приложить руки к колонии. Прежде всего стравили персонал — большинство старых работников не могло выдержать постоянных обвинений в "макаренковщине" и ушло, кто куда мог. На место завкола долго искали педагога, не нашли и назначили неграмотного столяра, человека хорошего, но, разумеется, неспособного справиться с 400 характерами наших горьковцев. Он скоро сделался предметом насмешек со стороны ребят и, вероятно, должен будет скоро уйти. Колония пока что держится благодаря нечеловеческим усилиям Весича, м. б. помните, человека с рано поседевшей головой. Он был при мне заместителем заведующего и остался им и теперь. Много зла приносит в колонии Гойдарь, бывший заведующий одной из колоний в Полтаве, уволенный за побои и теперь старающийся восстановить свое реноме в должности заведующего педагогической частью колонии им. Горького. Колония благодаря его деятельности принимает постепенно обычный вид наших детских домов: ленивый шкурнический персонал, кое-как отбывающий свои часы, склочный и вздорный, готовый из-за каждого пустяка утопить товарища, подсидеть, донести. Ленивый, скрытый, сонный ребячий состав, смотрящий на колонию, как на временное пристанище, как на «казенный» котел, в котором можно пожить до того счастливого времени, когда можно будет устроиться на какой-нибудь работе, пить водку и носить клеш. Поэтому отношение к колонии у ребят сугубо утилитарное — уже сейчас дошло дело до кражи пассов в столярной мастерской и на электростанции.

Для того чтобы подкупить ребят, откровенно брошен лозунг: "Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить". Но учить некому, да и какая учеба без рабочего настроения, без рабочего пафоса, без рабочих традиций. Разрушение этих традиций главное зло. Их нельзя сделать в неделю при помощи безответственной болтовни, они создаются годами, в колонии Горького они складывались в течение восьми лет.

Для чего нужно было губить нашу колонию, трудно сказать. В самый день Вашего пребывания в колонии туда приехал предглавсоцвосо Арнауты и поставил мне ультиматум: или перейти на обычную соцвосовскую систему или уйти. На другой день после Вашего отъезда я сдал колонию, не мог же я серьезно поставить крест и над своей восьмилетней работой, и над самой колонией».

«Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В Наробразе давно исчезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории».

«...усилия губнаробраза всегда были направлены к тому, чтобы условия работы воспитателей сделать более тяжелыми».

«Не нужно Вам ничем помогать нам... если судьбы здоровой детской колонии зависят от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить все наше дело и бежать куда глаза глядят».

«Если вычеркнуть из досужих педагогических разглагольствований все украшающие революционные фразы, термины и призывы, то в полученном остатке мы найдем конгломерат самых разнообразных идеологий, теорий и систем. Больше всего здесь окажется отрывок свободного воспитания, толстовства, непротивленчества. На втором месте стоят сентенции так называемой социальной школы Дьюи и Наторпа, потом немного соленой воды бременицев, наконец, так называемая общественно полезная работа... труд, но в педагогической литературе он рекомендовался в формах какого-то «хождения в народ».

...А взгляды на дисциплину, на положение личности в коллективе охотно списывали из Руссо. "Относитесь к детству с благоговением. Бойтесь помешать природе" — под такими словами подписывались многие педагоги-теоретики и деятели нашего соцвосо. На педагогических конференциях случалось услышать разглагольствования о "правах ребенка", а отвлеченные рассуждения о педагогических идеалах, собственно говоря, держались на "Декларации о правах человека и гражданина" с небольшими добавлениями из Толстого и новейшего европейского индивидуализма. Станным образом с этим

уживалось представление о "среде", взятое из популярно изложенного Дарвина... Исходя из этого багажа, при помощи самой нехитрой дедукции выводились постановления о должном педагогическом средстве...»

«На Всероссийском совещании по педагогическим наукам в апреле 1937 г. был поставлен специальный доклад: "Методические принципы воспитательной работы"... Доклад имеет такой вид, как будто цели воспитания автору и слушателям давно хорошо известны... в нем проглядывают уши известного немецкого педагога Гербарта, который, между прочим, почитался и царской официальной педагогикой, как автор так называемого воспитывающего обучения».

«Буржуазная педагогика начала XX в., разрываемая на части многочисленными школами и новаторами, бесконечными колебаниями от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, могла казаться революционной наукой, потому что выступала под знаменем борьбы с казенной школьной муштровкой и официальным ханжеством. Но для чуткого уха уже и тогда были основания весьма подозрительно встретить эту "науку", лишенную прежде всего настоящего научного базиса... Педологи [псевдоученые] сумели сохранять самое жреческое выражение во время подобных манипуляций, а мы, развесив уши, слушали их и даже чуточку удивлялись: откуда у людей такая глубокая ученость? ...[они] нагородили непроходимые ворохи и всякого идеалистического словесного хлама, вплоть до свободного воспитания и гармонической личности, рассматривали его не как гражданина и будущего работника, а как биологическую игрушку для нашего этого самого сердца или как хороший прибор для упражнений в разных логических трюках... Наробразы только и знают, что "реорганизуют детские дома"... У меня и сейчас есть воспитанники, которые ни разу ниоткуда не бежали, но которые, тем не менее, перешли через в о с е м н а д ц а т ь детских домов».

«Прекрасные, прогрессивные педагогические идеи сплошь и рядом прикрывали полную научную пустоту, кое-как замещающую совершенно домашними и совершенно дикими средствами. И в последнем итоге тон давался вовсе не школой, а семьей, улицей, переменной между уроками, вообще теми минутами, когда нет возле нас педагога».

«...Я ходил по начальствам. К сожалению, по линии ГПУ ничего сделать не удалось... Они прямо мне говорят: "Вы ин-

тересный работник". Но у них самих ничего интересного нет, и вообще ад здесь крошечный... Познакомился с целой кучей заведующих, и они все в один голос жалуются: скверно, склоки, безденежье, реорганизации, завиральные идеи... Но об этом подробнее при встрече» (из письма Г. С. Салько, 1929 год).

«Сейчас в ГИХЛ»е лежит моя рукопись... В редакции относятся к ней очень сдержанно... А самая дорогая для меня книга, давно законченная, "Горьковцы" [вариант "Педагогической поэмы"], листов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь».

«...Я растрчивал свои силы, растрчивал при этом не столько на дело, сколько на преодоление самых разных предрассудков».

«Здесь в Харькове организован Комитет для открытия новых детских трудовых коммун на 12 000 человек... Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуну на 12000 детей на берегу Днепра... представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле, и настоящих энтузиастов... Не денег жалеют, а просто боятся поднять серьезное большое дело, боятся тронуться с насиженного, хотя и дрянного места...».

«Детиздат — это филиальное отделение Наркомпроса... там я встретил такую ненависть к себе... Еще не прочитав книжки, они уже смотрели на нее с презрением».

«...Уже сейчас вижу, что никакой хорошей пьесы о школе написать не могу. В реальной нашей школе нет ничего такого, что могло бы меня увлечь как художника, а выдумывать и врать не умею».

б) Дополнительные цитаты

А. С. Макаренко о воспитании

«Я спас остатки своего дела в коммуне им. Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала... За прошедшие четыре года дзержинцы многого достигли: давно уже перешли на полную самокупаемость, открыли у себя рабфак, построили новый во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных... В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека».

«Много моих воспитанников сейчас работают в Союзе, и они до сих пор с гордостью называют себя горьковцами и не теряют связи ни со мной, ни друг с другом».

«Мои коммунары вышли главным образом в вузы, человек 70 — в летчики. Многие коммунары в разных частях Красной Армии».

«Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывает и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом коллектива, гражданином Советского государства».

«Я бываю во многих школах, у меня закаленные нервы, нервы-тросы, и вот, когда я захожу в такую шумную школу, у меня начинается нервный тик. А ведь дети в течение десяти лет находятся в школе. Но мы должны быть "педагогичны" и своих чувств не обнаруживать. У нас иногда только губы дрожат, по ночам не спим, или это накопившееся раздражение обрушивается дома на близких. Было даже такое глубокое убеждение, что учительская работа — нервная работа и учитель должен быть обязательно неврастеником. Я над этим задумывался очень давно. И потом увидел, какое благо полный порядок: никакого крика, никакого бега. Хочешь побегать — вот во дворе площадка, а если хотите кричать — не кричите! Надо побережь и нас, ведь мы, учителя, — государственная ценность, и нас, ребята, поберегите».

«Ге-ч мальчик очень гнилой. Тов. Б-н представил его как продукт несчастного влияния Ярошенко. На самом деле это не так. Ге-ч очень развит, умен, циничен, нахален, своекорыстен, смел и, самое главное, имеет возмутительный моральный опыт: он никого не уважает и ничего не уважает... Такие люди ставят себя против общества совершенно сознательно, не пытаясь никакими признаками логики как-нибудь оправдать свою позицию. Я знаю происхождение такого типа и знаю, что перевоспитание их дается очень тяжело. Оно вообще возможно только в том случае, если перед такими людьми поставлена сильная воля, которая на них регулярно

давит, которая приучает их к сопротивлению общества. Манипуляции с убеждением приносят только вред, ибо только дают простор для упражнений в циничной логике, что же касается "влияния доброго сердца", то оно производит прямо противоположный эффект по отношению к ожидаемому».

«Если бы меня спросили, с чего бы я начал в нормальной школе, я начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что у них будет через два года. Я убежден, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение, и, может быть, у нас так много еще ошибок в организационных формах, потому что мы еще и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность».

«Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития».

«...Чрезмерное самообслуживание, принявшее формы напряженной борьбы за существование, разумеется, очень часто приводит к границам отчаяния, а самое главное, вынуждает сокращать более полезную работу в мастерских. Но в этой напряженной борьбе, нужно признать, есть и свои хорошие стороны. Воспитательное значение этой коллективной работы огромно. Может быть, только благодаря ей колонии удалось создать крепкую и дружную семью и найти интересные и оригинальные формы внутренней организации. Внутренние скрепы в колонии настолько значительны, что механическое их нарушение почти невозможно. Вот почему уход одного из воспитателей или воспитанников ощущается всеми как урон, очень заметно. Благодаря этому перевоспитание детей, главная особенность которых заключается в отсутствии здорового социального опыта, совершается более или менее нормально».

«Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет,

если все это исчезнет вместе со мной. Мне понадобится два года».

«По закону в колониях, подобных нашей, запрещено совместное воспитание. Я добился давно присылки девочек в качестве опыта, и теперь именно совместное воспитание много мне помогает. В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На ее глазах, когда ей было 11 лет, ее мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после того перебивала во многих притонах, тюрьмах и колониях, отовсюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьезное, но взгляд жесткий и какой-то остановившийся. Она у нас живет с месяц, послушна и вежлива, но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на нее никакого внимания, держать строго деловой и вежливый тон, чуждый лишних слов и сентиментов. Только к концу месяца я наконец поймал первый ее внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит еще более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно».

«Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану. Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю и воспитанию. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска... не должно быть в нашей жизни... Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред... Если он любви воспитанников не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе. Такой коллектив воспитателей, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуаль-

ной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей».

«...Учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь».

«Основными проблемами педагогической науки считаю:

1. Создание научного метода педагогического исследования. В настоящее время считается азбукой, что объектом педагогического исследования является ребенок. Мне это кажется неверным. Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).

2. Усиление внимания к детскому коллективу как к органическому целому, для этого необходима перестройка всей психологии школьного работника.

3. Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.

4. Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона.

5. Русская трудовая школа должна совершенно перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической».

«Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним. Человек не воспитывается по частям, он создается синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается. Поэтому отдельное средство всегда может быть и положительным, и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных.

Целесообразность и диалектичность педагогического действия в советской педагогике могут быть организованы только опытным путем».

«Нормальный человек не может адаптироваться к "социальной помойке", в условиях помойки воспитывается только хорошо адаптированная сволочь».

«С родителями дело очень трудное. Я сейчас почти каждую шестидневку с ними встречаюсь в том или другом собрании, рассказываю им о разных педагогических тонкостях, но разве можно в нашем деле что-нибудь рассказать в один вечер».

«...Педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в простом администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развернутой системе школьного самоуправления».

«Я со своими ребятами совершил 8-летних походов. Во время походов все идет по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстоит от первого. Там самые маленькие. У них командир. Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: "Антон Семенович, первый взвод займет палатку, а как же корешки будут. Отдельно? Мы хотим с ними вместе". И мы разрешили такую вещь: последние три взвода, т. е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и корешки. Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух. Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих корешков, переписывались с ними. Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за три километра бежал встречать его. Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень много достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя».

«Талант только в небольшой мере принадлежит биологии, что в самом основном своем блеске он всегда обязан благоприятным влиянием общества, работы, культуры и знаниям».

«Хорошее в человеке приходится проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться».

«...не так просто человеку увидеть в себе самом "мудрые силы строителя"».

«...в некоторых случаях... бить фронтально человека нельзя, он остается без защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться».

«Но хуже дело обстоит, когда от человека требуется не героическая вспышка, не героический неожиданный подвиг, а длительная, мучительная нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме. Для такой работы наш характер не очень воспитан...».

«Честность коммуниста должна отличаться от честности так называемого хорошего англичанина. Ведь и в Библии есть указание на честность. Наша честность требует положительного единства между трудящимися, уважения к каждому трудящемуся, уважения к своему маленькому коллективу и к коллективу всего советского общества, уважения к трудящимся всех стран».

«Поэму я написал в 1928 г., сразу после оставления колонии им. Горького, и считал ее настолько плохой книгой, что не показывал даже ближайшим друзьям. Пять лет она лежала у меня в чемодане, я ее даже в письменном столе не хотел держать. И только настойчивость Алексея Максимовича заставила меня, наконец, с большим страхом отвезти ему первую часть и ждать с трепетом приговора. Приговор был не очень строгий, и книга увидела свет».

«Мой мир — мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...» (письмо Г. С. Салько, 1927).

«Как раз же коммунары, которые состоят в нескольких кружках, очень много делают. Как правило, ничего не делают те, которые состоят только в одном кружке или даже не в одном. Они и учатся хуже».

«Я не смотрю на педагогику как на искусство. Не смотрю! Я на нее смотрю как на педагогику, хай она скажется, но пускай она перестанет быть такой скучной...».

«Шестнадцать лет, с 1920 по 1935 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского. Это один коллектив. Если вы читали "Педагогическую поэму", вы помните, что когда меня Наркомпрос Украины "ушел" из колонии им. Горького, то я перешел в коммуну, здесь, у вас, в

Харькове. И там уже было пятьдесят моих горьковцев. А вслед за мной еще сотня горьковцев перешла в коммуны им. Дзержинского. Так что фактически коммуна им. Дзержинского продолжала не только опыт колонии им. Горького, но и историю одного человеческого коллектива. Это имеет очень большое значение для меня и для дела, потому что продолжались и накапливались традиции, созданные в колонии им. Горького».

«Что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции, — это подход к книге как к другу, как к идейной категории, а не как к тому, что должно развлекать».

Вопрос с места: "Откуда у вас такое знание психики дошкольников?" Ответ: "Своих детей у меня нет, но есть приемные дети. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю».

«Нет более диалектической науки, чем педагогика, и поэтому ни в какой другой области показания опыта не имеют такого большого значения».

«Карабанов — начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, но Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит.

Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова.

— Бери новую колонию, будешь работать там.

— Хорошо.

Дал я ему старый совхоз, какие-то медздравовские бараки в пяти километрах от Винницы, около шоссе. Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный, дал я ему "лучших ребят". Со всей Украины собрал. Собрал настоящих "жуков", которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14–15 лет, но у него в кармане отмычки и водка.

Месяц я продержал их в приемнике. Окружил высоким забором, часовых поставил. Так эти часовые были несчастными людьми, хотя и со штыками, и с наганами. Ребята над ними просто издевались: и плевали им в физиономию, и швыряли чем попало. Что с ними сделаешь? Стрелять ведь в них не будешь. Извелся я, пока Карабанов подготавливал все к приему ребят.

Наконец получаю телеграмму от Карабанова: "Можно привозить". Погрузил я их в арестантские вагоны с решетками, поставил конвой и отправил.

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. С соответствующими выражениями уселись в грузовики. Приехали. Постели приготовлены. Накормили их, уложили спать. Все равно, говорят, завтра будем в Виннице. Ночью не видели, куда приехали. Утром проснулись — кругом степи, пусто. И бараки.

Карабанов ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братва, на вокзал. Поехали в Винницу.

Около них несколько чекистов. Уговаривают их: куда вы, дорогие ребятки, останьтесь. Они ответили им соответствующим образом и пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривают, продолжают.

Прибежал Карабанов:

— Где хлопцы?

Схватив первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит — идут хлопцы по дороге.

Он спрыгивает с коня. Поскользнулся и упал. Те к нему: что такое:

Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: несите меня в колонию. Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожненько опустили его, а он и говорит: да вы меня поставьте. Поставили они его на ноги. А он и говорит: «Ну спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти».

Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курного и говорит:

— Почему ты такой красивый?

Ребята в еще больший восторг пришли. Карабанов говорит:

— Ну что же, идите в Винницу.

— Ну пойдем.

— А может быть, позавтракаете, а потом пойдете.

— Ладно, отчего не позавтракать.

Позавтракали, да так и застряли там. Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливые, приветливые, все читали "Педагогическую поэму".

Я не стал расспрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил:

— Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?

— Наше главное достижение — Семен Афанасьевич (Смех)».

Заключение

Походы наши продолжаются. Неизбитыми маршрутами я хожу не только со школьниками, но и вожу в путешествия взрослых по самым далеким странам. Во взрослых группах — почти все родители. И после бодрых троп и удивительных ландшафтов мы где-нибудь отдыхаем... и философствуем. И, конечно, говорим о наших детях. В походах и путешествиях люди больше раскрываются и открываются друг другу. Мне приходилось слышать многие исповеди как от школьников, так и от родителей. И убеждаться, что нет другой области, как в воспитании, где было бы больше всего предрассудков.

В моих рассказах нет ничего придуманного. Каждый поход или путешествие — это калейдоскоп событий и происшествий, но мне меньше всего хотелось писать в стиле забавляющих жанров. Густые походные события и проявление в них характеров наводят каждого учителя или организатора похода на многие размышления. Я искренне поделился и размышлениями. 16 лет работы в школе тоже давали немалый опыт. Нельзя было не рассказать о школе, учениках и учителях — моих коллегах.

Самые негативные проявления характеров я постарался изложить в специальном исследовании — об эгоизме. В исследованиях обычно принято писать кучу ссылок на источники других авторов. Мне кажется, что сегодня достаточно зайти в интернет, чтобы убедиться, например, в достоверности тех или иных цитат. К тому же я больше всего опирался на такую лабораторию, как походы, где человек максимально проявляется. Использование многих цитат из проверенной временем классической литературы мне кажется рациональным, когда они силой ума могучих людей могут рассказывать о людях и явлениях особенно выразительно и верно.

Историю Педагогики мне повезло изучать не по учебнику, а по трудам известных и выдающихся педагогов. Считаю Антона Семеновича Макаренко гением, а его педагогическую систему самой прогрессивной и передовой на сегодняшний день. Считаю по результату: более трех тысяч его воспитанников стали настоящими людьми. И никто не назовет более выдающегося результата в воспитании, который еще и обоснован теоретическими трудами. Интернет часто пестрит банальностями о

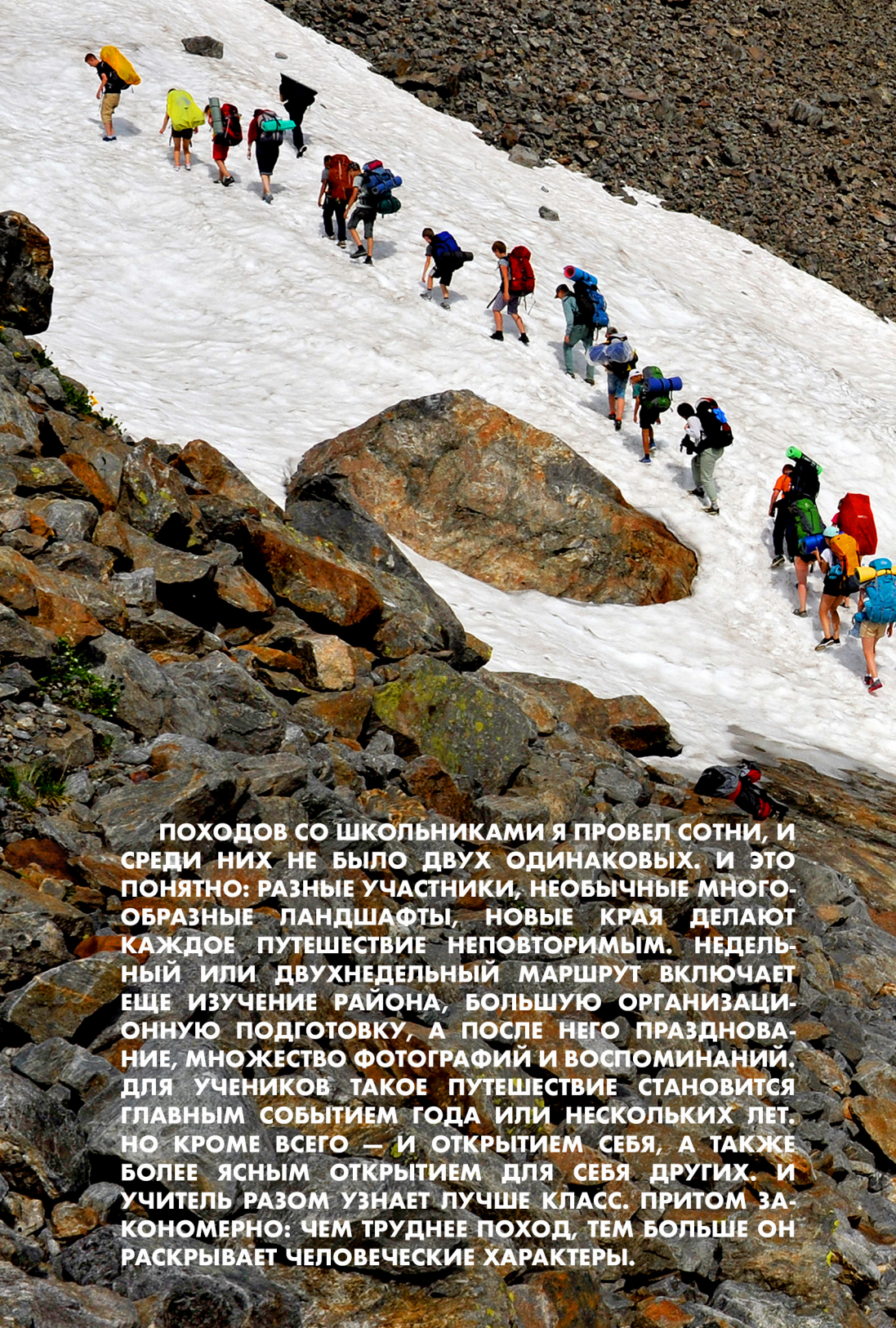
многих великих людях. Большое число цитат Макаренко мной взяты в противовес конъюнктурному мусору, чтобы показать действительного Антона Семеновича, как великого педагога и неординарного человека. Поскольку я многократно перечитывал его известный восьмитомник, посчитал нужным детально рассказать о педагогической системе Макаренко, — может быть это поможет кому-то из родителей и учителей. Не каждый, даже учитель, за перегруженностью работой возьмется читать восемь томов.

Родители и учителя каждый по-своему строят взаимоотношения с детьми. Те, кто умеют подходить к воспитанию не шаблонно, а творчески, найдут у педагога Макаренко целостное учение. Многим найденным своим формам работы со школьниками я находил подтверждение у Антона Семеновича. 30 лет мы слышим, как псевдопсихологи проповедуют: «Надо любить себя!». А у Макаренко находим — коллективизм, а не индивидуализм. На пространное добро, как на средство воспитания, уповают многие интеллигентные благожелатели, в то время, когда жизнь кругом чрезмерно сурова. И великий педагог говорит нам, что человек нужно воспитать на уровне жизни — воспитать человека-борца, а не добренькую мимозу. Я не представляю, как в горах в походной группе, где нужна взаимопомощь, можно лишь «любить себя». И мои школьники, пройдя поход, этого уже тоже не представляют.

В рассказах, которые я написал в разные годы и объединил в книгу, есть повторения. Пусть они так и останутся. Эти рассказы отчасти автобиографичны, но больше они о школе, учителях, учениках, о походах... и о характерах, которые в зависимости от обстоятельств меняются. Мне хотелось рассказать о своем опыте работы со школьниками и о других педагогах, у которых я учился. И еще, мы все учимся у своих детей, а учителя также — у своих учеников. Об этом тоже есть немного в книге.

Содержание

Предисловие.....	3
Глава I. В Оренбурге	
Трудный класс (повесть классного руководителя)....	7
Глава II. В Ленинграде	
Учителя и школа	48
Глава III. В Гамбурге	
Поход в Доломитах и отдых на море	95
Устав похода.....	128
В Санкт-Петербурге и поход в Хибинах	130
Мой друг Сашка Корочкин.....	162
Наташа Дергачева	170
Глава IV. Педагогический ракурс	
Ему ничего не интересно.....	175
Об эгоизме.....	191
Антон Семенович Макаренко	250
Заключение	317

ПОХОДОВ СО ШКОЛЬНИКАМИ Я ПРОВЕЛ СОТНИ, И СРЕДИ НИХ НЕ БЫЛО ДВУХ ОДИНАКОВЫХ. И ЭТО ПОНЯТНО: РАЗНЫЕ УЧАСТНИКИ, НЕОБЫЧНЫЕ МНОГО-ОБРАЗНЫЕ ЛАНДШАФТЫ, НОВЫЕ КРАЯ ДЕЛАЮТ КАЖДОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НЕПОВТОРИМЫМ. НЕДЕЛЬ-НЫЙ ИЛИ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ МАРШРУТ ВКЛЮЧАЕТ ЕЩЕ ИЗУЧЕНИЕ РАЙОНА, БОЛЬШУЮ ОРГАНИЗАЦИ-ОННУЮ ПОДГОТОВКУ, А ПОСЛЕ НЕГО ПРАЗДНОВА-НИЕ, МНОЖЕСТВО ФОТОГРАФИЙ И ВОСПОМИНАНИЙ. ДЛЯ УЧЕНИКОВ ТАКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СТАНОВИТСЯ ГЛАВНЫМ СОБЫТИЕМ ГОДА ИЛИ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ. НО КРОМЕ ВСЕГО — И ОТКРЫТИЕМ СЕБЯ, А ТАКЖЕ БОЛЕЕ ЯСНЫМ ОТКРЫТИЕМ ДЛЯ СЕБЯ ДРУГИХ. И УЧИТЕЛЬ РАЗОМ УЗНАЕТ ЛУЧШЕ КЛАСС. ПРИТОМ ЗА-КОНОМЕРНО: ЧЕМ ТРУДНЕЕ ПОХОД, ТЕМ БОЛЬШЕ ОН РАСКРЫВАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРЫ.